

1268-2

Д. И. Эварницкій.

ЗАПОРОЖЬЕ

ВЪ ОСТАТКАХЪ СТАРИНЫ

И

ПРЕДАНІЯХЪ НАРОДА.

Съ 55-ю рисунками и 7-ю планами.

Часть II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Л. Ф. ПАНТЕЛЪЕВА.

1888.

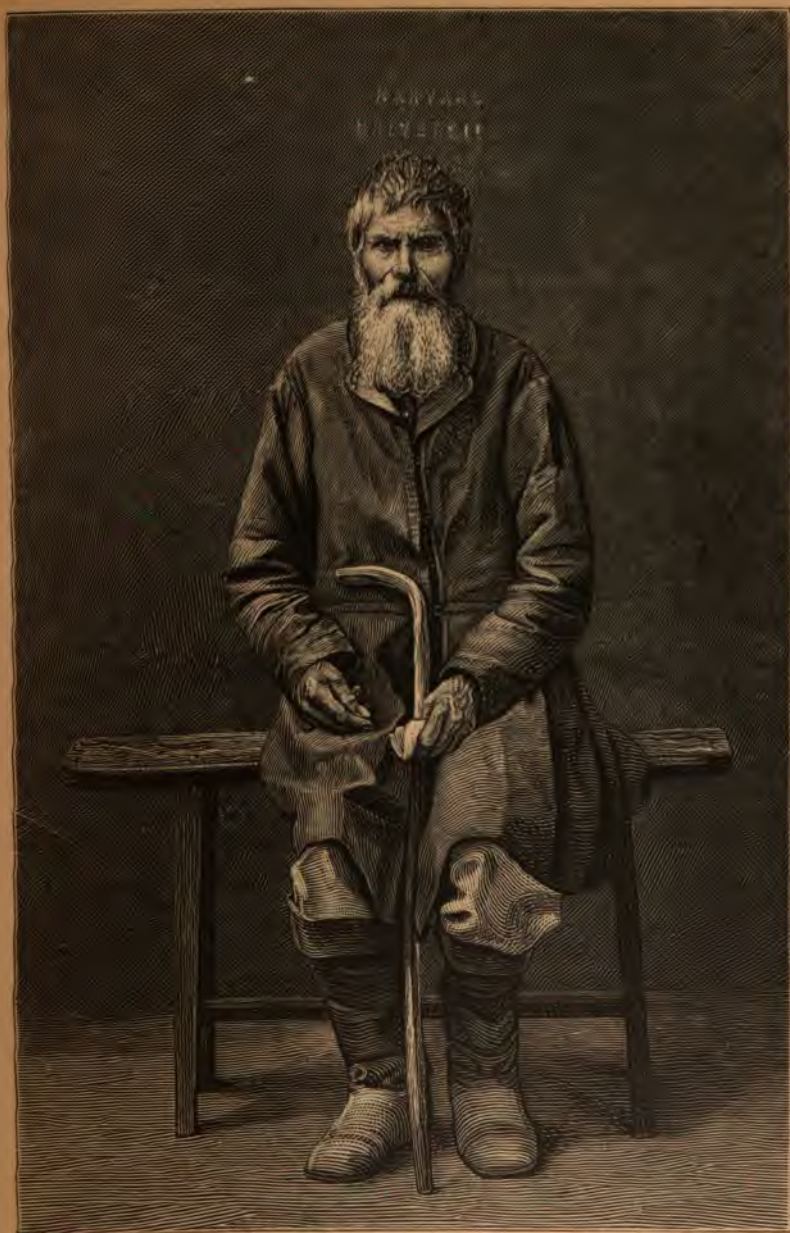
35)

✓
Slav 5522.2.3 (2)

HARVARD COLLEGE LIBRARY
DON'T FROM
DUPLICATE MONEY

April 29, 1938

Типографія Н. А. Лебедева, Невскій просп., д. № 8.

Ч. II. Рис. I.

Портретъ сташестнадцатилѣтняго старика
И. И. Россолоды.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Заворожи мени, волхве,
Друже сывоусый!
Ты вже терце запечатавъ,
А я—ще боюся...
Боюся ще погорялу
Хату руйнувати,
Боюся ще, мій голубе,
Серце поховати...
Бандуристе, орле сызы!
Добре тобі, брате!
Маєшь грызы, маєшь сылу
Е — козы литаты.

Т. Шевченко.

Въ селѣ Чернышовкѣ живетъ глубокой старикъ. Иванъ Игнатовичъ Россолода, единственный представитель павшаго Запорожья, сынъ запорожскаго козака Недоступа. По собственнымъ разсчетамъ Ивана Игнатовича, ему около 116 лѣтъ, но онъ еще двигается и по хатѣ и по двору, смотреть за маленькими дѣтьми, «доглядае» телятъ. Иванъ Игнатовичъ прекрасно сохранилъ воспоминаніе о жизни запорожскихъ козаковъ вообще и о жизни своего отца въ частности. «Мій батько жили отуть самѣ, де й я живу, а женились тоди, якъ уже розорили Сичу; якъ женились, то имъ було шестьдесятъ годъ; прыжили вони симъ сынивъ.— дочки ни одной не було; я бувъ пидетаршимъ сыномъ у батька, и теперь уси мои браты поумирали, тилько я одинъ и зостався».

Запорожье, ч. II.

«Батько дуже довго жили, а якъ умирали, то прохали по ховаты ихъ на старому кладовищи ¹⁾,) шобъ тутъ люде не топталысь по ихъ кисткамъ: воны знали, шо тутъ буде велике селище. Господь прививъ и мини богато на цему свити бачиты. И де я не выходывъ оцимы ногамы? Ходывъ и въ Харьковъ, ходывъ и въ Богодухивъ, и въ Ахтырку, и въ Красный-Кутъ, а въ Києви бувъ ажъ трычи, та все пишкомъ».

— А не страшно вамъ, дидусю, умираты?

— Ни, панечку, нестрашно, нычого не страшно. Я уже давно благаю Бога: Господи, дай смерть, та тилько съ покаяніемъ; на цимъ свити житы, тилько гриха набиратьця».

По рассказамъ Ивана Игнатовича, онъ родился въ Никополѣ, но дѣтство и юность провель вмѣстѣ съ отцомъ на мѣстѣ бывшего запорожскаго зимовника, гдѣ и теперь сидитъ хатою. Женился онъ въ полтавской губерніи, и это сложилось такимъ образомъ. Отправился онъ по какой-то надобности въ полтавскую губернію и тамъ въ одномъ хуторѣ увидаль «панночку», «закохався» въ нее да и женился. «Дворянка була, капитаньска дочка, и землю мала (имѣла) соби; тилько на одну ногу кривенька була, а людина добренна, розумна. Велике мени спасення видъ тыен женытьбы було: тоди скризь сарана тутъ литала; повыйдала хлибъ, листя на деревахъ, траву. Наставъ голодъ великий, ни въ кого хлиба нема. Такъ я було пойду до родычивъ своєї жинки, наберу у ихъ гречки, хлиба, прииду до дому тай живу». Вообще о первой своей женѣ Иванъ Игнатовичъ отзывается съ глубокимъ уваженіемъ и любовью. Но, къ великому огорченію его, любимая имъ жена очень рано умерла (спустя шесть лѣтъ послѣ брака), оставивъ ему дочь Ирину. «Теперь мой Орини годъ висимдесять буде, якъ шо жива,—вона десь помандрувала у Черноморію. Чувъ, шо у неї и диты булы, и шо у тихъ дитей диты;—то вже правнуки, та и одъ правнуковъ есть поколиня,—це вже прапра-

---

¹⁾ Теперь оно называется старымъ.

внуки». Овдовѣвъ послѣ перваго брака. Иванъ Игнатѣвичъ, спустя четыре года, женился вторично уже на простой крестьянкѣ, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей и четырехъ сыновей: Якова, Самойла, Петра, Ивана, изъ коихъ старшему 53 года, а младшему 30 лѣтъ. Онъ прекрасно помнитъ еще царицу Екатерину.

«Якъ я родивсь, то тоди була ще царица: я довольно знаю, якъ вона бигла сюди, — тоди тутъ усе мыли (каменные столбы) ставили».

Иванъ Игнатѣвичъ ведетъ жизнь по истинѣ отшельническую: уже больше пятнадцати лѣтъ не пьетъ водки и не ѣстъ скоромной пищи. «Тильки мени й скорому (т. е. скороми), шо нампушки зъ медомъ, олія та молоко, а инколи хлибця мякенького пожуешь — отъ тоби и все». Съ виду Россолода довольно высокаго роста, худощавъ, держится немного сутуловато, носить узкую, средней величины, бороду, на головѣ длинные, густые волосы, едва только посеребренные сѣдиной. (См. табл. I). На мое удивленіе, какъ это Россолода, проживъ столько лѣтъ, почти не посѣдѣлъ, онъ отвѣтилъ: «У мене поридня така, та ще й то сказать вамъ, паничу: то пустый волосъ, шо сидый». Старикъ чрезвычайно богомоленъ: каждый воскресный и праздничный день онъ пѣшкомъ ходитъ въ церковь, что составляетъ въ оба конца около десяти верстъ: лѣтомъ живетъ отдѣльно отъ семьи въ «кельѣ», построенной въ саду надъ рѣкой, на мѣстѣ отцовскаго зимовника. Своимъ аскетическимъ образомъ жизни и глубокою религіозностью онъ внушаетъ къ себѣ необыкновенное уваженіе всѣмъ своимъ односельчанамъ. Онъ говоритъ мало, потому что страшно устаеть, но за то весьма охотно и до крайности симпатично; по временамъ изъ его старческихъ глазъ каплютъ горячія слезы... И слова столѣтняго старца звучатъ, какъ гласъ какого-нибудь ясновидца, какъ слова ветхаго деньми патріарха.

Перенося съ покорностью многія тягости настоящей жизни, старикъ Россолода жалуется лишь на бессонницу да слабость силъ. Бессонница сильно одолеваетъ его.

«Оце ляжешь спати, такъ не заснешь ни за що, а такъ лежишь, тай годи; и не знаешь, чи воно день, чи воно ничь, тилько шо заплющишь очи». Не мало страданій причиняетъ старику и то обстоятельство, что ему почти невозможно лежать: «кыстки болять, тилько й лежишь, шо на спини, а на бокахъ такъ совсимъ неможно: оце на ладыхкахъ таки струпи пона-лежавъ, шо й доторкнутця неможно. А ще гиршь менй уставати: Боже якъ важко! Тай очи плохи стали, у вечери бачу, такъ якъ скрызъ сито».

Было воскресенье, когда я явился къ Ивану Игнатовичу Россолодѣ. Погода стояла на дворѣ чудесная. Прошедъ изъ двора въ садъ, я увидѣлъ здѣсь небольшую хатку, въ видѣ куреня, и приблизился къ ней; оказалось, что это лѣтнее пребываніе Россолоды, извѣстное на его языкѣ подъ именемъ «келіи». Поздоровавшись и перекинувшись двумя-тремя словами о погодѣ, я тотъ же часъ приступилъ къ разпросамъ о житиѣ-бытиѣ запорожцевъ. Россолода, будучи предупрежденъ о приходѣ къ нему «запорожскаго пана» — такъ звали меня въ селѣ, охотно отвѣчалъ мнѣ на все мои вопросы. Весь рассказъ его записанъ мной буквально, въ нѣсколько пріемовъ.

— Гай, гай, дидусю, яки жъ вы похили!

— А якъ же жъ мени, паничу, не бути похилому, якъ мене Господь держитъ на цимъ свити уже бильшь ста годъ!

— Це жъ, мабуть, Господь и держитъ васъ за-для того, шобъ знати мени одъ васъ те, шо треба.

— А шо жъ вамъ треба?

— Та треба мени роспитати васъ де шо про запорожцивъ; шо воно за народъ такій бувъ, якъ вони жили и де вони подились, шобъ по ихъ жисти и сноминати ихъ.

— Се бѣ-то, бачъ, правды у ихъ допытатця?

— Такъ, такъ, любый дидуню, правды допытатця у ихъ. А чи не чули про нихъ чого-небудъ?

— Якъ не чувъ, якъ мій батько та були ¹⁾ изъ тихъ самыхъ запорожцівъ.

— Онъ якъ!

— Такъ именно! Спершъ вони були у помішникахъ, коли, чули, при отаману Перебійнису.

— Якъ не чути? Чувъ.

— Да, такъ ото вони були у помішникахъ у пана отамана, бачили ту Сичу, може тамъ скільки разъ, ходили и на війну зъ козаками, а потімъ вийшли изъ Сичи тай силы отуть саме, де й я сижу; тутъ вони и бурдюжокъ соби поставили, тутъ и одружились, а одружились уже старенькими,— такъ, мабуть, годъ шестьдесятъ имъ було. Найлюбійшимъ сыномъ бувъ у ихъ я. Оце було якъ загуляють, якъ запьють, то заразъ и кричать: — «Эхъ, Ясько, будешъ у мене запорожець!». Вони й водили мене по-запорожськи: обриють голову, то такъ и ходишь, якъ та салотовка.

— Чимъ же вони брили?

— Бритвою! Гостра така була, шо наче вони гладять, а не бриють.

— Такъ вы, диду, изъ настоящихъ запорожцівъ?

— Изъ настоящихъ запорожцівъ, та ше й самъ трохи запорожець. бо якъ крестили мене, то батько ше й пороху пидсыпали у купиль, щобъ загартувати, бачите, изъ самого малку,—уже така поведенція була у тихъ козакивъ.

— Ну, скажить же, любый дидуню, звидкиля ти запорожци набирались?

— Звидкиля набирались? Видо-всюды. Той звидтиля приїде, той звидтиля приїде, зъ десятка до двадцатка, а зъ двадцатка до тридцатка—та такъ цила сила и набиралась. У Сичъ приїмали усякого, тилько мення переставляли: де хто съ-пидъ пана утече, приймутъ; де хто одъ батька та одъ матери бижить, приймутъ;

---

¹⁾ Малороссы объ отцѣ, даже и заглазно, говорятъ во множественномъ числѣ.

де якій жинку покине, приймуть; такъ абы, до Сичи докотывъ, то й живе тамъ, не выгонють. Заразь ему чупрыну заведуть и готовъ, заразь и зодягнуть. Оце прыйде бувало до запорожцивъ чоловікъ босый, голый, а воны его уберуть якъ пана. Та воно й дыва нема: у ихъ суконь тихъ, одежи, такъ якихъ хочешъ сортивъ и скилькô завгодно можно було достати. Отакъ воны и набирались. А инколи такъ и дитей хапали по городахъ: прыманють гостынчикомъ тай похопають. А вже на Сичи воля вольна: не захочешъ жити, иди соби хочъ заразь. Прыйшовъ якось на Сичу городывыкъ, а у запорожцивъ саме писть бувъ. треба до церкви ходити. Ставъ и винъ ходити; увесь писть ходе тай ходе. «А шо, батьку, уже мени обрыдло ходити!» — «А якъ обрыдло, то бери грошій тай йди». Дали ему три пуды миднякывъ, винъ и подавсь.

— А кому жъ воны дань платыли?

— Ажъ никому! Воны сами собою жили,—такъ, козаки, лыщари тай годи.

— И багато жъ ихъ, скажить, було?

— Точно доказати вамъ не докажу,—Богъ ихъ знае, а такъ якъ подумаю соби, то, наче тысячь двадцять и було, або й бильшь. Ёго сыла тяженна була,—того запорожця! Кажуть, будьто ихъ було сорокъ-сорокывъ, та це вже тоди, якъ воны выходили видциля. Треба було народу великого, якъ прывылля: велике було.

— А прывылля таки справди велике було?

— Прывылля такъ уже такъ, шо прывылля! Теперь такого ни близько, ни далеко нема. Та шо теперь? Теперь такъ, шо воленъ та недоволенъ, а тоди такъ, шо и воленъ и доволенъ. Недаромъ же кажуть, якъ жылы мы за царыци, или палыныци, а якъ стали за царя, такъ не стало й сухаря. Теперь якъ сказати, шо воно тоди було, такъ и не повирять. Тоди цвнты усяки цвилы, тоди травы велики росли. Ось тутъ, де теперь у насъ церква, такъ така була тирса, якъ оцей ципокъ, шо у мене въ руци, якъ глянешъ, такъ наче жито стоить; а ко-

мышь, якъ той лисъ, — издалека такъ и биліе. такъ и вылыскуетця. А шо вже пырій, ковыла, мурава, орошокъ, курай, бурунчуки, то якъ увійдышь у нихъ, такъ тилько небо та землю и выдко, — диты було гублятця въ травы. Оце пидниметця у гору, вырасте, та впять и впаде на землю, та такъ и лежить якъ та хвыля на мори, а поверхъ неи уже й друга росте. Якъ запалышь було іи, такъ вона неділи три, або й чотыри горыть. Пидешъ косыть, косою не одвернышь, поженешъ пасты коней, то и не побачишь ихъ, загощишь воливъ, тильки роги мріють. Чи выпаде снигъ, чи настане зима, байдужысьинько: хочъ якій буде снигъ, а травы не закрые. Пустишь соби чи коня, чи товарику, чи овецъ, такъ вони такъ путопашъ и пасутця, тилько коло отары и ходылы чабаньци; а якъ загощишь ихъ у траву, такъ вони помижъ нею наче комашня мріють, — тильки у вечери и вдрышь; тоди вже коло ихъ роботы, — выбирати тирсу, шо поналазе у вовну!.. А шо вже помижъ тією травою та разныхъ ягидъ, то й казати ничего. Оце якъ выйдешъ було у степъ та якъ розгорнишь траву, то полуныцю такъ и бери руками. Оціи погани, шо теперъ поразведась, ховрашкывъ та гусеныци, тоди и не чути було. Отъ яки тоди травы були!

А бжолы тией? А меду? Медъ и по пасикахъ, медъ и по зимовникахъ, медъ и по бурдюгахъ такъ и стоить було улиповникахъ: скільки хочешъ, стилько и бери; бильшь усъго видъ дыгихъ пчиль. Дика пчела скрызъ було сидить: и на комышахъ, и на вербахъ; де буркунъ, у буркуні, де трава, у травы. За нею и проходу не було: то було vyrубають дупла, де вона сидить. А лиса того? Бузынина, свыдина, вербина, дубья, грушья! Грушь було якъ напада зъ гилля, такъ хочъ бери грабли та горны валки: такъ и лежать на соньци, пока не попечутця. Садки таки були, наче сукномъ покрыти. — такъ патока зъ нихъ и тече. А товщина лиса яка була? Вербы такъ іжи-Богу десять аршинъ у обхватъ... Земля свижійша була, ништо іи такъ не вымогавъ, якъ теперъ, сниги лежали велики, и воду пускали

велику, то и дерево росло добре. А звиру, а птыци? Вовки, лысыци, барсуки, дики козы, чокалки ¹⁾), выдныхи—такъ одинъ за однимъ и бижать, такъ и пластають по степу. Вовкивъ така сыла була, шо ихъ кійками били, а зъ ихъ кожъ чоботы носили та кожанки робыли. А ижакà того, ижакà?.. И казати ничого! Були ще й дыки свыни ²⁾), таки гладки та здорови; вони бильшь усего по плавняхъ шныряли. Оце якъ побачишь у плавни яку свыню, то скорійшь кидайсь на дерево, а то хрю! хрю! чмак! чмак! та до тебе, такъ рыломъ и пре; выставе морду впередъ тай слуха, чи не йде хто; якъ забаче чоловіка, заразь до него, товкыць рыломъ! Зъ нигъ звале, тоди й давай рвати. Були й дыки кони; вони цылыми табунами ходили; косяка три-четыри такъ и ходять... А шо уже птыци було, такъ, Боже великій! Качокъ, лебедивъ, дроховъ, хохитвы, дикихъ гусей, дикихъ голубивъ, лелекъ, журавливъ, тытарвакивъ, курипьятъ,— такъ хо-хо-хо!.. Та все яки плодюци! Одна курипка выведе було штукъ двадцять пять курипьятъ за мисяць, а журавли якъ понаплодятъ дитей, то ходють та тилько крокають. Стрепетивъ сильцями ловили, дроховъ волокомъ тягли, тытарваковъ, якъ настане ожеледця, дрюками били. И шо то за сила тией птыци була? Якъ пидниметця зъ земли, сонце застеле, а якъ сяде на дерево, то й гилля не выдко: самый комьяхъ высе; а якъ спуститця на землю, то вона, наче доливка, такъ и зачорніе. А лебеди якъ заведутця битыця промижъ себе, то пиднимуть такій крикъ, шо батько було выскочуть изъ бурдюга та давай на ихъ стрелять, шобъ порозгонить, а вони пиднимутця въ гору та тилько порось-порось-порось!.. Нема теперь и тый силы рыбы, шо тоди була. Оця рыба, шо теперь, такъ и за рыбу не считалась. Тоди все чичуга, пистрюга, коропы та осетры за все одвичали. У одну тоню ии вытягали стилько, шо на весь

¹⁾ «Тойже вовкъ, тилько злийшій надъ вовка».

²⁾ «Звирь—схожіи на лысыцю, тилько живе въ води. На нему така кожа, наче пскры сыплотця, а якъ погладышь, то винъ такъ и выльщуетця». Очеvidно, рѣчь пдеть о рьчной выдрѣ.

куринь ставало. Та все тоди не такъ було. Тоди и зимы теплїйшъ були, нижъ теперь,—це вже кацаны своїми заптями понаносили до насъ холода, а тоди его не дуже чути було. Видь того тоди и сина ниhto не запасавъ, хїба тилько якъ думали йти у походъ, то для тихъ коней шо пидъ-верхомъ ходили. Тоди и урожай луччи були. — хочъ и сіяли трошки, а родило богато: якъ чотыри мишка посїе, такъ триста кишъ нажне. треба було висимъ женьцивъ, щобъ зняти те все до Покровы. Батьо мїй, и де воно те все подилося? И очамъ своимъ не вїрю! Осъ тутъ, де теперь наша Чернышівка, тутъ ни однисенькой хаты не було, одно тильки батькове прывилля, а теперь де той и народъ набрався и коли винъ те все повыводивъ. Теперь и вода перемирана, и земля переризана, а шо вже до лїса, то и казати ничего: шо на саны, шо на полудрабки, шо на оліїници, то на те, то на се, та такъ усе и повырбували. Де пряменьке, гарне та мицненьке деревце, то его заразь же й зведуть. А тутъ якъ пишла ще по лїсу товариака, то и пенькивъ не зосталось, а шо цїле було, то позасыхало, то попропало. Тай сама скоты— на ходе якъ нежива... Якъ повырбували лїса, пишла на села мошка; за нею теперь и свита божого не выдко, а бидній скотыни такъ и отдыха нема: такъ и ходе уся облита кровью. Теперь дайте вы отїй свини, шо ходе, шматокъ хлиба, то вона й здохне одъ него. А чого? Не прывыкла исти!.. Та все теперь перевелось: гадюкъ не стало, повыорали, а въ болотахъ и жабъ не чути, повыздыхали, тай болота теперь чи есть.

— Такъ отъ якъ воно було! Ну, а якъ же запорожци распоряжались тїєю землею?

— Такъ распоряжались, шо вона у ихъ була вольна, обтова; такъ, де хто оббере соби мїсто, де кому охота прыпаде, тамъ и седа, де хто живе, тамъ и владїе: ты живешъ тутъ, такъ тутъ и владїй, а ты живешъ тамъ, такъ тамъ и владїй. И Боже мїй, и батечку мїй, одинъ одъ другого оре на двадцять верстѣ! Такъ и жили запорожци. Оце выкопа соби землянку, заведе яку-небудь худобину тай кочуе. Тилько такїй зветця

уже не лыцаремъ, и не товаришемъ, а сыднемъ, або гниздюкомъ. Такъ таки й звуться: сыдни тай сыдни. Гниздюки тай гниздюки. Вони були жонати, дитокъ малы соби, а жили такъ соби по пять, по десять чоловікъ, розводили худобу, занимались охотою: той пидстереже козу, той убье кабана, та нанесуть махану того, шо цила беда. До нихъ прыходють уже де яки изъ Сичи тай харчуютця. Гниздюки и пасики розводили, и медъ готували. Худоба ото саме ихъ и богатство, а зъ Сичи вони вже паю ниякого не брали. Сичовыки-то вже особа статья. Вони жили такъ, шо ихъ и не вгадишь: сегодня тутъ, у Сичи, а завтра Богъ знае де по степахъ, по балкахъ та по выбалкахъ; зберутця у ватаги тай чимчикують, куды треба. Ци вже на вйни розживались. Розбивали разни города, людьки та турецьки, и забирали тамъ шо тилько можно було забрати.

Бильшь усёго воювали турка та шматували татарву, — сусидське дило: татары жили на тимъ боци (лѣвомъ) Днипра, а запорожци на цимъ (правомъ), такъ видъ того частенько приходилось имъ битыця промижъ собою. А сварка бильшь усего изъ-за коней була: то козаки перегонять до себе косякъ татарскихъ коней, то татары переправлять до себе косякъ козацкихъ коней. Якъ татары украдють у козакивъ коней, то й слидъ метлами заметуть, шобъ не видко було, якъ шукати, а якъ козаки украдють коней у татаръ, то сядуть на той слидъ тай..... шобъ бачила паскудна татарва, хто у неи коней побравъ. А съ турками такъ усе за виру бились. Батько було частенько розказують про ти баталіи козакивъ съ турками. Оце, кажуть, якъ ускочють запорожци у якій-небудь турецькій городъ, то першь усего норовлять, шобъ запалити его зъ трехъ сторонъ. Запалють зъ трехъ киньцивъ, а на четвертый постановлятця тай ждуть, поки бигтимуть турки: якъ тильки бижить якій-небудь, то заразы же й кладуть его на мисти. Отакъ обкерешують сперше турокъ, потимъ перебьють туркенъ, а тоди вже берутця за турчатъ. Явъ ускочивъ запорожець у турецьку хату, то заразы дывытця у пичь, чи

нема тамъ горячихъ палиныць, и скільки бѣ ихъ тамъ не було, то винъ уси понастромля на ратыще, повытяга изъ печи та въ михъ. Після того уже шука дитей. Якъ найшовъ, заразы одсува лаву одъ стины, заводе ихъ за лаву, присуне ихъ знову, такъ шобъ вона црїйшлась якъ разъ противъ горла дитей, та такъ у сихъ одразу и подуше, шобъ не росло погане кодро на погибель христянъ. Не любили запорожци турокъ, дуже не любили, видъ того такъ лютували и надъ ихъ дитьми.

Оттакъ-же не любили вони и ляховъ. Зъ ляхами бились бильшь за землю. Тутъ вони уже не своею силою воювали. Оце якъ идуть у Польшу, якій тамъ городъ, чи слободу брати, то заразы попережуютця, визьмутъ съ собою барабанъ та трубу, прыйдуть до кузень, позабирають молоты, тай идуть тоди. Придуть у городъ, пустятця скрїзь по вулицяхъ, пидійдуть пидъ викна тай слухають, шо то ляхи промижъ себе балакають. А тутъ молоди ляхки сидять на стулахъ та выхваляютця передъ панянками, хто скільки козаковъ побье: «Я, каже, шість чоловикъ, одинъ тиен погани перебью»... А стари сидять на стулахъ та въ карты грають: «Моя сто бье»!— «А моя двисти»! «А моя триста»! «А моя чотырыста козакивъ побье»!.. А тутъ запорожци якъ ударють у барабанъ та якъ брязнуть у оболонь, такъ вони, якъ ти горобци, такъ и кинутця, хто куды пймавъ. Отоди вже имъ лоскъ: бо де уже козаки нападуть кого, то никого не помизуютъ, бо ихъ никто не зборе. Наскочуть на якого пана, то сперше всѣго допрашуютъ, де у него гроши. Якъ попадетця боязькій панъ, то тутъ же одразу и скаже, де у нѣго и гроши и добро всяке. А якъ попадетця тугій панъ, то запорожци уже прибирають разни способы, шобъ розвязати ему языка. «А ну, хлопци, надиньте ему червону шанку на голову»! То ему й надинуть... «А ну, хлопци, обуйте его въ червони чоботы»! То хлопци и обуютъ го; якъ пить дадутъ, и облущютъ голову, и пидшкварять «огнемя пьятки! Тоди и тугій скаже, де й гроши, де й шо друге. И чога тилько вони тимъ ляхамъ не выробляли? И кожи на

головахъ ножами облуплювали, и гу-на сверлами вывирчу-вали, и голою ср-кою на горячи сковороды сажали, и огнен-ными пиддисками пидошвы пидникали, и жигаломъ очи высма-лювали. Одного ляшка якъ пидпылы пидь ср-ку, такъ винь ноки и вмерь, то все окарачь ходивь. И боялись же ихъ ляхи! Оце якъ ити на войну противъ запорожцивъ, то вони перше усего гадають, де то ти запоржци кочують. Та це кинуть-роскинуть на картахъ, або на чому другому, тай кажуть: «ще далеко прокляти харцызяки видь насъ; десь на свой земли пьють та музыки водять». А де тамъ у чорта вони пьють! Вони уже коло самого носа ляхвы. Понасыпали у чоботы запорож-ської земли, позабирали въ руки по кущу терну, посадили на коней тай идуть по людському шляху, а лахамъ здаеця, шо вони десь ще на свой земли. Тоди вже якъ пидберутця до самисенькихъ ляхивь, та якъ крыкнутьъ вси одразу, якъ засвистять у суремки, такъ бидни ляшки ти отъ одного страху подохнуть... И поидуть геть соби запорожци, а имъ усе здаеця, шо ти суремки грають. Та вже семого году ляхва довидаеця, шо то одни суремки свистять, а запорожцевъ, уже, Богъ зна, коли нема.

Велики вояки були! Батько було якъ почнуть розска-зувати про ту удадь запорожцивъ та про баталіи ихъ съ турками, або татарами та ляхами, такъ ажъ страшно слухати. А оце литомъ, у вечери, якъ почнуть було прудытьця коло кабыци та якъ спустять съ себе сорочку, такъ ажъ мото-рошно дывытьця на нихъ: усё тило, наче те решето, пошма-товано та побито кулями, а на плечахъ та на ногахъ мняють такъ и тилипаеця. Страшени вояки були! А тилько у себе, на Сичи, никого не трогали, хiba однихъ жидивь. Жидамъ инколи таки плохо приходилось одъ запорожцивъ. Якъ почувють, шо де проходили, то вже бережись, а то якъ де нагрюкають якого, то тутъ ёму й кашець! У запорожцивъ така й балачка була: «а ну-мо, пани-молодци, кукиль зъ пшеныци выбирати!»

Смихà було, якъ розказують батько про тихъ жидовъ. Иде якось запорожець зимою по степу, а ему назустрігъ жидъ.

— Здоровъ, жиде!

— Здоровъ, пане!

— Чи ты чувъ, якъ кув зузуля?

— Чувъ, та мало!

— Ну, хочъ и мало, а все жъ таки я хочу послухати, якъ вона кув. Полизай ось на це дерево тай куй.

Отъ жидъ злизъ на дерево тай кричить: «Ку-ку! ку-ку!» а запорожець баць его изъ пистоля: «Яка жъ таки зозуля кув зимою»!..

Сидить разъ запорожець нидъ дубомъ, пьє горилку, а по шляху иде кудусь у базаръ жидъ.

— Стой, жиде! А якъ ты молишься?

— Та такъ, якъ и вы.

— А якъ ты хрестишься?

— Та такъ, якъ и вы.

— А перехрестись!

Жидъ перехрестився.

— Ахъ ты, псяюхо! Такъ ты ще й глумишься надъ моєю вирою! Ну, ось выси жъ ты отуть, на дереви!

Заразъ его за ноги тай повисывъ.

— Якъ нагодитця хто, то той тебе одчене, а якъ не нагодитця, то тутъ тобі й хата!

— Не вже жъ, диду, запорожци усе воювали та воїввали и не було имъ ни спокоя, ни спочина?

— Ни, бувъ имъ и спокой и спочинъ. Вони оце бьють— бьють ляхивъ або туркиивъ, а потимъ якъ придуть изъ войны на Сичу та повыкочують на выгинъ бочокъ десять, або й бильшь горилки та ягъ загуляють, такъ недили дви, або й три, и свита божого не бацуть. И де, якъ, шо у нихъ и явитця усе? Тутъ у ихъ и воловина, и телятина, и гусятина, а вже горилки, меду, пива—такъ и счету не було, бо все дешево, не такъ якъ теперь. Танцюють, музыкки водять, у карты грають,

писні спивають; а потімъ того давай кuffy вывертати, посудъ бити. Однимъ словомъ, таке виробляють, шо куды вамъ! Роскишь имъ велика була: одно знають—воюють та підгулюють. А де яки полягають коло куренивъ та поныхують изъ люлекъ. та балакають, та радятця, звидкиля знову заходити на татаръ та ляхивъ; а де яки посадають на коней та випережають одинъ одного; а де яки понастановляють високихъ стовпивъ, понамазують штаны медомъ. щобъ цубко було держатись, та лизуть на верхъ, перегоняють одинъ другого.

— Такъ вони, кажете, и люльки курили?

— Де вже запорожци та не будуть люлекъ курити? Це саме перше дило у ихъ. А же жъ вы чули про того запорожського отамана, шо, розказують, якъ принесли ему паску на великъ-день, а винъ замисть того, щобъ розгивлятьця и каже: «нехай, козаки, паска постое, а мы сперше люльки поцупимъ»,—то жъ воно саме у запорожцивъ и було. Люлька у ихъ сама перша подруга. Запорожець якъ сивъ на коня, якъ запаливъ люльку, такъ верстовъ шить, або й бильше смале та й зъ рота ии не выпуска. У ихъ на счетъ люлекъ ще й отъ шо водилось: окрижъ того, шо кожный козакъ мавъ соби люльку, а то ше и въ кожному курени була люлька,—«обчиською» звалась,—велика така, повыцянькована бляхами, повсажена намистами та повыбита дорогими каминными ¹⁾ (см. табл. II). У ихъ були и особи майстры, шо люльки робили. Писля люльки найбільшь усего вони любили музыку. Оце було якъ соберутця та якъ урижуть, такъ и сами танцюють, и земля танцюе, и лисъ, и вода танцюе. Уже противъ ихъ ништо въ свити не вытанцюе. Увесь день музыки будуть грати, и весь день запорожци будуть танцювати. А якъ перестане музыка, то вони й сами танцюють. Оце визьмутъ два чоловика въ руки ослонь, одинъ за

¹⁾ Одну изъ такихъ трубокъ мнѣ удалось найти въ с. Покровскомъ, екатеринославскаго уѣзда, гдѣ была послѣдняя по времени запорожская Сича. Трубка эта имѣетъ больше четверти длины и около четверти толщины, только безъ всякихъ украшеній.

Ч. II. Рис. 2.

Обчиська трубка.

Тип. Эд. Гоше,

одинъ край, а другій за другій край, постановляють другъ противъ друга та такъ и танцюють. Шо за втишний народъ бувъ!

— Прямо шо втишний! На чѣмъ же вони грали?

— На всякій усячини: на ваганахъ, на рилляхъ ¹⁾, на басахъ, на цымбалахъ, на сопилкахъ, на свистунахъ, на скрибкахъ, на кобзахъ, на козахъ, — на чимъ попало, на тимъ и грають.

— Шо жъ вона за кобза така?

— Кобза—це така штука, шо вона скидаеця на ваганы, тилько вона круглійша и пузатійша, зъ кружечкомъ по середини, зъ вузенькою ручкою, зъ дирочками на ручци и съ срибными струнами. Довжини буде аршина пивтора. Я добре пам'ятаю її, бо скілько разъ державъ у рукахъ (см. табл. III).

— А шо жъ воно за коза така?

— Це така кожа, зъ нижками та зъ пищалками, зодрана съ козы: надме її, положе пидъ мышку, пищалки у ротъ уставе, рукою придавлює тай грає.

— Такъ ото имъ тильки й роботи було, шо война, люльки та музыка?

— Ни, вони занимались и другими дѣлами.

— А якими жъ?

— Та всякими. Вони й сами коровъ доили, сами и сыръ виробляли, сами й масло били; мижъ ними було усякого сословія: шевци, кравци, ковали, гончары, столяры; були й таки майстры, шо робили возы, гарбычки, — тоди цихъ немецкихъ бричокъ не було, а були невелички возы абы тилько хлеба привезти, або сина наложити; ці возы робились зъ двома війями, — одно спереди, а друге сзади, щобъ швидче можно було запрягати коней, коли пробижить чутка, шо йдуть татары (см. табл. IV). Були мижъ ними и таки, шо колодези копали, лехи мурували, каюки робили, — каюкъ у кожного запорожця бувъ, на такий же маниръ ягъ и теперъ; були таки, шо табуны стерегли, товару ²⁾ глядили, коло отаръ ходили. — ці вже и особе званіє

¹⁾ На лирахъ.

²⁾ Товаромъ или товариною называютъ малороссы рогатый скотъ.

мали: чабаны; а то були и таки, що садьсадили, огородину розводили: бапусту, кавуны, дыни, огирки, табакъ; були ляхари, що раны заличували, одъ гадюкъ видшентували; таки, що по пасикамъ сидили, хлибъ у степу обробляли, були й таки, що начальству прислужували, — хлопцями, або молодиками звались. Усякихъ було и всякого занятія.

— Разкажить же теперъ мини, дидуню, яки були у за-порожцивъ крпости.

— Крпости? Сича—ото у ихъ и крпость: коло неи були, окопы, валы, а въ середьни дэвиньця, куды ставлялись пушки; були у ихъ крпости и въ паланкахъ,—по нашому унздъ, по ихнему паланка, або судъ. Оце и вси крпости, а бильшь и не чувъ, щобъ вони у ихъ були. Вони такъ жили, що никого не боялись.

— А якъ же у тій Сичи було?

— У Сичи курини у ихъ були; таки хаты; якъ пьятдесятъ хатъ, то й куринь. Ци курини ставлялись одинъ до другого прычылками, а робились на стовпахъ та на сволокахъ, безъ дымаривъ. Видъ того якъ затоплють було грубу въ курини, то дымъ иде прямо черезъ оселю,—такъ и курить, такъ и курить,—за тимъ-то его и куренемъ прозвали. Середь синей куреня ставляли кабицю, надъ кабицею клали зализну перекладьну, на зализну перекладьну вишали зализни крючки, а на крючки надивали казаны та такъ и варили страву. Оце запалють кабицю, понавинають надъ нею казанивъ, а сами полягають животами внизъ обругъ кабыци та люльки смалють та балакають де-що про ляхивъ, татарь та турокъ. А тутъ же, середь куренивъ, стояла у ихъ церква, деревьяна, у одинъ ярусъ, крыта гонтомъ, а коло церкви дэвиньця, у два ярусъ, тежъ деревьяна. У церкви були у ихъ дороги евангеліи,—такъ добре обробляни у золото, що ажъ горять було, иконы, корогвы, хресты, ка-нистасъ, увесь мидный, а зверху вызолоченный, а царьски врата изъ чистого серебра. Коло церкви була школа, де вчились молодики читати та спивати на крылосахъ; а понизче

Ч. II. Рис. 3.

Запорожская кобза.
Рисунокъ И. Е. Рѣпина.

школы стоявъ будинокъ кошового, а тамъ, коло будинка, ни-сарьска. Отъ якъ воно було въ Сичи.

— А чи такъ же воно було коло Сичи?

— Ни, тамъ уже инакъ. Коло Сичи, по степахъ, скризь кушами стояли бурдюги, се бѣ то по нашому землянки ¹⁾, чоловікъ на пять, на десять, а иноди й бильшѣ. У такому бурдюзи и мій батько жили. Бурдюги робились просто. Выкопа за-порожець ямку, поставе въ ямку лиску, нагорне округъ неи земли, обставе кураемъ, облипе кизякомъ, обмаже глиною, выведе мечеть, шобъ хлибъ пекти, зробе кабыцю, шобъ страву варити, тай живе соби, якъ наче панъ якій у хороми. А шобъ бачить, що воно діетця у степу, зробе соби у бурдюзи маненьке, кругленьке, наче тарилочка, виконьчко, вставе въ него скло, скверненьке таке, зелене, рябе та съ каминьцями, съ кругленькою ряминою изъ чотырехъ трисочекъ, тай дивитця черезъ него изъ бурдюга. Якъ и въ курини, такъ и въ бурдюзи, дымаря не полагалось; у бурдюзи и грубы не було, а була мечеть, схожа на пичь, тилько низенька, зроблена зъ дикого каминя. Якъ замалишь було цю мечеть, то зъ неи полымья такъ и паше, а каминня якъ розгорятця, такъ якъ огонь зроблятця. Съ такою мечеттю холода ничего було боятись... Де въ якихъ бурдюгахъ и вбранство було: по стинамъ вѣсило оружжа, на покути стояли розмалевани пидъ золотомъ образа, по-пидъ стинами прироблени були лавки, ослинчики, шобъ було де систы; а который бурдюгъ, то ще й килимами высланъ. Таки бурдюги скризь роскидани були по запорожськимъ паланкамъ про-мижъ зимовнигивъ. Вони открыти були для всякого и николи не замыкались, бо тамъ такъ було, що чужого ниhto ничего не зачепе. Якъ иде, або иде куды-небудь хозяинъ бурдюга, то такъ и зоставля его, а на стилъ ще й страву кладе. Хто хочъ, той и заходь. Оце чвалà тамъ де-небудь якій чоловіяга по степу,

¹⁾ Татарское слово „бурдюк“, что значитъ „вывороченная пѣлякомъ шкура животного, просмоленная и употребляемая какъ сосудъ для жидкости“.

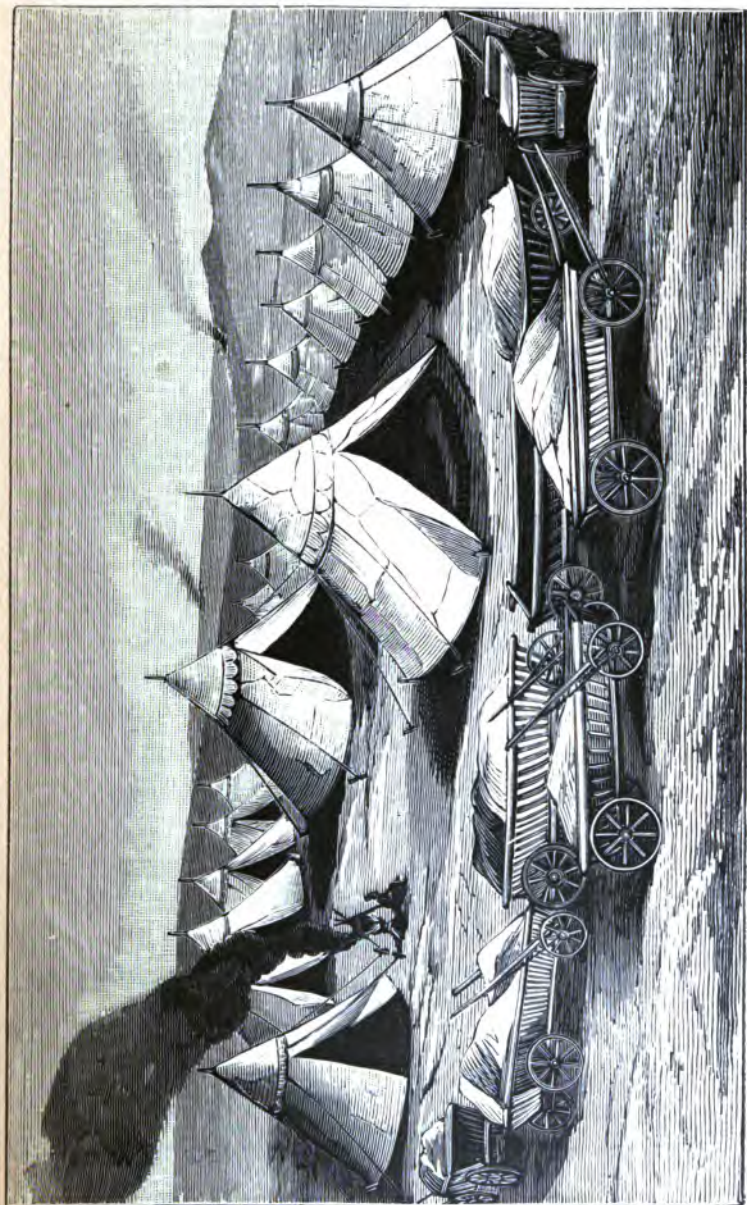

и захотилось ему исти. Баче, стоить бурдюгъ; заразъ завернувь до него, найшовъ тамъ казанъ, пшоно, сало, або рыбу, выкрасавъ вогню, розвивъ багаття, зварывъ соби обидъ, сивъ и зъивъ, напився воды, лигъ и спочива писля обида. Запрета ни въ чемъ не було. Якъ прійде хозяинъ, то винъ ще й радъ гостеви, винъ его прывита, наче батька, бо тилько ему и родыны на широкому степу, шо захожій чоловікъ. А якъ захожій не вепіе побачиться съ хозяиномъ бурдюга, то, наившись и виддохнувши, робе маленькій хрестикъ изъ дерева, ставе его середь бурдюга та йде соби зъ Богомъ, куды треба. Це шобъ знавъ хозяинъ, шо бувъ захожій чоловікъ. Отъ якъ воно було у запорожцивъ. Не дуже красовыти були ихъ осели, а за те дуже прывитни. Теперь увійдешъ у хату, такъ вона красить вуглами, а не красить пирогами, а тоди вона красила не вуглами, а пирогами. Окريمъ бурдюгивъ та куренивъ були у запорожцевъ ще й зимовники; це вже таке, наче постоялый двиръ: хата, а коло неи кругомъ повитки (см. табл. V). До зимовника було якъ дійде хто, то сперше всего кричить: «пугу-пугу»! А ему одвичають: «козакъ зъ лугу»! Тоди вже й пускають. А якъ увійшовъ у сины, то ратыще клади на тяжи ¹⁾, а въ хату не носи.

— Добре, любый дидуню, добре. А чи не знаете, яку жъ пишу потребляли запорожци?

— Всяку пишу потребляли: мясне, овощу, рыбу; всячину или, голодомъ себе не морили. Тай ничего було морить, коли скризь и звирья, и птыци, и рыбы скилько хочъ. Звирей ловили капканами, птыць били изъ ружей, а рыбу ловили ятерями, неведомъ та все и потребляли; однимъ словомъ, или запорожци ласо, бо вони сами соби й варили, сами соби й пекли. Одного тилько й мало було у ихъ, печеного хлеба; замісто хлеба одвичала тетеря; якъ шо таке, заразъ за тетерю. Тетерею называлось кисто изъ житной муки, розведена могомъ, або водою зъ медомъ; его оце якъ замишають, то

¹⁾ Тс-же, что и «кабыца».

Ч. II. Лист 4.

Запорожский лагерь и возы.

воно бува риденъке-риденъке, потимъ кисне, пился чого уже робитця густымъ; тоди воно й готово. Якъ схотивъ якій запожець исти, то заразь бере казанъ, виша его не кабицю, налива въ казанъ воды, въ воду кида тетерю, до тетери пидбавля пшона, а до пшона рыбы, або ракивъ, та тоди й варе. Зваривши истъ и горилкою запива, а якъ шо есть наливка, наливкою. Горилка у ихъ завсегда була; вони привозили їи изъ городивъ, а наливку робили сами, у себе на Сичи; въ Сичи вони робили и пиво, на своихъ броварняхъ, и медъ, и сыту и варену изъ озюму або инжирю зъ горилкою спаренною на огни, робили вони и настой изъ комлыцкою травы, або изъ пшпороти тай пили зъ овечимъ молокомъ.

— Все це добре, а изъ чого жъ йлы запорожци?

— Илы бильшь изъ корытъ, бо мисокъ не любили: блошицами, кажутъ, воняютъ. Черепьяного та склянного посуда тежъ дуже не любили. Та якъ имъ и съ тимъ черепкомъ та скломъ и возитьця? Ще перебьешъ! Посудъ у ихъ робивсь бильше изъ миди, або изъ чавуна; казаны, костреулькы—це ихъ було, а горшки, глеки та кухлики, — це вже або турецьке, або городяньске. У черепьяному посуду запорожци бильшь усею свою здобычъ ховали; визьме горщикъ, накрыве его сковородою, або якою зализячкою тай закона у землю. Окромъ казанивъ та костреуль були у ихъ и коряки, тилько вони робились изъ дерева, бильшь усею изъ вербины, а выстругувались такъ чисто, шо ажъ вылискуютця було на соньци,—це ти корячки, шо звались у запорожцивъ «михайликами». Були у ихъ и ложки, деревьяни и таки, якъ теперь у панивъ; були баклажки (см. табл. VI), штопы, графины, чарки, тилько те все не ихъ заводу. Сами вони жили дуже просто. Якось лучивсь до ихъ охвыцерь видъ царыци, такъ вони наварили стравы, насыпали їи у корыто тай давай его угошати ¹⁾. Однимъ словомъ, попростецьки.

¹⁾ Рѣчь идетъ о генералѣ П. А. Текелѣ, котораго запорожцы угощали изъ корытъ послѣ разоренія имъ Сичи. «Хочъ съ корыта, та до сыта».

— Расскажить же теперь мени, дидусь, якъ зодягались за-порожци.

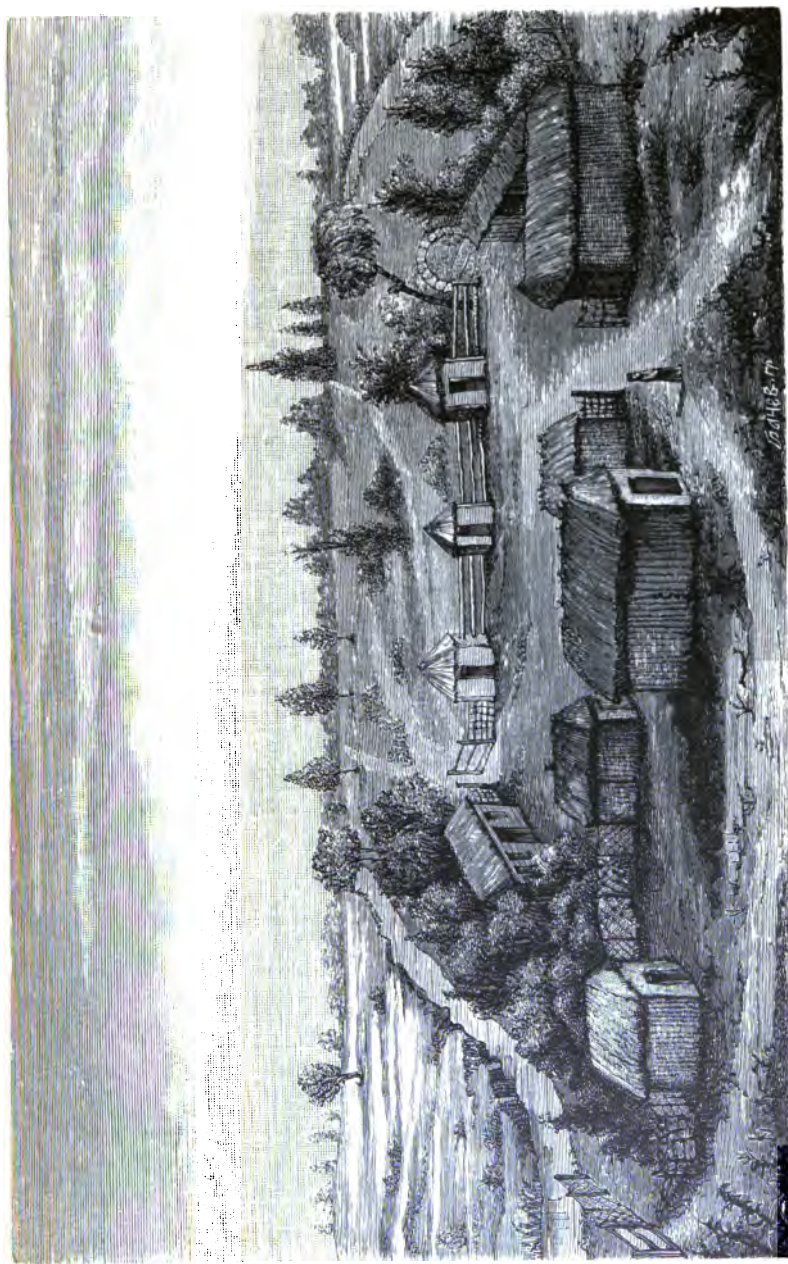
— Зодягались запорожци добре, ходили и браво и чепурно. Воны; бачите, головы брили: обрые та щей мыломъ намаже, щобъ добре, бачъ, волося росло; одну тилько чупрыну ¹⁾ кидали на голови, довгу таку, зъ аршинъ, мабуть довжини, та черну та кучираву. Заправе ии, замота за ливе вухо разивъ два, або й три, тай повисе, такъ вона й высе ажъ до самого плеча, та такъ и живе за вухомъ... Якъ бы піймавъ за ню то було бъ за шо подержати!.. А инчий визьме та перевьяже свою чупрыну стричкою, закруте ии на лобови та такъ и спить, а ранкомъ якъ устане та якъ распусте ии, то вона наче хвистъ у вивци зробитця, То все на выхвалку! Дивчата косы кохають, а запорожци чупрыны. А якъ уже дуже довга выросте, тоди замота ии сперше за ливе вухо, а потимъ проведе по-за за-тылкомъ, перекине на праве та такъ и ходе.

Бороды тежъ брили, тильки одни вуса зоставляли, и кохали ихъ довги-предовги. Оце якъ нахвабрыть ихъ, якъ начернить та якъ росчесе гребёшикомъ, такъ хотъ винъ и старый буде, а выйде такій козарлюга, шо тилько хить-хить! Довгenni вуса кохали! Инчий визьме ихъ обома руками, пидниме въ гору та позаклада ажъ за вуха, а воны ше й нище вухъ звысають. Отаки-то вони вусарі були! Положимъ, де въ якихъ и маленьки вуса були: такъ, якъ у якого волосъ росте, а тилько шо вуса вони дуже любили.

Оце винъ якъ чупрыну замотавъ, вуса росчесавъ, тоди вже зодягаецця у свою одежу. Одежа у ихъ була на дроту ²⁾ та на бавовни, на шовковыхъ шнуркахъ та на гудзыкахъ, изъ тонкого сукна та все разныхъ цвितивъ: той надине голубе, той—зелене, той—червоне,—хто якого забажа; тилько сорочки були своей

¹⁾ Чупрына отъ слова «чубъ», а слово «чубъ», съ персидскаго «чобъ» — гроздь, кисть, пучекъ.

²⁾ «У середины драть поставленный: скильки хочешъ бій, то не проблемъ».

Ч. II. Рис 5.

Запорожскій зимовникъ.

рукодiи, бо бамаги ¹⁾ тоди ще не знали. На голову надивали високу шапку, гостру, съ смушевою окольцею, у четверть ширини, съ суконнымъ або червоннымъ, або зеленымъ дномъ ²⁾, у пивторы четверти довжыни, на бавовни, съ золотою перепискою, съ сребною кытицею на самому вершечку и съ гапличкомъ до неи, прыстибувати, щобъ не моталась. Околыця на шапци иноди служила козакови замiсть кисета, або кишени: туда винъ, якъ коли, кладе було табакъ, кресало, люльку, рижокъ зъ табакомъ; особливо люльку: якъ вынявъ изъ рта, такъ и застромивъ ии за околыцю. Шапки робились бильшь по куренямъ; якiй куринь, така и шапка, такiй и цвiтъ на неи. Передъ тимъ якъ накладати шапку, козакъ отдiле отъ чупрыны пучечокъ волосся и напуге его на передъ лоба, потимъ замотуге саму чупрыну за вуху и тоди вже накладе на голову й шапку. Якъ наложивъ шапку, тоди винъ уже и козакъ. Це—саме перше и саме главне одiянiе козака. Потимъ уже надыга каптанъ, довжыни до колинъ, червоный, зъ гудзыками, на шовковыхъ шнуркахъ, зъ двома зборами назади та зъ двома крючками на бокахъ, для пистоливъ. Застебне той каптанъ гудзыками, пидвяже поясомъ и готовъ. А поясы робились або шалевы, або шовкови турськои та перськои рукодiи, широки та довги. Не таки, шо теперъ наши парубки носятъ, шо тамъ замотуютъ ихъ по середыни живота та завязуютъ спереди вузломъ, а таки, якъ ото черныци роблять попамъ; довжыни—аршинъ зъ десять, або й бильшь, а ширини четверти пивторы, або й зовсимъ дви. Края у ихъ робились позолочени, або посеребряни, а на самыхъ киньчыкахъ привязувались шовкови шнурочки. Отъ, якъ треба козакови пидперезатьця, то винъ привязе поясъ шнуркомъ до гвадка тай качаетця кругомъ, та такъ и намота на себе увесъ поясъ. Потимъ шнурки завязе або позади себе, на спыни,

---

¹⁾ Бумажная ткань.

²⁾ Вершкомъ; красный вершокъ у нѣкоторыхъ называется «солодкимъ дномъ».

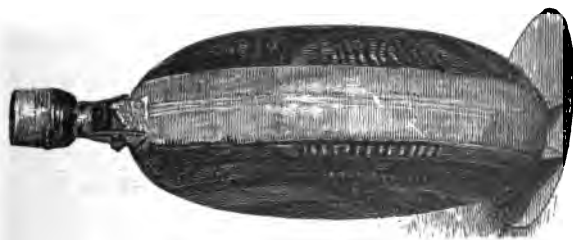
або на боку, а позолочени края зоставе спереди, на животу, та такъ и ходе якъ той лыцарь.

Поясы були разныхъ цвितивъ: зелени, червони, голуби, ко-рычневи. Окريمъ такихъ довгихъ поясивъ носили зипорожци и коротеньки, зроблени зъ кожи, або зъ волоса. Ци вже були такой довжныни, шо бь тилько обхопыть живить. На нихъ сзади навишувались китыци, а спереду гаплычки, пряжечки, реминьчыки для пистоливъ, для люльки, кинжаливъ та шабли. Шабли носи-лись низько: якъ идё козакъ, то вона за нимъ такъ и волочетца.

Отъ якъ надивъ запорожець червоный каптанъ, пидпыры-завсь поясомъ, почипывъ на себе кинжалъ, повисывъ пистоли, шаблю, тоди вже винъ надива черкеску, або жупанъ. Це уже простора та довга одежа, до самыхъ кисточекъ, съ широкими рукавами, такъ наче пидрызникъ у попа, або оте плаття, шо надивають на себе по городахъ архырейськи пивчи. Черкеска уже була другого цвита, ннжъ каптанъ: якъ каптанъ червоный, то черкеска або голуба, або сына: Вона була тежъ на зборахъ та на шнуркахъ, уся золотомъ гаптована, зъ разными полос-ками, повымалеваными та позакарлючыными, съ позументами, гапличками, гудзычками, по тонькому дроту и съ широкими-пре-широкими рукавами съ прорихомъ, або, якъ тамъ кажуть, зъ роздерами, чи зъ роспорами ¹⁾). Роспоры ци робились якъ разъ у тому мисци, де згинаетця рука по локтю, четверти пивторы удовжъ; внизъ за роспорами иде вже шитый рукавъ, а нище его заковраши, чи, по нашому бь, завороты, зроблени зъ голубого бархату. У таки рукава просовували руку або прямо через заковраши, ти, шо на коньцяхъ рукавивъ, або через роспоры, ти, шо по середыни рукавивъ. Якъ рука просунута прямо чрезъ заковраши, тоди рукавъ черкески прыстегувавсь гапличкомъ, коло самой кысти, до рукава каптана; видь чого й выходило, шо коло кысти рукавъ черкески бувъ узенькый, а выще, до локтя, ши-рокий та ще й зъ роспоромъ. А якъ же рука просунута черезъ

---

¹⁾ Иначе съ вылётами.

Запорожскіе баклажки, собранія Я. П. Новицкаго
и И. Е. Рѣпина.

Ч. II. Рис. 6.

роспоры, тоди выходило, шо на кожній руци козака надито було наче три рукава: два лежать, а одинъ зъ зади метляетця. Ти, шо зъ зади метлялись, можно було заложити за спину и вмисти звязати тамъ. Видь чого и выходило, шо якъ иде запорожець верхы, зъ завязанными рукавами, то здаетця, шо сзади его прироблени крыла. По тимъ-то крыламъ и признають було здали запорожця. Поверхъ черески инколи надивалась ще керей, —це вже одіяніе зовсимъ довге, по сами пяты, зроблене або зъ кожи, або зъ вовны, безъ рукавивъ, схоже на плащъ. Отъ яка одежа! Така одежа, шо винъ одніи сорочки не продасть за сто рубливъ; якъ иде було по вулицы, такъ наче звизданный, або квиткѣми уквичанный.

До ціи вже одежи, широкий та просторой, прыстали и широки та простори штаны, изъ сукна, изъ нанки, изъ кожи, на обое боки зъ карманами: и тутъ карманъ, и тутъ карманъ, и обидва обложени зверху золотыми позументами. Цвитивъ усякихъ, а найбільшь сынего. Матни въ штаняхъ робились таки, шо ажъ до земли доторкались: такъ, якъ будто шось таке волочетця. Якъ иде козакъ, такъ й слидъ за собою мете. До штанивъ прыгонялись довги очкуры, шовкови, або шерстяни, зъ золотыми кытыцями на обохъ коньцяхъ. Холоши штанивъ носились поверхъ голяныщъ, —не такъ, якъ теперь, шо закладують ихъ за чоботы, а поверхъ чобитъ; вони привязувались до голяныщъ срибными пидвязками, або шовковыми шнурками зъ золотыми, або срибными кытыцями по краяхъ. Тай сами пидвязки привязувались такъ, шо ихъ, окромя кытыць, и не видно було. Якъ иде запорожець, то тильки й побачишь, шо изъ-пидъ его штанивъ кытыци тилипаютця.

Пидъ штаны вже набувались чоботы, сапьянови, —жовти, зелени, червони, зъ золотыми, або срибными пидковками, зъ узенькими нисочками. Одъ чобитъ тильки й побачишь, —шо ниски, або закаблуки: отакъ; бачите, запорожци напускали на нихъ штаны. Здалека здаетця, наче то баба въ спидныци стоить, а якъ иде козакъ, то наче парусъ роспускае. А шириня така, шо въ инчи штаны можно штукъ тридцять кавунивъ вложити;

якъ дванадцять аршинъ матеріи, то такі штаны звуться рясни, а якъ пятнадцять, то зватимутьца зъ достатку.

Теперь вы бачите, яка була одежда у запорожцівъ, тилько це не повсєгдашня, а праздникѡва; дома вони, у будень та ще й на работи, недуже роскишно обряжались. Бувало такъ, шо обрыє запорожець соби голову, заправе оселедець за вухо, завьяжетця ганчиркою, натягне на себе опончину, надине изъ свынячои шкуры патиночкѣй таѣй ходе. А инчѣй пѣймає козу. обдере їя, облупе кожу, вычисте, одинетця, обує такі постолы. шо кожа у вершокъ товщины, а у дви четверти довжини, таѣй чвалѣ соби. А инчѣй такъ ищѣ краше: або вырядитця у такѣ постолы, шо въ нихъ можно Днипро переплысти, або на одну ногу натягне постоль, а на другу сапьянъ та ще й спива:

«Одна нога у постолы, а друга въ сапьяни,
Подъвися, Ганно, якѣй постилъ гарный.
Чи сей, чи сей? чи сей, чи сей?»

А то ще лучче: зовсимъ голый; тоди й выходе, якъ тамъ кажутъ, увесь Хвесь:

«Куды схоче, туды й скаче,
Нихто за нимъ не заплаче»...

У день чоловикъ, а въ ночи звирюка.

— Теперь хотилось бы мини знати, диду, яке воно було оружїє у запорожцівъ.

— Оружїє у ихъ було добре, дуже добре, усе вбране въ золото та въ сребро, на оружїє та на коня вони все богатство свое покладали. То й не козакъ, якъ у него погане оружїє. Буди у ихъ и пушки, тилько мало: нащо имъ пушки, якъ у ихъ добри кулаки були? Буди у ихъ и шабли, и pistols, и келєпы, и списы (см. табл. VII). Шабли були у запорожцівъ прости, не дуже закрьвлєни, и не дуже довги: якъ пять четвертей, то й добре, а тилько шо вони гостри такі були якъ огонь: якъ рубне кого, то такъ надвое и росколе: одна половина головы сюды, а друга туды. Pistols робились коротеньки, такъ, мабуть, четверти дви не бильшь, тилько дула у ихъ простори. Вони

Ч. II. Рис. 7.

Ружье, кинжалъ и сабля.

Рисунокъ И. Е. Рѣпина.

заряжались кулями, або оливьяными, або чавунными, зъ горбьяче яйце завбильшки, носились на пояси, по два на кожному боци. Келены (см. табл. VIII) робились изъ стали, шобъ лучше було розбивати панцири,—ти, шо носили лядьски войска, та бити по голови нишихъ ворогивъ: келепомъ усюды ¹⁾ якъ улуче, то вже не будешъ жити; отождь и спивають въ псняхъ:

«А ковакъ козацкій звичай знае:

Келепомъ по ребрамъ торкае»

Списы (см. табл. VIII) робились довги, аршинъ пять, на легенькихъ древкахъ, покрашенныхъ червоною та черною краскою, такъ якъ ото красять стовпы, шо на шляхахъ стоять та версты показують; а на инчихъ древкахъ робывся ще й перепелъ ²⁾ зализный, це вже для того, шобъ, якъ проткнешъ чи тамъ татарина, чи турка, наскризь списомъ, такъ шобъ винъ згаряча не пройшовъ по спису ажъ до самыхъ рукъ та не схонився бъ знову бытыця; бо иншому и живить распоришь списомъ, а у него и кровь не брызне, винъ и не чуетъ, та впьять лизе бытыця. Де яки списы робились на обыдва боки: зализка и на цей край и на той; и на цей край кладе, и на той; такъ якъ пробижить, то й вулыця. Списы служили запорожцямъ и замисть мостивъ на бодотахъ: якъ доидуть де-небудь до топкого места, то зараздь кладуть одинъ за однимъ два ряда списивъ,—у кожному ряду списъ и вдовшь и впоперекъ,—та по нимъ и переходять: першій пройдутъ и розберуть, останавлюютца на другому и мостють изъ першого третій. Та такъ и перебираютца. Окромя пушокъ, шабель, пистоливъ, келепивъ, списивъ були у ихъ и рушныци, и кинжали (см. табл. VII), и ножи, и акырыци, таки, шобъ роскидати пидъ ноги татарскимъ конямъ; воно зъ тремя рижками: якъ его не положешъ то все одинъ рижокъ стырчить у гору (см. табл. VIII). Усего треба було. Це все окримъ пушки, и у мене було; була й одежа, була й збруя, такъ я три разы на своимъ вину

¹⁾ Разказчикъ показывааетъ при этомъ или на голову или на бокъ.

²⁾ «Перепелъ» — перепонка.

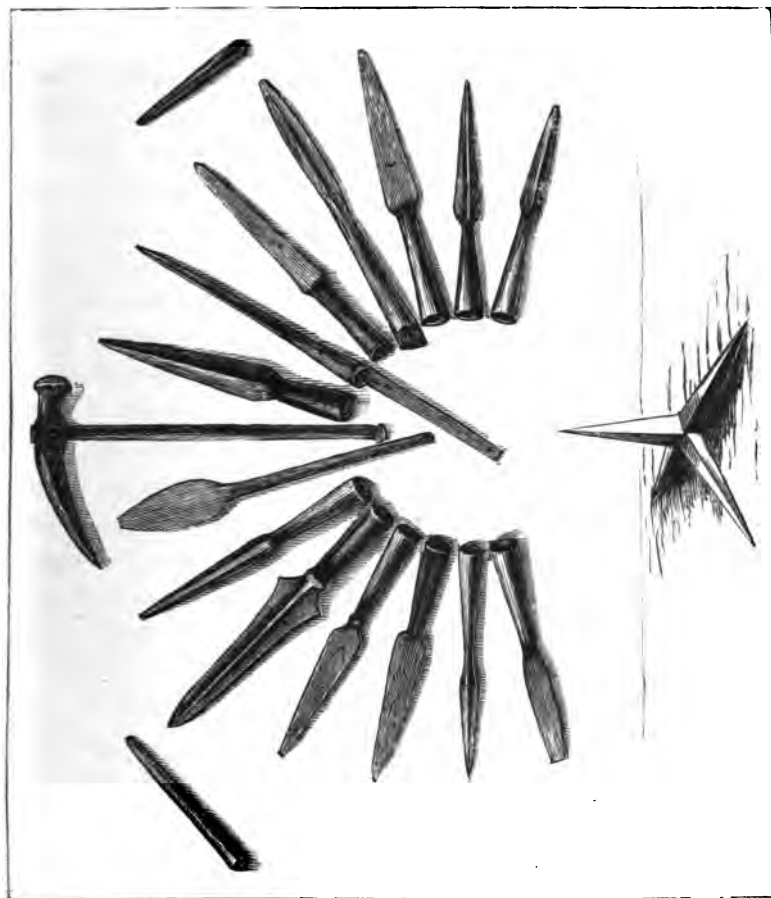
горивъ, оттого у мене всякого добра богато попропадало, а то були коло мене и таки людци, шо мое добро пораскрадали. Изъ всего того мени найдорогша була шабля, стальна, зъ золотою ручкою и съ витыцями, уся закрывляна и гостра—гостра наче бритва, а пыхвы до неи уси уложени були дорогими каминями. Була й збруя: вудела, сидла, стремена, бляхи,—таке, якъ надинешъ було на коня, такъ воно такъ и сие на соньци.

— Яки жъ до такои збруи були у запорожцивъ кони?

— Кони у нихъ були таки, шо вже!.. Одно слово, якъ змиі... Було якъ понаидуть до корчмы, то все выхваляютьця ими та вызывають одинъ другого, хто лучше сяде на коня, шобъ не перевысыты на нему сидла. Отуть коло мого батька живъ запорожець Смыкъ; страшенный козарлюга бувъ! Винъ такий бувъ, шо чоловикъ дванадцать захищавъ, а воны его й не визьмутъ. Такъ цей Смыкъ поставе було одну ногу у стремено, а другу на землю, та однією рукою визьметця за гриву, а другою обипретця на списъ, та такъ, якъ муха, и вскоче на коня, а кинь якъ укопанный стоять. А другій бувъ такий запорожець, Явиръ, якъ нашьетця було, шо й на коня не вализе, тоди й крычить: «Повзи»! То винъ передни ноги протягне впередъ, а задни назадъ тай повзе. Якъ почуе, шо козакъ уже а спыни, тоди пидниметця тай гайда. А якъ сяде запорожець на коня, то орудуе ногами: куды хоче, туды й поверне.

— А дежъ вони такихъ коней купували?

— Покупка у ихъ дешева була: у татаръ займали. Украсти у татарина—це саме перше дило у запорожцивъ. Съ татарами вони, якъ коли, то и дружать, умести и люльки курють, а якъ выдывлятця, де у ихъ шо лежить, то вже стягнуть. А найбільшь коней крали. Оце пидкрадутця потихеньку до табора, де сидять татары тай дивлются, чи вси воны тамъ, а ти й не бачуть ничего: «гала-гала! гала-гала»!.. Тоди запорожци потихеньку одлизуть отъ табора та до коней; штукъ пятьдесятъ, або шестьдесятъ займутъ, мерщій повскакують на нихъ тай повтикають. Татары за ними: «Чуга-чуга! чуга-чуга!» кры-

Ч. II. Рис. 8.

Копья, келеса и якырци, собрания Г. П. Алексѣева.

чать гонятця та изъ пистоливъ лущать. Такъ-де тоби? Запорожцямъ те й байдуже. Вони тилько сидять та по-татарськи прикрывають: «Чопъ-чопъ! а ну, чопъ-чопъ!»! Доскочуть до Днипра, переплывуть ричку и сидель не замочуть. Попереду всихъ летить ватажокъ, а за нимъ уже други: хто за хвистъ коневи почепитця, хто за гриву та такъ и плывуть. Переплывуть, заразь до корчмы, по одній коняци за три полтыны штуку продадутъ, гуляй, панове-молодцы! Були у ихъ и татарськи кони, були у ихъ и свои кони, були и куповани.

— А було за-віщо имъ купувати?

— Ще бъ таки! У ихъ гроши по всякій часъ водились. Ходили у ихъ и золоти, и срибни, и мидни гроши; тилько бамажокъ не було. Були у ихъ и карбованьци, и полтынники, и копійки,—руськи гроши; були у ихъ и парычкы и левки,—турецьки гроши; були злоти, таляры,—лядськи. Имъ треба було разныхъ грошей заводити: сегодня запорожець торгуецця зъ москалемъ,—треба московськи гроши; завтра торгуецця съ туркомъ,—треба турецьки гроши; а тамъ торгуецця зъ ляхомъ,—треба лядськи гроши. Лядськи гроши були бильшь золоти, турецьки бильшь срибни, тоненьки таки, наче рыба луска, а руськи—самый миднякъ. За грошами у запорожцивъ жалю не було. Оце було пидъиде до коваля, выставе ногу тай кричить: «На, куй чобить». Той пидкуе, а винъ ему пригоршь грошій кине тай пойде. Винъ увесь у грошахъ ходивъ. Якъ треба було стреляти, то винъ стріляе кулями, а якъ не стане куль, стріляе гремями, а потимъ шагами, а потимъ мидными,—заряде тай дуге. Вони якъ покидали Сичу, то несли съ собою и всю свою казну; потимъ кой-яки позаконували ия у землю по разнымъ прыгметамъ ¹⁾, а кой-яки поскладали у бочонки та опускали ихъ на залізныхъ цепахъ у рички.

— Такъ отъ якъ воно було!

— Будь бы то такъ!

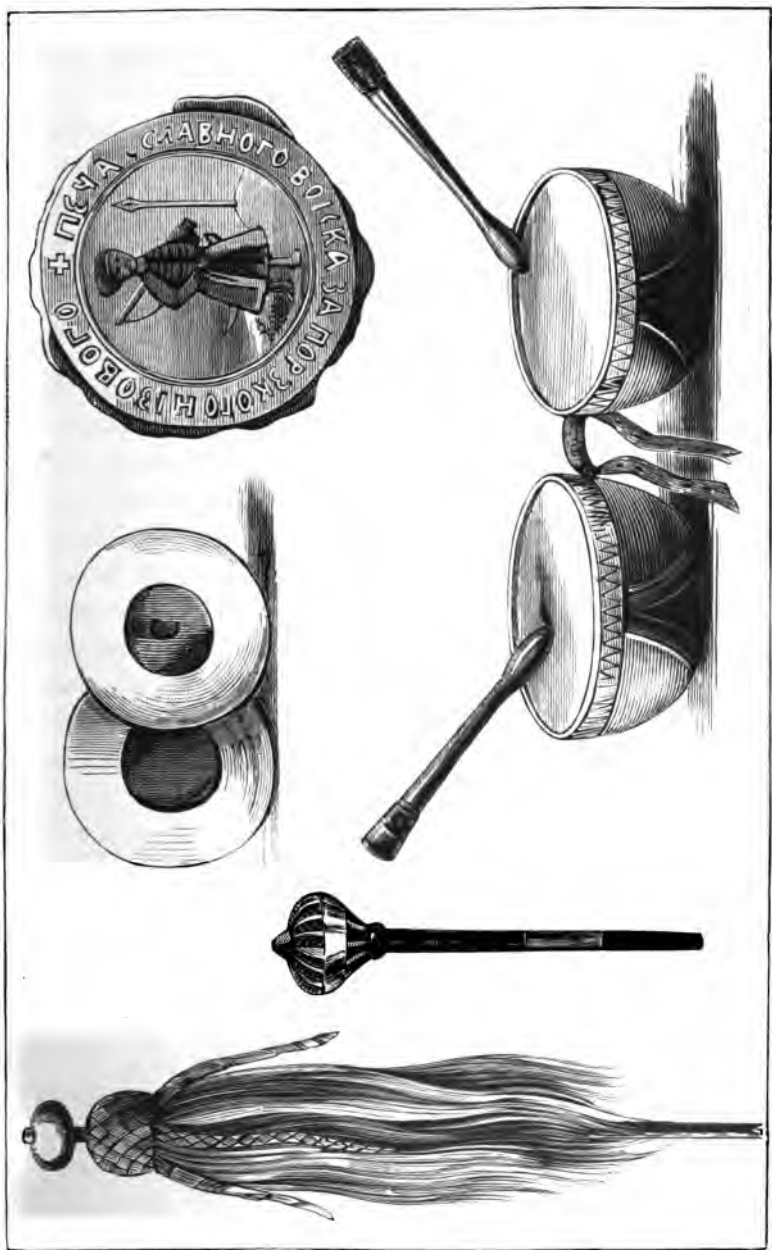
¹⁾ У малороссовъ, въ произношеніи немногихъ словъ, есть буква g которую мы изображаемъ латинскимъ начертаніемъ.

— Скажить же мени теперь, дидусь, яке начальство було у запорожцивъ?

— Начальство разне було: у первых ¹⁾ ходивъ у ихъ кошовый, — то его и хвамыля була, то его и велычество; винъ ими усима годдувавъ; вони идъ его полою и жили. Потимъ ходили у ихъ: осаули, писарь, отаманы, себъ то куренни. Оце вамъ и начальство. Тай те сказати вамъ: запорожци самы соби були паны, сами соби цари, сами соби и крестьяне. Изъ себе жъ вони и всю старшину свою выбирали. Якъ выбираютъ кошового, то винъ довго усе одкаже, а вони все вмовляютъ: «Будь таки нашимъ начальнымомъ, будь таки нашимъ батькомъ». Постановлють передъ нимъ уси клейноды, — бунчукъ, булаву, перначъ лытавы, печать, — та все просятъ (см. табл. IX). Довго обирають, а якъ уже выберуть, такъ такого, шо тилько держись. Куды захоче, туды й поведе: не боитця ни вогню, ни кули. «Бый мене, каже, прямо въ груди, а я оцю саму кулю тобі й назадъ кину». Якъ выберуть кошового, вже слухають его, якъ дити батька, абы тилько винъ бувъ добрый вояка; натежъ ему на голову и шлентъ надывають, якъ выбираютъ. Винъ бувъ самый старшій надъ усима; на выйни веде войська, а дома суде усихъ злѣдивъ. Оце якъ хто кого обиде, то сперше суде его судья, а потимъ разборъ дилу дае кошовый. Отъ не помиратця тамъ яки-небудь два козаки; були вони уже у судьи; теперь идуть до кошового. Расскажутъ ему усе дило, видъ началу и до киньця, и потимъ просятъ, шобъ винъ давъ имъ росправу. Кошовый выслуха и напередъ усего лаштуетця помирити противныкивъ. «Попрощайтесь, каже, козаки, бо грихъ тяжбу заводити». Козаки, якъ вони люди богобоязьки та слухьяни, заразъ же и втыкомыратця: куплять горилки, выпьютъ и розйдутця. А якъ вони неугомонни и неслухьяни люде, то тоди кошовый уже ихъ суде: прыкаже обидчыку чи тамъ грошами заплатити, чи велить его наказати

---

¹⁾ Въ смыслѣ «первыхъ изъ всѣхъ», а не «во-первыхъ».

Ч. II. Рис. 9.

Запорожскіе войсковые клейноды.

якъ-небудь. А наказували бильшь усею розками: одсичуть дозою тай годи. Це у ихъ найчастійшь, а бывало й такъ, шо палгими по пятахъ, або кійками по подошвахъ били, изъ пицтоливъ розстрелювали: выхопыть пицтоль, бацне у груди, отъ ему й капуть,—це за измину. За измину жъ и путали: одрубають праву руку та ливу ногу, а потимъ ливу руку та праву ногу ¹⁾. А за дивчатъ до стовпа привьязували. Стовпъ у ихъ ставляли на шляху и три кійки коло него клали, хто йде, то берн кіекъ та опахни три разы привьязанного тай идъ, а не вдаришь, тебе битимуть. А злодіивъ вишали на шибеныцю. Приставлють туды драбыну, пиднимуть чоловика, накинуть ему на шию вѣревку, а потимъ драбину приимуть, и шабашъ. Поки ногами меле, поки душу отдасть.

Кошового слухають не тилько ти, шо въ Сичи, а й ти, шо по зимовникахъ та по бурдюгахъ вештаютця. Опе якъ война, то вже кошовый скризъ розсыла листы по-мижъ козаками,—де хто е, шобъ ишовъ воювати. Забижить розсылный одъ кошового и въ бурдюгъ: «Отакъ и такъ, каже, идить чи тамъ на раду, чи тамъ на вйну, такій-то и такій городъ брати». То вже и йдутъ: ниhto не сміе одказатьця. Начальство свое запорожци держали и слухались его, доки нравилось: якъ не понравилось, выбираютъ другихъ.

— Ну, а скажить теперь, диду, чи здорови були изъ себе запорожци?

— Ростомъ вуни були народъ середній, а тилько шо крипкій, дебелий, хвабрый, зъ виду мордастый, наче пообточуванный. Не знали вони ни «собъ», ни «цабе», видъ того и здорови були. Тоди така поведенція була, шо парубки годъ до двадцяти ходили безъ штанивъ и роботою не дуже-то утруждали себе. Видъ того вони и здорови и довговични були. Теперь народъ слабый та порожній, здоровья нема и недовговичный: якъ девьяносто годъ проживъ, такъ не баче и стежки

---

¹⁾ Обыкновенно этотъ способъ казни назывался четвертованіемъ.

пидь собою, а тоди у сто лить тилько въ силу вбрався. Довго жили тай весело. На войну було йдуть зъ радистью та съ смишками, а зъ войны вертаютця зъ музыкыми та съ песнями. Оце якъ провоювали, такъ и писню зложили, не такъ якъ теперь: воювали жъ зъ туркомъ, а шо жъ хочъ одну писню зложили? Ни одної. А тоди чи побьють турка, чи пошарпають ляха, заразъ же и писню зложать на той случай. А шо вже хвабри були, такъ и казати ничего: на вйни кули ажъ свистать, а имъ и гадки не мае. У Польщу було якъ ускоче, у який городъ, чи слободу, та якъ розжене коня, то такъ браму и вынысе! А якъ цылымъ строемъ иде, такъ ажъ земля гуде.

— А чи правда тому, шо мижъ запорожцями були якись то характерники, таки, шо ихъ ни куля не брала, не шабля не рубала?

— Ни, чему не вирьте: це тилько одна балачка; вони жили по-божески, не знали вони ни якихъ чаръ; одъ нихъ и поганого слова не почувешъ; «скурвый сыну»,—ото у ихъ найбільша лайка. Жили вони наче ченци: жинокъ не трогали, а все воювались та молились Богу, и молились добре: знали и «Отче-нашѹ» и «Вирую». Бильшь усего молились якъ на вйну йшли. Вони службу церковну любили; вони й постыли и говили, пидь великь-день и паски святили, пидь хрещеніе куттю варили и взваръ робили. Де яки пидь старость у монастырь йшли; а якъ прїидуть було яки зъ нихъ по дилахъ чи въ Москву, чи въ Петенбурхъ, чи въ Кіевъ, то першь усего йдуть по перквамъ Богу молитця, до мошей прикладуватьця та подаяніе духовнымъ давати. До церкви вони велике усердіе имили. Разъ якось обрали вони соби кошового Грыцька Лантуха ¹⁾. А винь дуже богобоязній бувъ чоловікь: усе издивъ на прошу по городахъ. Прихавъ якось у Кывь, пишовъ по церквахъ, зайшовъ и въ главну, печерську церкву. Дивытця, ажъ тамъ канистає такій бидный-бидный та обидранный. Подывывсь винь тай каже старшѹму архымандрытови: «А шо ты

---

¹⁾ Историческое лицо.

думаешъ, отче архимандрите? Зроблю я вамъ новый канистасъ». — «О, це велике дило, та чи можешъ тилько ты выста-
чити усего, шо потрибно на той канистасъ?» «Можу, каже;
якъ не самъ, то всімъ запорожськимъ кошомъ». Тай пидря-
дывсь ажъ на двадцять тысячь. Отъ якіи канистасъ! Приїзжа
на Сичу, збира усе товариство тай каже: «оттакъ и такъ,
оттакъ и такъ... А шо, братци, збудуемо новый канистасъ до
святой печерской церкви, шобъ божи угодники и объ насъ
Бога благали». — «А шо жъ? Збудуемо, збудуемо, пане-отамане!»
Отъ заразь зибрали двадцять тысячь карбованцивъ и виддали
кошовому. Кошовый зложивъ ихъ до купы, угорнувъ у паперъ
тай пославъ якимсь козакомъ ажъ у самый Кіивъ. Прихавъ
той козаць у Кіивъ, прійшовъ до главной печерской церкви
тай пыта у ченцивъ: «А де тутъ у васъ найстаршій архи-
мандритъ живе?» Ему показали. Пидійшовъ винъ до того архи-
мандрита, такъ у чому бувъ: у червоній куртци та въ широ-
кихъ штанахъ,—пидійшовъ до того архимандрита, узявъ обома
руками благословеніе, та потимъ и вытяга изъ кишени паперъ.
Архимандритъ дывитця на него. Вытягъ й подае. Нема на тому
паперу ни пидписа, ни печати. Архимандритъ узявъ у руки тай
пыта: «Шо це таке?» — «Та це батько кошовый приславъ вамъ
двадцять тысячь карбованцивъ на построеніе канистаса у глав-
ній печерській церкви». «Эге, та яка жъ у васъ на Сичи и
простота! Така велика сумâ тай незапечатувана та ще й безъ
пидписа». «Та намъ, отче, и писати николи. Тай на-що? Мижъ
нашимъ товариствомъ крадишки не бува». «Добри у васъ зви-
чай! це й намъ треба у васъ перенимати... Ну, скажи жъ ве-
лике спасыби пану кошовому та передай ему оци дви иконы на
благословеніе».

— А чи були жъ у самыхъ запорожцивъ духовни?

— А якъ же? У ихъ були и попы, и дьяконы, и пала-
мари, тилько усе изъ ченцивъ. А може буды таки, якъ и вовы:
такъ понабигали. Вони держали ихъ и въ Сичи и по зымовни-
кахъ, де були церковци, хиба у глухому степу, де ни церкви

ни людей, то тамъ же и духовенства не було. Та вони й сами таки були грамотін, шо и въ церквахъ на крылосахъ могли правыти.

— Такъ отъ якъ вони жили! А дежъ вони хоронили своихъ покойныкивъ?

— Якъ умиравъ козакъ у Сичи, то тамъ було особе кладовище, тамъ и хоронили его, а якъ умиравъ на зимовнику, то его хоронили або середь степу, або на берегу рички, або де въ балци, чи выбальци: де живъ, тамъ и хоронили. А хоронили при всимъ козацькимъ убранстві у каптани, черкесци, у сальянахъ, у шапци, ще й при оружіи. Гробы робыли изъ сосныны, изъ дубины, изъ вербыны; у гробъ ставляли иноди и пляшку зъ горилкою, а иноди ще черепяну люльку. Оце вмеръ козакъ. «А ну-мо, товариши, поставымо ему пляшку горилки у головы, бо покойныкъ любивъ и!» Тай поставлють. То зъ роскоши!.. Зверху насыпали високу могилу, а поверхъ могилы ставили камьяный хрестъ, зробленный самымъ покойныкомъ ще за живота. Ото жъ и спивають писню:

«Що взявъ козакъ за жиночку
Высокую могилочку, зеленую долиночку»

— Такъ отъ якъ воно діялось!

— Такъ именно и діялось.

— Теперъ уже наче все мы перебалакали; скажить, дидуню, де вони дились, ти запорожци?

— Де дились запорожци? Зійшли геть!

— А чого жъ вони зійшли геть?

— Не помырылись, бачьте, съ царыцею Катериною, такъ вона й прогнала ихъ видциля. Бачьте такъ, шо покозакували-покозакували соби тай подались геть. Де яки пишли пидъ турка, а де яки позаставались и тутъ; тоди и мій батько отуть саме силы. Передъ тимъ якъ выгонитъ запорожцивъ, такъ тутъ проихавъ Потемка; винъ выдывывсь усю справу запорожцивъ тай зигнавъ бидолахъ звидциля. А писля него уже билга тутъ сама царыця, оглядала усе степы.—ось тутъ, на балци Камь-

яньци, понызче Чернышевой, а повызче Новопавлówki, и мыли ставили, де вона пробигала. Мени тоди було такъ, шо годъ шестнадцять... Эй, гирьо прійшлось бидній сыроми! Тоди ото й писню зложили до зруйнування Сичи, шо, каже:

«Ой пишли, пишли славни запорожци
А не пишки, дубами;
А якъ оглянутця до славной Сичи,
То выиютця слезами...

— И куды жъ вони пишли?

— Далеко и на далеки земли: ажъ на Дунай, пидь турка. Довго вони тамъ жили, ажъ поки не обрали соби за кошового Осыпа Гладьбого; такъ той уже перевивъ ихъ знову сюды. Колы чули, есть Черноморьски коваки, такъ то запорожського званія. Те, та не те!

На этомъ я и покончилъ свою бесѣду съ Иваномъ Игнатовичемъ Россолодой. Въ заключеніе я выразилъ желаніе осмотрѣть мѣсто бывшего бурдюга отца Россолоды, и старикъ съ готовностью показаль мнѣ. Мѣсто бурдюга находится въ огородѣ меньшого сына Ивана Игнатовича, Ивана; оно имѣетъ восемь аршинъ длины и четыре ширины; около него росла верба, посаженная еще отцомъ Ивана Игнатовича, но недавно срубленная сыномъ послѣдняго. «Уже я его пополаявъ за ту вербыну. Воно бувъ поставленъ коло бурдюга стовпъ вербовый, та той стовпъ принявся, и выросла изъ него вербына, а винъ (сынъ) визьми тай зрубай и». У Ивана Игнатовича отъ отца оставался еще «вимшаныкъ», т. е. погребъ для зимовки пчель, но онъ уже давно завалился; теперь отъ него осталась лишь одна яма, находящаяся въ огородѣ другого сына Ивана Игнатовича, Самойла.

Близъ двора Ивана Игнатовича Россолоды, въ огородѣ крестьянина Прокопа Шила, есть интересное мѣсто, достойное вниманія археологовъ: среди совершенно ровной поверхности земли образовалась впадина, въ видѣ правильного четырехугольника, въ которомъ каждая изъ продольныхъ сторонъ имѣетъ по 20 аршинъ, а каждая изъ поперечныхъ—по шести аршинъ. «Якъ орешъ оце

мисто, то земля наче бухкотыть; а весною у оцю росколюку усе крыга сунетця, а вода ажъ реве, и не-выдко, куды вона выходе звидтиля. Якось мы взяли боляку, «ажень пять довжныни, тай давай и забивати у росколюку, такъ вона уся увійшла, а дна и не достала. Шо воно такє есть, не можемо розибрать; тутъ якось нашли горщикъ зъ якимсь нарядомъ: пряжечками, гапличками, реминьчиками; тутъ же нашли и стрилку якусь, нижъ стальной, посудыну склянну. Чи не лехъ це запорожскій?»

На разстояніи около двухъ верстѣ отъ острова Томаковки стоить деревня Марьевка, принадлежащая владѣлицѣ Е. М. Очеретъковой. Возлѣ Марьевки, въ балкѣ Отченашковой, обращаетъ на себя вниманіе песчаниковый намогильный крестъ, высоты съ небольшимъ полтора аршина. На немъ сдѣлана надпись, къ сожалѣнію попорченная дробью: крестъ служилъ мишенью для выстрѣловъ какихъ-то неучей, родственниковъ владѣлицы. Изъ попорченной подписи съ трудомъ можно было разобрать только слова: «Миръ—рабъ божій козакъ... Павло Горисько... мѣсяца ноября года»...

На разстояніи около пяти верстѣ отъ села Чернышовки, въ балкѣ Каменкѣ, стоятъ два намогильныхъ запорожскихъ креста съ надписями. Изъ нихъ первый советѣмъ вошелъ въ землю, а другой еще стоить надъ землей, въ огородѣ крестьянки Просьяничниковой, и имѣеть съ восточной стороны надпись: «Зде опочиваетъ рабъ божій висилій колядумишній шкуринскій преставися 1756 году мѣсяца апрѣля 2 дня». Мимо балки Каменки изъ-подъ острова Томаковки идетъ Рѣчише съ двумя притоками: съ правой—Тарасомъ и Прогномъ, и съ однимъ притокомъ съ лѣвой стороны, Днѣприщемъ, т. е. мѣстомъ, гдѣ проходилъ старый Днѣпръ, вправо отъ теперешняго Днѣпра. Ниже этихъ трехъ притоковъ идетъ другой, съ правой стороны, Старое-Рѣчище, — рукавъ теперешняго Рѣчища, отдѣленный отъ перваго Плавенымъ островомъ; ниже втораго Рѣчища начинается лиманъ, который идетъ изъ устья балки Каменки и соединяется съ Рѣчищемъ у Лысой-горы, подъ селомъ Новопавловкой, предмѣстьемъ

Никополя. Все это пространство, от села Чернышовки и до села Новопавлówki, водою, опредѣляется въ семь верстѣ. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе какъ самая Лысая-гора, такъ и то кладбище, которое находится непосредственно у горы. Названіе «Лысая-гора» встрѣчается еще у извѣстнаго Эриха Ласоты, въ 1594 году ¹⁾. По своей обнаженности эта гора дѣйствительно можетъ назваться Лысой, но по почвѣ ее можно было бы назвать Красной, потому что она вся состоитъ изъ красной глины. Высота ея—около двѣнадцати саж.; въ сущности—это не больше, какъ мысъ, омываемый съ одной стороны Днѣпромъ, а съ другой Лиманомъ, мысъ совершенно отвѣсный, ежегодно обрушивающійся въ Днѣпръ. Съ самой вершины Лысой горы открывается великолѣпный и далекій видъ, по направленію къ сѣверу и востоку, и на весь островъ Томаковку съ его курганами и известняковыми копиями и на весь песчаный, открытый лѣвый берегъ Днѣпра. Съ южной стороны къ самой Лысой горѣ примыкаетъ запорожское кладбище, а тотчасъ за кладбищемъ начинается село Новопавлówka. Длина всего кладбища—22 саж., ширина—16 саж.; въ самой срединѣ его возвышается небольшой курганчикъ. По рассказамъ старожиловъ, еще въ недавнее время на кладбищѣ стояло очень много каменныхъ крестовъ съ надписями, но теперь уцѣлѣлъ лишь одинъ такой крестъ. Онъ имѣетъ полтора аршина высоты и одну четверть толщины. Съ восточной стороны на немъ сдѣлано обычное распятіе, а съ западной вырѣзаны слова: «1729 Рокѣ мѣсяци іюля 10: зде опочиваетъ рабъ божіи василий гайдукъ товаришь куреня левушковскаго»:

---

¹⁾ Путевыя записки. Одесса, 1873 г., стр. 52.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Закряче воронъ степомъ летючи,
Заплаче зозуля лугомъ скачуче,
Закрюкають кречеты сызи,
Зажахаютьця орлы хыля
Та все, та все по своихъ братахъ,
По буйныхъ товаришахъ козакахъ.

Народная пѣсня.

Теперь мнѣ предстояло осмотрѣть мѣстечко Никополь, гдѣ была слѣдующая послѣ Томаковской Сичи Микитинская или Микюлинская Сича. Никополь, или по старинному Микитинъ-рогъ, Микитинъ перевозъ, Микитина застава, Микитино, есть мѣстечко екатеринославской губерніи и уѣзда, вторая пристань на рѣкѣ Днѣпрѣ ниже пороговъ. Никополь расположенъ на правомъ, очень возвышенномъ берегу Днѣпра; мѣстоположеніе его — одно изъ самыхъ красивыхъ на всемъ протяженіи рѣки отъ г. Александровка и до г. Херсона. Уже не доѣзжая до Никополя, путешественникъ видитъ прекрасную, какъ бы висящую въ воздухѣ пятиглавую церковь съ ея высокой каменной колокольней, по обѣимъ сторонамъ которой и живописно, и симметрично обрисовываются небольшіе съ зелеными или черными крышами домики, обсаженные тополями, акаціями и темно-зелеными развѣсистыми шелковицами. Все это вмѣстѣ придаетъ мѣстечку такой видъ, будто оно купается въ зелени садовъ. Самый Днѣпръ у Никополя раздѣляется на два рукава: лѣвый, собственно Днѣпръ, который идетъ прямо, и правый, такъ-называемая рѣчка Орлова,

которая, обогнувъ островъ Орловъ, идетъ направо къ Никополю. По послѣдней рейсируютъ и пароходы, такъ какъ она по своей глубинѣ и еще больше того по ширинѣ (до 250 саж.) можетъ поспорить даже съ самымъ Днѣпромъ.

Относительно наименованія мыса или рога Микитинымъ существуетъ такое, довольно вѣроятное, объясненіе. «Нѣкто Микита, предприимчивый малороссъ, плѣнясь разказами своихъ собратій, бывавшихъ въ походахъ противъ крымскихъ татаръ, о привольяхъ Днѣпра, изобилующаго рыбой и разнаго рода звѣрями — отъ оленя и дикой лошади до пугливаго зайца, плодившихся на обширныхъ островахъ его, а можетъ быть и самъ участвовавшій въ походахъ противъ басурманъ, съ которыми издревле Украина вела войны, — этотъ Микита поселился на мысѣ у Днѣпра, который и получилъ названіе его имени — Микитинъ-ригъ. Предмѣстье Никополя и теперь носитъ названіе Микитине»¹⁾.

Когда же именно и къмъ основана на Микитиномъ-рогѣ Запорожская Сича? По сказанію Дзѣвовича, Микитинская Сича основана на Микитиномъ-рогѣ во время возобновленія крѣпости Кодака, т. е. 1638 году, нѣкимъ козакомъ Федоромъ Линчаемъ. Но почему запорожцы оставили свою Сичу на Томаковкѣ и перенеслись на Микитинъ-рогъ — объ этомъ ни Дзѣвовичъ и никто другой не даетъ намъ указаній. Однако пребываніе запорожскихъ козаковъ Сичею на Микитиномъ-рогѣ несомнѣнно. На это мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, и весьма достойныхъ писателей, исключая, впрочемъ, Боплана и Эриха Ласоты, изъ коихъ первый совсѣмъ не упоминаетъ о Микитинѣ, а другой ограничивается весьма краткимъ сообщеніемъ о немъ. «Мы дошли до Никитина-рога на лѣвой русской сторонѣ и немного выше, до небольшого острова, гдѣ переночевали»²⁾.

¹⁾ Записки одесскаго общества исторіи и древностей. Одесса, IX, стр. 523.

²⁾ Пут. зап. Эр. Ласоты. Одесса, 1873, стр. 51. Ласота вхалъ на этотъ разъ вверхъ противъ теченія Днѣпра.

Но если у Боплана мы ничего не находимъ о Микитинѣ, а у Ласоты лишь краткое извѣстіе о немъ, то за то другіе писатели дѣлаютъ пребываніе запорожскихъ козаковъ на Микитиномъ-рогѣ несомнѣннымъ. Такъ, Мышецкій, представляя порядокъ запорожскихъ Сичей, между другими, говоритъ и о Микитинской, «которое урочище состоитъ на правой рукѣ берегу, противъ Каменнаго затону ¹⁾... При оной рѣкѣ (Пидпильной или Орловой) имѣется урочище Микитино, гдѣ въ древніе годы бывали запорожскія Сѣчи. При ономъ урочищѣ имѣется ретранжементъ, построенный отъ россянъ въ прежнюю турецкую войну, гдѣ, при ономъ урочищѣ, оставленъ былъ обозъ, въ командѣ гетманскаго сына Поповича ²⁾. То же свидѣтельство подтверждаетъ и Ригельманъ въ своемъ «Лѣтописномъ повѣствованіи о Малой Россіи» ³⁾; это же принимаетъ и Бантышъ-Каменскій ⁴⁾, а вслѣдъ за нимъ и Маркевичъ ⁵⁾. Сича Микитинская освящена пребываніемъ бывшаго одно время на ней Богдана Хмельницкаго. Это было уже въ началѣ исторической дѣятельности знаменитаго гетмана. Хмельницкій содержался въ тюрьмѣ въ с. Бужинѣ, чигиринскаго повѣта, кievской губерніи и, по предписанію короннаго гетмана Потоцкаго, долженъ былъ подвергнуться смертной казни, какъ человѣкъ, завѣдомо стоявшій во главѣ народнаго возмущенія противъ польскаго правительства. Но въ то время, когда въ Бужино пришло такое грозное предписаніе, казнить уже некого было. Хмельницкій съ сыномъ своимъ Тимошеемъ убѣжалъ на Запорожскую Сичь ⁶⁾. Запорожская Сича была тогда на Микитинскомъ-рогѣ; Хмельницкій

---

¹⁾ Теперь сл. Малая Знаменка или Каменка, таврической губ. мелитопольскаго уѣзда, въ двухъ верстахъ ниже Никополя.

²⁾ Исторія о каз. запорож. Одесса, 1852 г., стр. 10 и 69.

³⁾ Москва, 1847 г. Часть I, стр. 2.

⁴⁾ Исторія Малоросс., Москва, 1842 г., т. II, прим. 10.

⁵⁾ Исторія Малоросс. 1842 г., стр.

⁶⁾ Хмельницкій сперва помѣстился на о. Томаковѣ, или Бурцѣ, теперешнемъ Городищѣ, а потомъ, неприяженно встрѣченный здѣсь «лишайцами», удалился на Микитинскую Сичу.

прибыль туда 11 декабря 1647 г.»¹⁾ Онъ собралъ въ Сичи раду и на радѣ сказалъ трогательную рѣчь, которая глубоко запала запорожцамъ въ сердца и которая подвинула ихъ на высокій подвигъ освобожденія Украйны отъ польскаго ига. «Вѣра наша святая поругана... Надъ просьбами нашими сеймъ поглумляется... Нѣтъ ничего, чего бы не рѣшился съ нами сдѣлать дворянинъ... Войска польскія... ходять по селамъ и часто цѣлыя мѣстечки истребляютъ до тла, какъ будто замыслили истребить родъ нашъ!.. Отдали насъ въ рабство проклятому роду жидовскому. Смотрите на меня, писаря войскового запорожскаго, стараго козака... меня гонять, преслѣдуютъ только потому, что такъ хочется тиранамъ... Къ вамъ уношу душу и тѣло; укройте меня, стараго товарища; защищайте самихъ себя: и вамъ то же угрожаетъ»²⁾! Такимъ образомъ на Микитинской Сичи Богданъ Хмельницкій нашель себѣ пристанище, услышалъ первый откликъ на защиту всей Украйны, здѣсь онъ увидѣлъ искреннее желаніе со стороны «добрыхъ лыцарей» сражаться за униженіе предковской вѣры, и за оскверненіе православныхъ храмовъ; здѣсь же Хмельницкій, выбранный на общей козацкой радѣ гетманомъ всего запорожскаго и малорусскаго войска, самъ того не сознавая, положилъ начало осуществившемуся впоследствии слитію въ одно политическое тѣло Малороссіи и Великороссіи.

Но Сича Микитинская, также какъ Хортицкая, Базавлуцкая и Томаковская, существовала не долго, по крайней мѣрѣ не долѣе 1652 года, такъ какъ съ этого времени начинается свою историческую роль слѣдующая за Микитинскою Сичею, Сича Чортотмыцкая. Въ 1669 году, въ договорѣ поляковъ съ русскими (въ Андрусовѣ), Микитино именуется уже не Сичею, а перевозомъ; а съ 1734 года оно дѣлается уже селомъ, гдѣ кромѣ коренныхъ жителей имѣютъ свое мѣстопробываніе и должностныя отъ Сичи лица: шафарь и подшафарій, писарь и

¹⁾ Костомаровъ. Богд. Хмельницкій. Спб. 1870, т. I, стр. 78.

²⁾ Марковинъ. Очеркъ исторіи зап. казач. Спб., 1878 г., стр. 52. См. также разсужденіе о запорожцахъ Г. Миллера, Москва 1848 г., стр. 51.

подписарій—лица, которыя отбирають деньги у проезжихъ за переправу черезъ Днѣпръ, доставляютъ ихъ въ общую войсковую скарбницу и ведутъ о томъ прихода-расходныя книги. Кромѣ того, здѣсь-же была таможня, содержались караульные козаки, пограничный комиссаръ отъ московскаго правительства для разбора спорныхъ вопросовъ между запорожскими козаками, съ одной стороны и татарами—съ другой. Сверхъ того, въ Микитинѣ жилъ толмачъ, иначе переводчикъ, знавшій кромѣ русскаго языка языки турецкій и татарскій и снабжавшій всѣхъ ѣхавшихъ въ Крымъ и далѣе за-границу билетами на турецкомъ или татарскомъ языкѣ. Впрочемъ, какова-бы ни была роль Микитина, но оно, какъ село, было въ то время и далеко нелюдно и далеко небогато: въ немъ жило всего лишь до 40 хатъ семейныхъ жителей и до 150 должностныхъ козаковъ, а все богатство его выражалось 300 зимовниковъ, принадлежавшихъ ему. Въ такомъ видѣ и оставалось Микитино до 1775 года, того рокового въ исторіи Запорожья года, когда козаки, потерявъ политическое бытіе, частью ушли къ туркамъ, частью-же остались на родинѣ и наполнили собою разныя села семейныхъ запорожцевъ, жившихъ по отдаленнымъ отъ Сичи зимовникамъ. Тогда-то и Микитино возросло въ численности своихъ жителей. Въ 1764 году оно вошло въ составъ сель учрежденной тогда новороссійской губерніи; 1782 году, по волѣ князя Григорія Потемкина, въ то время новороссійскаго губернатора, Микитино было переименовано изъ мѣстечка въ уѣздный городъ Никополь (Nikopolis—городъ побѣды), но спустя годъ Никополь изъ уѣзднаго города снова переименованъ въ мѣстечко, какимъ остался онъ и по настоящее время. Теперь это торговое, промышленное и довольно людное мѣстечко (за 12 тысячъ жителей), имѣющее пять большихъ школъ, почту, телеграфную станцію, аптеку, двѣ церкви и до сотни лавокъ. Оно раздѣляется на концы: Микитинку, Довголевку, Лалинку и собственно Никополь или среднюю часть. Изъ церквей главная—Покровская, деревянная, построенная въ 1796 году съ

такую-же колокольной, придѣланной къ церкви въ 1806 году, и кладбищенская, каменная, построенная въ 1858 г. съ каменною колокольной, построенной въ 1865 году. Первая церковь, деревянная, построена была въ Никополѣ еще въ 1734 году запорожскими коваками. Однако, эта первая церковь была уничтожена пожаромъ. Тогда запорожцы соорудили новую церковь во имя Покрова пр. Богородицы, также деревянную съ одною банею (куполомъ), по примѣру крыжовой (католической), съ иконостасомъ «увязаннымъ на полотнѣ». Когда это было—неизвѣстно, но въ 1777 г. эта церковь считается уже обветшавшей и въ ней «хотя сего 1777 года, генваря 23 дня, по опредѣленію Словенской консисторіи, преосвященнымъ Евгениемъ, архіепископомъ Словенскимъ подтвержденному, и опредѣленъ былъ священникъ Петръ Рассевскій, ... но нынѣ означенная Никитская Свято-Покровская церковь остается безъ священниковъ, праздною»¹⁾. Вслѣдствіе отсутствія положительныхъ данныхъ, нельзя ничего сказать о томъ, была-ли на Микитинѣ еще при существованіи тамъ Сичи постоянная церковь или нѣтъ. Преданіе, впрочемъ, разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ смыслѣ положительномъ.

Въ настоящее время въ Никополѣ отъ бывшей запорожской Сичи не осталось и слѣда. Не болѣе какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, у тепершняго Никополя, вмѣсто настоящей рѣчки Орловой, была рѣчка Пидпильна. «Днѣпръ,—свидѣтельствуеъ г. Карелинъ,—годъ отъ году размывая берега Пидпильной вливающимися въ нее струями, при весеннемъ половодіи, занялъ наконецъ весь лугъ и образовалъ рѣчку, называемую нынѣ Орловой»²⁾. Но этого мало. Мѣста, гдѣ была самая Сича знаменитаго Микитина-рога, совсѣмъ не существуетъ: оно смыто весеннимъ половодіемъ и унесено Днѣп-

¹⁾ Матеріалы для историко-статистич. опис. Екат. Епар. Екат. 1880 г., т. I, стр. 64. См. также Записки одесскаго общества исторіи и древн. Одесса, 1867 г. т. VI, стр. 532.

²⁾ Карелинъ. Записки одесск. общ. ист. и древн., т. VI, стр. 524.

ровскою водой. Бывшая во время запорожцевъ у Никитина небольшая рѣчка Пидпильна теперь превратилась въ широкую рѣку Орлову.

«Во время Запорожья между Пидпильной и Днѣпромъ красовался лугъ; по лугу разсѣяны были запорожскія могилы, стояла часовенка, гдѣ теплилась неугасаемая лампада. Тутъ росла дикая, развѣсистая, высокая груша, на этой грушѣ свилъ себѣ гнѣздо большой орель, отчего это мѣсто назвали Орлово. Днѣпръ въ одинъ изъ большихъ своихъ разливовъ слился съ Пидпильной, и образовалась рѣка Орлова, сдѣлавшаяся потомъ большимъ притокомъ Днѣпра; по ней-то въ настоящее время и идетъ пароходъ. И потекла, вобравши въ себя прежнюю Пидпильную рѣчку и лугъ, рѣка Орлова по запорожскимъ могиламъ, и цѣлые гробы запорожскіе нерѣдко она вымываетъ изъ могилъ и уноситъ водою въ даль. Толкуя это по-своему, мѣстные потомки запорожцевъ, для которыхъ дѣла дѣдовъ обратились въ благоговѣйное воспоминаніе и облеклись въ живое сказаніе, говорятъ: почували въ землѣ наши лицари-богатыри, что въ туречини народу христіанскому горькое, беда-бидовая, что бусурманинъ рѣжетъ ихъ за Дунаемъ, въ Анатолиі, и плывутъ они къ нимъ на помощь, на выручку, стать имъ въ великой пригодѣ, плывутъ и мертвые неби живые, въ Днипро-Словуту, до своего козацкаго батька; плывутъ въ своемъ нарядѣ боевомъ знакомой дорогой, къ бывшему Кизикерменю, старому Очакову, замыкавшему путь въ Черное море, которое наши козаки отпирали своими саблями, плывутъ они, какъ плыли когда-то они на выручку христіанъ въ самое гнѣздо бусурманъ, когда на своихъ бойкихъ чайкахъ громили татарскіе и турецкіе города, чинили расправу Кафѣ, торговавшей человѣческимъ невольничествомъ, прогуливались по полуденнымъ берегамъ Черноморья, на Босфорѣ, на Дунаѣ, запаливали люльки Синопомъ, Трапезонтомъ, прожигали крылья Бѣлому-городу, давали нюхати пороху Царю-городу!!¹⁾).

¹⁾ Цадхинъ. Память о запорожьѣ. Москва, 1877 г., стр. 65.

Ч. II. Рис. 12.

Напрестольный крестъ въ Никополѣ.

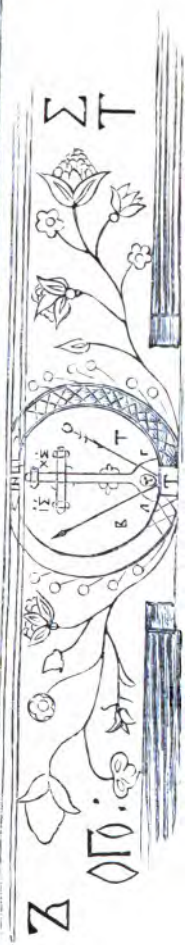
Бабаджана, дагѣ черезъ загонъ Ивана Бабушкина, чрезъ огородъ Прокофія Демуры, черезъ дворъ Федора Безриднаго и отсюда уже совсѣмъ теряются. Въ общемъ, эти укрѣпленія имѣютъ видъ правильнаго круга и обнимаютъ собою очень большое пространство земли, по измѣренію г. Карелина, 750 саж. длины и 500 саж. ширины, захватывая собою всю базарную площадь Никополя и довольно большое число крестьянскихъ дворовъ. Трудно сказать съ точностью, къ какому времени относится данное укрѣпленіе; но если думать вмѣстѣ съ г. Карелинымъ, то оно насыпано жолнѣрами польскаго гетмана Потоцкаго, для наблюденія за дѣйствіями козаковъ, во время пребыванія на Микитинской Сичи Богдана Хмельницкаго ¹⁾). Впрочемъ, намъ кажется мало вѣроятнымъ такое предположеніе. И въ самомъ дѣлѣ, странно было бы допустить, чтобы запорожцы, жившіе въ Микитинской Сичи, позволили полякамъ насыпать крѣпость всего лишь на разстояніи какихъ-нибудь пяти верстъ отъ самой столицы козацкаго кишла. И это тѣмъ невѣроятнѣе, что самъ авторъ «Исторіи о козакахъ запорожскихъ», кн. Мышецкій, прямо свидѣтельствуеетъ, что существующіе у Микитинской Сичи «ретраншементы», насыпаны «отъ россіянъ въ прежніе годы, какъ хаживали на Крымъ воевать» ²⁾).

Изъ другихъ вещественныхъ памятниковъ, оставшихся въ Никополѣ отъ запорожскихъ козаковъ, обращаетъ на себя вниманіе главнымъ образомъ рубленный домъ, 18 аршинъ длины, 8 аршинъ ширины и 3 высоты, принадлежавшій нѣкогда двумъ запорожскимъ старшинамъ и теперь составляющій собственность Ксеніи Панченковой. Домъ сохранился въ такомъ-же видѣ, какъ былъ при запорожцахъ, кромѣ квадратныхъ оконъ, которыми замѣнены круглыя окна («якъ тарилочки») да небольшой пристройки, придѣланной къ задней части его. Онъ раздѣляется большими сѣнями на двѣ половины: свѣтлую и черную, изъ коихъ каждая, въ свою очередь, раздѣляется на двѣ: свѣтлая

¹⁾ Записки одесскаго общ. истор. и древн. Одесса, 1867, т. IX, стр. 525.

²⁾ Исторія о каз. зап. Одесса, 1852, стр. 10.

БІЛГОЛОВЕНІЄ: СЪДА: ИВРОМЕНІЄ: ΣΙΑ ИСОДЪИВІВЪ МЪ
 ΣΟДЪСА ДОМЪ ΣΕИ ЯКОТО МЪ ПАНА ВАСИЛІА ТРГОРИЄ ВЪ ЧЕЗНАНОГО

ΣΤΑΤΟ ДХА ЛАМИНЪ: 1747 ГОДА:
 ТОВАРИША КХРЕНІА МЕСКОГО: МЦ АМІГЪСТА 13

Ч. II. Рис. 10

Сволокъ и лутки запорожскаго куреня.
 Рисунокъ И. Е. Рѣпина.

имѣть кимнату съ кафляной печкой, и опочивальню, отдѣленную отъ кимнаты лимпачовою стѣною,—обѣ съ выходомъ въ сѣни; черная половина раздѣлена также на два помѣщенія: кухню и кладовую, отгороженныя одна отъ другой глухою стѣною и также имѣющія выходъ въ сѣни. Принадлежность дома запорожскимъ старшинамъ засвидѣтельствована слѣдующею надписью, сдѣланною на его сволокѣ: «создася домъ сей рабомъ божимъ онфріемъ (т. е. Онуфріемъ) назаровичемъ буреннымъ васюринскимъ да бурѣннымъ переяславскимъ гавриломъ игнатовичемъ 1751 года июля 12 дня». На самой срединѣ надпись эта раздѣлена высѣченнымъ изображеніемъ креста съ обычными при немъ деталями: копьемъ, тростью и пр. Сволокъ имѣеть 19 арш. длины, сдѣланъ изъ сосны (см. табл. X).

Въ Никополѣ былъ и другой такой-же домъ, съ подобнымъ-же сволокомъ; онъ принадлежалъ женѣ купца, Шмагайловой; но въ настоящее время проданъ еврею Тиссену; Тиссенъ часть дома обратилъ въ кухню, часть сжегъ. А сволокъ вдѣлалъ въ сѣверную часть стѣны кухни. Этотъ сволокъ имѣеть длины восемь аршинъ и толщины четыре вершка; на немъ, какъ и на первомъ, сдѣлана была надпись въ такомъ родѣ: «Изволеніемъ Бога Отца Искупителя Исусъ Христа и совершеніемъ Святаго Духа Амынь, созданъ домъ сей стараніемъ Максима Калниболоцкого: 1746 году іюня».

Оба домика собственно построены были не въ Никополѣ, а въ с. Покровскомъ, мѣстѣ послѣдней запорожской Сичи, а отсюда ужъ, послѣ купли, перевезены въ Никополь.

Кромѣ домовъ, есть еще въ Никополѣ запорожскій курень, во дворѣ купчихи Анны Степановны Гончаровой. Онъ весь рубленъ изъ дерева, имѣеть 10 аршинъ длины и 5 арш. съ четвертью ширины; для входа въ него сдѣлано двое дверей съ рѣзными лутками, окрашенными въ красную и зеленую краску. На одной изъ лутокъ вырѣзана слѣдующая надпись: «1763 года июня 6 д. построинъ курѣнь пол» (см. табл. X). Къ сожалѣнію верхняя часть лутки отрублена, а съ ней уничтоженъ и конецъ надписи.

Изъ другихъ древностей запорожскихъ, находящихся въ частныхъ рукахъ, интересна большая глиняная амфора, принадлежащая домовладѣльцу Михаилу Егорьевичу Мержанову. Амфора найдена въ Днѣпрѣ крестьяниномъ Григоріемъ Маньковскимъ; она имѣетъ въ окружности 11 четвертей, высоты 5 четвертей, вѣситъ четыре пуда и съ наружной стороны украшена осьмнадцатью вѣнцами. Толщина стѣнокъ амфоры—около трехъ мужскихъ пальцевъ. Видимо, она служила у запорожцевъ вмѣсто закрома или сосуда для жидкостей ¹⁾. Но кромѣ этого въ Никополѣ, отъ времени запорожскаго козачества, сохранились и другіе вещественные памятники, сдѣлавшіеся исключительно достояніемъ соборной церкви. Такова, напримѣръ, пушка, находящаяся въ церковной оградѣ, съ правой стороны, положенная на двухъ песчаниковыхъ камняхъ ²⁾. Она отлита изъ мѣди, длины пять четвертей, ширины четыре четверти (ручная), со шпилемъ съ глухой стороны въ полторы четверти и съ горломъ до четверти величины. На ней сдѣлана надпись: $S^A_4 R^U_{20}$ и штемпель въ видѣ круга съ крестикомъ по серединѣ: ⊕. Это одна изъ тѣхъ пушекъ, которыя найдены крестьяниномъ Никополя Михаиломъ Козачкомъ, въ плавнѣ, принадлежащей помѣщицѣ Нечаевой, среди Днѣпра, въ 1872 году, на третій день Троицы. Пушки, видимо, работы польской, но были въ употребленіи у запорожцевъ. Изъ трехъ найденныхъ Козачкомъ пушекъ одна куплена извѣстнымъ археологомъ А. Н. Подемъ въ Екатеринославѣ, другая приобрѣтена въ Одессу для музея исторіи и древностей извѣстнымъ ученымъ, теперь уже покойникомъ, Н. Н. Мурзакевичемъ. Кромѣ пушки, въ оградѣ стоитъ еще желѣзный крестъ съ церкви, построенной на Никитинѣ въ 1747 году. Церковь эта была перенесена въ с. Шолохово, херсонскаго уѣзда, а мѣсто, гдѣ она стояла, смыто водой. Въ самой церкви хранится также нѣсколько памятниковъ запорожскаго

¹⁾ Приобрѣтена В. В. Тарновскимъ, владѣльцемъ с. Качановки, черниговской губ., борзейскаго уѣзда.

²⁾ Приобрѣтена В. В. Тарновскимъ. См. назадъ стр. 57, табл. I.

Ч. II. Рис. II.

Икона Богоматери въ Никополѣ.

козачества. Въ средней части храма, въ углу стѣны, отдѣляющей переднюю часть отъ средней, на лѣвой сторонѣ, помѣщена икона, обращающая на себя вниманіе уже одною своею отдѣлкою. Она вложена въ большой кіотъ и представляетъ изъ себя круглую серебряную доску, со вставленными на ней, въ видѣ креста, бѣлыми, зелеными и красными камнями, съ вырѣзаннымъ по краямъ сіяніемъ и съ девятью изображеніями ликовъ: Духа святаго, четырехъ апостоловъ, Маріи Магдалины, Богоматери, Іоанна Богослова и свѣтлаго ангела, стоящаго у подножія гроба. Главный интересъ иконы — въ деревянномъ кипарисовомъ крестѣ, вдѣланномъ въ самую средину ея: онъ заключаетъ въ себѣ драгоценнѣйшую святыню, — кусочекъ животворящаго древа, на которомъ былъ распятъ Спаситель. величиною въ одинъ дюймъ, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая краткая, но весьма выразительная надпись, сдѣланная на доскѣ, ниже креста: «У семь крестѣ животворящее древо». Ниже этой надписи сдѣлана другая: «Сія Таблица До храму Покрова пресвятой Богородици сооружена кошто* всего Войска Запорозкого А стараніемъ Ктитора Павла за Атамана кошового Павла козлицкого 1747 году м-ца Октоврня 2 дня. вѣсу во всѣй 3 ф. 76 зол. 5.7». Въ кіотъ икона вдѣлана въ 1851 году. Въ этой-же, средней или второй части храма, помѣщены четыре хоругви, также оставшіяся отъ времени запорожскихъ козаковъ. Изъ нихъ одна сдѣлана изъ двойного бархата, съ одной стороны краснаго, а съ другой зеленаго; на одной сторонѣ бархата изображенъ Покровъ, а на другой воскресеніе Спасителя. Хоругвь имѣетъ видъ квадрата по $7\frac{1}{2}$ четвертей съ каждой стороны. Другая хоругвь сдѣлана изъ простаго холста, съ изображеніемъ съ одной стороны архангела Михаила, а съ другой — Богоматери и ниже ихъ — плачущихъ Адама и Евы. Форма хоругви — квадратъ пяти четвертей съ каждой стороны. Третья хоругвь также изъ холста, имѣетъ изображеніе Богоматери и Спасителя, стоящихъ на солнцѣ, и Георгія Побѣдоносца, стоящаго на змѣѣ. Четвертая хоругвь такая-же, какъ и третья, но только безъ рисунковъ, которые стерты временемъ.

Въ этой-же части церкви помѣщены двѣ иконы, одна Николая, другая Варвары, оставшіяся отъ запорожцевъ. «Сія икона сооружена бывшаго войска запорожскаго куреня титаровскаго козакомъ антономъ Супою въ святопокровскую Никопольскую церковь 1803 года февраля». «Написана сія икона отъ трудовъ Михаила Решетняка (.) уплачена Григоріемъ Шерстюкомъ 1807 года».

Въ третьей части церкви за боковыми дверьми, съ одной стороны на западной стѣнѣ, съ другой—на восточной, одна противъ другой, вблизи иконостаса, помѣщены двѣ иконы, уцѣлѣвшія также отъ времени запорожскихъ козаковъ. Одна изъ нихъ представляетъ Спасителя, другая—Богоматерь съ младенцемъ Иисусомъ на рукахъ (см. табл. XI); обѣ въ кіотахъ за стекломъ; обѣ имѣютъ въ высоту $7\frac{1}{2}$ четвертей, а въ ширину—5, но одна изъ нихъ вѣситъ 13 фунтовъ и 15 золотниковъ, а другая 8 фунтовъ и 48 золотн., мѣдныя, ризы серебряныя. Въ запорожской церкви онѣ были мѣстными, стояли на хорахъ, гдѣ устроенъ былъ другой престолъ во имя чудотворца Николая. Лики реставрированы въ 1866 году, но въ тѣхъ-же самыхъ очертаніяхъ,

Въ самомъ алтарѣ также хранится нѣсколько вещей, оставшихся отъ запорожцевъ. Такъ, на престолѣ есть небольшой кипарисовый крестъ (см. табл. XII), отдѣланный въ серебро и имѣющій слѣдующую надпись: «Сей крестъ зъ мощами святыхъ, отецъ пещерскихъ Лаврентія и Силуана Кушовскаго куреня войска запорожскаго козака Ловрѣна Горба». Кромѣ креста: евангеліе, плащаница, двѣ священническія ризы, аналой, икона Покрова Богоматери, двѣ серебряныя кружки, портреты запорожцевъ Шیانовъ, золотая медаль, данная запорожскому полковнику Коленку, шелковый поясъ и небольшой желѣзный молотокъ.

Евангеліе замѣчательно какъ по отдѣлкѣ и красотѣ, такъ и по вѣсу и величинѣ. Снаружи оно обложено малиновымъ бархатомъ, который окованъ рѣшетчатымъ серебромъ. Съ лицевой стороны на евангеліи изображены пять различныхъ ликовъ,

Ч. II. Рис. 12.

Напестольный крестъ въ Никополѣ.

съ оборотной—ликъ Покрова Богоматери. Въ вышину евангеліе имѣеть аршинъ съ верхкомъ, въ ширину—три четверти, а вѣсомъ безъ трехъ фунтовъ два пуда. Напечатано въ Москвѣ, въ 1759 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, отдѣлано въ 1766 году, какъ это видно изъ самой надписи, сдѣланной на доскѣ евангелія, въ самомъ низу, съ внутренней стороны. «Во всемъ Евангеліи сребра вѣсомъ 28 фунтъ и два золотника. Резанскій мастеръ анофрей немолотовъ». Листы большіе, александрійскіе, печать круная. Съ оборотной стороны къ евангелію придѣлано было четыре подножки, изъ коихъ одной уже не существуетъ. По своей тяжести евангеліе употребляется только два раза въ годъ: на праздникъ Христова Воскресенія и въ день Покрова пресвятой Богородицы; но во всемъ Никополѣ есть только одинъ старикъ, который въ состояніи носить его вокругъ церкви въ означенные праздники, во время крестныхъ ходовъ.

Плашаница сдѣлана изъ двухъ бархатовъ: краснаго по краямъ и чернаго—посрединѣ; на черномъ бархатѣ вышито тѣло Спасителя изъ ковannaго серебра, вокругъ котораго вышитъ тропарь: «Благообразный Іосифъ съ древа снемъ пречистое Тѣло Твое» и проч., а у самыхъ ногъ Спасителя вышты слова: «сія плашаница раба божія іоана горкуши, куреня тимощѣвскаго 1756 года». Длина плашаницы — $11\frac{1}{2}$ четвертей, ширина $6\frac{1}{2}$ четвертей; цѣнится въ 1200 руб. (См. табл. XIII).

Изъ двухъ ризъ одна сдѣлана изъ сплошной золотой парчи, кромѣ оплечья, ковannaго изъ серебра, а другая изъ красной парчи, кромѣ оплечья, сдѣланнаго изъ зеленаго бархата съ шитьемъ изъ золота и серебра. Подкладка въ той и другой холщевая, синяго цвѣта. На одной ризѣ вышитъ Покровъ Богородицы, на другой—Благовѣщеніе. Первая цѣнится въ 1000 р. и есть приобрѣтеніе Коша Чортмлыцкаго, а вторая цѣнится въ 700 р. и приобрѣтена Кошемъ на Пидпильной. Обѣ употребляются только въ большіе праздники. Къ ризамъ имѣются два епитрахля. (См. табл. XIV и XV).

Аналой приобрѣтенъ запорожцами за время отъ 1709 года по 1734 г., когда казаки принуждены были, вслѣдъ за измѣною гетмана Ивана Степановича Мазепы и кошевого Константина Гордѣевича Головка, оставить свои родныя мѣста и удалиться во владѣнія турокъ. Лишившись всего на родинѣ, запорожцы лишились и духовенства, которое присылалось имъ изъ кievскаго межигорскаго монастыря. Но чтобы имѣть возможность удовлетворять своимъ религіознымъ потребностямъ въ новомъ отечествѣ, запорожцы обратились къ царградскому патриарху съ просьбою о высылкѣ имъ священниковъ. Патриархъ не только удовлетворилъ просьбѣ запорожцевъ, но, для увѣренія въ полномъ къ нимъ расположеніи, послалъ даже нѣсколько подарковъ, въ видѣ разныхъ церковныхъ вещей, между коими былъ и аналой. Этотъ-то аналой и хранится теперь въ Никополѣ, въ соборной церкви. (См. табл. XVI.) Онъ сдѣланъ изъ дерева, называемаго по-арабски «абонось», и сверху обложенъ черепахой, слоновою костью и перламутромъ. Форма его нѣсколько отличная отъ тѣхъ, какія даются имъ теперь: взяты четыре выгнутыя, на подобіе полозьевъ, трости, по срединѣ скрѣплены посредствомъ небольшого валка, а на самомъ верху схвачены толстою буйволовою кожей. Такимъ образомъ выходитъ, что верхніе концы полозьевъ, обращенные напередъ, оканчиваются внизу, на обратной сторонѣ; и наоборотъ: верхніе концы полозьевъ, обращенные назадъ, оканчиваются внизу, на передней сторонѣ. Проще сказать; каждая пара полозьевъ представляетъ изъ себя римскую цифру X, скрѣпленную по самой срединѣ небольшимъ валкомъ, но съ концами, расходящимися въ противныя стороны. Верхніе концы каждой изъ тростей поднимаются нѣсколько выше кожи и оканчиваются эмбиными головками, согнутыми внутрь, изъ коихъ двѣ сохранились, а двѣ затеряны. Высота 8 четвертей. Работа аналая во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная: особенно хорошимъ кажется онъ при солнечномъ блескѣ. Говорятъ, что точно такой же работы и точно такого же матеріала имѣются въ Константинополѣ, въ патриар-

Ч. II. Стр. 18.

Запорожская плащаница въ Никополь.

шей церкви, сѣдалище и амвонъ, оставшіеся еще отъ времени Іоанна Златоуста и дороги особенно тѣмъ, что на нихъ произносилъ свои боговдохновенныя и величественныя рѣчи этотъ знаменитый ораторъ, неподражаемый духовный витія.

Икона Покрова Богоматери поражаетъ не столько кистью, сколько оригинальностью. На липовой доскѣ, въ три четверти длины и въ двѣ ширины, изображены Богоматерь, Николай чудотворецъ и Михаилъ архистратигъ, а ниже ихъ представлены въ полномъ вооруженіи, въ сапогахъ, широкихъ шароварахъ, въ кунтушахъ, подпоясанныхъ зелеными поясами, съ открытыми, гладко выбритыми головами, запорожцы. Они представлены въ видѣ полукруга надъ краями иконы, со знаменами въ самой срединѣ и со всей казацкой арматурой; внизу иконы, отъ козака, стоящаго на переднемъ планѣ съ правой стороны, протянута вверхъ, въ видѣ узкой ленточки, почти къ самому уху Богоматери, надпись: «Молимся, покрый насъ честнымъ твоимъ покровомъ избави отъ всякаго зла». Надпись эту надо читать съ конца, отъ правой руки къ лѣвой, совершенно такъ, какъ пишутъ и читаютъ евреи. Нѣсколько выше этой надписи сдѣлана другая: «Избавлю и покрыю люди моя». (См. табл. XVII). По преданію, эта икона изображаетъ кошевого П. И. Калнишевскаго съ товариществомъ, молящагося объ отвращеніи грозившаго Сичѣ бѣдствія со стороны Москвы.

Кружки — обѣ серебряныя съ позолотой; обѣ имѣютъ крышки наверху и рукояти сбоку; на обѣихъ также подѣланы различныя рельефныя изображенія. (См. табл. XVIII). Причемъ одна изъ кружекъ, съ крестикомъ на крышкѣ, имѣетъ высоты три фута и вѣситъ одинъ фунтъ 42 золотника, какъ это видно изъ надписи, сдѣланной снаружи ея, въ днѣ. Съ наружной стороны на этой кружкѣ подѣланы рѣзныя изображенія птицъ, мотыльковъ, жуковъ; вмѣстимость ея равняется четыремъ стаканамъ.

По объясненію столѣтняго старика Михаила Рѣшетняка, жителя Никополя, эта кружка принадлежала кошевому атаману

Ивану Дмитриевичу Сирку, который добылъ ее отъ крымскаго хана и употреблялъ вмѣсто чарки, никогда не разставаясь съ ней. Послѣ смерти Сирка, кружка эта поступила въ сичевую церковь и хранилась въ ней какъ большая драгоценность. Въ настоящее время она употребляется какъ сосудъ для кропленія мірянъ святою водою. Другая кружка, меньшая въ сравненіи съ первой, высоты два фута, вѣсомъ одинъ фунтъ и двадцатьчетыре золотника, безъ крестика на верху, имѣетъ съ наружной стороны, по бокамъ и на крышкѣ сверху, въ видѣ медальоновъ, шесть саксонскихъ монетъ; на каждой монетѣ отлиты изображенія трехъ лицъ и выбиты года: на первой—1592 годъ, на второй—1593 годъ и на третьей—1595 годъ, затѣмъ на остальныхъ трехъ—1596, 1597 и 1598 годы; сверхъ того на монетѣ, которая вдѣлана на крышкѣ сосуда, выбитъ 1600 годъ. Вокругъ монетъ вырѣзаны латинскими буквами слѣдующія четыре имени: «CHRISTIAN, IOHAN, GEORG ET AUGUSTUS». Съ внутренней стороны, въ углубленіяхъ, соответствующихъ выпуклостямъ снаружи, вырѣзанъ гербъ и вокругъ него слова: «FRAT: ET DUCES SAXON». Кромѣ того, съ той-же внутренней стороны, на крышкѣ вырѣзаны три буквы «A. C. M.». Вмѣстимость кружки равняется одному стакану. Какъ и первая, она въ настоящее время употребляется также для кропленія мірянъ святою водою. Тотъ-же крестьянинъ Михайлъ Рѣшетнякъ объяснялъ, что эта вторая кружка захвачена запорожцами у какого-то нѣмца, жившаго около г. Канева, кievской губерціи. По совершенно справедливому соображенію г. Карелина, это можетъ относиться къ 1746 году, когда запорожцы посланы были въ Польшу для поимки гайдамакъ; отправленные противъ гайдамакъ, запорожцы на пути пограбили деревню саксонскаго генералъ-маіора Вейсенбаха, близъ Канева и Богуслава, и въ числѣ добычи захватили данную кружку ¹⁾. Въ этомъ по край-

¹⁾ Записки одесскаго общ. истор. и древн., Одесса, 1867, т. VI, стр. 535—538.

Ч. II. Рис. 14.

Запорожская риза въ Никополѣ.

Тил. Эд. Голле.

ней мѣрѣ убѣждаетъ, кромѣ разсказа старика, и самая надпись «Duces Saxon»...

Портреты запорожцевъ Шіяновъ. (См. табл. XIX и XX). Братья Шіяны, Яковъ и Иванъ, до 1775 года были запорожскими козаками, а съ этого времени сдѣлались простыми жителями Никополя, выполнявшими однако должность церковныхъ ктиторовъ, послѣдовательно одинъ за другимъ. Какъ ктиторы церкви, они извѣстны своею благотворительностью и усердіемъ къ храму Божію. Такъ, въ 1782 году они поставили въ церкви новый иконостасъ; въ 1783 году устроили горнее сѣдалище, жертвенникъ и рукомоиникъ, какъ значится это изъ слѣдующей надписи, помѣщенной въ алтарѣ, на восточной стѣнѣ, прямо противъ престола: «1783 года сентемврія 28 дня сіе горне сѣдалище, жертвенникъ и рукомойка сооружены какъ слѣсарного такъ и живописнымъ искусствомъ собственными трудами здѣшни(хъ) ктитореи іакова и ивана шіяновъ въ честь церкви себѣ-же во спасеніе обновлено 1856 года». Въ 1790 году тѣ-же Шіяны пожертвовали для церкви купленный на собственный счетъ колоколь, въ 45 пудовъ и 18 фунтовъ. За все это потомство отблагодарило ихъ благоговѣйною памятью: съ нихъ сняты были портреты нѣсколько менѣе, чѣмъ въ ростъ, и повѣшены въ самой церкви на иконостасѣ, одинъ съ правой, другой съ лѣвой стороны; къ портретамъ сдѣланы были надписи: «сей партреть снято с ктитора Якова Шіяна и поставленъ здѣсь при то^{мъ} мѣстѣ гдѣ труды его всему обществу на иконостасѣ видни. 1784 года генваря 9 дня». Въ надписи подъ другимъ портретомъ говорится о томъ-же, но только вмѣсто Якова названо имя Ивана. «сей партреть снято съ ктитора івана Шіяна»...

Шіяны до самой смерти ходили въ запорожскихъ костюмахъ, брили себѣ головы и бороды, оставляя только длинные чубы да усы; въ такомъ видѣ они и сняты. Въ такомъ-же видѣ ихъ портреты были повѣшены на иконостасѣ въ церкви.

По этому поводу случилась, говорятъ, такая забавная исторія. Проѣзжалъ по епархіи какой-то мѣстный архіерей. За-

ѣхалъ онъ и въ Никополь. Вошелъ въ соборную церковь, приблизился къ иконостасу, чтобы приложиться къ иконамъ, какъ вдругъ видитъ вмѣсто ликовъ святыхъ на двухъ иконахъ изображенныя лица запорожцевъ.

— Православные, кому вы молитесь?

— Богу, ваше преосвященство!

— Кому вы молитесь? спрашиваю.

— Богу, ваше преосвященство!

— Не Богу, а запорожцамъ! Что это? Идолопоклонство? Убрать немедленно!..

И портреты тотъ-же часъ были убраны. Спустя немного послѣ этого они были взяты извѣстнымъ археологомъ Н. Н. Мурзакевичемъ для одесскаго музея исторіи и древностей, гдѣ хранятся и понынѣ. Въ Никополь-же остались копии съ портретовъ, сдѣланныя на простой бумагѣ въ краскахъ, въ длину по двѣ съ половиной, въ ширину по полторы четверти, въ простыхъ рамахъ за стекломъ, повѣшенныя въ алтарѣ. Снимокъ съ подлинника съ одного изъ портретовъ, Ивана Шіяна, напечатанъ въ видѣ приложенія къ «Исторіи запорожскихъ козаковъ» кн. Мышецаго ¹⁾. А снимки съ обоихъ портретовъ напечатаны въ «Запискѣ одесскаго общества исторіи и древностей», въ видѣ приложенія къ статьѣ г. Карелина «Мѣстечко Никополь» ²⁾.

Золотая медаль дана полковнику Коленку за время войны русскихъ съ турками при императрицѣ Екатеринѣ II-ой. Коленко командовалъ цѣлымъ отрядомъ запорожскихъ козаковъ, тогда вновь собранныхъ по волѣ князя Г. А. Потемкина, при взятіи въ 1788 году крѣпости Очакова. «Войска запорожскаго полковнику Коленкѣ за отлично храбрые противу непріятеля поступки». Надпись сдѣлана съ обратной стороны, съ лицевой весьма отчетливо представленъ бюстъ Екатерины II-ой. Медаль

¹⁾ Издана въ Одессѣ, въ 1852 г.

²⁾ См. т. VI. Одесса, 1867 г.

Ч. II. Рис. 15.

Запорожская риза въ Никопольѣ.

поступила въ церковь послѣ смерти Коленки, въ 1791 году.

Шелковый зеленый поясъ, съ позументами на краяхъ, длины пять съ половиною аршинъ, ширины семь вершковъ, съ мѣткой на одномъ изъ концовъ.

Небольшой желѣзный молотокъ съ выбитымъ на немъ 1751 годомъ. Наконецъ, между бумагами архива церковнаго хранятся такого рода весьма интересная росписка: «Сей Службеникъ, для непремѣннаго по немъ священнослуженія въ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, въ Сѣчи запорожской имѣющейсѣ, посылаемъ. 1740 году. Ноемвриа 5 дня. Смиренный Рафаилъ Архіепископъ Кіевскій». Росписка писана церковно-славянскими буквами съ подлинною подписью Рафаила. (См. табл. XXI).

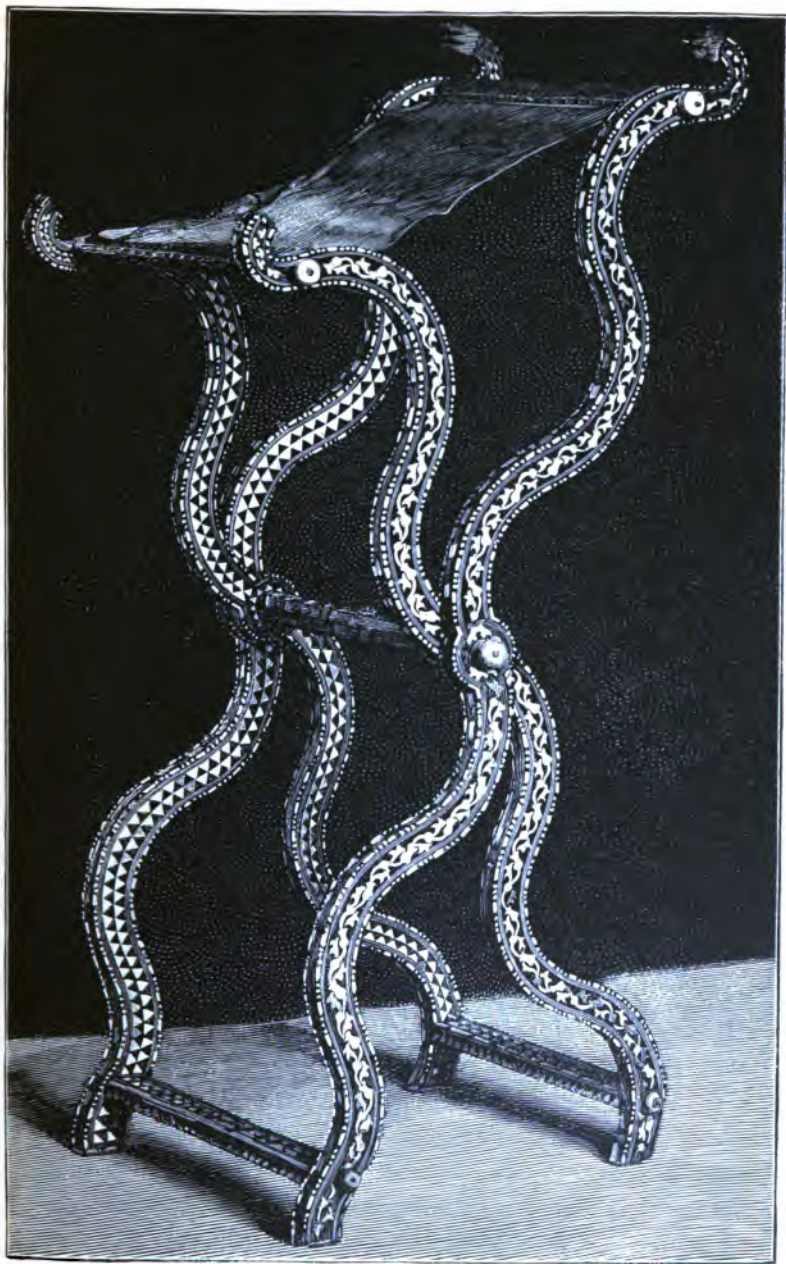
Но кромѣ названныхъ вещей, въ церкви Никополя имѣлись еще и слѣдующія другія: 1) два большихъ напрестольныхъ подсвѣчника («лихтаря»); 2) крестъ съ мощами; 3) четыре серебряныхъ лампы съ серебряными-же дощечками, хранившіяся на хорахъ; 4) двадцать разныхъ иконъ на мѣдныхъ дощечкахъ («бляшкахъ»), отдѣланныя серебромъ; 5) пятьдесятъ серебряныхъ позлащенныхъ разнаго рода («сорта») коронъ; 6) четыре серебряныхъ вызолоченныхъ креста, между коими три съ серебряными цѣпочками («ланцюжками»); 7) два кипарисовыхъ, отдѣланныхъ въ серебро, креста; 8) два серебряныхъ, вызолоченныхъ дуката; 9) два куска червонцевъ въ лому; 10) одинъ кусокъ золота; 11) одинъ слитокъ серебра 24 фунт.; 12) тринадцать нитокъ мелкаго и три нитки крупнаго жемчуга съ красными кораллами, на мѣстной иконѣ Богоматери; 13) пятнадцать, съ двумя большими и двумя малыми червонцами нитокъ, мелкаго жемчуга и шесть нитокъ съ красными монистами крупнаго, на меньшей иконѣ Богоматери; 14) десять нитокъ жемчуга, съ шестью пуговицами; 15) пятьдесятъ нитокъ краснаго мониста изъ крупныхъ и мелкихъ коралловъ съ двумя червонцами и кускомъ янтаря; 16) сто-пятьдесятъ три разнаго кажибра червонцевъ на четырехъ цѣпочкахъ («ланцюжкахъ»), въ числѣ коихъ десять большихъ;

17) сто-двадцать книгъ разнаго наименованія, богослужбныхъ, нравственныхъ и историческихъ; 18) двадцать-восемь фелоней изъ парчи разныхъ цвѣтовъ и достоинствъ; 19) двѣнадцать подризниковъ; 20) двадцать-восемь паръ поручей; 21) двѣнадцать епитрахилей; 22) семьдесятъ-семь стихарей; 23) девять поясовъ; 24) пятьдесятъ-семь платковъ шелковыхъ и на бѣломъ полотнѣ гаптованныхъ золотомъ, серебромъ и шелкомъ; 25) одиннадцать напрестольныхъ облачений; 26) шесть паръ воздуховъ; 27) три аналойчатыхъ покроя; 28) два куска парчи; 29) два куска штофа; 30) два куска гарнитура; 31) двадцать-восемь штукъ мѣдной посуды, отъ котловъ до мисокъ; 32) тридцать штукъ оловяной посуды.

Таково-то богатство, которое хранилось въ церкви Никополя. Къ крайнему нашему сожалѣнiю, мы должны сказать, что большая часть всѣхъ этихъ драгоценностей совершенно исчезла изъ церкви, осталась лишь самая ничтожная доля ихъ. Но нужно радоваться и тому, что хотя эта оставшаяся часть драгоценностей сохраняется въ цѣлости, чему мы обязаны мѣстному отцу протоіерею Іоанну Карезину, который завелъ подробную опись всѣхъ оставшихся вещей и даже обнаруживать эту опись въ одномъ изъ томовъ «Записокъ одесскаго общества исторiи и древностей»¹⁾.

Послѣ всего этого естественно спросить: откуда же и какимъ путемъ всё это богатство очутилось въ церкви Никополя? Богатство это перешло въ Никополь изъ церкви св. Покрова послѣдней запорожской Сичи, теперешняго села Покровскаго, екатеринославскаго уѣзда. Дѣло въ томъ, что когда генераль Петръ Текели уничтожилъ, по распоряженiю русскаго правительства, запорожскую Сичу, то вслѣдъ за этимъ то-же правительство озаботилось на развалинахъ Сичи устроить городъ. Городъ былъ устроенъ и названъ Покровскомъ; для удовлетворенiя религіозныхъ потребностей народа туда отправлено было

¹⁾ Зап. одес. общ. истор. и древн. Одесса, 1867, VI, стр. 535—538.

Ч. II. Рис. 16.

Запорожскій аналой въ Никополь.

и духовенство. Но скоро положеніе духовенства въ Покровскѣ оказалось во всѣхъ отношеніяхъ безотраднымъ: оно совсѣмъ принуждено было оставить свою парафію въ Покровскѣ, потому что, вслѣдствіе бѣгства народа, не могло прискать себѣ никакихъ способовъ къ существованію. И вотъ уже въ 1780 году протоіерей Григорій Кремянскій и вслѣдъ за нимъ священникъ Петръ Терпило просятъ у митрополита Евгенія о переводѣ ихъ въ провинціальный городъ Никополь, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что «за расходомъ изъ Покровска людей въ разныя слободы, двумъ священникамъ въ городѣ Покровскѣ жить было нечѣмъ»¹⁾. Просьба была уважена, и священники изъ г. Покровска переведены были въ г. Никополь. Тутъ-то Кремянскій, переходя изъ Покровска въ Никополь, съ разрѣшенія новороссійскаго губернатора, Николая Даниловича Языкова, и перевезъ часть имущества сичевой церкви Покровска въ соборную церковь Никополя. Это было въ 1783 году; тогда же составлена была и подробная опись церковнымъ вещамъ и книгамъ, забраннымъ въ Покровскѣ. Таково прошлое Микитина и Никополя.

Изъ древнихъ дидовъ въ Никополѣ когда-то обращалъ на себя вниманіе лишь одинъ Степанъ Яцковскій, или, по-уличному, Дужка. Но въ настоящее время этотъ старикъ сдѣлался такимъ дряхлымъ, что уже самъ не можетъ застегнуть и очкура въ своихъ штанахъ. Ему за девяносто лѣтъ; это небольшая сморщенная сухая фигурка, съ потухшими глазами, съ желтоватыми и мягкими, какъ ленъ, на головѣ волосами, съ маленькой чуть замѣтной заострившейся книзу бородкой. Онъ говоритъ тихо, постоянно переводя духъ и все ниже и ниже понижая головой. Такъ и кажется, что вотъ-вотъ онъ свалится съ ногъ и разсыплется какъ глиняная кукла. Медленно подниметъ онъ вверхъ голову, медленно окинетъ присутствующихъ своими мутными глазами и медленно наклонится къ столу... «Ой якъ мини важко»!..

¹⁾ Феодосій. Матеріалы для историко-статист. опис. Екат., еп. Екат. 1880, I, 65.

Трудно было что-нибудь узнать о запорожцах отъ такого дряхлаго старика, какимъ оказался Степанъ Яцковскій. На вопросъ, не знаетъ ли онъ чего-нибудь о жизни запорожскихъ козаковъ, старикъ отвѣчалъ: «якъ хотите узнать объ нихъ шо небудь, то идить до Орыны Даныленковой: у неи е запорожскій патреть и идъ тимъ патретомъ зроблений идпись. О той идпись и покаже вамъ усе». У Орины Даныленковой дѣйствительно оказался портреть, онъ изображаетъ запорожскаго гайдамаку-характерника: характерникъ сидить на землѣ и играетъ на бандурѣ; возлѣ него, по обыкновенію, стоитъ конь, привязанный къ вѣткнугому въ землю копыю, сбоку лежитъ опороженная отъ горилки фляжка, тутъ же валяется снятая съ головы шапка, а за спиной стоитъ высокое вѣтвистое дерево, изъ-за котораго высматривають пять ляховъ, держащихъ въ своихъ рукахъ по рушницѣ и готовыхъ выстрѣлить въ гайдамаку. Но гайдамака не простой человекъ, онъ знаюка, характерникъ, его и пуля не беретъ, «хиба тильки срибна». Отъ того-то онъ и сидить такъ невозмутимо... Картина рисована тушью и въ самомъ низу имѣетъ надпись: «Козакъ Мамай».

Изъ Никополя мнѣ предстояло ѣхать прямо на западъ, къ мѣсту бывшей, пятой по счету, запорожской Сичи, Чортотмыцкой. По пути я завернулъ въ деревню Лапинку, чтобы видѣть здѣсь крестьянина Мокія Лося, потомка одного изъ запорожскихъ козаковъ, у котораго хранилось, какъ объ этомъ сообщили мнѣ раньше, запорожское платье. Мокія Лося я съскалъ скоро, но только не скоро сошелся съ нимъ по вопросу объ уступкѣ мнѣ запорожскаго платья. И то сказать, запорожское платье въ настоящее время считается такою рѣдкостью, за которую можно было бы дать огромныя деньги, чтобы только посмотреть на него. По крайней мѣрѣ, что касается лично меня, то я шесть лѣтъ ѣздилъ по Запорожью, шесть лѣтъ упорно искалъ случая увидѣть запорожское платье и только у Мокія Лося впервые увидѣлъ его, но и то все-таки не сполна. Мокій Лось сохранилъ два каптана и поясъ запорожскій. (См. табл. XXII и XXIII.)

Ч. II. Рис. 17.

Икона Покрова съ молящимися запорожцами.

Оба каптана одинаковаго покроя и разница между ними только въ величинѣ: одинъ сдѣланъ для козака высокаго роста, другой—для козака средняго роста. Оба шиты изъ краснаго сукна бураковаго цвѣта, на кльтчатой персидскаго издѣлія подкладкѣ, оба очень просторны въ плечахъ и очень узки въ перехватахъ, оба застегиваются на груди при помощи шелковыхъ петель и шелковыхъ же гудзыковъ. Рукава въ каптанахъ, вообще довольно узкіе, къ концу еще болѣе сужаются; въ самомъ концѣ, съ нижней стороны, противъ ладоней, каждый изъ рукавовъ имѣетъ разрѣзъ въ четверть длины, оттого-то эти концы легко отворачиваются назадъ (называются «закавраши»); они обложены темно-голубымъ бархатомъ и застегиваются въ разрѣзахъ стальными гапличками. Съ каждаго бока каптана между швовъ вдѣлано по одному карману. Покрой каптановъ до нѣкоторой степени напоминаетъ каптаны, которые теперь въ употребленіи у черноморскихъ козаковъ. Изъ двухъ каптановъ болѣе сохранился лучше, меньшій хуже: онъ весь почти изъѣденъ молью. Это тѣ каптаны, которые носились запорожцами подъ такъ-называемой черкеской или подъ кунтушемъ, длиннаго и широкаго платья съ откидными рукавами или вылетами. Кромѣ двухъ каптановъ, у того же Лося я нашелъ и запорожскій поясъ, вытканный изъ шелковаго сырца, ширины двѣ съ половиною четверти, длины одиннадцать аршинъ, темно-бураковаго цвѣта съ позолоченными концами, въ три четверти каждый, и съ шелковыми плетеными шнурами, длины въ аршинъ, прикрѣпленными къ каждому изъ концовъ пояса. Изъ другихъ запорожскихъ вещей, найденныхъ мной въ деревнѣ Лапинкѣ, достойны вниманія запорожская сабля и запорожскій графинь. (См. табл. XXIV.) Сабля въ длину имѣетъ два аршина, она немного искривлена, лезвіе ея вкладывается въ деревянныя ножны, обтянутыя кожей, ручка лезвія оканчивается головой птицы, сдѣланной изъ простаго некрашеннаго дерева. Специалисты по части російскихъ вооруженій утверждаютъ, что эта сабля имѣетъ большое сходство съ тѣми саблями, которыми турки сражались въ послѣднюю русско-турец-

кую войну (1878 г.). Однако на лезвii сабли стоит клеймо русской Императрицы Екатерины II. Запорожскiй графинь, найденный въ той же Лапинкѣ, сохранился также отъ времени козаковъ. Онъ сдѣланъ изъ тонкаго зеленого стекла съ ручкой и съ жерезками въ видѣ правильныхъ круговъ съ наружной стороны. Вместимость его—шесть стакановъ.

Ч. II. Грав. 18.

Кружка кошеваго Ивана Сирка.

Гил. Эд. Голле.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Сужно сонце зъ неба сажте, степь безкрайный
топне въ игли...

Мате-Сича, поклонитесь я прыйшовъ твой землѣ!
И молюсь тобі, якъ святу: покажи теперь мнѣ
Свій гассанъ, свій кошъ, крамыши,
Цериву и башты, й куряни. .
...Чую стихъ могильный галасъ, витерь вѣе округи,
И хлюпоцущя по пискахъ Чортомлыка береги.

Я. Щоголевъ.

За Микитинскою Сичею слѣдовала Чортомлыцкая или, такъ называемая, Старая Сича. Повидимому, объ этой самой Сичѣ распространяется словоохотливый, но не всегда точный и правдивый Бопланъ (1620—1637). «Нѣсколько ниже р. Чортомлыка, почти на срединѣ Днѣпра, находится довольно большой островъ съ древними развалинами, окруженный со всѣхъ сторонъ болѣе, нежели 10000 (?) острововъ, которые разбросаны неправильно... Сии-то многочисленные острова служатъ притономъ для козаковъ, которые называютъ ихъ войсковою скарбницею, т. е. казной» ¹⁾. Князь Мышецкій, перечисляя всѣ запорожскія Сичи, во второй главѣ своего сочиненія «Исторія о козакахъ запорожскихъ», говоритъ «Старая Сѣчь, которая состоитъ близъ Днѣпра, на рѣчкѣ Чортомлыкѣ. Оная Сѣча

---

¹⁾ Описание Украины, Спб., 1832, стр. 26.

начатіе свое имѣть, какъ еще запорожцы за поляками жили»¹⁾.

Чортотмыцкая Сича устроена была въ 1652 году, какъ въ этомъ убѣждаетъ насъ слѣдующій актъ: «Городъ Сѣча, земляной валъ, стоитъ въ устьяхъ у Чортотмыка и Прогноу надъ рѣкою Скарбною; въ вышину тотъ валъ шесть сажень; съ поля отъ Сумской стороны и отъ Базовлука, въ валу устроены пали и бойницы, и съ другой стороны отъ устья Чортотмыка и отъ рѣки Скарбной до вала, сдѣланы коши деревянные и насыпаны землею. А въ томъ городѣ башня съ поля, мѣрою кругомъ 20 сажень, а въ немъ окна для пушечной стрѣльбы. Да для ходу по воду сдѣлано на Чортотмыкѣ и на Скарбную восемь фортокъ («пролазовъ»), и надъ тѣми фортками бойница, а шириною де тѣ фортки только одному человѣку пройти съ водою. А мѣрою тотъ городокъ Сѣча съ поля отъ рѣчки Прогною до рѣчки Чортотмыка сто жъ сажень, да съ правой стороны рѣчка Прогной, а съ лѣвой стороны рѣчка Чортотмыкѣ, и впали тѣ рѣчки въ рѣчку Скарбную, которая течетъ позади города, подлѣ самой ровъ. А мѣрою де весь Сѣча городъ будетъ кругомъ съ 900 сажень. А строили этотъ городъ Сѣчу кошевой атаманъ Лутай съ козаками тому 20 лѣтъ»²⁾.

Вотъ годъ основанія Чортотмыцкой Сичи. Видимо, эту же самую Сичу посѣтили въ 1682 г., 21 марта, и московскіе посланцы, дьякъ Никита Моисеевичъ Зотовъ и стольникъ Василій Михайловичъ Тяпкинъ, когда отправлялись въ Крымъ для заключенія бахчисарайскаго мира съ турками и татарами. «Марта въ 21 день пришли мы къ Запорожью, не дошедъ до Сѣчи верстъ съ десять, на Базавлукъ рѣку. Тутъ насъ запорожскіе

---

¹⁾ Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса, 1852 г., стр. 10. То-же самое говорить и Гр. Миллеръ въ «Разсужденіи о запорожцахъ». Москва, 1847, стр. 63.

²⁾ Актъ помѣченъ 1672 годомъ; вычитая отсюда 20 лѣтъ (1672—20), получимъ 1652 годъ, годъ возникновенія Сичи. Акты южн. и западн. Россіи, т. XI, стр. 12, № 5.

Ч. II. Рис. 19.

Запорожець Иванъ Шіянь.

Рисунокъ И. Е. Рѣпина.

казаки приняли съ радостію и перевезли насъ въ липахъ на свою сторону... Мы пошли зъ Базавлукъ рѣки къ Сѣчу и, не дошедъ версты за пять, ночевали на степи, милостію божіею отъ всякаго непріятеля безопасно; съ нами-жь на томъ мѣстѣ ночевалъ запорожскій войсковый есаулъ съ казаками, въ небольшомъ числѣ людей, который насъ по приказу кошевого атамана Ивана Стягайла встрѣтилъ и принялъ на Базавлукъ рѣкѣ. Марта, въ 22-й день, предъ обѣдомъ, пришли мы въ Сѣчу, и стали подъ городомъ, въ лугахъ и, обослався съ кошевымъ атаманомъ, поѣхали въ городъ Сѣчу»¹⁾).

Говоря о возникновеніи и устройствѣ запорожской Сичи у р. Чортомлыка, мы не можемъ не сказать и того, что здѣсь, на этой Чортомлыцкой Сичи, была впервые устроена у запорожцевъ и войсковая церковь. Много разъ случалось намъ проѣзжать по бывшимъ владѣніямъ запорожскихъ казаковъ, много разъ намъ приходилось видѣть столицу этихъ низовыхъ рыцарей, Сичу, и много разъ намъ приходилось убѣждаться, что сичовики, въ выборѣ мѣста для построения своего кишла, руководились не только стратегическими соображеніями, но и художественнымъ чувствомъ и не менѣе того чувствомъ религіознымъ. Стоитъ только бѣгло взглянуть на каждую изъ осьми Сичей и на различныя вещи домашняго и церковнаго обихода, уцѣлѣвшія до нашего времени отъ запорожцевъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Выискавъ какой-нибудь величественный островъ среди Днѣпра, или высмотрѣвъ какой-нибудь возвышенный рогъ на берегу его, устроивъ на немъ сперва внѣшній, а потомъ изъ внѣшняго отдѣливъ внутренній кошъ, запорожцы затѣмъ выбирали въ послѣднемъ самое красивое и самое открытое мѣсто и на немъ прежде всего строили церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, а потомъ уже возводили будинокъ для кошевого атамана и домикъ для войсковой канцеляріи. «Пусть

---

¹⁾ Статейный списокъ. Записки одес. общ. исторіи и древн., т. II, отдѣл. II, стр. 646.

красуется храмъ Божій въ небесной высотѣ и пусть святые молитвы съ открытаго мѣста несутся объ насъ прямо до престола Господа Бога». Церковь всегда и при самыхъ тяжкихъ положеніяхъ составляла главнѣйшую заботу сичевыхъ козаковъ.

Но является вопросъ: когда же именно и на какой изъ осьми Сичей устроена была у запорожцевъ первая церковь? Съ полнымъ основаніемъ можно сказать, что первая постоянная церковь основана была у запорожцевъ именно на Сичи Чортомлыцкой, близъ р. Базавлука. «Въ мартѣ мѣсяцѣ 1659 года, на Романовомъ курганѣ, — говоритъ авторъ «Историческаго обзора церкви екатеринославской епархіи», — была общая рада всего бывшаго въ Запорожьѣ на лицо козацкаго войсковаго товарищества; на сей радѣ между прочимъ рѣшено было устроить церковь въ Сѣчи, на Чортомлыкѣ, какъ на мѣстѣ, уединенномъ, далеко отъ татаръ, поляковъ и русскихъ; и потому весьма безопасномъ. Усердіе козаковъ къ построенію церкви было искреннее и живое; при работахъ присутствовали и ими завѣдывали два спасшіеся отъ татаръ іеромонаха Самарскаго монастыря, вслѣдствіе чего работы шли успѣшно и въ сентябрѣ окончены; церковь освѣщена была въ честь Покрова пресвятой Богородицы и наканунѣ храмоваго праздника открыта богослуженіемъ» ¹⁾. «Марта въ 22-й день, — пишутъ въ своемъ «Статейномъ спискѣ», дякъ Никита Зотовъ и столбникъ Василій Тяпкинъ, — марта въ 22-й день, предъ обѣдомъ, пришли мы въ Сѣчу и стали подъ городомъ, въ лугахъ и, обослався съ кошевыми атаманомъ, поѣхали въ городъ Сѣчу, къ церкви Божіи помолитца... А пришедъ въ церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, помолились, и за государское многолѣтнее здравіе было соборное пѣніе» ²⁾. Для насъ приведенныя слова имѣютъ значеніе словъ первостепенной важности, такъ какъ они, во-первыхъ, основаны на показаніяхъ архивныхъ актовъ и на свидѣтельствѣ очевидцевъ, а, во-вторыхъ, совершенно со-

¹⁾ Екатеринославъ, 1876 г., стр. 35.

²⁾ Записки одесскаго общ. истор. и древн., т. II, отд. II, стр. 646.

Ч. II. Рис. 20.

Запорожець Яковъ Шіянъ.

Рисунокъ И. Е. Рѣпина.

впадаютъ съ показаніемъ одной весьма интересной гравюры, хранящейся въ Петербургѣ въ императорской публичной библиотекѣ, въ отдѣленіи портретовъ Петра Перваго, работы Леонтія Щирскаго. Она изображена на холстѣ, длины 12-ть четвертей, ширины 7¹/₂, и имѣетъ въ самомъ верху такую надпись: «Богословскій и философскій тезисъ (,) поднесенный кievскою духовною академіею царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ 1691 года». Она вся исписана ликами, раздѣляющимися на шесть рядовъ и помѣщенными одинъ ниже другого, отъ самаго верха и до самаго низа. Въ первомъ ряду представлена Богоматерь; во второмъ—святой князь Владиміръ и ниже его—двуглавый орелъ, а по бокамъ Богоматери и Владиміра—12 фигуръ разныхъ святыхъ и, кромѣ нихъ, фигуры Спасителя и Бога Отца; въ третьемъ ряду представленъ видъ г. Кіева; въ четвертомъ—изображены: съ лѣвой стороны будинокъ, гдѣ сидятъ запорожцы съ поляками (а можетъ быть и турками или татарами: гравюра сильно попорчена) на радѣ, по срединѣ—группа козаковъ, раздѣряющихъ копьями землю, а съ правой стороны—запорожская Сича съ клубами дыма надъ ней. Сича обнесена высокимъ валомъ, на которомъ стоятъ три пушки на колесахъ, за валомъ виднѣются шесть куреней, а среди куреней возвышается маленькая, трехглавая деревянная церковца. Ниже Сичи идетъ рядъ фигуръ: византійскихъ императоровъ Аркадія и Гонорія, Василія и Константина, и русскихъ царей Іоанна и Петра. Мысль, вложенная художникомъ въ гравюру, очевидна: онъ представилъ главные моменты изъ исторіи кievской Руси, въ связи съ исторіею запорожскаго козачества, и изобразилъ современное ему царское двоевластіе въ Россіи, подкрѣпивъ послѣднее примѣромъ византійской имперіи.

Таковы данныя, касающіяся Чортомлыцкой Сичи. Здѣсь у мѣста спросить: почему же запорожцы оставили свою Сичу на Мчкитиномъ-рогѣ и перенесли ее на рѣчку Чортомлыкъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ сравнительномъ удобствѣ одной мѣстности съ другой. Дѣло состоитъ въ

томъ, что мѣстность Микитина-рога, какъ довольно возвышенная и съ трехъ сторонъ совершенно открытая, представляла большія неудобства въ стратегическомъ отношеніи. Это - то неудобство и могло быть причиною того, что казаки оставили свою Сичу на Микитиномъ-рогѣ и перенеслись пониже, на рѣчку Чортомлыкъ, гдѣ въ этомъ отношеніи представлялось большое удобство. «А неприятельскаго приходу къ нему (укрѣпленію на Чортомлыцкой Сичи) лѣтомъ чаять съ одну сторону полемъ, отъ крымской стороны, отъ рѣки Безовлука, а съ трехъ сторонъ, за рѣками, нѣкоторыми мѣры промыслу никакова учинить подь нимъ нельзя. А въ зимнее время на тѣхъ рѣкахъ ледъ запорожцы кругомъ окальываютъ безпрестанно и въ осадное время Сѣчу городъ шти тысячамъ челоѣкомъ одержать мочно, а что людей и всякихъ запасовъ и пушекъ будетъ больше, то и неприятелю будетъ страшно. А многлюдныхъ турковъ и татаръ до Сѣчи перенять не мочно, потому что прилегла степь и въ степи ихъ не удержать» ¹⁾).

Устроенная въ 1652 году Чортомлыцкая Сѣча на этотъ разъ существовала до 1709 года, пока не была разрушена русскимъ царемъ Петромъ I. Въ настоящее время на мѣстѣ прежней Сичи находится деревня Капуливка, какъ ее называютъ крестьяне, или Капыловка, какъ она пишется на официальныхъ бумагахъ, екатеринославской губерніи и уѣзда. Она приписана къ селу Покровскому и отъ Никополя отстоитъ ровно на 20 верстъ. Изъ Никополя въ Капуливку ведетъ ровный, широкій шляхъ, начинающійся тотчасъ же за Никополемъ и оканчивающійся почти у самой деревни. Это превосходная, гладкая и совершенно открытая дорога, съ правой стороны окаймленная цѣпью кургановъ, а съ лѣвой охваченная широкой рѣкой, за которой тянется, по топкимъ плавнямъ, густой и высокій

---

¹⁾ Акты, относящіеся къ исторіи Южн. и Западн. Росс., XI, № 5, стр. 14.

ІІ Слѣжкникъ, даа не прѣмѣннаго
понемъ священнослуженія въ Цркви =
Покрокі Пресвѣтїа Крѣ, въ Свѣи За-
порожкон имѣющеня, послѣмъ.

Мѣстнѣи вафанъ =
Архїепїтѣ Кїевскїи

Ч. II. Рис. 21.

Росписка архїерея Гафайла.

лѣсь. Все это придаетъ особенно своеобразный характеръ мѣстности, на которой, кромѣ всего этого, выдѣляется линия кургановъ, идущая по-надъ правой стороной шляха, въ самомъ строгомъ порядкѣ: одинъ курганъ отстоитъ отъ другого на разстояніи четверти версты и притомъ такъ, что сперва большой курганъ, потомъ малый, затѣмъ опять большой и за нимъ снова малый и т. д. И когда шляхъ дѣлаетъ загибъ справа налѣво, то и курганы дѣлаютъ такой же загибъ. Такимъ образомъ эта цѣпь кургановъ приводитъ какъ разъ къ самому мѣсту бывшей Чортомлыцкой Сичи. Но кромѣ этихъ указателей, на шляху есть еще такъ-называемыя мили, т. е. каменные четырехгранные столбы, свидѣтели проѣзда здѣсь императрицы Екатерины II.

Вдоль этого шляха тянутся: слобода Неплюева, съ лѣвой стороны, хуторъ Чортомлыкъ, у одноименной съ нимъ рѣчки; слобода Новомихайловка, нѣсколько вдали отъ дороги, и наконецъ деревня Капуливка, расположенная въ береговой низменности рѣчки Чортомлыка, сидящая въ небольшомъ «заулочкѣ». На полторы версты выше д. Капуловки, на возвышенномъ, открытомъ выгонѣ, какъ разъ противъ хаты крестьянина Ивана Коваля, стоитъ огромное земляное укрѣпленіе, такъ-называемый сомкнутый редутъ съ траверсами внутри. Южная линія этого редута имѣетъ 1250 саж., сѣверная—780 с., восточная—380, западная—700 саж. Время сооруженія этого укрѣпленія всего легче отнести къ 1704 году, когда противъ запорожцевъ посланы были Петромъ I російскія войска для разоренія ихъ Сичи; войска эти должны были долгое время простоять у Сичи, и тогда, вѣроятно, сооружены были означенныя земляныя укрѣпленія. Къ югу отъ укрѣпленія, у самой деревни, бросаются въ глаза два небольшихъ холмика, въ огородахъ крестьянина Семена Кваши, на первомъ изъ коихъ стоитъ высокій песчаниковый крестъ, съ высѣченною на немъ надписью: «Здѣ опочиваетъ рабъ божии семень таранъ козакъ куреня шнуринаго преста-вися року 1742 мця дека 3 чис.»; на четверть версты ниже,

въ огородѣ крестьянина Ковалѣ, стоитъ другой крестъ. Съ восточной стороны на немъ сдѣланы начальныя буквы: Ис, Хр, НІ+КА, К+П, Т+Р, М+Л, Р+Б, съ западной вырѣзана надпись: «Зде представіся рабъ божі федоръ товстонѣгъ: куреня шербиновскаго козакъ погребень року 1770: пояба 4 дня».

На треть версты ниже двора крестьянина Ивана Ковалѣ стоитъ дворъ крестьянина Николая Алексѣевича Мазаѣ, въ огородѣ котораго находится третій запорожскій памятникъ: намогильный камень надъ прахомъ знаменитаго въ исторіи запорожскаго козачества кошеваго атамана, Ивана Дмитріевича Сирка; это уже не крестъ, а родъ узкой плиты, книзу болѣе утолщенной и широкой, кверху нѣсколько утонченной и какъ-бы отрубленной. Онъ высѣченъ изъ песчаниковаго камня и поставленъ на небольшой, въ видѣ пьедестала, также песчаниковый саркофагъ. Этотъ памятникъ имѣетъ высоты два аршина безъ полутора вершка, ширины снизу пять четвертей, сверху двѣ четверти, толщины — одну четверть. Онъ внесенъ на невысокій холмъ, обсаженный съ трехъ сторонъ шестью шелковицами и съ одной, восточной стороны, тремя серебристыми тополями. На самомъ верху имѣетъ два небольшихъ углубленія, по всѣмъ соображеніямъ, для бывшаго нѣкогда на немъ креста; на восточной сторонѣ памятника высѣчено обычное распятіе Христа съ обычными же при немъ буквами І. Н. Ц. И; ИС. ХС, НИ, КА, К, П, Т, Р, М, Л, Р, Б; а на западной сторонѣ, въ самомъ верху, высѣченъ четырехъ-конечный крестъ и ниже креста помѣщена слѣдующая надпись: «Р Б АХИ МАЖ Д ПРЕСТАВИСИ-А РАБЪ БО ИОАНЪ СЪРЬКО ДМИТРОВИ АТАМАНЪ КОШОВИЙ КОСКА ЗАПОРОВСКОГО ЗА ЕГО... Ц П В ФЕВДОРА АЛЕСѢВИЧА ПАМИ-АТ ПРАВЕДНАГО СО ПОХВАЛАМИ» ¹⁾. (См.

¹⁾ Г. Скальковскій, вмѣсто словъ «Память праведнаго со похвалами», прочеть: «Памятникъ отъ всего посольства». См. Исторія Новой Сѣви, Одесса, 1885 г., ч. III, стр. 262. Ничего подобнаго нѣтъ на памятникѣ.

Ч. II. Рис. 22

Запорожское платье.

Рисунокъ И. Е. Рѣпина.

табл. XXV). То есть: «Року божого 1680 мая 4 преставися рабъ бо(жій) іоанъ сѣрько дмитрови(чь) атаманъ кошовой воска запорожского за его... (Здѣсь въ памятникѣ выбитъ кусокъ камня) ц. п. в. (царскаго пресвѣтлаго величества) феодре алексѣвича(.) память праведнаго со похвалами». Менѣе, чѣмъ скромная могила скрываетъ въ себѣ болѣе, чѣмъ великаго полководца. Кошевой атаманъ Иванъ Дмитріевичъ Сирко—колоссальнѣйшая и вмѣстѣ съ тѣмъ типичнѣйшая личность славнаго запорожскаго козачества. У современниковъ онъ былъ предметомъ общаго удивленія, а у людей послѣдующаго поколѣнія онъ служилъ примѣромъ самаго ревностнаго и самаго живого подражанія. По преданію, Сирко родился въ с. Мереѣѣ, теперешней харьковской губерніи и уѣзда. Выступивъ сперва въ должности калъническаго ¹⁾ полковника, Сирко потомъ, съ 1663 г., былъ избранъ кошевымъ атаманомъ и занималъ этотъ высокій у запорожцевъ постъ въ теченіе осьми лѣтъ, чего до него изъ вѣка-вѣковъ не было, такъ какъ запорожцы выбирали всю старшину свою только на одинъ годъ, а въ случаѣ надобности и меньше, чѣмъ на годъ. Мужественный, храбрый, удивительно отважный, замѣчательно предпримчивый, въ высшей степени подвижный. Сирко вѣчно воевалъ если не съ турками, то съ татарами, если не съ татарами, то съ поляками, а если не съ поляками, то съ русскими. И враги страшно боялись его. На татаръ, напримеръ, онъ наводилъ такой страхъ, что они отъ него, точно зайцы отъ гончей собаки, бѣжали безъ оглядки. «Собака! чистая собака! Сирко! настоящій Сирко!» говорили объ немъ сами козаки-запорожцы. «Шайтанъ! урусъ шайтанъ—чортъ! рускій чортъ!» кричали въ испугѣ крымскіе и бѣлгородскіе татары, завидя Сирка и стараясь скрыться отъ него въ ущелья, кустарники и непроходимые лѣса; а туркамъ онъ такъ уѣлся,

См. также нашу статью «Архивные матеріалы для исторіи Запорожья», Киевская стар., 1886, июль, стр. 531. Здѣсь редація произвольно сдѣлала нѣкоторыя измѣненія.

¹⁾ Село Кальникъ, кіевской губ., липовецкаго у., на берегу р. Соба.

что самъ султанъ издалъ указъ молиться въ мечетяхъ о гибели Сирка. Словомъ, это былъ такой человѣкъ, который при достаточномъ числѣ войска могъ сдѣлаться Тамерланомъ или Чингизъ-ханомъ, т. е. великимъ завоевателемъ. Но отличаясь такимъ рѣдкимъ безстрашіемъ, Сирко считалъ всякое сраженіе игрушкой и шелъ на войну съ малымъ количествомъ козаковъ; повоевавши же врага, онъ отказывался отъ всякой добычи, гнушаясь корыстолюбіемъ, и никогда не преслѣдовалъ слабого врага, такъ какъ былъ великодушень. Оттого всю свою добычу онъ раздавалъ козакамъ; оттого же въ нему обращались на судъ даже сами враги его: «Какъ Сирко рассудитъ, такъ тому и быть!» Враги находили защиту у Сирка даже и въ томъ случаѣ, когда у другихъ и соотечественники не могли найти правды. Однажды запорожцы пограбили татарскій аулъ и угнали изъ него скотъ. Тогда въ станъ Сирка пришла татарка и стала жаловаться ему на то, что у нея нечѣмъ кормить дѣтей, потому что козаки увели ея корову. Сирко велѣлъ немедленно возвратить весь скотъ аулу, а въ томъ числѣ и корову татарки; мало того, онъ приказалъ даже, чтобы аулъ, когда не станетъ молока у коровы татарки, кормилъ бы самъ ея дѣтей; кромѣ того, Сирко подарилъ нѣсколько штукъ матеріи для дѣтей татарки и мирно отпустилъ ее въ аулъ.

Отличаясь рѣдкимъ мужествомъ и примѣрнымъ великодушіемъ, Сирко, какъ истинный малороссъ, да еще запорожець, вмѣстѣ съ этимъ отличался и необыкновенною склонностью къ юмору, а нерѣдко и большою глубокомысленностью. «Когда бы и чортъ, пане гетмане, помогаль людямъ въ крайней ихъ нуждѣ, то брезговати тѣмъ не годится; бо кажутъ люде: нужда и законъ зминяе. А когда мы, живия съ татарами по-сосѣдски, помогаемъ одинъ другому, то сіе умному ни мало неувидительно, а то намъ тилько дивно, що ты, пане гетмане, багато коло насъ хархируешъ, мовъ твоій покойникъ батюшка на хавтурахъ съ паравхіянами у Зинькови, чего мы и вамъ упріиме

Ч. II. Рис. 23.

Запорожское платье.
Рисунокъ И. Е. РѢПИНА.

желаемъ»¹⁾. Въ этомъ же отвѣтъ Сирка сказала характерная черта и всего Запорожья: оно было гуляиво, какъ морская волна, свободно, какъ степной вѣтеръ, непостоянно, какъ капризная красавица.

«Ивапъ Сирко—человѣкъ знаменитый въ исторіи Малороссіи. Въ продолженіе двадцати лѣтъ слишкомъ, отъ смерти Богдана Хмельницкаго до его кончины, мы безпрестанно встрѣчаемъ его въ званіи кошеваго атамана, хотя онъ носилъ это званіе непостоянно, напротивъ, нѣсколько разъ его замѣняли другія избранныя лица; даже онъ не разъ не ладилъ съ запорожцами и уходилъ отъ нихъ съ досадою, но потомъ мирился и снова былъ избираемъ въ кошевые атаманы. Мы не сдѣлаемъ ошибки, сказавши, что этотъ человѣкъ былъ истинный типъ запорожца, что онъ своею личностію какъ бы выражалъ все свое запорожское общество. Его свѣтлыя и темныя стороны были характерными чертами запорожской общины. Любилъ напиться, какъ и всѣ запорожцы, и въ пьяномъ видѣ показывалъ особенный задоръ, какого бы не показалъ въ трезвомъ; дѣйствовалъ по минутному увлеченію и потому часто, одумавшись, поступалъ совершенно противно тому, какъ обѣщалъ прежде. Онъ былъ храбръ и отваженъ на войнѣ, а каждый запорожецъ по своему призванію долженъ былъ отличаться этими качествами, и потому Сирко былъ истиннымъ образцомъ для сичевиковъ: оттого-то его такъ и уважали, и почему-нибудь не поладивши съ нимъ, все-таки снова къ нему обращались и добровольно поступали подъ его начальство. Всю жизнь свою онъ былъ заклятымъ врагомъ бусурманъ, особенно крымцевъ; много разъ водилъ запорожцевъ на Крымъ, жегъ улусы, истреблялъ безъ милосердія и старыхъ и малыхъ и наводилъ на татаръ такой страхъ, что татарки-матери его именемъ пугали своихъ дѣтей. Наводить страхъ на бусурманъ было идеальное призваніе запорожца. На то и славная Сича существовала на свѣтѣ,

¹⁾ Г. Конискій. Исторія Русовъ, Москва, 1846, стр. 174.

чтобы бороться съ мусульманами. Всегда, когда воевалъ Сирко съ татарами, выручалъ онъ изъ неволи христіанъ, которыхъ было тогда у татаръ много: и это былъ также нравственный долгъ запорожца. Не отличался Сирко постоянствомъ, какъ и вся Сича запорожская имъ никогда не отличалась: мы видимъ Сирка усерднымъ слугою то царя московскаго, то короля польскаго, то онъ былъ другомъ и сторонникомъ Дорошенка, выручалъ его изъ бѣды, то поддерживалъ Дорошенковыхъ соперниковъ, Суховіенка и Ханенка, а потомъ, когда этихъ соперниковъ не стало, опять сблизился съ Дорошенкомъ. Такое непостоянство всегда было въ характерѣ запорожцевъ. Политическій идеалъ Сирка былъ исключительно запорожскій: у каждаго запорожца въ душѣ таилась мысль, что славное Запорожье должно распоряжаться судьбою Украины¹⁾. Оттого Сирко, хотя былъ и кошевымъ атаманомъ, но вмѣстѣ съ этимъ стремился сдѣлаться и малороссійскимъ гетманомъ. Одно время, послѣ паденія Многогрѣшнаго, онъ едва не достигъ своей цѣли, но его оклеветали сторонники Ивана Самойловича: Сирка схватили, отправили въ Москву, изъ Москвы въ Сибирь, но потомъ, однако, по просьбѣ запорожскихъ козаковъ и польскаго короля, воротили назадъ въ Чортommyцкую Сичу.

Исторія сохранила намъ извѣстіе о подвигахъ Сирка, даже на самомъ закатѣ его жизни. Въ 1679 году, противъ запорожцевъ, державшихъ тогда сторону Москвы, выступили татары въ союзѣ съ янычарами. Пользуясь ночнымъ временемъ, они бросились было на Сичу; но Сирко, узнавъ во-время о нападеніи враговъ, бросился противъ нихъ, отбилъ всѣ приступы и потомъ двинулся даже въ Крымъ съ пятнадцатью тысячами запорожцевъ, разорилъ множество татарскихъ ауловъ и, захвативъ въ плѣнъ четыре тысячи татаръ, благополучно возвратился въ Сичу. Вслѣдъ за этимъ отправилъ письмо

¹⁾ Костомаровъ. Самозванецъ Симеонъ. Историч. Вѣстникъ, 1880, январь, 2—3.

Ч. II. Рис. 24.

Запорожскій графинь.

крымскому хану, въ которомъ, какъ нигдѣ лучше, обрисовалась его страшная отвага и неодолимое мужество. «Для одержанія побѣды надъ нами, постыднымъ образомъ вторглись вы ночью въ наши жилища и понесли поражение. Богъ-сердцевѣдецъ помогъ намъ лучше гостить въ панствѣ крымскомъ, нежели вашимъ ордамъ около кучки сичевой. Если же пребываніе наше немного обезпокоило васъ, то это оттого, что козаки, происходя не отъ одной матери, имѣютъ также различные нравы и обычаи: иной стрѣлялъ вправо, другой влѣво, третій просто,— только всѣ попадали въ цѣль. Но когда и засимъ дерзнете вы тревожить нашъ кошъ, вѣдайте, что не однѣ границы, а вся отчизна ваша восчувствуетъ силу оружія, на самый даже Стамбулъ ужасъ наводившаго. Теперь поспѣшите выкупить вашихъ плѣнныхъ; въ противномъ случаѣ, черезъ полтора мѣсяца отправимъ мы ихъ къ доброму и богатому его царскому величеству, который навѣрно вознаградитъ насъ изъ казны своей за такую важную присылку»¹⁾.

По всему этому кошевой атаманъ Иванъ Дмитріевичъ сдѣлался настолько извѣстнымъ въ свое время, что на немъ каждый малороссійскій лѣтописецъ и каждый малороссійскій историкъ считаетъ долгомъ такъ или иначе остановиться²⁾. Въ актахъ южной и западной Россіи, начиная съ пятого тома и кончая двѣнадцатымъ, то-есть въ теченіе лишь одного года (1675 — 1676), можно встрѣтить имя Сирка чуть-ли не на каждой страницѣ. Кромѣ того, въ разныхъ малороссійскихъ архивахъ (въ Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и Одессѣ) находится огромное количество дѣлъ, относящихся до личности Сирка. Такъ, въ одномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ хранится болѣе трехъ-сотъ актовъ, касающихся личности Сирка.

Подвиги Сирка еще большее впечатлѣніе произвели на совре-

---

¹⁾ Подлинникъ письма у Ригельмана. Лѣтоп. повѣствованіе. Москва, 1847, II, 168—170.

²⁾ Таковы: Самовидецъ, Велпчко, Ригельманъ, Гр. Грабянка; историки: Симоновскій, Гр. Миллеръ, Бятышъ-Каменскій, Маркевичъ и др.

менниковъ, что выразилось прежде всего въ созданіи разныхъ пѣсенъ объ немъ:

«Ой якъ крыкне старый орелъ, шо пидъ хмары вѣтця,
Гей загуло Запорожжа та до Сирка тнетця.
Ой не витерь въ поля грае, не орелъ литае,
Ото жъ Сирко съ товариствомъ на Сичи гулае.
Старый Сирко передь стягомъ раду оглядае,
Козачѣнкивъ прыватае, стиха промовляе:
«Гей молодци-запорожци, татарва лякае!
Не дрмайте, товарищи, бо въ руки злапае;
Збирайтеся до купоньки та сиддайте кони,
Тии кони вороніи, шо ждуть на прыпони»!..
Загудило Запорожжа, якъ те Чорне море,—
Понеслися козаченьки облавою въ поле.
Ой якъ свысне старый Сирко на конику сывимъ,
То спынылись запорожци, якъ сонычко сило.
Ой якъ крыкне старый орелъ, на шпиль-гору сивши,
Засмутились запорожци, коней погубивши.
«Ой, батьку нашъ, отамане, шо маемъ робити?
Безъ коней мы, наче орлы, шо въ степу, пидбити?»
Ой якъ крыкне нашъ отаманъ та й до козачѣнкивъ:
«Не журитьця, запорожци, друзи молоденьки!
Ой, годи жъ вамъ турбуватись, годи, паны-брáты!
А берите въ руки списы, рушайте гарматы!
То жъ не витерь въ поли грае, не орелъ витае,
Ото жъ Сирко съ товариствомъ по степу литае.»¹⁾

Тѣ-же подвиги Сирка были, затѣмъ, причиною и того, что объ немъ, уже тотчасъ послѣ его смерти, стали ходить разные легенды. Такъ историкъ Мышецкій передаетъ, что запорожцы, послѣ смерти Сирка, нять лѣтъ возили въ гробу тѣло своего атамана, чтобы тѣмъ устрашать враговъ и обращать ихъ въ бѣгство, такъ какъ всѣ козаки твердо вѣрили, что съ Сиркомъ нестрашно было идти на войну и тогда, когда онъ уже сталъ мертвымъ²⁾.

Сирко умеръ въ 1680 году, 1 августа, въ собственной

¹⁾ Изъ пѣсенъ, записанныхъ мной въ с. Покровскомъ, екатеринославскаго уѣзда. Пѣсня, видимо, не народнаго склада.

²⁾ Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса, 1852 г., стр. 11.

Ч. II. Рис. 25.

Памятникъ И. Д. Сирка.

пасикъ, въ Грушевкѣ. Вотъ какъ объ этомъ рассказываетъ малороссійскій лѣтописецъ Самуилъ Величко. Того-же лѣта (1680 г.), перваго августа, представился отъ жизни сей, черезъ нѣкоторое время послѣ болѣзни, въ Грушевкѣ ¹⁾, въ своей пасикѣ, славный кошевой атаманъ, Иванъ Сирко. Препровожденный водою до запорожской Сичи, онъ погребенъ честно всѣмъ войскомъ низовымъ запорожскимъ въ полѣ, за Сичею, противъ московскаго окопа, гдѣ погребалось и другое запорожское товариство. Погребенъ онъ знаменито, 2 августа, со многою арматною и мушкетною стрѣльбою и съ великою отъ всего низоваго войска жалостію, какъ и слѣдуетъ справному и счастливому вождю, который съ молодыхъ лѣтъ и до старости своей, пробавляясь военными промыслами, не только удачно воевалъ Крымъ и попалилъ въ немъ нѣкоторые города, и не только громилъ въ дикихъ поляхъ, по разнымъ мѣстамъ, татарскіе загоны ²⁾ и отбивалъ христіанскихъ плѣнниковъ; но и, выплывши въ Черное море лодками, въ разныхъ мѣстахъ немалыя шкody и разоренія чинилъ бусурманамъ; а по самому морю громилъ корабли и каторги ³⁾, плывшіе изъ Константинополя въ Крымъ, Азовъ и другія мѣста, и съ великою добычею счастливо съ запорожскимъ войскомъ до своего коша возвращался; его все войско очень любило и за отца своего почитало. Похоронивши же его, какъ выше сказали, съ жалостію, знатную высыпали надъ нимъ могилу и на ней каменный крестъ поставили съ надлежащимъ именемъ и съ подписомъ его дѣяній ⁴⁾.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Сирко, а на Украинѣ его и до сихъ поръ не забыли. Говорятъ, что

¹⁾ Намъ кажется, что это—Голая-Грушевка, село екатеринославскаго уѣзда; по крайней мѣрѣ, тамъ и теперь у владѣльца Шишкина есть цѣлое урочище, Сиркивка, гдѣ у него отъ предковъ существуетъ пасика.

²⁾ Въ подлинникѣ стоитъ «чамбули», что съ турецкаго языка (чапуль) значить «загонъ», разбойничій и быстрый «наездъ».

³⁾ По-турецки «гадрига», судно по три паруса по три тента.

⁴⁾ Лѣтопись С. Величка. Кіевъ, 1851 г., т. II, стр. 497—498.

Сирко явился на свѣтъ божій совсѣмъ иначе, какъ являются обыкновенные люди. «Ото якъ винъ тилько родився, то баба взяла его на руки та поднесла до стола, а на столи стояли пироги зъ потрібкою. Сирко ухопивъ перигъ руками та й зъивъ. Родився, бачете, зъ зубами тай и весь вкъ ивъ воргивъ»... Говорять, что Сирку и самъ чортъ былъ не братъ. Шель какъ-то онъ по-надъ рѣчкою, у которой стояла тогда Сича. Идетъ, ажъ гулькы! въ рѣчкѣ плещется чортъ. Сирко выхватилъ изъ-за пояса пистоль и, не мигнувъ глазомъ, положилъ бѣса на мѣстѣ. Оттого-то и рѣчка стала называться Чортмлыкомъ: «въ ней чортъ только млыкнулъ¹⁾ вверхъ ногами, когда луснулъ его Сирко». Говорять, что равнаго Сирку не было, да не будетъ въ цѣломъ свѣтѣ, и ему самъ Господь открылъ это. Оттого, умирая, онъ далъ завѣщаніе не хоронить выше себя никого. «Хто ляже наровнѣ зо мною, то ще братъ, хто жъ передъ мене, той проклѣтъ». Говорять также, что Сирко даже и не умеръ, а гдѣ-то бродить по свѣту, незримо воюя съ врагами.

«Вы думаете, панычку, — рассказываетъ старуха Зиновія Ивановна Нелипа, теща крестьянина Николая Алексѣевича Мазаа, въ огородѣ котораго стоитъ памятникъ Сирка, — вы думаете, шо въ цій могилѣ лежитъ Сирко? Ни, тутъ ёго одна тилько рука, а винъ самъ ходе десь по свиту и воюе зъ ворогами... Якъ ставъ, бачьте, Сирко умирати, то й каже запорожцямъ: «Хто тилько оцю мою праву руку буде носити, то буде винъ воргивъ и день и ничъ кришити». Отъ небѣ-бъ-то и вмеръ винъ. Запорожци одризили у него руку, засушили ии, симъ годъ возили съ собою на вѣйну. Та все города брали. Оце яка немира, то вони заразъ выставлятъ ии въ гору тай кричать: «стойте,

---

¹⁾ На самомъ дѣлѣ слово «Чортмлыкъ» сложено изъ двухъ словъ, русскаго «чортъ» и татарскаго окончанія «млык», которое приставляется для образованія отвлеченныхъ понятій, преимущественно имевъ существительныхъ отъ именъ прилагательныхъ, какъ напр. «бай» — богатый, «байлыкъ» — богатство.

молодци, душа и рука Сирка зъ нами!» Такъ ти вороги, якъ зачуютъ Сирка, та такъ якъ скажени и порозбигаютця... Такъ отутъ та сама рука и похована, а самъ Сирко и доси гуляе десь по свиту: его, чуте, и земля не бере, бо винъ такий страшный вояка, шо й земля не сдерже. Намъ винъ, хай надъ нимъ земля перомъ, щастить; за те я ёго и въ грамѣтку записала, шобъ панъ-отець поминавъ у церкви».

Сравнивая вышеприведенную надпись на памятникъ Сирка съ свидѣтельствомъ лѣтописца Величка, мы находимъ небольшую разницу въ показаніи времени смерти Сирка. Намогильная надпись гласить, что Сирко скончался 1680 г., 4 мая, между тѣмъ какъ Величко утверждаетъ, что Сирко умеръ 1680 года, 1 августа. Чему вѣрить предпочтительно? Какъ ни странно, но намъ кажется, что въ данномъ случаѣ больше вѣры можно дать Величку. Дѣло въ томъ, что показаніе Величка совершенно совпадаетъ съ показаніемъ преемника Сирка, кошевого атамана Ивана Стягайла, заключающемся въ письмѣ его къ полковнику Василю Перхурову, «о смерти кошевого атамана Ивана Сѣрка, перваго августа воспослѣдовавшей»¹⁾. Что же касается показаній памятника, то въ данномъ случаѣ остается предположить, что это совѣмъ не тотъ памятникъ, который поставленъ былъ Сирку тотчасъ послѣ его смерти и о которомъ упомянулъ Самоилъ Величко; нужно думать, что первый памятникъ былъ разрушенъ русскими войсками въ то время, когда они осаждали Чортотмыцкую Сичу, подъ начальствомъ полковниковъ Яковлева и Галагана. Въ то время много было разрушено вещественныхъ памятниковъ запорожскихъ, а въ томъ числѣ могъ быть разрушенъ и памятникъ Сирка. Послѣдующее поколѣніе, возстановляя памятникъ, могло ошибиться въ числѣ и мѣсяцѣ смерти Сирка, не имѣя передъ собою подлинника.

Въ деревнѣ Капулиевкѣ ходитъ рассказъ о сѣдлѣ Сирка, выкопанномъ въ землѣ крестьяниномъ Прусенкомъ. Крестья-

¹⁾ Письмо это открыто мной въ Москвѣ, въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, предъ 1680 годомъ, августа 9, за № 20, въ связкѣ № 55.

нинъ Прусенко копалъ землю близъ плетня, чтобы подвести подъ него podporу. Выкопалъ онъ яму не болѣе, какъ въ колѣно, вдругъ видитъ, какъ будто что-то блеснуло. Сталъ копать дальше, видитъ—лошадиныя кости; къ костямъ, на нихъ сѣдло съ блестящими «гайками». Сталъ онъ выбирать эти «гайки». Выбиралъ—выбиралъ и цѣлый подситокъ набросалъ. «Что оно такое? Блестить, точно золото, но золото ли на самомъ дѣлѣ? Дай пойду въ Никополь къ жиду Оськѣ; онъ вѣдь долженъ знать, что оно такое, золото ли или мѣдь». Собралъ Прусенко всѣ гайки въ женскій рукавъ, — полнехенькій рукавъ!—и пошелъ къ жиду. Пришелъ. «Здоровъ!»—«Здоровъ! А шо скажешь?» «Та подивись, Оська, что я выкопавъ». Оська посмотрѣлъ, повертѣлъ въ рукахъ, попробовалъ зубами, полизалъ языкомъ и спрашиваетъ. «А багато ты найшовъ цихъ штучекъ?» «Та цилый рукавъ!»—«Добре. Ты мени ихъ зоставъ, а я понесу до Ицки, такъ той намъ и разгадае, шо воно таке есть, чи золото, чи, може, мидь. А ты, чоловіче, посидь тутъ у корчми, за стойкою, щобъ якъ хто прійде, отпустити ему горилки». «Чомъ-же не такъ»?... Жидъ ушелъ, а Прусенко остался за стойкой. Какъ забрался за стойку, тутъ ему и мать пришелъ: выпилъ сперва чарку, а на ту чарку другую, а на ту другую третью—и потомъ пошелъ писать... Да такъ цѣлыхъ три дня. Хватился уже на четверый день, а Оськи нѣтъ. Прождалъ еще два дня, а его все нѣтъ. Бросился тогда Прусенко къ Ицкѣ. «А шо бувъ у тебе Оська?»—«Ни, зъ роду винъ у мене не бувавъ, та я ёго и знати добре не знаю»... Такъ Оська и исчезъ. Уже спустя много времени послѣ этого кто-то разказывалъ, что видѣлъ Оську въ Одессѣ. Тогда только Прусенко догадался, какого онъ зѣвка далъ. Изъ всѣхъ «гаекъ» у него только осталось двѣ, которыя онъ далъ поиграть дѣтишкамъ. Понесъ онъ эти гайки къ управляющему экономіей въ село Покровское. «Да это, братецъ, чистѣйшее золото, да еще какое золото! Хочешь получить за эти двѣ штучки пару самыхъ лучшихъ воловъ въ экономіи и къ нимъ двѣ

кованныхъ брички?— «Та-вже жъ давайте, бо якъ не дасте, той ци жидъ якійсь выдуре». Этотъ разсказъ подтвержденъ официальнымъ показаніемъ станового пристава, Н. П. Корнилова.

Кромѣ могилы кошеваго Сирка, въ Кацуливкѣ есть двѣ могилы козака Симеона и Данила Борисенка,—обѣ въ току крестьянина Марка Мирошниченка, по-уличному, Богатаго. На каждой изъ могилъ стоитъ каменный крестъ съ надписью: «Зде опочываеть: рабъ божі сімеонъ ко... товаришъ куреня васюринского преставися: року 1728 года». «Зде опочиваеть рабъ бж данило Борисенко: к: стеблѣвскаго вышаго умре року 1709 мѣсяца марта 4». Кромѣ того, за токомъ подъ плетнемъ у Марка Мирошниченка лежитъ еще такъ-называемая гробница, т. е. подставка подъ крестъ съ надписью: «Отъ рождества христова 172 г.: мѣсяца июля 16». Молва гласить, что хозяинъ двора подъ вторымъ крестомъ нашелъ кладъ, почему изъ бѣднаго человѣка сдѣлался сразу богачемъ и воротилой всей деревни.

Съ западной стороны, близь самой деревни, находится такъ называемое старое запорожское кладбище, на которомъ стоитъ четыре каменныхъ креста съ надписями. «Року 1728 мѣсяца ноября дня 4 помани господи душу усбшагося от адама даже и до сего дне. Зде опочиваеть рабъ божі данилъ конеловскаго куреня козакъ». «Зде престався рабъ божіи лукіанъ товаришъ куреня медведевскаго року 1729 мѣсяца сентеврія дня 17». «Зде опочиваеть рабъ божіи сидоръ знатный товаришъ куреня кисляковскаго преставися за атамана евстаѳія шкури. а року 1729 июня дня 20 Н. М. К». «Помани господи душу раба своего ефрема носѣвскаго куреня васюринскаго а преставися року 1728 мѣ декаврія дня в 17».

Со стараго кладбища открывается великолѣпнѣйшая перспектива на мѣсто самой Сичи, точно утопающей среди роскошной зелени и точно плавающей среди множества рѣкъ. Но чтобы близко разсмотрѣть Сичу, надо спуститься внизъ

съ высокаго кладбища и пройти улицую до рѣки Пидпильной. Тутъ прежде всего бросается въ глаза довольно возвышенный, но отлогій, песчаный спускъ, усѣянный множествомъ мелкихъ рѣчныхъ ракушекъ и усаженный толстыми вѣтвистыми вербами и осокорами; а ниже спуска, черезъ рѣку, открываются необозримыя сплошныя плавни, мѣстами затопленныя водой, мѣстами покрытыя водой, но въ томъ и другомъ случаѣ поросшія густымъ лѣсомъ, изъ деревьевъ мягкой породы: осокорей, шелковицы, вербы, ивы, шелюги. Съ востока на западъ лѣсъ тянется необозримо длинною полосой, съ сѣвера на югъ онъ простирается на протяженіи пятнадцати верстъ, до самаго Днѣпра. Здѣсь-то, въ виду вѣковѣчнаго лѣса, опоясанный множествомъ рѣкъ и рѣчекъ, стоитъ небольшой, но довольно возвышенный и живописный островокъ, кругомъ окаймленный молодыми деревьями и сверху поросшій высокимъ густымъ бурьяномъ. Мѣстоположеніе острова, при всей его поразительной красотѣ, кажется, однако, какимъ-то пустыннымъ, наводящимъ уныніе на душу человѣка; отъ него вѣтъ чѣмъ-то далекимъ—далекимъ, чѣмъ-то давно-давно и безвозвратно минувшимъ.

— Да не это ли Сича?

— Это она и есть!...

Въ настоящее время эта Сича стоитъ пустыремъ; на ней, кромѣ небольшой экономической хаты, да немногихъ крестьянскихъ огородниковъ, нѣтъ никакихъ и признаковъ жилья. Одинъ вольный низовой вѣтерокъ свободно гуляетъ по ней. Тишина, точно на днѣ глубокой могилы... А между тѣмъ когда-то здѣсь кипѣла жизнь, и какая жизнь? Жизнь во всемъ просторѣ, во всемъ широкомъ разгулѣ: тутъ и бандуры звенѣли, тутъ и пѣсни разливались, тутъ-же и лихіе танцоры кружились такимъ вихремъ, отъ котораго пыль поднималась столбомъ, воздухъ стоналъ стономъ, земля звенѣла звономъ... А теперь? гробовое молчаніе, теперь мертвая тишина, такая тишина, точно въ заколдованномъ темною силою царствѣ. Теперь... что теперь? Лишь одни слабые намеки на то, что когда-то жило

здѣсь полною, открытою, никѣмъ и ничѣмъ нестѣсняемою жизнью.

Вотъ, съ лѣвой стороны, къ рѣкѣ Пидпильной бѣжитъ рѣка Чортотмыкъ, а по правому берегу Чортотмыка видны остатки запорожскаго кладбища. По всѣмъ признакамъ, во время пребыванія здѣсь запорожцевъ, оно было довольно обширно, но теперь большая часть его находится подъ деревней, а меньшая вся изрыта владомскателями. Жажда золота и мертвымъ не даетъ покоя!.. Къ тому же и самъ Чортотмыкъ не щадитъ своей святыни: ежегодно разливаясь, онъ подмываетъ свой правый берегъ и выноситъ изъ него цѣлые гробы съ козацкими костями. Оттого на берегу рѣки или на самомъ днѣ ея, во всякое время года, въ особенности же весной и осенью, можно видѣть цѣлыя кучи валяющихся череповъ и костей. А если взять въ руки лопату и отвалить нѣсколько кусковъ земли отъ праваго берега Чортотмыка, то тутъ можно видѣть и цѣлые человѣческіе остовы, и куски разнаго платья, и длинные козацкіе чубы, и оловянные пули, и цѣлые куски свинцу, и большіе круги дроту, и даже козацкое оружіе. Грустно смотрѣть на эти нѣмые остатки нѣбогда кипѣвшей здѣсь живымъ ключемъ человѣческой жизни! Грустно въ особенности потому, что и самые остатки эти попираются ногами проходящихъ людей и нерѣдко смѣшиваются съ костями и мясомъ дохлыхъ лошадей, коровъ, собакъ и кошекъ... И невольно вырывается въ такой моментъ святой стихъ «лирного» поэта:

«Подивысь на кладовище, де лежать мои сыны:
Ихъ могилы ровывае повидь жодной весны!
Всімъ до тихъ могилъ байдуже, и нема тін руки,
Щобъ якъ свято поховала черепы и кистяки»¹⁾.

Самый островъ, на которомъ была славная и грозная Сича Чортотмыцкая, представляется въ настоящее время въ такомъ видѣ. (См. табл. XXVI). Весь онъ состоитъ изъ песку, раздѣленъ на двѣ неровныя половины: возвышенную на западѣ и

¹⁾ Щоголевъ. Ворскло. Харьковъ, 1883 г., стр. 152.

низменную на востокѣ. Первая заключаетъ въ себѣ всего лишь 1050 квадр. сажень, а вторая—двѣ десятины и 1200 квадр. сажень. Но собственно только возвышенную часть и можно назвать островомъ, такъ какъ она никогда не затопляется водою. Весь сѣверный берегъ острова возвышенный, поднимающийся до четырехъ сажень надъ уровнемъ водъ; южный—отлогій, постепенно понижающийся и подъ конецъ покрытый деревьями; западный также возвышенный, но менѣе чѣмъ восточный, зато онъ крутъ, обрывистъ и въ юго-западномъ углу покрытъ лѣсомъ; восточный нѣсколько выше западнаго, но не такъ крутъ и обрывистъ, зато онъ весь охваченъ густыми и высокими деревьями. На этой возвышенной половинѣ острова отъ запорожцевъ сохранились въ настоящее время два рва съ валами и пять ямъ, изъ коихъ три ямы находятся въ сѣверо-восточномъ углу острова, передъ рвами, а двѣ на западной сторонѣ его, за рвами. Рвы расположены одинъ возлѣ другого, на разстояніи около сажени, и тянутся сперва съ сѣверо-востока на юго-западъ, на протяженіи четырнадцати сажень, потомъ, подъ прямымъ угломъ, поворачиваютъ на юго-востокъ и тянутся на протяженіи пятнадцати сажень, высоты имѣютъ до четырехъ, глубины до трехъ сажень.

Что касается низменной части острова, то это есть собственно то, что въ Малороссіи называютъ левадой; возвышаясь надъ уровнемъ рѣчныхъ водъ едва нѣсколькими футами, она уже въ небольшую воду затопляется; на ней растутъ великолѣпныя высокія и вѣтвистыя деревья, а между деревьями разбросаны громадныя гранитныя глыбы. Вокругъ всего острова, и возвышенной и низменной его части, сходятся восемь рѣчекъ: съ сѣвера Пидпильная; съ востоса Гнилая, въ старыхъ картахъ Прогной, и Скарбная ¹⁾; съ юга Павлюкъ ²⁾, прітокъ Днѣпра,

¹⁾ Скарбная идетъ изъ Днѣпра; имѣетъ въ длину 7 верстъ, въ ширину отъ 6 до 4 саж.; она обязана своимъ названіемъ тому, что въ ней запорожцы прятали свой скарбъ.

²⁾ Рѣчка Павлюкъ названа отъ куреннаго атамана Павлюка, спод-

Ч. II, Рис. 26.

Видъ Чортомлыцкой Сичи.
Рисунокъ С. И. Васильковского.

Тип. Эд. Голле.

и проризъ Бейкусь, впадающій однимъ концомъ въ Павлюкъ, другимъ—въ Скарбную; съ запада тотъ же Павлюкъ и та-же Пидпильня. Кромѣ того, Скарбная принимаетъ въ себя рр. Лапинку ¹⁾ и Скажену, идущія къ ней по направленію отъ сѣверо-востока къ югу-западу, а Пидпильня—рѣчку Чортомлыкъ, бѣгущую къ ней прямо съ сѣвера и дающую названіе самой Сичи ²⁾. Уже изъ одного этого перечня рѣчекъ видно, насколько описанная мѣстность была удобна для построенія на ней Сичи: со стороны крымской Сича была защищена широкими и непроходимыми плавнями и множествомъ водныхъ протоковъ, со стороны польской—широкой болотистой рѣчкой Чортомлыкомъ, а еще ниже Чортомлыка—вѣтвистой и глубокой рѣкой Базавлукомъ, удаленной отъ Сичи версть на восемнадцать къ западу.

Но спрашивается, таковъ-ли былъ видъ Чортомлыцкой Сичи во времена самихъ запорожцевъ? Далеко не таковъ. Въ настоящее время она представляется въ видѣ небольшого, совершенно круглаго острова; но во времена пребыванія здѣсь запорожскихъ козаковъ это не былъ островъ, а только мысъ или рогъ, на подобіе мыса или рога Микитина. Въ этомъ убѣждаютъ насъ, во-первыхъ, приведенный выше «Указъ кошевыхъ о запорожскихъ городахъ» ³⁾, во-вторыхъ, «Планъ всей мѣстности по Днѣпру отъ г. Никополя до Борислава» ⁴⁾; въ-третьихъ, «Планъ старой Чортомлыцкой Сичи козаковъ», снятый въ 1738 году ⁵⁾ съ цѣлью укрѣпить эту мѣстность для возвращавшихся тогда изъ изгнанія запорожскихъ козаковъ и, наконецъ, рассказы и увѣренія стариковъ: Михаила Рѣшетняка, жителя мѣстечка

вижника Ивана Сирка; Павлюкъ въ этой рѣчкѣ потопилъ отрядъ татаръ. Она имѣетъ длины 4 версты, ширины отъ 80—30 саж.

¹⁾ Лапинка выходитъ изъ Днѣпра, подъ Никополеми; длины имѣетъ 13 верствъ, ширина до 10 саж.; впадаетъ въ лиманъ.

²⁾ Чортомлыкъ вытекаетъ изъ балки Соленой или Чортомлыцкой, подъ Никополеми, тянется на 100 верствъ и впадаетъ въ Лапинку.

³⁾ Акты, относящіяся къ южн. и зап. Рос., т. XI, стр. 12.

⁴⁾ Шмидтъ. Зап. одес. общ. истор. и древн., т. IV, стр. 468, табл. X.

⁵⁾ Тамъ-же, таблица XII.

Никополя, и Одарки Бѣлой, жительницы деревни Капуливец, прожившихъ около ста лѣтъ и много видѣвшихъ на своемъ вѣку. «Чувъ я, якъ козакувавъ у Новій Сичи (последней по времени) отъ Отоминича та отъ Билыцьцаго (кошевые ата-маны), шо того острова (Чортомлыцаго) не було, а запорожци зробили ривъ и пропустили воду зъ Чортомлыка, щобъ не датья москалямъ (рускимъ войскамъ). Бувъ тоди наказный отаманъ Богущъ Якимъ, гарный козакъ, на мисто кошового Кости Гордіенка, шо зъ Мазепою зминувъ русскому царю (Петру I-му); винъ одкопавсь отъ берега, зробивъ на шпыли крѣпость, поставивъ гарматы и веливъ принести туды увесь козацкій скарбъ» ¹⁾. Отъ этого-то изъ рога и образовался островъ. Однако Богущъ не удержался въ своемъ укрѣпленіи, и козаки, долго защищаясь, подъ конецъ должны были забрать свое имущество и удалиться внизъ по Днѣпру, къ туркамъ. Тогда ихъ Сича, по распоряженію царя Петра, посланными имъ полковниками Яковлевымъ и Галаганомъ, была скрыта до основанія. Но съ тѣхъ поръ р. Чортомлыкъ стала нести свои воды не въ Скарбную, а въ выкопанный Якимомъ Богущемъ ровъ и, постепенно размывая его, превратила его въ широкую рѣку, соединившуюся съ р. Пидпильней. (См. пл. IV). Измѣненіе мѣстности такъ скоро произошло, что уже на картѣ 1745 года, напечатанной по-французски и хранящейся въ румянцевской библіотекѣ въ Москвѣ, Чортомлыцкая Сича представлена въ видѣ острова, омываемаго съ южной стороны Павлюкомъ, а съ сѣверной—Пидпильной въ соединеніи съ р. Чортомлыкомъ ²⁾. Въ такомъ же видѣ Чортомлыцкая Сича представлена и на картѣ 1798 года, хранящейся въ экономіи великаго князя Михаила Николаевича, въ с. Грушевѣ, херсонскаго уѣзда, кото-

¹⁾ Рѣшетнякъ имѣлъ около 30 лѣтъ при уничтоженіи последней Сичи. Записки одесск. общ. истор. и древ., т. IX, 441.

²⁾ Recueil de toutes les cartes Publiées par l'Académie de Petérsbourg à Paris, 1745.

рому въ настоящее время принадлежатъ всѣ мѣста бывшихъ Сичей Базавлуцкой, Чортотмыцкой и Пидпильненской.

Вотъ все, что можно сказать о внѣшнемъ видѣ Чортотмыцкой Сичи въ ея прошломъ и настоящемъ. Не довольствуясь, однако, однимъ осмотромъ съ внѣшней стороны Чортотмыцкой Сичи, я рѣшилъ на возвышенной части острова произвести небольшую раскопку, имѣя цѣлю, главнымъ образомъ, отыскать мѣсто бывшей здѣсь запорожской церкви. Для раскопки взята была одна изъ ямъ средней величины, въ юго-восточномъ углу Сичи, показавшаяся мнѣ мѣстомъ фундамента какого-то зданія. Яма по виду была круглая, въ окружности имѣла 10 саж., въ глубину до 2 аршинъ. По очисткѣ отъ травы и по снятіи всего одной четверти аршина земли, въ ней найденъ былъ сперва слой рыбьей шелухи, покрывавшій все пространство ямы, кромѣ самаго центра ея, на четверть толщины; ниже слоя рыбьей шелухи шелъ слой древесной золы, покрывавшій также все пространство ямы, но на глубину полуторы четверти аршина; ниже слоя древесной золы слѣдовалъ слой костей отъ разныхъ животныхъ и птицъ; ниже слоя костей—слой битой посуды, прекрасно обожженной и сдѣланной изъ превосходной глины. Послѣ послѣдующихъ пяти слоевъ обнаружился материкъ, который оказался крупнымъ желтымъ пескомъ, и тутъ, на глубинѣ двухъ съ половиной аршинъ отъ поверхности ямы, найденъ большой деревянный сундукъ, сбитый желѣзными скобками, но отъ времени совсѣмъ развалившійся. Внутри сундука лежало нѣсколько штукъ гвоздей, двѣ черепковыя хорошенькія трубки, одна красного, другая черного цвѣта, кусокъ желѣзной подковы, кусокъ поддоски, кусокъ желѣзнаго шкворня, суконная подпруга съ желѣзной пряжкой на ней, множество стекла, множество черепковъ отъ битой посуды, оловянная пуля для пистолета, небольшой надточенный брусокъ, мѣдный перстень съ печатью, свистунъ, имѣющій подобіе коня, черепковые грузки для рыбныхъ снастей, костяная, въ видѣ рога, съ узорами, натруска, чернильница, деревянная рѣзная пороховница, чугунной казанъ. Послѣд-

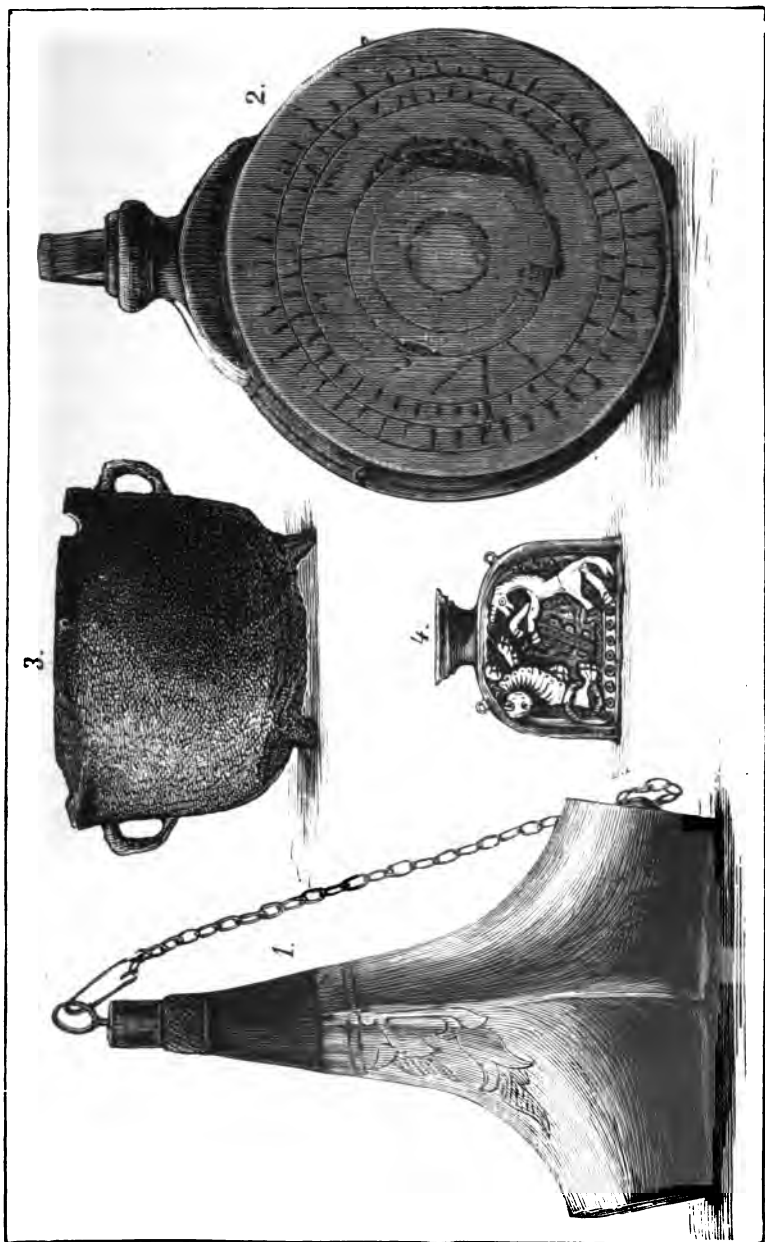
ній вмѣстимостью полтора ведра, имѣеть два ушка съ боковъ и три ножки снизу, служащихъ ему вмѣсто подставки. (См. табл. XXVII). По всему этому видно, что вскрытая яма служила мѣстомъ войсковой скарбницы, куда козаки клали разное свое добро, какъ теперь простой народъ владеть его въ каморки или пуньки.

Двѣ остальные ямы были нѣсколько больше первой: одна въ окружности 15 сажень, другая — 12 сажень. Обѣ онѣ оставлены мной нетронутыми, разрыты только валы. При раскопѣ валовъ взято было направленіе отъ сѣвера къ югу и разрыто небольшое пространство, всего лишь въ полторы сажени длины. Легкость, съ которой происходила разработка вала, показала, что онъ насыпанъ сравнительно въ недавнее время, лѣтъ сто, полтораста тому назадъ. При раскопѣ вала въ немъ найдены остатки толстыхъ и у самого конца обугленныхъ палей, разставленныхъ вдоль всего вала и служащихъ указателемъ, очевидно, того, какъ нѣкогда укрѣплена была Сича: окопанная высокимъ валомъ и осторченная въ сѣченными въ лѣсу дубами, она представляла изъ себя первобытнаго вида крѣпость и была въ истинномъ смыслѣ слова Сича.

Покончивъ съ раскопками на Сичи и собравъ нѣсколько древнихъ вещей, хранившихся у крестьянъ ¹⁾, я рѣшилъ осмотрѣть, въ нѣсколько пріемовъ, ближайшія мѣста къ Чортотмыцкой Сичи, въ сопровожденіи опытныхъ лѣсничихъ; сѣвъ въ лодку, мы направились сперва къ правому берегу рѣчки Чортотмыца, на полверсты выше Чортотмыцкаго острова, и тутъ увидѣли пять окоповъ отъ бывшихъ запорожскихъ куреней. Судя по этимъ окопамъ куреней, можно думать, что на островѣ помѣщались только главныя постройки Сичи: церковь, будинокъ для кошеваго атамана, домикъ для войскового скарба, да зданіе для войсковой канцеляріи, а самые курени козаковъ расположены были на теперешнемъ правомъ берегу рѣчки Чортотмыца,

---

¹⁾ На Чортотмыцкой Сичи, между прочимъ, находятся каменные молотки неолетического періода и фибулы бронзоваго вѣка.

Ч. II. Рис. 27.

Казанъ, пороховницы и чернильница.

причемъ причолки ихъ выходили на берегъ рѣки, а боковыя стѣны—на югъ и сѣверъ.

Отъ Чортомлыка мы направились вверхъ по Павлюку къ рѣкѣ Днѣпру. Проплывъ нѣсколько Павлюкомъ, который страшно быстро мчитъ свои воды въ Пидпильню, мы тотъ-же часъ выскочили въ Чортомлыцкое Днѣприще. Промчавшись еще нѣсколько по Чортомлыцкому Днѣприщу, мы очутились наконецъ и у самого Днѣпра. Все это время мы плыли между плавень, сплошь покрытыхъ густымъ и очень высокимъ лѣсомъ. Отъ острова до Днѣпра считается всего лишь три версты: полторы версты отъ Сичи до Чортомлыцкаго Днѣприща и полторы версты отъ Чортомлыцкаго Днѣприща до самого Днѣпра.

— Сважи мени, добродію,—обратился я къ одному изъ своихъ лодочниковъ, Прокопу Табуненку,—скільки воно оця Сича займала земли за козакивъ?

— За козакивъ вона займала земли бильшь, ніжъ теперь. Це іи пилса козакивъ кругомъ обваляло: видцила вода риже и видцила, то вона и йде у воду. За козакивъ вона була, гляди, коли не тысячу сажень кругомъ. Тоди не такъ воно було. Тоди и рички, шо теперь коло Сичи, совсимъ не такъ шли: вони вси вершались до Сичи. Оця ричка, то йде видъ Капуливки, Прогній (Гнилая), падала першъ у Липинку, а сама Липинка умести съ Прогномъ падала у Скарбну, а Скарбна уже йшла по-за Сичею, сажень на висимдесять нижче, а потимъ сходилась съ Павлюкомъ, самъ же Павлюкъ выливався у Пидпильню. Отъ якъ воно було. Якъ бачте, зовсимъ не такъ, ніжъ теперь: теперь и Прогній, и Липинка, и Скарбна бижать передъ самою Сичею и падають у Пидпильню, а не въ Павлюкъ, бо теперь винъ уже самъ собою идѣ. Тоди оця ричка, шо мы называемо іи Пидпильнею, не доходила до Сичи: тутъ противъ Сичи була невеличка канавка, а черезъ ту канавку лежала дощечка, а по тій дощечци переходили, кому треба було, на саму Сичу. Якъ мы були малыми, то намъ диды розказували, шо бѣ-то по тій дощечци переходили люди на Сичу до

церкви, бо тамъ, кажутъ, стояла гарна церква, на камени зму-
рована.

— Такъ отъ якъ воно було! Хто-жъ то оце все попе-
ремнявъ?

— Сами жъ запорожци! Видбивались вони видъ парици
та й зробили тутъ, видъ суши, прорязъ, а въ прорязъ напра-
вили воду изъ ричокъ; тоди вже вода пишла сюди передъ Си-
чею, а прежне свое русло, по-за Сичею, зоставила. Черезъ
него-то и лежала дощечка, шобъ переходити людямъ изъ сло-
боды на Сичу.

— На-що жъ то було людямъ переходити изъ слободы
на Сичу?

— Ловити рыбу. Тамъ, по-за Сичею, була, воли хочете
знати, глыбока яма, дуже глыбока, а въ тій ями плодилась
невидима сила рыбы. Такъ за тією рыбою и ходили люди на
Сичу. Окримъ того ходили люди и за звіромъ; за Сичею тамъ
же велики плавни, по тихъ плавняхъ звірь усякій водивсь,
такій звірь, шо вже не припизнайся було, хлопче, зъ вивцями,
а то не одной не зостанеться. Народу мало було та й слобидка
мала було, може хатъ десять на всю Капуливуку, а звіру, ма-
буть, у десятеро бильшь, нижъ людей та хатъ.

— А воды тоди бильшь було, нижъ теперь?

— Ни, цего не скажу: воды, наче, тоди меньшь було;
Пидпильня була якъ тычечка; отъ хиба Чортотмыкъ? Цей глы-
бокій бувъ та й ширше, нижъ теперь.

— А лиса добри були?

— Лиса прямо несходими и невидими. Отъ тилько округъ
самои Сичи, тамъ лиса не було.

— Якъ не було? А теперь же якій великій росте!

— Э, не такъ давно винъ повырись!

— А якъ?

— Съ тихъ пиръ, якъ умеръ Грыцько Горбатый.

— Хто жъ воно есть той Грыцько Горбатый?

— Це нашъ таки капуливскій чоловікъ. Богатыня бувъ такий, шо страхъ одинь! Тай не даромъ: ему чорты гроши возыли. Їжи Богу, кажуть, шо возили. Мій батько сами бачили тихъ чортивъ. Оце, кажуть, устанешъ було ранкомъ тай йдешъ повзъ рички на плавни за киньми, а вони (чорты) уже й идуть; два запряжени у тачку, а третій, падлющій-препадлющій, горбатый, увесь обидранный, съ пидбитымъ окомъ, сидыть на передку та паня тымъ двома. А ци бидолахи ажъ у три погибели згинаютця та везуть; худки таки, шо ажъ ребра у ихъ повылазыли. А батько оце поривняютця зъ ними тай кажуть: «Здоровъ!»—«Здоровъ!» Не кажуть уже тамъ: «помогай Бигъ», бо того чорты не люблять, а тилько «здоровъ» та й годи. «А кому везете золото?»—«Та тому клятому сыну, Грыцьку Горбатуму! Не якъ не настачимъ»... «Ну, везить, везить, якъ шо не настачите»... То вони й попруть прямо у двиръ до Горбатого. А Грыцько Горбатый выйде до нихъ, поличе золото, высыпе его у скрыню, тоди вже зове чортивъ у хату обидати. А люди того й не бачуть. Та оце наварюють Грыцьку казаньще борщу, видерь десять, або й бильшь, тай дывлютця, якъ то винъ те все поисть. А имъ и гадки нема, шо коло Грыцька три чорты. Тилько шо нальють борщу у казанъ, а его уже й не стало: «Хапъ! хапъ! хапъ!» Такъ усе и похонають. «А шо нахрекалысь борщу?»—«Нахрекалысь!»—«Ну, теперь знову за роботу»!... Та такъ вони бидолахи робили ему, може, годъ двадцать, коли не бильшь, а потимъ уже якось и пытають: «Доки жъ мы тоби возытымимъ, Грыцьку, те золото?»—«Ажъ поки не обсадите усю Сичу молоднятами та поки не засыпете землею оту яму, шо за Сичею. Чули?»—«Чули!»... У тужъ ничъ якъ принялись чорты, якъ принялись, та такъ усю Сичу и обсадили молоднягомъ: де осокорами, де вербою, а де шовковицею. А видъ ямы, шо буда за Сичею, и слида не зоставыли: усю землею завалили. Отъ съ тихъ поръ Сича и обросла лисомъ; съ тихъ же поръ и вода їй ничего не поробе, а то десь давно бъ уже рознесло.

— Ну, а скажите мени, чи була таки тутъ церква у запорожцивъ?

— Кажуть, шо була; самы-то мы, по правди сказать, не бачили, а отъ кого не спытаемо изъ старыхъ людей, то всеяже каже, шо була.

— А дежь вона дилась?

— Та балачка е, шо бѣ то їи звела царица Катерына. Понаравилась, бачьте, царицы Катерыни запорожска земля. Отъ вона й задумала звести зъ неи запорожцивъ. Задумала тай прыбигла сюды ажъ изъ самисеньяго Петенбурху тай стала отутъ саме, де стоить у насъ млынъ ¹⁾ на гори. Стала и давай зазывати до себе запорожцивъ, небі бѣ то въ гости. Отъ вони й зибрались. А промиждо ними бувъ одинъ такій, шо де шо знавъ соби,—такъ знакою винъ и звався у нихъ. Винъ и непоказный изъ себе бувъ: такій невеличкій, хромый та ще й пидслипуватый. Шлявся десь по степахъ, та лазивъ десь по плавняхъ, а дали й почувъ, шо козаки збираютця до царицы. Кой-якъ дошкандыбавъ до Сичи та заразь на майданъ; дывитця, ажъ тамъ рада; винъ и соби до рады. «А куды це вы, панове-молодци, зибрались?» — «До царицы въ гости!» «Ось послухайте мене, панове, та не ходите вы до тихъ клятыхъ москливъ». — «А чому такъ?» «А тѣму, шо превельке буде вамъ лыхо видъ ныхъ». «Шо за лыхо? Та нема того на всимъ свити лыха, шо бѣ мы ёго боялись! Пидьмо, братци, шо зъ нимъ базикати?» Отъ и пишли. Приходють прямо до царицы, отдають їи чоломъ, чи язь тамъ треба, а вона заразь и пыта ихъ: «А чи вси вы, дитки, прійшли?» — «Уси, мамо!» «И никого на Сичи не zostавили?» — «И никого, мамо, на Сичи не zostавили, окримъ хйба тихъ, шо хроми, або слипи, або убоги». «Ну, помолитця жъ теперь Богу та попрощайтесь изъ своею Сичею, бо бильшь вамъ їи не бачити. Не съ тимъ я прійшла до васъ, щобъ шакувати, а щобъ руйнувати». Якъ тилько вымовыла ца-

¹⁾ На сѣверъ отъ мѣста бывшей Сичи.

рыця оци сами слова, заразь же винулись до запорожцивъ москали, позакували ихъ у кайданы, поодбирали одъ нихъ худобу тай поразсылали кудысь свить за очима. Якъ ось почувли уже ти, шо позаставались на Сичи. Давай мерци збирати свое збижжа, та сидати на каюки та тикати пидъ турка. Выскочили уже геть-геть за Сичу тай схаменулись. «Эхъ, панове-молодци, усе мы гараздъ зробили, усе мы добре вдіялы, та тилько одно погано учинили, шо церкву свою покинули. Ну, шо жъ теперь вазати?.. Хай крые ии Божа мате!.. А тимъ часомъ москали уже перевязали запорожцивъ, уже й кинулись до Сичи, та тилько трохи опизнились. До неи, а тамъ никогисенько нема, стоить одна церковця. «Ну, шо жъ, кажуть, намъ и церква здастця!..» Та до неи, а вона видъ нихъ; до неи, а вона видъ нихъ; до неи, а вона видъ ныхъ... Потимъ отакъ ходыла-ходыла тай нишла скрызъ землю передъ самисенькими очима москаливъ. Уся, якъ есть, зъ дзвиницею и съ крестомъ, такъ й ширнула. Одна яма одъ неи тилько й зосталась... Наши батьки ще бачили хочъ ту яму, а мы вже й ямы не бачили: вода пидмыла. Це вже, мабуть, за наши тяжкii грихы.

Рассказанное преданіе относится къ 1709 году и должно быть связано съ личностью не Екатерины II, а Петра I. Петръ I, мстя запорожцамъ и ихъ кошевому атаману Константину Гордѣвичу Головку, за измѣну въ пользу шведскаго короля, Карла XII, послалъ къ Чортомлыцкой Сичи большой отрядъ московскихъ войскъ, подъ начальствомъ полковниковъ Яковлева и Галагана, и велѣлъ разрыть еѣ до основанія или, какъ говорятъ малороссы, «у пень», а поляки—«до щенту». Приказаніе было исполнено въ точности: разрушены были не только курени, но даже могильные памятники. Тогда же уничтожена была и сичевая церковь. А такъ какъ она построена была изъ дерева, что подтверждаетъ и гравюра Щирскаго 1791 года, хранящаяся въ императорской публичной библиотекѣ въ С.-Петербургѣ, то отъ нея, разумѣется, и не сохранилось никакихъ остатковъ до нашего времени.

— А хто жъ воно, скажить мени, оцю Сичу разоривъ?

— Оцю Сичъ разоривъ якійся Галаганъ; винъ знався зъ чортами, и якъ ще бувъ винъ далеко одъ Сичи, то якійсь-то хлопчикъ просивъ кошового атамана, шо бъ цей позволивъ застрилыти Галагана у ливе око,—инакше нельзя було вбити; а кошовый и каже: «не слидуе проливати хрыстіянску кровъ». А якъ побачивъ, шо Галаганъ уже близько, тоди й самъ ставъ просити хлопця, шобъ винъ убывъ Галагана. Тилько тоди вже було пизно. Галаганъ бувъ великій характерныкъ и зробивъ такъ, шо казалось, будто у него не одна голова, а багато. Тоди й хлопчикъ уже не мигъ розличити, де у нѣго настояща голова. «Теперь бый самъ, каже винъ кошовому, а я не можу знати, куды стреляти, бо у него бачъ скільки головъ... Такъ той Галаганъ и розорывъ Сичу. А якъ розорыли Сичу, то більша половины козакивъ утекла въ турецьку землю, посадавши на лодки, а тимъ, ще побрали, москали позрубували головы; більшь у сего досталось сиднямъ, за те, шо вони не хотили покоритыца ¹⁾).

О Галаганѣ сохранились преданія и въ другихъ мѣстахъ, но почему-то всегда въ шутиливомъ тонѣ:

Ты казавъ, пане Галагане.
Шо въ насъ війська не мае;
А якъ выйде на таракана,
Такъ якъ макъ процвітае.

Отъ Сичи я воротился въ деревню къ дидамъ Дмитру Сукуру и Семену Оникіенку. Помню, было около пяти часовъ вечера, когда я, прошедъ большую часть деревни, явился къ дидамъ. Я взошелъ прямо на токъ Сукура и тутъ подъ высокою повиткой, возлѣ большого чумацкаго воза, увидѣлъ маститаго дида, сидѣвшаго лицомъ прямо противъ солнца, которое стояло какъ разъ въ упоръ повитки и, казалось, готово было спалить огнемъ все убогое строеніе старика. А между тѣмъ

¹⁾ Записано отъ учителя д. Капуливки, А. П. Біятовскаго.

дидь спокойно сидѣлъ на своемъ ложѣ и спокойно держалъ на рукахъ маленькаго ребенка, поднявъ вверху голову и какъ бы нарочно вперивъ свой взоръ въ раскаленное солнце. Я подошелъ ближе, поздоровался и тутъ только увидѣлъ, что дидь былъ слѣпъ. Вотъ почему онъ и не отворачивалъ своего лица отъ солнца. Это былъ Сукуръ. Дидь Онигиенко былъ зрящій; онъ сидѣлъ противъ Сукура, подмостивъ подъ себя скамеечку, на которой отбиваютъ крестьяне свои косы, и что-то убѣдительно доказывалъ своему собесѣднику.

— Эй, ветки жъ диды!

— Не то шо, пане, ветки, а слаби. Шо за ветки, якъ мени симдесять шисть, а оцему дидови, шо противъ мене, висимдесять висимъ? Шо це тава за ветхисть? Стари люде да-леко бильшь насъ жили, а таки похыли, якъ оце мы, не були.

— А чого воно такъ, диды?

— Чого такъ? Того, шо, бачите, не такъ важко жити було на свити.

— Це правда, диды, свята правда!

— А видъ чого воно, диды, тоди легше було жити, нижъ теперь?

— Видъ того, шо тоди простійши порядки були, нижъ теперь.

— Якъ же простійши? Тажъ волость, тажъ Капуливка, тижъ люди!

— Люди, та не ти!

— А яки жъ?

— Козаки, отъ яки! Коли вы чували.

— Чувати-то чувъ, а знати не знаю.

— Де жъ вамъ знати, якъ вы живете по городахъ та учитесь жити по книжкахъ. Козаками вони звались видъ того, шо у ихъ начальныгъ бувъ козарь, — таке прозваніе, а про-званіе свое винъ получивъ за те, шо кохавсь козами: у него цила тысяча козъ була.

— Онъ воно видъ чоґо! Отъ ты тутъ и додумайсь!

— Додумаишься, ажъ поки тоби не скажуть.

— Якъ же цей народъ, козаки,—народывся?

— Якъ? Изъ дитвори! Тутъ якъ розказавати, такъ цила сторія! Вони изъ маленькихъ дитей; ихъ усеґо було дванадцять чоловікъ. Якій одъ батька утече, якій одъ пана, якій не схоче пасти овечать, то покине свое кубло тай бижить свить за очима. Той укравъ у батька рушникъ, той — одѣжу, той икону, — у батька вона була такъ соби негодяца: видро, може, накрывавъ, або — що, а вони їи підмалювали, підкропили водыцею... идѣ! Ото зибрались посидали хто на бульґолову, хто на лозинку, поначипляли на ихъ лыча, мотузочки, реминьчики, та й ну издити. Поки издили, поки не прокрались. Якось поскладали ти лозинки у кўщи, яки по ривчакамъ, а яки по куриньцямъ, понакрывали ихъ ланцемъ тай кажуть: «Ну, хлопци, глядитъ же, шо бъ у насъ воровства не було!» Трошки зъ годомъ якесь хлопья и прокралось. Давай тоди шукаты вора, шо чужу лозинку вкравъ. Побигли по повиткамъ, найшли и прысудыли его высикти розками. Высикли та тимъ и судъ установыли. Треба тоди старшину обрати; обрали и старшину: постановыли кошового, писаря, осавулу. Уже намножилось ихъ багато, давай обряжати вїйсько, обрядыли: «Ну, якъ же его назвати?» «Назвать его запорожсьвимъ!» Назвали. Отó й пишло: запорожци тай запорожци. Теперь треба и конїй заводити, худобу добувати. Завели й конїй, раздобули й худобы. Живуть соби и живутъ. Коли це обновылась у ихъ икона; дывлютця, ажъ пидъ нею и пидпысь: «вамъ, запорожци, вамъ славне низове вїйско, ця молитва написана. Якъ будете цю молитву знати, якъ будете їи добре памьятати, то не преже свита, ни до коньця вика не буде васъ ни якїй огонь брати. Заведить, запорожци, у себе сорокъ тысячъ чоловіка, держить суды, выбирайте старшихъ, тоди вы будете елавни одныни и до вика». Ото вони й послушали. Зробили соби Сичу. Сперше вона була вона у

Стеблови, потимъ пидь Росью ¹⁾); прожили вони тамъ мало багато, набралось ихъ уже чи мало; тоди подались вони пидь Косый яръ, у Йванивку, що коло Кременьчука. А тамъ, пидь Косымъ яромъ, проживавъ соби чоловічекъ, сказати бы гайдамака, Коржъ; у него була своя шайка, така, що винъ їи розсылавъ по разнымъ шляхамъ. Такъ запорожцы визьми тай кинься до того Коржа; прыйшли и просятця сьстры коло Ивановки. «Ну шо жъ? коли хочте, то й сидайте». Силы вони; жили-жили, не понаравылось и тутъ. «Ну якъ такъ, то справлю васъ, хлопци, туды, куды знаю,—ажъ у Софievку ²⁾), до туркивъ. Тамъ на Днипри есть остривъ, такъ тамъ и живить». Подались вони и до Софievки: роздывылись на той остривъ, понаравывся; давай тамъ поманеньку Сичу отакувати. Зробили нову Сичу тай живутъ. Коли це набига на ихъ ляхъ, а потомъ турокъ. Былись-былись вони, ни якъ не здолюють ляха, давай тоди прохати на помичъ до себе Коржа. Коржъ скоро прибувъ изъ своею ватагою до запорожцивъ. Напали вони умисти на ляха, выбили его и загнали далеко ажъ за Случъ. «Оце знай, ляше, поки твое, а поки наше». Оце розбили звидциля ляха, тоди звидциля заняли турка; якъ нагнали его та ажъ до Днипра, та такъ увесь Днипро трупомъ и загатили; сами перейшли по трупу на той бигъ Днипра, тричи насыщали землю турецкою кровію, а салтана прогнали ажъ до Крыма, тутъ и Перекипъ зробили. Отъ съ тихъ ниръ турки и стали житы въ таврической губерніи, а запорожцы стали владити Днипромъ ажъ до Берислава и жити у двохъ губерніяхъ: катеринославской и херсоньской, ажъ поки царица не скасувала ихъ Сичи.

— А за вищо жъ царица скасувала ихъ?

— Не такъ царица, якъ той Потемка, Грыцько Нечоса. Приходить, бачите, якось до царицы Потемка та й каже: «шо ты есть за царица, якъ ты не знаешъ своихъ людей».—

---

¹⁾ Киевской губерніи.

²⁾ Херсонской губерніи и уѣзда, близь с. Мѣлогого.

«Якихъ такихъ людей?» «А онъ тихъ людей, шо ни податей не платять, ни въ якому состояніи не состоять». — «Де жь ти люди живутъ?» «О тамъ-то и тамъ!» — «А якъ же вони прозываютця?» «Прозываютця запорожцями». Запно стало царици видъ цего. Давай ихъ до себе зазывати та у військо повертати, а того и не розшувувала, шо вони військо и есть. Повбирались запорожци, понадивали на себе саме найдорогше плаття, яке у ихъ було, а зверхъ понапинали саме найсквернійше, яке тилько нашли у себе тай поихали. Прыихали и прямо у дворець. Дивлютця на нихъ паны, а вони таки соби чудакувати: чудно зодягнани, чудно й балакають: тильки й балачки у ихъ, шо «эге, а тожъ, та ни». Поглядъ зовсимъ не людскій. Боже храни, яки страшени! Якъ съ кимъ балака. то й не глядитъ ему въ вичи, а якъ же гляне, шо наче варомъ область. У всихъ головы брыти, вуса ажъ на жупанъ звисають. «Давай, каже царица, я зъ нихъ посміюсь». Ото заразъ выйшла до нихъ, а за нею й свита. Ряснà та довга: усе хрелины та яноралы. «Здравствуйте, запорожники!» — «Здравствуй, наша вельможная мате!» Звиделия вы, дитки?» — «Изъ Низу, мато». «А де жь той Низъ?» — Та тамъ, де киньчатця верхъ!» «Далеченько»!.. Баче царица, шо хлопци не промахъ, загадала тоди, шобъ зварили имъ обидъ. Зварили имъ обидъ, понаставляли усякой усячины, а вони дивлютця на ту всячину тай кажутъ: «Ни, мато, мы такой стравы не имо». — «А яку жь вы исте»? «У насъ усе тетеря, сытà та рыба». — «Ну, варить имъ тетерю та рыбу, сытитъ сыту»: наварили имъ тетери, наготовили рыбы, розсытыли сыты: «Ну, сидайте обидати!» Помолились вони Богу, посадали за стіль, коли дивлятця, за столомъ нема ложокъ: «Шо жь це воно таке? Дайте жь намъ хочъ одну ложку на всихъ! Хиба у васъ идать жме нями»? Принесли имъ ложки, коли вони до тихъ ложокъ, а воно ложки не ложки, по пивтора аршина кожна. Сказать бы кіи? Такъ ни, не кіи, а здаетця ложки. Одному тилько отаманови и положена ложка, якъ ложка, тилько и та явась чудна:

не зъ дерева, а вся зъ срибра зроблена. «Ну шо жь? будемъ исты?» Выпили по чарци горилки, узялись за ложки; коли це отаманъ чи взявъ, чи не взявъ стравы ложкою тїєю, якъ уже й кричить: «Тьфу, цуръ тоби зъ твоею ложкою! уси губы попижъ! И якъ ти паны у биса идять цими ложками? А ну, хлопче, подай мени мїй корячокъ, тамъ десь у кишени лежить!» Угамуовся отаманъ, истъ. «Эге, панове, забалакали тоди вже козаки, якъ же цими ложками исты? Держальця у ихъ таки чи маленьки?» — «Та якъ? Давай годувати одинъ другого черезъ стилъ». «И то правда! Давай!» Та такъ сидять та одинъ другому черезъ стилъ и подають: ты сидишь противъ мене, мени й подаешь, а я сыдю противъ тебе, тоби й подаю. Идять вони соби тай идять, а цариця тамъ десь у проходку ходе по кимнатамъ. Ходила-ходила, а дали й каже: «Пиду жь я подивлюсь черезъ двери, якъ-то вони идять». Пишла. А вони идять соби тай идять. Отъ одинъ ивъ-ивъ, а дали й каже: «Шо це воно, панове, за ложки таки?» — «Та це жь ти, шо мате дитей годуе та приговарюе: «агу, ма-неньки»!.. Тутъ одинъ зовсимъ було улопався, такъ другой его пидправывъ... Здывувалась тоди цариця и одійшла соби геть. Зостались одни тилько генералы та князи; сміютця вони съ тихъ запорожцивъ. «И де цей дурный народъ нарождаеця?» пыта одинъ генераль у другого, чи тамъ по-нимецькому, чи тамъ по-хранцузскому. — «А де? У Хохландї?» одвить дае другой. А запорожци все те добре розуміють, бо вони хочъ зъ виду и таки соби були, а на разни языки умилы балагати. «О-е-ей, сколько панивъ!» Забалакавъ одинъ. — «Та все розумни та велики!» пидхонивъ другой, «И де вони родятця, пане-брате?» спитавъ третій. — «Та де? У Петенбурси та въ Москви!» одвить четвертый. «А де вмирають?» пыта пя-тый. — «У Камчатци та въ Сибири!» гукнувъ шостый. Повтикали тоди й генералы; зостались запорожци одни. Ото псили, поили, повставали изъ-за стола, помолились Богу, подякували царицю; тоди якъ поскидали съ себе кожанки, то такъ уси

хоромы царьски и засіялы вони видь ихъ одежи. Тутъ якійсь якъ ударе въ бандуру, якъ понеслись же танцювати за-порожци, такъ ажъ хрелны усе повыскакували та дивляця. Потимъ посідали на коней тай гайда на Сичу, «Ну, шо, пыта Нечоса царицю, чудный народъ?»—«Чудный!» «Треба его скасувати!»—«Тай треба!» Ото заразъ заславъ винъ верхового у Сичь. «Выслать мени стільки-то людей, пыше кошовому, я узнаю, яка у васъ есть нужда, чимъ усе вѣйско содержитця и скільки того вѣйска». «Ну шо жъ? Выслать!» Выслали одного чоловичка. Прихавъ винъ у Петенбурхъ, заразъ до Нечосы. Увійшовъ до него, привитавъ тай каже: «Ось тобі, батьку, цидулка видь пана кошового!»—«Яка така цидулка?» «А такъ, цидулка тай годи!»—«Съ кимъ ты прийшовъ?» «А такъ, не съ кимъ, самъ съ собою!»—«А до кого прийшовъ?» «Та до Грыцька Нечосы!»—«Шо ты за дуракъ такій? Хіба тамъ на Сичи умнійшого не було, шо мени такого дурня отрядили?» «Та були, батьку, такъ умнійшихъ видіслали до умныхъ, а мене до тебе».—«Геть, звидциля!»—Крыкнувъ Потемка и выгнавъ его одъ себе... Тоди зібравъ вѣйско и пішовъ воювати запорожцивъ. Пришовъ; самъ останувився у Мамай-Сурьци, а вѣйско у Красный-Кутъ отпавивъ: винъ тоди Краснымъ-Кутомъ звався, а це вже теперъ Покровськимъ та Грушивкою дражнитця. Прихавъ, давай скризъ копать валы, заставлять пушки, ловити запорожцивъ та повертати у москаливъ. А вони соби сидять тай байдуже. Оце выпале Нечоса изъ пушки, а вони позбирають запасъ, понакладають ёго на возы та ему назадъ и везуть: «На, кажутъ, бильшь буде». Або нахапають у жмени бомбъ, розмахаютъ-розмахаютъ та назадъ и пошпурляють: «На, кажутъ, батьку, та не збавляй запасу». А винъ усе пале та пале. Тоди вони зібрали всю свою худобу та за Дунай и подались, зосталось у Сичи тилько два чоловика: кошовый та писарь. Такъ и тихъ не взявъ. Уже чога винъ имъ не робивъ? А дали давай землю коло ихъ копати. Копавъ-копавъ, ничего не зроби-

шо выкопа яму, а вона за ничь и завалитця. Догадавсь потимъ Потемка, та пиздно: «А ну, каже, оцю землю та въ ричку!» Згорнули ту землю у ричку, коли до Сичи, а вона пуста. Давай тоди збирати старыхъ та немочныхъ. Зибравъ, показнивъ тай пишовъ назадъ. Уже пизля того схаменувсь та давай писати до нихъ; ажъ трома нападами писавъ, усе пидмøvлявъ, шобъ вернулись назадъ, дававъ имъ и степи, и дуги и чотыри лимани, шобъ ловили рыбу та справляли жупаны; такъ ни, кошовый одвитывъ ему такъ: «Ой спасиби, каже, тоби, Грыцьку, та за твою ласку, шо мы йли на Великь-день та гречану паску...» Бачъ добре вже винъ заливъ имъ за шкуру сала.

— Такъ отаки вони були?

— Отаки вони и були! Хочъ и сила не дуже велика, а боялись ихъ дуже.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

А въ темному лузи явирь зелененькій,
Пидь явиромъ коникъ вороенькій,
На коннику козакъ молоденькій;
Спынывся жъ винь тай ставъ меркувати,
Взявъ бандуру почавъ выгравати.
Ой голосно жъ бандурочка грае,
Струна струнї стиха промовяе:
Ой де жъ ти козаки гуляють?
А де жъ воны славы добувають?....

Народная пѣсня.

Изъ деревни Капуливки я вновь возвратился въ мѣстечко Никополь, гдѣ сѣлъ на пароходъ «Поспѣшный» и направился далѣе внизъ по Днѣпру къ слѣдующей за Чортотмыцкою Сичею, Сичѣ Каменской. На этомъ пути мы миновали множество рѣчекъ, острововъ, заборъ и урочищъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ въ исторіи запорожскихъ козакъ. Первое, что бросилось намъ въ глаза, по выходѣ изъ Никополя, это правый притокъ Днѣпра, Лапинка, идущая съ востока на западъ, по направленію къ рѣкѣ Чортотмыку, затѣмъ островъ Осетровскій и забора этого же имени, островъ Дѣевъ, расположенный параллельно Осетровскому, и противъ Дѣева острова рѣка Конка, выходящая изъ Днѣпра и тутъ-же, противъ заборы Осетровской или села Малой-Знаменки на таврическомъ берегу вновь впадающая въ него. У запорожцевъ здѣсь была переправа черезъ Днѣпръ, называемая Каменно-затонскою,

отъ каменистаго берега и русла Днѣпра, затоненнаго или загроможденнаго дикими камнями. Объ ней упоминаеть еще Эрихъ Ласота въ своихъ запискахъ ¹⁾). Противъ Каменнаго затона, на лѣвомъ берегу Днѣпра, какъ разъ у устья рѣки Конки, русскими построена была въ 1696 году Каменно-затонская крѣпость, а въ 1736 году ими возведенъ былъ здѣсь Каменно-затонскій редутъ. Въ настоящее время Каменный затонъ извѣстенъ у лощмановъ подъ именемъ Каменной заборы, достойной вниманія въ томъ отношеніи, что она составляетъ послѣднюю забору на всемъ протяженіи Днѣпра отъ сѣвера къ югу. На десять верстъ ниже Каменнаго затона, съ лѣвой стороны, впадаетъ въ Днѣпръ рѣчка Бѣлозерка. Она беретъ начало въ таврической губерніи, мелитопольскаго уѣзда, течетъ на протяженіи около 200 верстъ и впадаетъ въ Днѣпръ посредствомъ Бѣлозерскаго лимана, между селами Малой и Большой Знаменокъ. На этой рѣкѣ между XIII и XIV вѣкомъ построенъ былъ генуэзцами городъ Бѣлозерка. Потомъ, когда генуэзцы ушли въ Италію, на мѣстѣ Бѣлозерки поселилась владѣтельница, прозванная Бѣлозерскою. Эта владѣтельница оставалась въ своемъ городѣ до нашествія татарскаго хана Мамай. Перепуганная нашествіемъ Мамай, владѣтельница Бѣлозерская сошла внизъ по Днѣпру, на правую сторону его ²⁾), и здѣсь поселилась на рѣкѣ, давъ ей названіе новой Бѣлозерки. Пришедшій Мамай разорилъ покинутый городъ, и только въ 1736 году здѣсь построенъ былъ русскими ретраншементъ съ редутами ³⁾). Ниже р. Бѣлозерки среди Днѣпра протянулась коса Сироштанка, а за ней два большихъ острова, Британъ и Сулима, иначе Спорный, слѣдующіе одинъ за другимъ и расположенные противъ селъ Не-

¹⁾ Путев. зап. Одесса, 1873 г., 51. А. А. Русовъ видитъ въ Каменно-затонской переправѣ Никитинскую («Русскіе тракты», стр. 123), но стоитъ только обратиться къ Ласотѣ (стр. 51), чтобы убѣдиться, что Каменно-затонская переправа и Микитинскій перевозъ не одно и то же.

²⁾ Теперь имѣніе Г. Л. Скодовскаго.

³⁾ Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожск., Одесса, 1852, стр. 62.

плюева, съ правой стороны, и Большой Знаменки—съ лѣвой. Островъ Британъ имѣеть въ длину около четырехъ верстѣ, въ ширину около двухъ, покрытъ травой и небольшимъ лѣсомъ, принадлежитъ крестьянамъ мѣстечка Никополя, хотя удаленъ отъ нихъ болѣе чѣмъ на пятнадцать верстѣ. На немъ сохранились слѣды какихъ-то старинныхъ укрѣпленій. Сулима-островъ имѣеть въ длину около двухъ верстѣ, въ ширину около полуторы версты, покрытъ травой и небольшимъ лѣсомъ, отдѣленъ отъ острова Британа протокомъ, Гришкинымъ рукавомъ. Гришкинъ рукавъ, въ началѣ небольшой протокъ, съ 1859 года сдѣлался большой рѣкой, послѣ весенняго разлива, по которой въ настоящее время ходятъ даже пароходы. Островъ Сулима былъ предметомъ долгаго спора между жителями села Большой Знаменки и мѣстечка Никополя; нѣсколько разъ онъ переходилъ отъ однихъ владѣльцевъ къ другимъ, но подъ конецъ однако закрѣпленъ за жителями Никополя.

За островомъ Сулимой впадаетъ въ Днѣпръ рѣка Павлюкъ. тотъ самый Павлюкъ, который бѣжитъ къ Чортомлыцкой Сичи; ниже устья Павлюка протянулся по-надъ правымъ берегомъ Днѣпра островъ Холодный, покрытый превосходнымъ лѣсомъ, имѣющій болѣе версты длины и около полувверсты ширины. По разсказамъ старожиловъ, островъ Холодный образовался лѣтъ сорокъ—пятьдесятъ тому назадъ и сперва былъ голымъ островомъ, а потомъ покрылся небольшимъ лѣсомъ, съ теченіемъ времени разросшимся до высокаго и большого. Противъ Холоднаго острова, прямо на сѣверъ, протянулся островъ Андрушкинъ, охваченный съ восточной стороны рѣчкою Павлюкомъ, съ западной—рѣчкою Чортомлыцкимъ Днѣприщемъ, съ южной—заливомъ Днѣпра, Днѣприщемъ, отдѣляющимъ Андрушкинъ островъ отъ Холоднаго. Своимъ очертаніемъ Андрушкинъ островъ напоминаетъ фигуру треугольника, вершиной на сѣверъ, тамъ, гдѣ сходятся рѣчки Павлюкъ и Чортомлыцкое Днѣприще, основаніемъ—противъ острова Холоднаго. Видимо, островъ Андрушкинъ нѣкогда составлялъ одно цѣлое съ островомъ Холоднымъ.

Въ окружности островъ Андрушкинъ имѣть до восьми верстъ; оттого многіе принимаютъ его не за островъ, а за плавню. Свое названіе онъ получилъ отъ какого-то арендатора Андрушки. Оба острова, Холодный и Андрушкинъ, принадлежатъ экономіи великаго князя Михаила Николаевича. Противъ Андрушкина острова тянутся, одинъ за другимъ, острова Шіюватый и Середовый, а за ними, съ правой стороны, идутъ: урочище Раковъ уступъ, островъ Козацкій среди Днѣпра, длины полверсты, ширины четверть версты, покрытый травой и лѣсомъ, урочище Васюринское, островъ Липскій, длины нѣсколько менѣе версты, ширины около четверти версты, и рѣчка Мамай-Сурка, впадающая въ Днѣпръ съ лѣвой стороны. Рѣчка Мамай-Сурка имѣть теченія всего лишь десять верстъ и названа по имени хана Мамай, который построилъ здѣсь городъ своего имени, на десять верстъ ниже покореннаго имъ города Бѣлозерки ¹⁾. Ниже рѣчки Мамай-Сурки слѣдуетъ уступъ Грузское, а за нимъ островъ Хмельницкій, немного выше села Карай-дубина, расположеннаго по лѣвому берегу Днѣпра. Островъ Хмельницкій имѣть около полуторы версты длины и около версты ширины; съ восточной стороны онъ охватывается уступомъ Грузскимъ, съ южной—рѣчкой Конкой, которая подходитъ къ нему въ видѣ полудуги, и съ западной—притокомъ Хмельницкимъ. Ниже острова Хмельницкаго слѣдуетъ островъ Конскій, островъ совершенно круглый, имѣющій въ окружности до шести или даже восьми верстъ, покрытый лѣсомъ, омываемый съ западной стороны рѣкой Конкой и расположенный какъ разъ противъ села Карай-Дубина, таврической губерніи, мелитопольскаго уѣзда. Лѣтъ двадцать тому назадъ этотъ островъ считался за крестьянами мѣстечка Никополя, теперь онъ считается собственностью казны. Ниже Конскаго острова тянется островъ Пограничный, также круглый островъ, покрытый лѣсомъ, имѣющій въ окружности около четырехъ верстъ, назван-

---

¹⁾ Мышенскій. Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса. 1852, стр. 62.

ный такъ потому, что западный конецъ этого острова служить раздѣльной чертой между селеніями Карай-Дубиннымъ и Ушкалкой. Ниже острова Пограничнаго, съ лѣвой стороны Днѣпра, стоитъ село Ушкалка, а противъ, среди Днѣпра, раскинулся островъ Верхній Ушкальскій, длины около одной версты, ширины около полуверсты, покрытый лѣсомъ, принадлежащій крестьянамъ села Ушкалка. Смежно съ селомъ Ушкалкой стоитъ деревня Бабино, а ниже ея, среди Днѣпра, протянулись острова Домашинъ, Пшеничный, отдѣленные между собой рѣчкой Домашой и отъ лѣваго берега рѣкой Конгой, затѣмъ Верхній и Нижній острова, оба песчаные, безлѣсные, принадлежащіе крестьянамъ деревни Бабиной. За Нижнимъ островомъ слѣдуетъ островъ Просередъ, въ Кривомъ колѣнѣ, противъ озера Федорова и рѣчки Басанки, впадающей въ Днѣпръ съ лѣвой стороны; за Просередомъ островомъ—островъ Песчаный, небольшой, обнаженный, недавняго происхожденія. Здѣсь Днѣпръ дѣлаетъ нѣсколько заломовъ, чрезвычайно крутыхъ и неправильныхъ, вслѣдствіе чего пароходъ въ этомъ мѣстѣ Днѣпра то идетъ впередъ, то возвращается назадъ, то опять идетъ впередъ. Такъ, ниже Песчаного острова онъ поворачиваетъ назадъ подъ прямымъ угломъ съ юга прямо на сѣверъ въ широкій рукавъ и идетъ сперва мимо острова Скалозуба, находящагося въ Днѣпрѣ, противъ деревни Отмети, съ правой стороны, потомъ мимо небольшого островка Отметскаго и, наконецъ, пристаеъ къ пристани Малыхъ-Гирлъ, противъ маленькаго островка Гирловскаго. Въ этомъ же мѣстѣ, противъ Днѣпра, съ правой стороны, впадаетъ въ рѣчку Скарбную рѣка Базавлукъ. Ниже пристани Малыхъ-Гирлъ, противъ деревни Фирсовки, изливается такъ-называемый лиманъ Великихъ-водъ, противъ котораго впадаетъ въ Днѣпръ съ лѣвой стороны рѣка Скарбная, идущая изъ рѣки Пидпильной, находящейся пониже Чортотмылицкой Сичи. У Малыхъ-Гирлъ пароходъ поворачиваетъ съ сѣвера на югъ и вновь идетъ мимо острова Отметскаго, деревни Отмети, острова Скалозуба и отсюда уже въ настоящій Днѣпръ. Тутъ, съ правой

стороны, въ Днѣпрѣ падаетъ балка Золотая или Лютая, на картахъ прошлаго столѣтія—Дурная долина, ниже которой начинается деревня Золотая, потомъ деревня Леонтьевская. Противъ деревни Леонтьевской стоитъ въ Днѣпрѣ островъ Леонтьевскій, ниже котораго впадаютъ въ Днѣпрѣ, съ лѣвой стороны, рѣчки Ревунъ и Татарка, а ниже р. Татарки слѣва и деревни Бажановки справа протянулся островъ Лысый, длины двѣ версты, ширины около версты, а за островомъ Лысымъ раскинулся громадный островъ Колобродъ, омываемый Днѣпромъ и его притокомъ Колобродомъ, находящійся противъ деревни Михайловки и имѣющій около 15 верстъ длины. Ниже острова Колоброда впадаютъ въ Днѣпрѣ рѣчки Царская и Конка, съ лѣвой стороны, противъ которыхъ стоитъ въ Днѣпрѣ островъ Царскій. Островъ Царскій расположенъ какъ разъ противъ церкви села Малой Лепетихи и имѣетъ всего лишь сто сажень длины. Ниже Царскаго острова слѣдуютъ три небольшихъ островка Лепетихиныхъ, расположенныхъ одинъ подлѣ другого на такомъ ничтожномъ разстояніи, что между ними образуется какъ бы Термопильское ущелье. За тремя Лепетихиными островками слѣдуетъ островъ Просередъ и за нимъ пристань села Большой-Лепетихи. Въ этомъ мѣстѣ въ прежнее время впадала въ Днѣпрѣ съ лѣвой стороны рѣчка Лопатиха, отъ которой, вѣроятно, и образовалось искаженное названіе села Лепетихи. Какъ разъ противъ середины села Большой-Лепетихи стоятъ въ Днѣпрѣ два небольшихъ островка, расположенныхъ одинъ ниже другого, съ названіемъ Песчаныхъ, а ниже Песчаныхъ островковъ, у устья р. Конки, идущей къ селу Сѣвернымъ-Каирамъ, слѣдуютъ два Каирскихъ острова и за ними островокъ Рахмановъ, длины около 200 сажень, противъ рѣчекъ Носоковки и Кушовки, съ правой стороны. Здѣсь, по описанію Боплана, находились въ Днѣпрѣ два большіе острова, Каиръ и Носоковка. «Островъ Каиръ, совершенно плоскій, имѣетъ въ длину отъ пяти до шести миль; одна часть его покрыта камышемъ, а другая ветлою. Главный рукавъ Днѣпра течетъ къ русской сторонѣ, а потому восточный берегъ

острова гораздо шире, но зато западный не потопляется разли-
тиемъ Днѣпра» ¹⁾). Черезъ островъ Носоковку у татаръ существо-
вала такъ-называемая малая переправа; она считалась неудоб-
ною, потому что въ этомъ мѣстѣ Днѣпръ имѣлъ три четверти
мили ширины, наполненъ островами, заросъ камышемъ и раз-
дѣлялся на множество рукавовъ, по которымъ татаръ подсте-
регали запорожцы и убивали. «Безлѣсный островъ Носоковка,
длиною около двухъ миль, потопляется весеннимъ разливомъ.
Черезъ него и черезъ островъ Каирь-Космакъ, имѣющій въ
длину не болѣе полумили, лежитъ татарская переправа. Между
Носоковкою и русскимъ берегомъ протекаетъ рукавъ Днѣпра, на-
зываемый Космакомъ. Тамъ скрываются козаки при выходѣ въ
Черное море, изъ опасенія, чтобы не открыла ихъ турецкая
стража, которая всегда находится близъ Исламова городка, на
рукавѣ Таванѣ» ²⁾).

По старымъ картамъ ³⁾, островъ Каиръ расположенъ былъ
параллельно острову Носоковки, причемъ выходило такъ, что
Каиръ находился у лѣваго берега Днѣпра, а Носоковка у пра-
ваго. Последний по сравненію съ первымъ представленъ на
картахъ, по крайней мѣрѣ, вчетверо меньшимъ.

Ниже острововъ Каира и Носоковки, по правому берегу рѣ-
ки Днѣпра, раскинулось село Кочкаровка ⁴⁾). На семь верстъ отъ
села Кочкаровки прямо по направленію отъ сѣвера къ югу стоитъ
село Мѣловое, нѣкогда принадлежавшее помѣщику Николаю Ива-
новичу Вертильяку. Село Мѣловое возникло на мѣстѣ разрушен-
наго города Мѣловаго; въ немъ, по преданію, стояла запорож-
ская церковь, построенная изъ камыша и обмазанная глиной.
Въ теперешней церкви села Мѣловаго отъ временъ запорож-

¹⁾ Описаніе Украйны. Спб., 1832, стр. 27.

²⁾ Тамъ же, стр. 28.

³⁾ Карта: «*Typus Generalis Ukrainae sive palatinum podoliae, pio-
viensis et brazlaviensis terras nova delineatione exhibens*». Хранится въ
С.-Петербургѣ въ частномъ собраніи Павла Яковлевича Дашкова.

⁴⁾ Съ татарскаго «кочкар», что значитъ «баранъ».

скихъ козаковъ хранятся оловянная дарохранительница и двадцать-двѣ церковно-богослужебныя книги, перешедшія изъ запорожской церкви. Дарохранительница (см. табл. XXVIII) имѣть видъ креста, съ буквами вверху—І: Ц: Н: І: и по сторонамъ—ІС. ХС. При помощи шарнира, придѣланнаго внизу, верхняя доска дарохранительницы отъкрывается сверху внизъ и обнаруживаетъ четыре отдѣленія съ перегородками внутри: одно, самое большое, по срединѣ, куда ставился флакончикъ съ виномъ, два по бокамъ и одно внизу, подъ бѣльшимъ,—эти три назначались для частицъ просфоры. Дарохранительница носилась монахомъ (запорожцамъ служили монахи) на шеѣ, при помощи шнура, вдѣвавшагося въ ушки, придѣланныя вверху ея. Изъ книгъ достойны вниманія слѣдующія: евангеліе (Кіевъ, 1712 года), двѣнадцать четь-миней (Москва, 1724 г.), послѣдованіе вечерни (Кіевъ, 1746 г.), служебникъ (Черниговъ, 1747 г.), цвѣтная тріодь (Москва, 1750 г.), общая минея (Москва, 1752 г.), ирмологіонъ (Москва, 1758 г.), постная тріодь (Кіевъ, 1761 г.), часословъ (Кіевъ, 1764 г.), чинъ малой вечерни (Кіевъ, 1768 г.).

На двѣ съ половиной версты ниже села Мѣловаго, стоитъ земляное укрѣпленіе на правомъ берегу Днѣпра, противъ села Горностаевки, расположеннаго на лѣвомъ берегу его. По внѣшнему виду, это такъ-называемое открытое укрѣпленіе, состоящее изъ трехъ фасовъ съ исходящими углами и такой-же формы въ горжѣ укрѣпленія редюитъ. Направленіе главной линіи съ сѣвера на югъ. Сѣверная линія укрѣпленія представляетъ изъ себя балку 150 саж. длины и 5 саж. наибольшей глубины; южная—40 саж. длины и 10 саж. наибольшей глубины; западная—60 саж. длины и два аршина наибольшей глубины. Восточная сторона укрѣпленія упирается прямо въ Днѣпръ.

Тотчасъ ниже укрѣпленія стоитъ хуторъ Консуловка или Разоровка. Здѣсь была шестая по счету запорожская Сича, Каменская. «На оной рѣкѣ Каменкѣ¹⁾ имѣлась запорожская Сѣча,

выше Кизивермена (Берислава) въ 30 верстахъ, на правой сторонѣ Днѣпра» ²⁾. «А карауламъ быть по самой границѣ, зачавъ по той сторонѣ рѣки Днѣпра, гдѣ нынѣ войсковою перевозъ да въ Усть-Каменке, гдѣ прежде сѣчь была, а оттуда до гарду» ³⁾. Каменская Сича устроена запорожцами въ бытность ихъ подъ протекціей. Крыма, «на поляхъ татарскихъ, кочевьяхъ агарянскихъ», съ 1710 года и по 1734 годъ. Причиной удаленія запорожскихъ козаковъ изъ родныхъ мѣстъ въ мѣста иноплеменниковъ и даже заклятыхъ враговъ ихъ былъ переходъ ихъ отъ Петра I къ Карлу XII въ 1709 году передъ полтавской битвой. По словамъ лѣтописца, это произошло такъ. «Въ 1709 году король Карлъ XII шель съ своею арміей въ Россію и когда пришелъ къ малороссійскимъ границамъ, тогда кошевой ⁴⁾ со своими запорожскими козаками, по согласію съ малороссійскимъ гетманомъ Мазепою, измѣнилъ россійскому престолу и присоединился къ шведской арміи и пошелъ войной на Россію. Но когда русскіе разбили на голову подъ городомъ Полтавою шведское войско и поплѣнили тамъ людей, то названный запорожскій кошевой Константинъ Гордіенковъ съ малою дружиною и шведскимъ королемъ бѣжалъ въ турецкую область, въ провинцію Бендеры. А русскіе, послѣ той побѣды, послали войско разорять Сѣчу, за измѣну запорожцевъ; войска, пришедъ, атаковали запорожскихъ козаковъ и хотя казаки очень жестоко оборонялись отъ нихъ, но Сѣчи своей не могли отстоять; многихъ изъ нихъ русскіе порубили, многихъ въ плѣнъ взяли, за ихъ себѣ измѣну, многихъ вѣшали на плотяхъ и пускали внизъ по Днѣпру, всю имѣвшуюся у нихъ артиллерію, болѣе ста пушекъ, взяли съ собой и от-

¹⁾ По балкѣ Каменкѣ течеть рѣчка Каменка.

²⁾ Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожск. Одесса, 1852 г., стр. 71.

³⁾ Изъ актовъ собственнаго собранія: указъ имп. Елизаветы Петровны 1754 г., 27 сентября. См. «Матеріалы для исторіи зап. казаковъ» Спб., 1888 г.

⁴⁾ Константинъ Гордѣвичъ Головки.

Ч. II. Рис. 28.

Запорожская дарохранительница.

везли въ Россію, а самую запорожскую Сѣчу до основанія разорили. Оставшіеся же изъ запорожцевъ нѣсколько тысячъ чело­вѣкъ спасли себѣ жизнь бѣгствомъ; бѣжавъ, они от­дались въ подданство крымскому хану, отъ котораго полу­чили себѣ бунчукъ, булаву и прочее, и поселились при рѣкѣ Каменкѣ, гдѣ русскіе вновь, пришедши съ войскомъ, выгнали ихъ изъ названнаго мѣста Каменки; тогда они, удалившись, поселились при урочищѣ Алешкахъ, у рѣки Днѣпра, на крымской сто­ронѣ... А какъ запорожскіе козаки, подъ командою крымскаго хана, ходили на черкесовъ («въ черкесы») ¹⁾, числомъ въ нѣ­сколько тысячъ, то запорожскіе-же козаки, тѣ, которые живутъ при рѣкѣ Самарѣ, собравшись большою силою, пошли воору­женною рукою на запорожскую Сѣчу, къ урочищу Алешкамъ, и всю ее разбили и разгромили, людей множество перерубили и перевѣшали; все это они дѣлали за то, что запорожцы дер­жали ихъ у себя какъ подданныхъ и многія имъ насилія и обиды наносили. И когда кошевой возвратился съ запорож­скими козаками изъ похода на черкесовъ и увидѣлъ разореніе своей Сѣчѣ, то собралъ всѣхъ запорожцевъ и переселился изъ помянутаго урочища Алешекъ въ старую Сѣчу Каменку, о которой выше въ нѣсколькихъ пунктахъ упомянуто ²⁾.

Итакъ, послѣ Чортотмыцкой Сичи запорожцы сидѣли сперва Сичами Каменской, потомъ Алешковской и потомъ снова Ка­менской. Такъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуеъ князь Мы­шецкій. Тотъ же Мышецкій даетъ поводъ думать, что запо­рожцы держались въ Каменкѣ до самаго того момента, когда, оставивъ крымско-турецкія владѣнія, вновь перешли въ пре­дѣлы Россіи, что совершилось въ 1734 году, въ царствованіе

---

¹⁾ По характерному выраженію Ригельмана, «во множественномъ числѣ».

²⁾ Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожск., Одесса, 1852 г., стр. 18—20. Тоже см. у Ригельмана, Лѣтописное повѣствованіе о Мал. Рос., Москва, 1847 г., ч. III, стр. 96. Приведенныя слова кн. Мышецкаго переданы съ взаимной устарѣлыхъ словъ современными.

императрицы Анны Ивановны ¹⁾). Съ этимъ свидѣтельствомъ автора «Исторіи о козакахъ запорожскихъ» вполне совпадаетъ свидѣтельство и автора «Записокъ о запорожскихъ обычаяхъ», протоіерея Григорія Кремянскаго, современника послѣдней запорожской Сичи на р. Пидпильной. «По разореніи Петромъ I Старой Сѣчи (на р. Чортомлыкъ), пишетъ Кремянскій въ 1836 году, октября 17, запорожцы оставшіеся бѣжали на лодкахъ подъ турка, гдѣ турокъ принялъ и водворилъ ихъ въ Олешкахъ. А потомъ просились запорожцы у императрицы Анны Іоанновны о принятіи ихъ опять подъ Россійскую державу, коимъ и позволено. То запорожцы поселились выше Кизикермена (теперь городъ Бериславль, Херсонской губерніи) въ Омилловомъ и, поживши тамъ, какъ говорятъ, семь лѣтъ, переселились въ Красный кутъ, что нынѣ село Покровское, гдѣ, устроивъ Сѣчь свою, жили до послѣдняго ихъ разоренія великою императрицею Екатериною II» ²⁾). На картѣ «La Piccola Tartaria colla Crima. Venezia, 1798. Presso Antonio Zatta» Каменская Сича названа St. Sicza, т. е. Старая Сича и поставлена противъ Каиръ мечети ³⁾). Съ такимъ же названіемъ Каменская Сича занесена и на карту «Recueil de toutes les cartes publiées par l'Académie de Pétersbourg. A Paris, 1745» ⁴⁾). То же названіе «Старой Сѣчи» Каменская Сича сохраняетъ на картѣ Де-Боксета 1751 года ⁵⁾).

Упомянутое урочище Омилово есть не что иное, какъ балка Мѣловая съ названнымъ выше селомъ Мѣловымъ, находящимся на четыре версты выше балки Каменки и нѣкогда принадлежавшимъ помѣщику Н. И. Вертильяку, а теперь составляю-

---

¹⁾ Исторія о козак. зап., 23—27. Ригельманъ по этому вопросу колеблется: въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что запорожцы имѣли свою Сичу въ Алешкахъ безпрепятственно до 1733 года, а въ другомъ держатся указанія Мышецкаго: III, стр. 96 и 139.

²⁾ Записки одес. общ. ист. и древн., т. VI, стр. 645.

³⁾ Въ собраніи П. Я. Дашкова, въ С.-Петербургѣ.

⁴⁾ Въ собраніи гравюръ и картъ въ Румянцовскомъ музеѣ, въ Москвѣ.

⁵⁾ Въ собственномъ собраніи.

щимъ собственность владѣльца М. Ѳ. Огаркова. Такимъ образомъ свидѣтельство кн. Мышецкаго о пребываніи запорожскихъ козаковъ Сичею въ Каменкѣ до 1734 года совершенно совпадаетъ со свидѣтельствомъ протоіерея Кремянскаго, не смотря на то, что этотъ послѣдній, вмѣсто Каменки, называетъ Омилово, но Каменка и Омилово—смежныя мѣста. въ ту пору, да и теперь часто не различаемыя одно отъ другого. Эти показанія достойны гораздо большаго довѣрія съ нашей стороны, нежели свидѣтельства Ригельмана, увѣренія г. Скальковскаго ¹⁾ и повторенія г. Марковина ²⁾. «Сочинитель запорожской исторіи, г. Скальковскій,—говоритъ по этому поводу Н. И. Вертильякъ,—полагаетъ, что Каменская Сѣчь была только одинъ годъ; не раздѣлять его мнѣніе я имѣю много причинъ. Значительное пространство кладбища (запорожскаго) не могло никакъ составиться въ одинъ годъ; большое количество надгробнымъ надписей, указывающихъ годы смерти до 1736 года многихъ кошевыхъ, войсковыхъ писарей и войсковыхъ судей, не было дѣломъ случайности ³⁾; наконецъ, многія изустныя преданія и эти записки (князя Мышецкаго) утверждаютъ меня въ моемъ мнѣніи. Сила русскаго оружія, послѣ полтавской битвы, заставила трепетать измѣнниковъ-запорожцевъ и вынудила ихъ переселиться на крымскую сторону, въ Алешки; но несчастный прутскій миръ, по которому вся страна между Днѣпромъ и Бугомъ была уступлена туркамъ, служить достаточнымъ ручательствомъ безопасности вторичнаго водворенія запорожцевъ въ Каменкѣ; это мѣсто они предпочитали и потому, что оно охраняло ихъ, по своей мѣстности, отъ внезапныхъ набѣговъ татаръ, которымъ они всегда не довѣряли» ⁴⁾. Таковы историческія данныя о прошломъ Каменской Сичи. Теперь на мѣстѣ

¹⁾ Исторія Новой Сѣчи. Одесса, 1846, т. II, стр. 40—45.

²⁾ Очеркъ исторіи запорож. козачества. Спб., 1878, стр. 68.

³⁾ Н. И. Вертильякъ писалъ въ 1852 году; но почти то же самое можно сказать и теперь.

⁴⁾ Мышецкій. Истор. о козак. зап. Одесса, 1852, стр. 22, прим. 35.

ея, какъ сказано, стоитъ усадьба Консуловка или Разоровка, владѣльца М. Ѳ. Огаркова. Насколько помнитъ самъ владѣлецъ, Консуловка сперва принадлежала помѣщику Байдаку, затѣмъ консулу Разоровичу, потомъ владѣльцу Константинову. Далѣе помѣщику Эсаулову и, наконецъ, съ 1858 года самому М. Ѳ. Огаркову. Отъ второго владѣльца, консула Разоровича хуторъ и теперь называется Консуловкой или Разоровкой. Онъ стоитъ у устья балки Каменки. Въ старину по балкѣ Каменкѣ протекала довольно большая рѣчка того-же имени, которая бралась изъ Малаго-Ингульца въ степи и шла на протяженіи ста верстъ, впадая въ Днѣпръ съ правой стороны, по теперешнему, на полтора ста верстъ ниже экономическаго двора владѣльца, иначе противъ с. Большихъ или Нижнихъ Каиръ, расположенныхъ по лѣвому берегу Днѣпра. Въ настоящее время эта рѣчка Каменка имѣетъ не больше шести верстъ длины въ обыкновенное время года, въ жаркое-же лѣто и того меньше. По лѣвому берегу ея расположена усадьба Михаила Ѳедоровича Огаркова, а по правому, черезъ рѣчку, усадьба Ивана Прокофьевича Блажкова, вмѣстѣ съ хуторомъ, состоящимъ изъ восьми дворовъ.

При осмотрѣ балка оказалась въ высшей степени дикою, но зато и въ высшей степени живописною. Русло ея относительно береговъ очень низкое, самые-же берега усажены громадными гранитными глыбами, между которыми растутъ разной породы лѣсъ, плющевыя деревья и дикій виноградъ. Отъ этого по берегамъ балки да и въ самомъ руслѣ ея можно видѣть такія причудливыя бесѣдки, такія густыя, непролазныя чащи, какихъ не выдумать и самой разнообразной фантазіи человѣка. Мѣстность по-истинѣ замѣчательная. Не даромъ она такъ восхищала путешественниковъ! «Здѣсь въ этомъ тихомъ уголкѣ, между этими угрюмыми скалами, говоритъ Аванасевъ-Чужбинскій, любитель природы просидѣлъ-бы нѣсколько часовъ, предавшись безпечнымъ думамъ и, можетъ быть, надолго сохранилъ-бы въ памяти оригинальный дикій пейзажъ изъ странствій по низовью днѣпровскому. А если

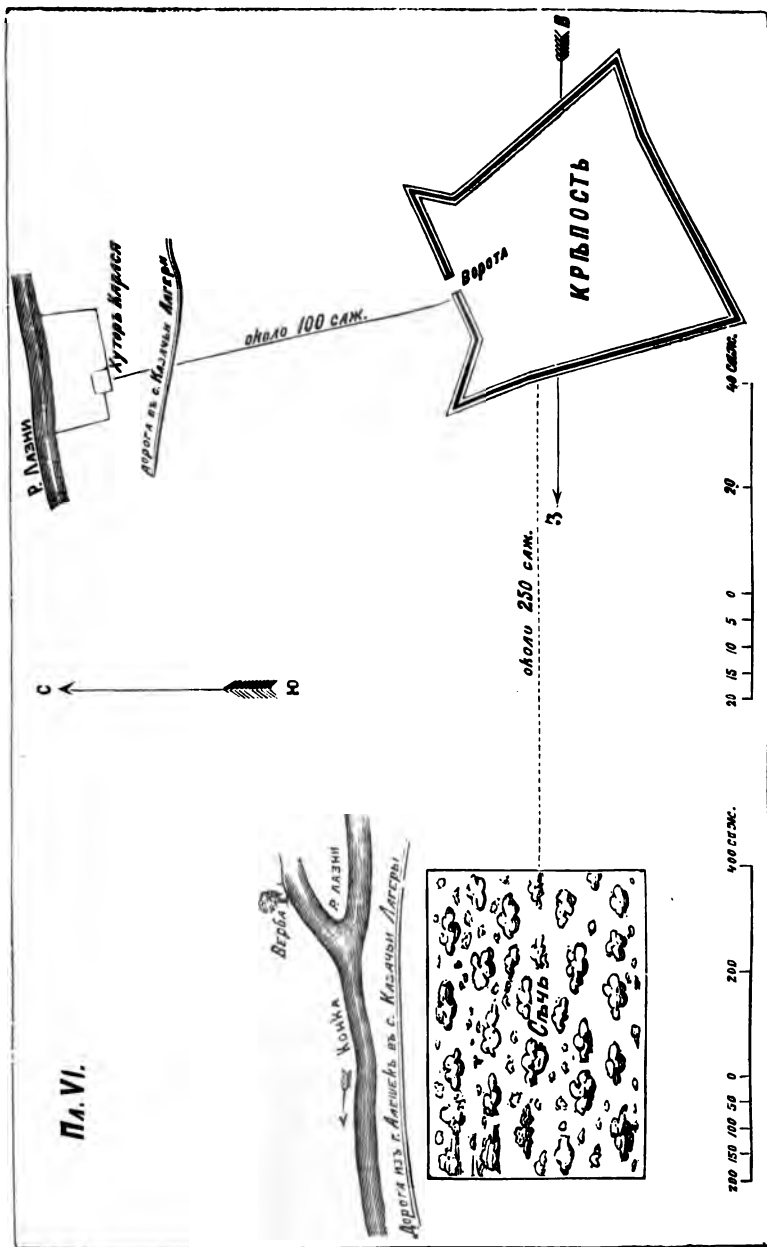
этотъ странникъ малороссъ, думы его будутъ стараться проникнуть смыслъ одной страницы изъ русской исторіи¹⁾. Но еще лучше кажется этотъ уголокъ въ ночное время, при мягкомъ и серебристомъ свѣтѣ луны.

Было какъ разъ около десяти часовъ вечера, когда я, пройдя сухую вершину балки, добрался до рѣки. Здѣсь уже давно стояла приготовленная для меня лодка съ двумя гребцами. Мы сѣли въ лодку и пустились внизъ по теченію рѣки. Въ то время ночь была самая очаровательная. Рѣка, точно скованная дремотой, точно охваченная легкимъ полусномъ, струилась до того тихо, что казалось, совсѣмъ замерла въ своемъ теченіи. Отъ этого наша лодка едва-едва скользила по поверхности воды. Гребцы уже давно вынули изъ воды свои весла, уже давно сложили ихъ на дно лодки и, спокойно скрестивъ свои руки на груди, отдались теченію рѣки. Предъ нами постепенно раскрывались берега балки. Особенно живописенъ оказался правый берегъ. Тутъ сперва обрисовался прекрасный старый садъ владѣльца И. П. Блажкова, за нимъ раскинулась роща громадныхъ, вѣковѣчныхъ гигантовъ-дубовъ, за рощей выдвинулись массивнѣйшія гранитныя скалы, поросшія чернымъ мхомъ, окутанныя дикими кустарниками различной породы деревъ. Весь этотъ берегъ, вообще, высокій, подъ конецъ еще больше того возвышается. Здѣсь природа дѣлаетъ какъ-бы послѣднее усиліе и выдвигаетъ громаднѣйшую скалу, саженъ сорокъ или пятьдесятъ высоты, носящую названіе Пугачевой горы. У самаго Пугача рѣчка Каменка дѣлаетъ крутой загибъ съ сѣвера на югъ и мчитъ свои воды въ Козацкое-Рѣчище, идущее по-надъ правымъ берегомъ Днѣпра, на пространствѣ трехъ верстъ, и потомъ сливающееся съ Днѣпромъ. Таковъ характеръ праваго берега балки Каменки. Нѣсколько инымъ представляется лѣвый берегъ ея. Здѣсь уже нѣтъ ни громадныхъ вѣковѣчныхъ дубовъ, ни массивныхъ гранитныхъ скалъ, ни дикой, величественной горы

¹⁾ Аванасьевъ-Чужбинскій. Поездка въ Южную Русь. Спб. 1863 г. I, 248.

Пугача, но зато тутъ самымъ берегомъ рѣки, въ видѣ длинной канвы, картинно протянулся рядъ молодыхъ зеленыхъ вербъ, которыя тѣмъ становятся чаще, чѣмъ больше рѣка Каменка подходитъ къ рѣкѣ Днѣпру. И въ то время, когда одинъ рукавъ рѣчки Каменки отдѣляется отъ общаго русла и отходитъ къ правому берегу балки и, поворотивъ съ сѣвера на югъ у Пугача-горы, сливается съ Козацкимъ Рѣчищемъ, въ это самое время другой рукавъ той-же рѣчки Каменки отдѣляется отъ общаго русла и отходитъ къ лѣвому берегу балки Каменки и отсюда, поворотивъ съ сѣвера на югъ, сливается съ тѣмъ-же Козацкимъ Рѣчищемъ, протянувшимся здѣсь на четыреста сажень длины. Такимъ образомъ вся балка представляетъ собой какъ бы подобіе вилъ, рукоятки которыхъ будетъ соответствовать вершина ея, а двумъ рожкамъ—устья. Въ устьѣ балки, между двумя рожками, стоитъ прекрасный островъ Каирскій, покрытый сплошь высокимъ лѣсомъ, имѣющій въ длину двѣ версты, въ ширину полъ-версты и раздѣленный между тремя владѣльцами: Огарковымъ, Блажковымъ и Полуденнымъ. Таковъ характеръ лѣваго берега балки Каменки.

Само Казацкое Рѣчище имѣетъ также своеобразный характеръ. Это—въ буквальномъ смыслѣ слова панорама, устроенная природой изъ воды, живой зелени травъ и молодого лѣса, охваченная съ лѣвой стороны высокимъ, по мѣстамъ почти отвѣснымъ берегомъ рѣки, съ правой—окаймленная длиннымъ рядомъ вербъ, кудрявыхъ, развѣсистыхъ осокорей и тонкой, низко нагибающейся къ водѣ лозой. Вода здѣсь до того чиста, что въ ней, точно въ зеркальной поверхности со всѣми подробностями отражаются и деревья, стоящія у береговъ, и звѣзды, блестящія въ небѣ, и луна, выплывающая изъ-за гигантскихъ скалъ, и лодка, едва слышно плывущая по рѣкѣ и, наконецъ, самыя лица сидящихъ въ ней пловцовъ. И въ то же время какая замѣчательная тишь! Только и слышно, какъ иногда пронесется гдѣ-нибудь по верхушкамъ высокихъ осокорей низовой вѣтерокъ, зашумитъ-заиграетъ между лозъ, протянется

Пл. VI.

Планъ Алешковской Сичи.

Ч. II. Пл. VI.

тонкой полосой между молодых плакучих вербъ и снова за- тихнетъ, снова успокоится... «Гей, хлопцы, гей!.. А ну къ вес- ламъ, ну!» крикнулъ одинъ изъ гребцовъ, завидя Днѣпръ. Этотъ крикъ вызвалъ къ дѣйствительности какъ меня самого, такъ и моихъ спутниковъ, невольно погрузившихся въ глубокое мол- чаніе въ виду царствовавшаго безмолвія самой природы. Я вздро- нулъ и бросилъ взглядъ впередъ: передо мной вольно и плавно раскинулся широкій Днѣпръ. Гребцы усиленно налегли на весла, и мы поплыли противъ теченія рѣки по-надъ правымъ берегомъ ея. Берегъ оказался высокимъ, крутымъ и совершенно откры- тымъ. Я взглянулъ на самую вышку его и тутъ увидѣлъ боль- шой каменный крестъ и подлѣ него высокую, круглой формы, могилу. Тутъ гребцы сняли шапки и перекрестились.

— Это что такое?

— Запорожское кладбище.

— А нельзя-ли добраться до этого кладбища?

— Отчего-же нельзя?.. Братцы, держите лѣвъй! Разъ-два- три! Вотъ и берегъ.

Поднявшись не безъ затрудненій на берегъ рѣки, мы уви- дѣли здѣсь какіе-то холмы и развалины.

— А это что за холмы?

— А это запорожская Сича.

— Такъ вотъ она! Такъ вотъ тѣ нѣмые остатки слав- ныхъ и грозныхъ «лыцарей», имя которыхъ нѣкогда гремѣло по всему свѣту и слава которыхъ разливалась когда-то по всей Украинѣ! И гдѣ-то все дѣлось?! Страшною грустью повѣяло на меня отъ этого кладбища.

Каменская Сича оказалась расположенною въ томъ самомъ углу, у котораго сходится рѣчка Каменка съ Козацкимъ Рѣчи- щемъ, отдѣляющимся отъ Днѣпра по направленію отъ сѣвера къ югу, и представляетъ изъ себя неправильный треугольникъ, протянувшійся съ сѣвера на югъ по-надъ правымъ берегомъ Козацкаго Рѣчища, основаніемъ на сѣверъ, вершиною на югъ. (См. пл. V). Вся величина Сичи, по четыремъ линіямъ,

опредѣляется такъ: сто пятнадцать сажень съ востока, шесть-десять шесть сажень съ сѣвера, сто двадцать-три сажени съ запада, тридцать-шесть сажень съ юга. Самая форма Сичи представляется въ такомъ видѣ. По срединѣ ея, съ сѣвера на югъ, идетъ площадь, ширины у сѣверной окраины шесть сажень, у южной три сажени, а по обѣимъ сторонамъ площади тянутся курени, числомъ сорокъ. Одинъ рядъ ихъ идетъ вдоль Козацкаго Рѣчища съ выходами на западъ, а три ряда идутъ отъ степи, встрѣчно р. Каменки, съ выходами и на востокъ, и на западъ. Между послѣдними тремя рядами, также какъ и между первыми, тянется отъ сѣвера къ югу площадь, равная и по ширинѣ и по длинѣ первой. Каждый изъ куреней имѣетъ двадцать-одинъ аршинъ длины и двѣнадцать аршинъ ширины. Вся Сича обнесена была каменной оградой, отъ которой въ настоящее время сохранились только кое-гдѣ небольшіе камни. За оградой, у сѣверной окраины Сичи, уцѣлѣли еще семь небольшихъ круглыхъ ямъ: три къ востоку, четыре къ западу, приспособленныхъ къ стратегическимъ цѣлямъ и носившихъ у запорожцевъ названіе волчьихъ ямъ. Южная окраина Сичи, тамъ, гдѣ сходятся Каменка и Казацкое Рѣчище, отдѣлена небольшою канавою, идущею отъ востока къ западу, ниже которой, съ наружной стороны, тянется рядъ небольшихъ холмиковъ, числомъ девять, въ томъ же направленіи, какъ и канава. Пространство земли ниже канавы къ югу, до мѣста сліянія Каменки съ Козацкимъ Рѣчищемъ, носить названіе стрѣлки и принадлежить владѣльцу И. П. Блажкову. Здѣсь тянется рядъ холмовъ, числомъ восемь, съ сѣвера на югъ, параллельно р. Козацкому Рѣчищу, но перпендикулярно канавѣ, отдѣляющей южную окраину Сичи. Быть можетъ, эти послѣдніе холмы служили у запорожцевъ базисами для пушекъ, которыми они ограждали свою столицу съ юга, какъ ограждали волчьими ямами съ сѣвера. Таковъ общій видъ Каменской Сичи.

Къ этому нужно добавить лишь то, что на сто шаговъ отъ Сичи къ сѣверу находится еще запорожское кладбище, на коемъ

Ч. II. Рис. 29.

Памятникъ кошеваго К. Г. Головка.

въ настоящее время сохранилось всего лишь четыре каменных креста, одинъ цѣлый и три разбитые въ куски, съ надписью, сдѣланною полувязью на каждомъ изъ нихъ. Первый крестъ имѣеть высоты два аршина и три четверти, толщины полъаршина; на немъ, съ западной стороны, вверху выбита фаза луны, возлѣ нея крестъ и возлѣ креста нѣчто подобное цвѣтку, а ниже цвѣтка помѣщена слѣдующая надпись: «**Во ИМѢ ОЦА И СЫА и СГО ДХА ЗДЕ ОПОЧИВАЕТЪ РАБЪ БЖІЙ К^нСТАНТИ^н ГОРДЬЕВИЧЪ ЯТАМАНЪ КОШОВЫЙ: СЛАВНАГО ВОЙСКА ЗАПОРЪЗКОГО НИЗОВОГО А КУРЕНА ПЛАТНЬРОСКОГО: ПРЕСТАВИСЯ РОКУ АШУЛГ МАЯ Д ЧИСЛА**». (См. табл. XXIX). Съ восточной стороны креста высѣчено обыкновенное распятіе, съ обычными при немъ буквами, а ниже распятія изображена козацкая арматура: копьѣ, сабли и пушки на колесахъ. У самаго креста насыпана могила, высоты черезъ вершину двѣ съ половиной сажени, въ окружности двадцать сажень. Второй крестъ разбитъ на три куска и потому на немъ можно было прочесть лишь слѣдующія слова: «**Во имя пресвятія и живо... тройци аминь. Зде опочиваетъ рабъ божи василі дероєєви отаманъ кошовой... а куреня титаровского представился в року 1731-мъ в мѣсяцъ маѣ дня 23**». Крестъ лежалъ возлѣ небольшой могилки, близъ которой онъ видимо когда-то стоялъ.

Приведенныя надписи указываютъ на то, что подъ двумя крестами покоится прахъ двухъ кошевыхъ: Василия Героєевича и Константина Гордѣевича. Изъ двухъ этихъ кошевыхъ атамановъ о первомъ намъ ничего неизвѣстно, а о второмъ извѣстно лишь то, что онъ былъ сынъ Гордѣя Головка, что онъ именовался собственно Константиномъ Гордѣевичемъ Головка, что онъ занималъ постъ кошеваго атамана уже съ 1701 года, затѣмъ, отказавшись отъ своихъ «дѣдовскихъ хуторовъ», перешелъ на сторону гетмана И. С. Мазепы, игралъ въ одну руку съ нимъ до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ, что былъ обманутъ гетма-

номъ; тогда заключилъ союзъ съ крымскимъ ханомъ въ мѣстечкѣ Будишахъ, теперешняго полтавскаго уѣзда, передался ему въ подданство и умеръ, какъ видно изъ приведенной надписи, въ 1733 году. Остальные два креста настолько повреждены, что на нихъ можно было прочесть лишь одни имена козаковъ Якова и Федора. Это и все, что нашелъ я на запорожскомъ кладбищѣ близъ Каменской Сичи, а между тѣмъ, глядя на множество могилъ, можно думать, что здѣсь было довольно большое кладбище, отъ котораго однако же въ настоящее время уцѣлѣло лишь четыре неполныхъ креста, о чемъ заявлялъ уже сорокъ три года тому назадъ покойный Н. Н. Вертилякъ. «Не болѣе какъ лѣтъ за пятнадцать назадъ (Вертилякъ писалъ въ 1844 году) кладбище бывшей на рѣкѣ Каменкѣ Сичи запорожской усѣяно было крестами и надгробными памятниками съ надписями; даже крѣпостные валы сохранили обшивку свою изъ тесаного камня. Теперь все это истреблено. На кладбищѣ остается только четыре креста. Одинъ изъ нихъ вовсе безъ надписи ¹⁾., на другомъ стерлась она отъ времени такъ, что ничего нельзя разобрать; зато надписи двухъ остальныхъ обогащаютъ насъ весьма важными свѣдѣніями относительно исторіи Запорожья: первая опредѣляетъ годъ смерти кошеваго атамана Кости Гордіенка, о которомъ въ «Исторіи послѣдняго коша» г. Скальковскаго сказано, что неизвѣстно, гдѣ онъ умеръ. Вторая дополняетъ списокъ кошевыхъ новымъ неизвѣстнымъ именемъ Василя Ерофѣева ²⁾».

Каменская Сича, какъ уже сказано, существовала недолго. «Коль скоро объ ономъ (о томъ, что запорожцы поселились въ

---

¹⁾ Это невѣрно: всѣ четыре креста имѣютъ надписи, но только на двухъ изъ нихъ трудно прочесть, потому что они разбиты на нѣсколько частей. Невѣрно также прочесть г. Вертилякъ и годъ смерти Гордіенка: не 1731, а 1733, на кресту стоитъ **AVЛГ**, гдѣ изъ послѣдней буквы Л сдѣлано и Г, что и составить 33, а не 31, чего г. Вертилякъ и не замѣтилъ.

²⁾ Записки одес. общ. истор. и древн., т. I, стр. 607.

Ч. II. Рис. 30.

Запорожскія трубки.

Каменкѣ) извѣстно стало, то черезъ посланную партію ихъ (т. е. запорожцевъ) опять согнали (россіяне) и кошь ихъ разорили. Тутъ запорожцы должны были пройти за Днѣпръ на крымскую сторону и, по приказанію крымцевъ, построились еще ниже, близъ Днѣпра же, въ урочищѣ Алешкахъ ¹⁾). Но изъ Алешекъ запорожцы вновь возвращались на нѣкоторое время въ Каменку. По объясненію кн. Мыщецкаго, это произошло по слѣдующей причинѣ: «Какъ запорожскіе козаки, подѣ командою хана крымскаго ходили на черкесы въ нѣсколькихъ тысячахъ, то запорожскіе козаки-жъ, которые живутъ при р. Самарѣ, собравшись во многую силѣ, и пошли военною рукою на запорожскую Сѣчу, въ урочище Олешки, и оную всю разбили и разграбили, и людей множество перерубили и вѣшали, и потомъ оную всю выжгли; и зато они то чинили, что запорожцы поданными у себя имѣли и многія имъ насильства и обиды чинили. И какъ кошевой съ запорожскими козаками изъ черкесъ возвратился и увидѣлъ разореніе своей Сѣчи, собралъ всѣхъ запорожскихъ козаковъ и переселился изъ того урочища, Олешекъ, въ старую Сѣчу, Каменку» ²⁾). Такимъ образомъ запорожцы снова возвратились въ Каменку и жили здѣсь до 1711 года, когда «гетманъ Скоропадскій, вмѣстѣ съ генераломъ Бутурлинымъ и восемью всероссійскими полками, охранявшій близъ Каменнаго Затона ³⁾ границы отъ нападенія непріятеля, разорили Сѣчу у рѣчки Каменки. Запорожцы поселились тогда на восточномъ берегу Днѣпра при урочищѣ Алешкахъ» ⁴⁾).

Древностями Каменская Сича не богата, и изъ вещей, найденныхъ здѣсь, можно назвать лишь одну стальную трубку съ рѣзбой съ наружной стороны и съ крышкой наверху (см. табл. XXX). Она имѣетъ длины около четверти и найдена вмѣстѣ

¹⁾ Ригельманъ. Лѣт. пов., 1847, III, 96.

²⁾ Исторія о козакахъ запорож., Одесса. 1852 г., стр. 23.

³⁾ Теперь с. Каменка или Малая Знаменка, таврической губ., мелитопольск. у.

⁴⁾ Бантышъ-Каменскій. Истор. Малорос., Москва, 1842, III, стр. 125.

съ двумя черепковыми трубками и большимъ аметистомъ близъ одной изъ запорожскихъ могилъ, около Сичи. Къ трубкѣ приделанъ стальной чубукъ, въ который видимо вкладывался другой деревянный, истлѣвшій, однако, въ землѣ. По оригинальности работы эта трубка—единственный экземпляръ изъ множества нами видѣнныхъ.

Слѣдующимъ днемъ я оставилъ хуторъ Консуловку и, переправившись черезъ рѣчку Каменку, скоро очутился въ хуторѣ Блажковомъ. Владѣлецъ хутора, Иванъ Прокофьевичъ Блажковъ, какъ и вся его семья, оказался очень милымъ, гостеприимнымъ и даже чрезвычайно душевнымъ человѣкомъ. Въ немъ нашель я самое живое участіе къ своему дѣлу.

Исходивъ вдвоемъ всѣ завѣтныя мѣста по берегу балки Каменки, по столѣтней дубравѣ, гранитнымъ скаламъ и большому среди Днѣпра острову Каирскому, мы подъ конецъ рѣшили выбратся на скалу Пугачъ и немного отдохнуть на ней. Взойдя на самую вышку горы и бросивъ далекій взглядъ вверхъ противъ теченія Днѣпра, мы увидѣли здѣсь одну изъ симпатичнѣйшихъ картинъ, какія раскрываются на немъ только въ лѣтнее время, при полномъ расцвѣтѣ природы и полномъ обиліи водъ. Помню, было около девяти часовъ утра, а Днѣпръ все еще окутанъ былъ прозрачными водяными парами, легкою пеленою носившимися надъ нимъ. Солнце поднялось уже довольно высоко и яркіе лучи его начинали прорываться сквозь тонкій покровъ водяныхъ паровъ и загораться милліонами огней по ровной поверхности чистыхъ водъ, пробуждая всю природу къ жизни и все живущее на ней — къ борьбѣ и дѣятельности. Вотъ изъ сосѣдняго острова поднялась большая стая птицъ. Она взлетѣла противъ самой середины Днѣпра, быстро закружилась надъ нимъ, потомъ шарахнулась въ разныя стороны и далеко-далеко разлетѣлась по сторонамъ. «Пугу! пугу!» вдругъ неожиданно раздалось гдѣ-то въ лѣсу.

— Это пугачъ, старожилъ горы, отъ него-то она и названіе свое получила. Теперь довольно намъ бродить, пора воз-

вращаться и назадъ, къ обѣду.—Рѣшено было возвратиться до-мой. Солнце уже страшно пекло, и мы усталые, обливаясь по-томъ, возвратились въ хуторъ. Семья была въ полномъ сборѣ, и столъ уже давно былъ накрытъ.

Солнце стояло какъ разъ въ зенитѣ, и жаръ былъ невы-носимый, когда мы, покончивъ съ обѣдомъ, оставили душныя комнаты и потянулись внизъ къ самому берегу Каменки, гдѣ раскинулся широкій и густой садъ владѣльца. Войдя въ садъ, мы увидѣли здѣсь старика, Семена Герасименка, садовника и вмѣстѣ сторожа сада. Садъ раскинулся по вагорью балки и со-стоитъ большею частью изъ фруктовыхъ деревьевъ. Мы вы-брали самую тѣнистую яблонь и тотчасъ же растянулись подъ ней, на шелковой травѣ. Возлѣ насъ присѣлъ на корточки и сторожъ Семень.

— А шо, диду, чи багацько на свити прожили?

— Ни, не дуже багацько! Не бильшь, мабутъ, якъ шесть-десять годъ!

— Не мало одначе!

— Тай не дуже багато!

— А все-жь бильшь насъ.

— И бильшь и не бильшь.

— Якъ такъ?

— А такъ, шо хочъ я бильшь васъ проживъ, такъ меньшь васъ знаю.

— Це вже хто ёго зна? Отъ якъ бы кого изъ насъ за-пытали, шо вонъ есть за хресты таки, шо на стрильци стоять, по той бигъ Камьянки, то зъ насъ бы никто того не доказавъ, а вы, гляди, и докажете.

— Та це-то невелике диво! Тамъ стояла запорожська Сича, себѣ то така столица, де збирались козаки, а коло Сичи заве-дено у нихъ було кладовище; видъ того тамъ и хресты стоять.

— Ну, а церкви жъ тамъ не було?

— Церква була, та тилько не тутъ, а на балъци Мило-вій, та яка церква? Комышова.

— Такъ значить запорожци християне були?

— А якъ-же? Вони нашим виры, а це оти чорты, турки, такъ ти нехрещени.

— А шо-жь то кажуть, шо небі запорожци и турки одні-ей поведенці?

— Ни; це неправда! Вони й съ пбгяду одинъ на одного несхожи. Турки зовсимъ голову голять, а запорожци голыли, та не всю: чубы оставляли. Видъ ныхъ уже и у насъ була поведенція чубыти носити. Якъ були мы малыми, то намъ було повыстрыгують головы, а чубки позаставляють, такъ мы якъ заведемось битыця та якъ повматаемо одинъ другому руки у ти чубки, та такъ и водимось якъ бараны, ажъ поки хто не розведе, або не вызьме ножницъ та не повидризуе чубивъ. Мы ихъ носили не то шо малыми, а уже й великими, та ото якъ повернули насъ изъ мужиковъ въ уланы,—це було годъ тридцять пять, або й сорокъ назадъ,—то понаихали до насъ стрижи и та давай намъ ризаты чубы, а мы у голось, ижи Богу, та ревма ревемо за ними. «Лучче бъ насъ побили, ніжъ оце поодривали намъ ковтуны»... О такъ якъ пропали наши чубы, то такъ пропали и запорожци съ чубами: царица Катерина скасувала. Бигла вона сюди Крымъ розбивати, розбила его съ трехъ сторонъ та за однимъ заходомъ и Сичу зруйнувала.

— Та такъ Сича и пропала?

— Такъ и пропала!

— А десъ, мабуть, гарно було жити тутъ запорожцямъ?

— Мабуть шо гарно, коли подивитьця, шо тутъ за сторона була. Тоди тутъ по плавняхъ та по скеляхъ вовкы, лисци, зайци, дикыхъ свиней—прямо не пройдешь. Дыки кабаны були пудивъ по десять, або й бильшь вису: на силу шість чоловикъ на сани зложуть. Тутъ було такого звіру, шо верховыхъ давали изъ города, чоловикъ сорокъ-пятьдесятъ, шобъ розгонити ёго. Такъ де тоби? Его гоняють по степу, а винъ у плавни. Издили зъ ружжами та съ шаблями

по плавнямъ та палили комыши. Та вже тоди трохи налякали его, а то прямо и выйти страшно. Рыба, такъ та сердешна, ажъ затхнетца, а ракивъ штанами ловили. А шо птыци, такъ и казати ничего. Якъ пидешъ на охоту, то до дому несешъ наче видра на коромысли. Стрепеты, огари ¹⁾, лебеди такъ пишкомъ и ходять. Травы высоки-превысоки, ажъ по груди, а то ще й бильшь; а роса по трави, наче вода: якъ хочешъ ийти по степу, то першь у сѣго скинь штаны, а то й не дотягнешъ, якъ намокнуть. А скинешъ штаны, пидбирай и сорочку, бо й ця замокне. Якъ идешъ у постолахъ, то вода тилько чвыркъ-чвыркъ! Лисъ росъ густый та высокій: грушья, калины, винограду дикого—не пролизишь. Ничью страшно було и ходити... А урожай таки, шо теперь и не почувешъ. Тоди жъ и дешевисть на все була: пудъ проса десять коніекъ, пудъ пшеницы сорокъ коніекъ, та ще й то дорого!..

Можеть быть наша бесѣда продолжила бы на нѣсколько часовъ, если бы мнѣ не нужно было спѣшить дальше изъ хутора Блажкова, по направленію къ Бизюкову монастырю, куда я имѣлъ проѣхать въ тотъ же вечеръ. Возвратившись въ домъ, я простился съ гостеприимными хозяевами, сѣлъ въ экипажъ и быстро помчался по направленію къ Бизюкову монастырю.

Второклассный григорьевскій Бизюковъ монастырь находится въ 90 верстахъ отъ гор. Херсона, въ 17 верст. отъ г. Бериславля и въ 6 верст. отъ хутора Блажкова, расположенъ по взгорью праваго берега Днѣпра, среди открытой и довольно живописной мѣстности. Основаніе ему положено архимандритомъ Феодосіемъ Масловымъ, родомъ изъ Глухова, черниговской губерніи, бывшимъ настоятелемъ молдавской мирнополянской пу-

---

¹⁾ Огарь—большая рыжеватая утка, величиною почти съ гуся, *anas rutila*.

стыни, близъ Дуная. Бѣжавъ въ 1769 году изъ Молдавіи, вслѣдствіе притѣсненій со стороны турокъ, въ станъ русскихъ войскъ, воевавшихъ въ то время съ турками, Ѳеодосій снялъ расположеніе у фельдмаршала ихъ князя Потемкина и былъ отправленъ въ С.-Петербургъ, къ императрицѣ Екатеринѣ II; здѣсь онъ получилъ назначеніе сперва въ Софроніеву, находящуюся въ 40 верстахъ отъ г. Глухова, а потомъ, въ 1782 г., 23 мая, испросилъ позволеніе основать «собственное подворье» съ тѣмъ же названіемъ Софроніевскаго, у Днѣпра, ниже Херсона, на бывшей землѣ запорожскихъ козаковъ. Для этой цѣли Ѳеодосію отведенъ былъ участокъ земли по правому берегу Днѣпра, у балки Пропасной, въ три тысячи двѣсти сорокъ пять десятинъ земли да черезъ рѣку, по лѣвому берегу Днѣпра, болѣе двухъ тысячъ десятинъ земли такъ-называемыхъ плавень. Для монастыря Ѳеодосій избралъ мѣсто нагорнее, близъ Пропасной балки; онъ обвелъ его землянымъ валомъ, построилъ внутри часовню, соорудилъ нѣсколько келій и назвалъ все это мѣсто «подворьемъ Софроніевой пустыни». Въ слѣдующемъ, 1783 году, построена была и церковь, деревянная, однопрестольная, во имя священномученика Григорія, епископа и пророческаго великой Арменіи, патрона князя Григорія Потемкина. Вскорѣ, однако, оказалось, что мѣсто, избранное для пустыни, вслѣдствіе своей необыкновенной крутизны, было неудобно для монастыря; тогда рѣшили всѣ постройки перенести ниже, но по тому же направленію. Возводя новыя постройки, нашли возможнымъ вмѣсто деревянной церкви построить каменную, сохранившуюся и понынѣ подъ именемъ церкви Григорія. Вскорѣ послѣ этого Ѳеодосій къ 5000 земли получилъ еще 20718 десятинъ по р. Ингульцу, съ лѣвой стороны ея, и съ тѣхъ поръ Софроніевское подворье стало именоваться уже Новоигорьевскою пустынью; спустя десять лѣтъ послѣ этого, въ 1802 году, 9 декабря, скончался самъ основатель ея, архимандритъ Ѳеодосій, будучи восьмидесятилѣтнимъ старцемъ. На слѣдующій годъ послѣ смерти Ѳеодосія, по высочайшему указу,

опредѣлено: бывшее Софроніево подворье, потомъ Новогригорьевскую пустынь преобразовать въ григорьевскій Бизюковъ монастырь на мѣсто упраздненнаго, за бѣдностію, въ смоленской епархіи ставропигіальнаго крестовоздвиженскаго Бизюкова монастыря. Настоятелемъ новаго монастыря назначенъ былъ архимандритъ Іосифъ, котораго послѣдовательно смѣняли Досифей, Галактіонъ и Никифоръ Звенигородскій. При послѣднемъ въ монастырь сооружена была новая церковь, во имя Покрова Пресвятой Богородицы, возведена каменная ограда вокругъ всей обители и построены страннопримческій домъ для богомольцевъ. Послѣ кончины Никифора слѣдовали архимандриты: Іаковъ Вечерковъ, посвященный потомъ епископомъ въ Саратовѣ, Анастасій, Іона, посвященный епископомъ въ Екатеринбургѣ, Поликарпъ, Геронтій и, наконецъ, въ 1854 году Діонисій. Такова въ краткихъ словахъ исторія Бизюкова монастыря ¹⁾.

Въ настоящее время Бизюковъ монастырь представляется въ такомъ видѣ: съ наружной стороны онъ обнесенъ правильной четырехъ-угольной стѣной съ башнями по угламъ, въ которую ведутъ двое воротъ: съ востока и съ запада. За стѣной растутъ фруктовый садъ; за садомъ стоятъ три каменные большіе корпуса для братіи, приѣзжающихъ богомольцевъ; кромѣ того палаты, конюшни, скотные дворы и т. п. Прямо къ востоку отъ западныхъ воротъ стоятъ три церкви; трехъ-святительская, григоріевская и покровская, всѣ сдѣланныя изъ камня, всѣ очень прочныя, хотя и мало-помѣстительныя. Подъ монастыремъ считается 25963 десятины земли и, кромѣ того, два рыбныхъ завода, одинъ на Днѣпрѣ, другой на Конкѣ. По положенію, всей братіи въ монастырѣ считается восемнадцать человекъ съ настоятелемъ, которые получаютъ, кромѣ монастырскихъ доходовъ и доходовъ отъ земли, еще правительственнаго жалованья 758 руб. и 51 копѣйку.

---

¹⁾ Для исторіи Бизюкова монастыря мы располагаемъ сочиненіемъ архимандрита Діонисія: «Свѣдѣніе о второклассномъ григор. Бизюковомъ монастырѣ». Одесса, 1852 года».

Запорожскихъ вещей въ монастырѣ нѣтъ никакихъ. Да и вообще монастырь не богатъ древностями. Въ немъ хранятся лишь пять грамотъ, три евангелія, крестъ и колоколь, оставшіеся отъ древнихъ временъ. Изъ грамотъ одна относится ко времени царя Алексѣя Михайловича, другая—ко времени царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, третья—ко времени императрицы Анны Ивановны, четвертая—ко времени императрицы Елизаветы Петровны,—всѣ четыре касаются разныхъ правъ, привилегій и земныхъ угодій смоленскаго Бизюкова монастыря, и наконецъ пятая, писанная отъ имени митрополита Стефана Яворскаго о посвященіи архимандрита для монастыря. Изъ евангелій одно напечатано въ 1636, другое—въ 1657, третье—въ 1689 году, въ Москвѣ. Последнее имѣетъ вѣса до двухъ пудовъ, высоты аршинъ, ширины двѣ съ половиной четверти, обложено мѣдью съ разными изображеніями, съ надписью по краямъ доски, съ внутренней стороны: «Лѣта 7223 декабря 21 Сіе святое евангеліе построено при державѣ благочестивѣйшихъ великихъ государей, царей и великихъ князѣхъ Іоаннѣ Алексѣевичѣ и Петрѣ Алексѣевичѣ всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцевъ (.) а строи сіе святое евангелія смиренны варооломе архимандритъ свято и общежитено (тельной) обители симоновско а положено буде сіе святое евангеліе в томъ монастырѣ гдѣ буду (тъ) мо (и) грѣшніе кости страшнаго суда божія дожидатьца». Крестъ, высоты двѣ съ половиной четверти, сдѣланный изъ мѣди, съ изображеніемъ распятія на лицевой сторонѣ и съ вырѣзанными тутъ-же словами; «Се есть сын мо возлюбленный о нем же благоволих того послушайте». Колоколь, повѣшенный на колокольнѣ изъ четырехъ каменныхъ столбовъ и перевезенный изъ смоленскаго Бизюкова монастыря. На немъ, съ внутренней стороны, вырѣзана слѣдующая надпись: «Вылить сѣ колоколь въ царствующемъ граде москвѣ влѣто отъ рождества христова 1765 году генваря 3 в ставропигіальный крестовоздвиженскій Бизюковъ монастырь з дозволенія коллегіи экономіи в бытность высокопреподобнѣйшаго господина отца архи-

мандрита Іова Малѣевского вѣсу в не (мѣ) 102 пу. Спаси Го споди и помилуй рабѣ своихъ строящія храмы божія и подающія имъ всякое благопотребное подаваніе и даждь имъ господи царство небесное ради пресвятаго имени своего. Литъ въ Москвѣ на заводѣ Дмитрія Пирагова».

За оградой монастыря, у самаго берега Днѣпра, сдѣланъ такъ-называемый предтеченскій скитокъ, по-просту сказать, бесѣдка. Чудное мѣстечко! Представьте себѣ возвышенный берегъ Днѣпра и на этомъ берегу небольшой мысокъ, далеко вдавшійся въ рѣку. Вотъ на этомъ-то мыску и построены такъ-называемый предтеченскій скитокъ, или бесѣдка, съ выведенной надъ нимъ крышей на большихъ кирпичныхъ отштукатуренныхъ и выбѣленныхъ колонкахъ. Съ бесѣдки передъ зрителемъ открывается прелестный видъ на Днѣпръ и раскинувшіяся по лѣвому берегу его села Мальцево и Вольныя или Нижнія-Каиры, а по самой рѣкѣ—островъ Санджаровскій. Въ одной верстѣ отъ этого скитка, въ скалѣ, надъ самымъ Днѣпромъ, есть небольшая пещера, состоящая изъ двухъ келій, ископанная, по преданію, какимъ-то архимандритомъ монастыря. Въ настоящее время она стоитъ необитаема, но читается народомъ, какъ великая святыня.

Слѣдующимъ днемъ я оставилъ Бизюковъ монастырь и возвратился назадъ мимо Блажковки, Каменки, Софіевки и Мѣловаго, по битому тракту, къ пристани Кочкаровки, чтобы здѣсь вновь сѣсть на пароходъ и вновь продолжать свой путь внизъ по Днѣпру, къ седьмой Сичи, Алешковской. Тотчасъ ниже Кочкаровки впадаетъ въ Днѣпръ, съ правой стороны, рѣчка Лиговатка, и противъ нея протянулся большой островъ Керсинъ-первый, длины до пяти верстъ, ширины больше одной версты, песчаный, покрытый лѣсомъ, и ниже его Керсинъ-второй, значительно меньше перваго, расположенный параллельно первому; далѣе—островъ Кочкаровскій, песчаный, покрытый густымъ лѣсомъ. Ниже острова Кочкаровскаго у берега Днѣпра, съ правой стороны раскинулось село Мѣловое, въ балкѣ того-же имени, потомъ хуторъ Консуловка или Разоровка и противъ нея оди-

ноко стоящій крестъ у могилы Константина Гордѣевича Головка; далѣе, съ лѣвой стороны, судоходная рѣчка Быстрикъ, а противъ Быстрика, съ правой стороны, въ устьѣ р. Каменки, островъ Каирскій, длины двѣ версты, ширины полторы версты, раздѣленный между тремя владѣльцами: Огарковымъ, Блажковымъ и Полуденнымъ. У татаръ и запорожцевъ противъ балки Каменки и острова Каирскаго черезъ Днѣпръ существовала Каменская или Каирская переправа, съ праваго берега на лѣвый, по теченію рѣки, очень удобная, но съ лѣваго на правый, противъ теченія, довольно затруднительная; оттого обозы, шедшіе сверху внизъ, переправлялись у балки Каменки, а обозы, шедшіе снизу вверхъ—въ Кизикирментѣ. Ниже о. Каирскаго впадаетъ въ Днѣпръ съ правой стороны рѣчка Козацкое-Рѣчище, ниже его стоитъ деревня Блажкова, далѣе идутъ: села Горностаевка, Большіе или Нижніе Каиры, рѣчка Волошка съ лѣвой стороны. д. Новопавловка, островъ Полуденный, образовавшійся лѣтъ сорокъ тому назадъ, островъ Санжаровскій, насыпанный лѣтъ пятнадцать тому назадъ, коса Штаны, среди Днѣпра, деревня Рогулина, балка Пропасная, на которой, по сказанію Мыщецкаго, когда-то стоялъ городъ Пропасный ¹⁾, потомъ Бизюковъ монастырь, Левковское озеро, съ лѣвой стороны, затѣмъ такъ называемая Старая переправа, Большой лиманъ или Великія воды, «чистое, открытое пространство Днѣпра, лежавшее между немногими островами, противъ Осокоровки »); далѣе островъ Костырка, длины три версты, ширины верста, и за нимъ рѣчка Костырка, противъ колоніи этого-же имени, съ правой стороны, и такъ-называемое Волчье-горло—съ лѣвой; островъ Бѣшеный, длины почти верста, ширины полверсты, противъ южнаго конца острова Костырки и противъ озера Серебрянаго, что среди плави на лѣвомъ берегу Днѣпра. Еще ниже идутъ колонія Клостендорфъ, противъ того же о. Костырки, колонія Старливец-

¹⁾ Исторія о казакахъ запорожскихъ. Одесса. 1852 г., стр. 71.

²⁾ Бопланъ. Описаніе Украйны. Спб. 1832 г., стр. 27.

кая съ островомъ Старавецкимъ противъ нея, около версты длины и около полуверсты ширины, острова Попчинъ, параллельно одинъ другому, около версты длины и четверть версты ширины, рѣчка Кладовая, съ правой стороны, деревня Сомова или Любимовка, съ лѣвой, съ остатками турецкой крѣпости противъ нея, у устья Конки, впадающей въ Днѣпръ съ лѣвой стороны. По свидѣтельству кн. Мышецкаго, «тутъ при Конскихъ водахъ, въ древнее время, имѣлся татарскій великій городъ, какъ именовался, того неизвѣстно, который отъ самыхъ татаръ разоренъ за тѣмъ, что въ ономъ городѣ пауки, а по турецкому званію мармуки, или тарантулы, людей поѣдали; ково оны не ужалятъ, тотъ уже не будетъ живъ»¹⁾. Въ самомъ Днѣпрѣ, какъ разъ противъ устья р. Конки, показываютъ мѣсто затонувшаго дуба, т.-е. большой лодки, имѣющей подобіе запорожской чайки.

Нижѣ деревни Сомовой слѣдуетъ село Мальцево и противъ него, среди Днѣпра, островъ Домаха, длины верста, ширины треть версты, островъ возвышенный, покрытый лѣсомъ, а ниже острова Домахи, съ правой стороны, начинается такъ-называемое урочище Лысая-гора, въ старину островъ Лысый²⁾ и противъ Лысой-горы, съ лѣвой стороны, мѣстечко Каховка съ развалинами большой крѣпостцы, находящейся между Каховкой и берегомъ Днѣпра. Образование Каховки относится къ концу прошлаго столѣтія; она получила свое названіе отъ перваго владѣльца, втораго правителя екатеринославскаго намѣстничества и бывшей таврической области, В. В. Нечуй-Каховскаго; вторымъ владѣльцемъ Каховки съ 1800 года сдѣлался Овсяннико-Куликовскій.

Противъ нынѣшняго мѣстечка Каховки на островѣ, близъ лѣваго берега Днѣпра, у турокъ была устроена крѣпость Осланъ, какъ о томъ свидѣтельствуеъ кн. Мышецкій. «А пониже отъ

¹⁾ Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса, 1852 г., стр. 64.

²⁾ У Мышецкаго, урочище Высшей головы Космахи, стр. 71.

оного города Шингеря одна верста чрезъ рѣчку Конскую, на островѣ Днѣпра рѣки былъ турецкій городъ, именуемый Осланъ, а въ 1738 году на ономъ мѣстѣ построенъ отъ россиянь Андреевскій редутъ¹⁾. Въ настоящее время противъ Каховки, на одну версту ниже Конки, нѣтъ никакого острова, но онъ былъ до 1848 года и находился ниже теперешней пристани, противъ мельницы Паравая, на немъ была и турецкая крѣпость; въ 1848 году, во время большой воды, островокъ этотъ былъ снесенъ теченіемъ, а крѣпость его рушилась на дно рѣки; остатки ея и теперь можно видѣть въ рѣкѣ²⁾. Въ 40 гг. близъ Каховки крестьяне нашли мѣдную турецкую пушку и продали ее на сплавъ купцамъ города Обояни, курской губерніи.

Ниже Каховки, съ лѣвой стороны, противъ того мѣста, откуда выходитъ изъ Днѣпра рѣка Конка, лежатъ остатки крѣпостцы Кизигирмена, сооруженной русскими въ 1736 году³⁾, а ниже крѣпостцы впадаютъ въ Днѣпръ, съ правой стороны, рѣчки Рѣчище, Космаха съ остатками крѣпости Космахи, на правомъ берегу ея⁴⁾, и тутъ-же идетъ большая песчаная коса, противъ устья р. Космахи, а за косой открывается островъ Космакъ или Каиръ-Космакъ, длины до пятнадцати верстъ, отдѣленный отъ праваго берега Днѣпра рѣчкой Космакомъ и начинающійся сѣвернымъ концомъ своимъ какъ разъ противъ Шведской колоніи.

Часть этого острова (точнѣе плавни) принадлежитъ жителямъ Берислава, часть—жителямъ Шведской колоніи, а часть—казнѣ. Объ этомъ островѣ упоминаетъ еще Бопланъ. «Островъ Каиръ—совершенно плоскій, имѣетъ въ длину отъ пяти до

---

¹⁾ Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса, 1852 г., стр. 64.

²⁾ Причиной разрушенія крѣпости былъ не столько самый Днѣпръ, сколько приказъ владѣльца Каховки Овсяннико-Куликовскаго, брать съ нея камни для постройки церкви.

³⁾ Тамъ-же, стр. 71.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 71.

шести миль; одна часть его покрыта камышомъ, а другая— ветлюю. Главный рукавъ Днѣпра течетъ къ русской сторонѣ, а потому восточный берегъ острова гораздо шире, но за то западный не затопляется разлитіемъ Днѣпра»¹⁾. Ниже острова Космака стоитъ городъ Бериславль, расположенный съ правой стороны Днѣпра, на три съ половиною версты ниже мѣстечка Каховки. Въ настоящее время противъ этого города, въ Днѣпрѣ, есть небольшой островъ Денисенковъ, длины въ одну версту, ширины въ полверсты, съ остатками каменной крѣпости и большого лѣса по берегамъ. Этотъ островъ, называемый по-турецки Тавань²⁾, видимо былъ продолженіемъ того острова, который находился противъ мѣстечка Каховки, и который теперь смытъ водой.

На этомъ острову, у сѣверной окраины его, былъ построенъ у турокъ упомянутый городъ Осланъ, а у южной—городъ Тавань. Между этики городами черезъ Днѣпръ, отъ берега къ крѣпости, турки протягивали желѣзныя цѣпи, чтобы затруднить козакамъ проходить ночью по Днѣпру; для этой-же цѣли у береговъ рѣки устроены были ворота и на нихъ наведены были изъ городка пушки. Однако запорожскіе козаки ухитрились счастливо проходить мимо этихъ укрѣпленій: не доѣзжая городка, они вырубали толстое съ вѣтвями дерево и потомъ, войдя въ рѣчку Космаху, которая шла по-надъ самымъ Кизикерменемъ, пускали это дерево къ цѣпямъ; какъ только дерево ударить въ цѣпи, и какъ только эти цѣпи забренчатъ, турки поднимаютъ изъ пушекъ пальбу и стрѣляютъ до тѣхъ поръ, пока не выпалятъ весь запасъ; а запорожцы межъ тѣмъ, пользуясь темнотою ночи и пальбою изъ пушекъ, сворачиваютъ къ лѣвому берегу, входятъ въ р. Конку, перетаскиваютъ свои чайки черезъ греблю по-за плавней и выходятъ снова въ Днѣпръ, ниже о. Таваня. Иногда, впрочемъ, запорожцы проходили и безъ этой хитрости: такъ тихо проплывутъ, что турки и не замѣ-

1) Описание Украйны. Спб. 1832 г., стр. 27

2) По-русски это значить «потолокъ, палуба».

тятъ. По взятіи русскими г. Кизикерменя, на островѣ Тавани, въ 1739 году, построены были Таванскій редутъ ¹⁾. Въ настоящее время на берегу Днѣпра, подъ горою, гдѣ стоялъ Кизикермень, существуютъ развалины двухъ стѣнъ, въ два аршина толщиною каждая. Стѣны изъ мѣстнаго известняка, кладки на извести, разстояніе между ними — десять шаговъ. Въ этихъ стѣнахъ и теперь видны правильныя четырехугольныя дыры, идущія далеко во внутрь. Въ эти дыры и были, вѣроятно, закрѣплены концы цѣпей; остатки этихъ цѣпей видны были еще лѣтъ 50 тому назадъ. У татаръ между островомъ Таванью и берегомъ Днѣпра существовала самая лучшая переправа Таванская; она весьма удобна была потому, что находилась не далѣе одного дня пути отъ Крыма и потомъ состояла изъ двухъ рѣкъ, изъ коихъ одну, Конку, переходили въ бродъ, а другую, Днѣпръ, переѣзжали вплавъ, такъ какъ онъ имѣетъ здѣсь всего 600 шаговъ. Существованіе переправы у Кизикерменя не нравилось запорожцамъ, потому они просили русское правительство черезъ крымскаго хана запретить татарамъ переправу у Кизикерменя и перенести ее къ Никитину-Рогу. Остатки переправы и теперь видны между островомъ Денисенковымъ и плавней, въ видѣ гребли и вбитыхъ въ песокъ свай.

Городъ Бериславль, у грековъ Мелитополь, у русскихъ Бѣлая-вежа, возобновленъ былъ турками на правомъ берегу Днѣпра, вмѣстѣ съ крѣпостями Арсланъ-Эрдакъ и Шагинъ-кермень, на лѣвомъ берегу, и названъ Кизи-керменемъ, что значитъ «крѣпость дѣвницы». Здѣсь производился торгъ плѣнниками, вѣсобоенности плѣнницами, дѣвушками, захваченными на Украинѣ и Польшѣ татарами. Русскіе нѣсколько разъ пытались вырвать этотъ городъ изъ рукъ турокъ, но это удалось имъ только послѣ четвертаго раза. Впервые Кизикермень взятъ былъ русскими въ 1695 г. 31 іюля, при царѣ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ; потомъ вторично, въ 1736 г., при императрицѣ Аннѣ

---

¹⁾ Описаніе Украины, стр. 64.

Ивановнѣ, фельдмаршаломъ Минихомъ; далѣе, въ третій разъ, при императрицѣ Екатеринѣ II, графомъ Шереметевымъ и, наконецъ, въ четвертый и послѣдній разъ, въ 1771 году, отрядомъ войска князя Долгорукаго-Крымскаго, послѣ чего онъ переименованъ былъ въ городъ Бериславль и съ 1774 года утѣрялъ свое значеніе крѣпости. Въ 1787 году Бериславль ознаменованъ былъ пребываніемъ въ немъ императрицы Екатерины II: 18 мая и 1 іюня она имѣла здѣсь ночлегъ, когда ѣхала въ Крымъ и обратно. Въ г. Бериславль есть нѣсколько древностей, оставшихся отъ времени запорожскихъ козаковъ. Изъ нихъ часть находится въ теперешней соборной воскресенской церкви, часть — въ частныхъ рукахъ. Еще лѣтъ сорокъ тому назадъ въ Бериславль стоялъ рубленый деревянный соборъ, находившійся прежде въ козацкой крѣпости Переволочнѣ, но потомъ перенесенный, по приказу князя Потемкина, въ г. Бериславль ¹⁾. Въ немъ-то и хранились разныя запорожскія древности. Теперь соборъ этотъ снесенъ, и всѣ вещи, находившіяся въ немъ, перешли въ настоящій соборъ. Впрочемъ, изъ этихъ вещей сохранились только слѣдующія. Евангеліе обыкновеннаго формата, въ листъ, кievской печати 1697 года съ надписью, сдѣланною на переплетномъ листѣ: «Сію книгу именуемую Евангеліе на престольное надаль его милость панъ Никита Өоменковъ козакъ з (съ) сѣчи запорожской куреня менского до храму церкви св. Воскресенія Христова, за пресвитера челоувѣколюбца отца Іоанна Григорьевича Стринского въ томъ же храму вишереченномъ при людехъ (.) за умершихъ роднихъ (.) а особливе при Остапу Филиповичу Тараненку в томъ же храму будучому (.) втой часть ктиторови Іосифу Яковлевичу знатному товаришеви сотиѣ переволочанской, и при инихъ людехъ на тотъ часъ згодившихся Року 1706 іюля 9 дня. Помани господи души чадъ своихъ: Филимона, Өому, Екатерину».

---

¹⁾ Всеволожскій: Путешествіе. Москва, 1839 г. 48; Записки одесск. общ. истор. и древн. I, 606.

Евангеліе, московской печати 1730 года, поступившее въ церковь въ 1790 году «отъ черноморскаго поручика Семена Шкляревскаго». Евангеліе, московской печати 1735 года, поступившее изъ крѣпости Переволочной въ 1783 году. Напрестольный крестъ, серебряный, позлащенный, высоты полторы четверти, съ надписью: «Сей крестъ съ мощами святыхъ печерскихъ чудотворцевъ Лаврентія затворника, нестора, анисія, моисея, тита, ипатія, мортира, агафонта, зиновія. Мощи святыхъ невскихъ печерскихъ чудотворцевъ положилъ въ сей крестъ по обѣщанію столникъ и полковникъ Степанъ Ивановичъ Яновъ. 1566 года, вѣсъ 1 ф. и 6 зол.». Напрестольный крестъ кипарисовый, оправленный въ серебро, высоты три съ половиною четверти, съ серебрянымъ подножьемъ, вѣсу 3 ф. 57 зол. Кромѣ этихъ древностей въ церкви г. Бериславля хранится еще нѣсколько высочайшихъ указовъ, повелѣній св. синода и распоряженій епархіальной консисторіи съ 1721—1734 года, рукописный нотный ирмолой, «написанный въ Нѣжинѣ трудолюбіемъ Леонтія Глобацкаго съ 1730 года»; истолкованіе молитвы Господней Іоанна Златоуста, рукописная книжка 1748 года; бесѣды Іоанна Златоуста, напечатанныя въ Москвѣ въ 1767 году.

Изъ древностей, находящихся въ частныхъ рукахъ, интересны древности въ собраніи И. П. Шило. Иванъ Парфентьевичъ Шило, запорожець по происхожденію, купецъ по профессіи, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный; въ немъ сочетались всѣ лучшія черты малорусскаго характера: это большой хлѣбосоль, остроумный собесѣдникъ, тонкій юмористъ, глубокій самородокъ-философъ, замѣчательный ораторъ и превосходный знатокъ малорусской литературы, какъ въ ея прозѣ, такъ и въ стихахъ. Свято храня память о своемъ дѣдѣ, запорожцѣ Шилѣ, Иванъ Парфентьевичъ много сберегъ у себя запорожскаго боевого оружія, не желая ни продать, ни даромъ передать его въ чужія руки. Изъ рѣдкостей этого рода у И. П. Шило сохранились: превосходной работы рушница, т. е. ружье, прекрасный

пистоль; свяченый гайдамацкій ножъ; длинный вмѣстѣ съ древокмъ списъ; стальной, чеканной работы, келець; стальная, безъ ручки, сабля; кромѣ того, двѣ серебряныя, съ изображеніями, чарки и нѣсколько фамильныхъ бумагъ, доказывающихъ несомнѣнное происхожденіе И. П. Шила отъ запорожца Шила.

Бериславскій старожиль Трофимъ Пономаренко рассказываетъ слѣдующее о происхожденіи фамиліи Шило. Однажды во время похода козаковъ въ Польшу, три запорожца заѣхали къ одной «господынѣ» въ гости. Лошадей оставили во дворѣ, а сами зашли въ хату погулять. «Господыня» приняла ихъ сперва очень пріятливо, но потомъ, подъ какимъ-то предлогомъ, вышла изъ хаты, заперла дверь и сама побѣжала дать знать, кому слѣдуетъ, о своихъ гостяхъ. Бросились запорожцы къ дверямъ—заперты; туда-сюда—нѣтъ выхода! Подъ конецъ нашли отверстіе въ сѣняхъ, но оно оказалось такъ мало и такъ высоко, что выбраться чрезъ него не было никакой возможности. Тогда два запорожца посадили одного изъ своихъ товарищей, высокаго и сухощаваго, и онъ, какъ шило, проскочилъ въ отверстіе и отперъ дверь для оставшихся въ сѣняхъ. Запорожцы удрали, но съ тѣхъ поръ сухощаваго товарища прозвали Шиломъ. Этотъ Шило и былъ родоначальникомъ тепершняго бериславскаго купца И. П. Шила.

На пять верстѣ ниже г. Бериславля идетъ въ Днѣпрѣ островъ Козацкій, противъ него впадаетъ рѣчка Козацкая, а противъ рѣки Козацкой стоитъ деревня Козацкая, имѣніе князя Трубецкаго; островъ имѣетъ въ длину одиннадцать верстѣ, кончается противъ колоніи Львова, покрытъ лѣсомъ, состоитъ изъ песку. На островѣ Козацкомъ есть озеро Заманиха и небольшой проливъ, называемый Ерикомъ, идущій отъ востока къ западу, впадающій въ рѣчку Козацкую и раздѣляющій островъ двумя третями къ сѣверу и одной третью къ югу. Противъ острова, нѣсколько сѣвернѣе южнаго конца его, къ таврическому берегу есть еще Алисовскій ерикъ или Штаны. Ниже острова Козацкаго, съ лѣвой стороны идутъ: село Малая Ка-

ховка, и противъ нея впадаетъ въ Днѣпръ за длиннымъ выступомъ Писаревскимъ, противъ середины села Британовъ, рѣка Конка, затѣмъ самое село Британы, съ той-же лѣвой стороны, и противъ села островъ Британъ, параллельно Козацкому, длины полторы версты, ширины верста, покрытый лѣсомъ. Ниже острова Козацкаго и Британовъ слѣдуетъ островъ Писаревскій, полторы версты длины и около версты ширины, видимо, оторванный отъ острова Козацкаго, отдѣленный отъ южнаго конца его рѣкой Домахой и покрытый прекраснымъ лѣсомъ. По всѣмъ соображеніямъ, островъ Писаревскій есть тотъ самый, который у Боплана и на разныхъ картахъ Днѣпра извѣстенъ подъ именемъ Бургунскаго острова. Онъ находится ниже рѣки Бургунки, выше села Тягинки, расположенныхъ съ правой стороны Днѣпра, имѣеть въ длину около полумили, затопляется полноводіемъ¹⁾. Здѣсь у татаръ была переправа Бурганская, гдѣ они должны были переплывать рѣку Конку и два раза глубокой Днѣпръ. На полторы версты ниже острова Писаревскаго, на таврическомъ берегу, расположенъ Корсунскій монастырь, по-надъ рѣчкой Каменкою, выходящею изъ Днѣпра; тутъ-же деревня Дядьковка и противъ нея въ Днѣпрѣ о. Дядьковскій, длины двѣ съ половиной версты, ширины полторы версты; ниже острова, съ правой стороны, рѣка Козацкая, далѣе еврейская колонія Львова, затѣмъ деревня Красный Бургунъ или Карагунъ на десять саж. ниже колоніи Львова, обѣ на красной горкѣ; далѣе слѣва небольшой, но чрезвычайно красивый корсунскій скитокъ и рыбный заводъ, стоящій у самаго берега Днѣпра; а потомъ на полверсты ниже Корсунскаго скитка рѣка Конка, выходящая изъ Днѣпра и идущая по-надъ селомъ Козачьими лагерями.

Какъ Корсунскій скитокъ, такъ и самый Корсунскій монастырь возникли уже послѣ паденія Запорожья. Начало возникновенія монастыря относится къ 1784 году, по инициативѣ архимандрита Никодима и по волѣ князя Г. Потемкина. Сперва

¹⁾ Бопланъ. Описаніе Украины. Спб. 1832 г., стр 29.

онъ основанъ былъ близъ села Большой Знаменки, а потомъ перенесенъ на теперешнее мѣсто, на сорокъ верстъ выше Херсона, на сорокъ семь выше Алешекъ и на двадцать верстъ ниже Берислава; подъ монастырь отведено было 14000 десятинъ земли. Онъ заложенъ во имя Корсунской Божіей Матери, строился цѣлыхъ три года и назначался сперва исключительно для старообрядцевъ, но потомъ, съ 1845 года, по распоряженію архимандрита херсонскаго и таврическаго Иннокентія, сталъ принимать къ себѣ и православныхъ иноковъ. Въ настоящее время онъ исключительно православный монастырь. Въ немъ шесть церквей: соборная Корсунской Божіей-матери съ отдѣльною трехъ-ярусною колокольнею, николаевская архіерейская, михайловская трапезная, дмитріевская и владбищенская, каменная, весьма красивой архитектуры. Монастырь обнесенъ каменною стѣною, высоты три сажени, ширины аршинъ съ четвертью, съ башнями на четырехъ углахъ съ осьмиконечными на нихъ крестами. Кромѣ церквей въ монастырѣ есть еще нѣсколько зданій для архимандрита, братіи, домъ для архіерея, для трапезы, богомольцевъ; зданія для службъ, постройки для скота, склады для запасовъ и т. п.; затѣмъ два сада, цвѣтникъ, огородъ. Всѣхъ иноковъ въ немъ считается 22, послушниковъ—12. Запорожскихъ древностей въ немъ нѣтъ рѣшительно никакихъ, за то есть много старообрядческихъ рѣдкостей: иконы московско-суздальскаго письма, кресты, облаченія, чаши, книги и др. ¹⁾.

Ниже рѣки Конки, съ правой стороны, идетъ село Тягинка, расположенное по балкѣ Тягинкѣ и тутъ-же у праваго берега Днѣпра четыре островка Тягинскихъ, расположенныхъ параллельно одинъ другому отъ востока къ западу и отдѣленныхъ отъ праваго берега Днѣпра рѣчкою Тягинкою; изъ этихъ острововъ первый отъ берега имѣетъ длины версту, второй—версту съ четвертью, третій—полверсты, четвертый—четверть версты.

---

¹⁾ О Корсунск. монастырѣ см. Запис. одес. общ. истор. и древн., т. XII, стр. 405.

Всѣ они какъ-бы удалены отъ Днѣпра и находятся скорѣе въ устьѣ балки Тягинки, чѣмъ въ самой рѣкѣ. Всѣ они покрыты лѣсомъ и на одномъ изъ нихъ возвышается высокій курганъ. По словамъ кн. Мышецкаго, при рѣкѣ Тягинкѣ, у самаго Днѣпра, находился городокъ Тягинка съ треугольнымъ замкомъ и съ круглыми башнями; въ длину этотъ городокъ имѣлъ одну версту, а въ ширину нѣсколько болѣе полуверсты; онъ построенъ былъ на каменномъ фундаментѣ нѣмецкими народами франками (т. е. генуэзцами), а потомъ, въ 1738 году, русскіе построили здѣсь свой замокъ¹⁾. Теперь отъ рѣки Тягинки остался одинъ ручей, въ три версты длины, и сухой оврагъ въ тридцать верстъ длины. Село Тягинка когда-то принадлежало помѣщику Энгельгардту, въ настоящее время оно составляетъ собственность владѣльца Волохина. Противъ села Тягинки, съ лѣвой стороны, впадаютъ въ Днѣпръ рр. Конка и Крымская Татарка, а ниже ихъ образуется такъ-называемый Дубовый лиманъ.

На семь верстъ отъ села Тягинки, на почтовомъ шляху, около екатерининской мили, стоитъ большая могила, о которой у мѣстныхъ старожиловъ существуетъ такого рода преданіе. Однажды задумали раскопать эту могилу запорожцы, прослышавши о скрытомъ будто-бы въ ней кладѣ. Разрыли и нашли въ ней гробъ, на крышкѣ гроба позолоченную бляху, на бляхѣ изображеніе Георгія Побѣдоносца. Вскрыли гробъ и увидѣли въ немъ нетлѣнное тѣло богато убранной панночки съ дорогимъ перстнемъ на пальцѣ правой руки. Тогда одинъ изъ кладовискателей бросился къ этому перстню, но, не могши снять его руками, взявъ перстень вмѣстѣ съ пальцемъ въ ротъ и такъ сильно рванулъ его зубами, что онъ проскочилъ ему въ горло. Хищнику грозила опасность умереть. Но тутъ къ нему подскочили товарищи, привели къ жизни, перстень вынули, вновь надѣли на палецъ панночки, а могилу зарыли. Нетлѣнность панночки они объяснили ея праведностью.

---

¹⁾ Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса, 1852 г., стр. 72.

Ниже села Тягинки слѣдуютъ: островъ Дидовъ, Глухой лиманъ съ лѣвой стороны, деревня Драная, Новоселовка, устье р. Малаго-Ингульца—всѣ съ правой стороны, и противъ него островъ Ингульскій, а противъ острова Ингульского, съ лѣвой стороны, село Козачьи-Лагери, таврической губерніи, днѣпровскаго уѣзда.

По объясненію старика Федота Анищенка, Козачьи-Лагери получили свое названіе оттого, что здѣсь, на полторы версты выше села, гдѣ теперь городище, стояли лагеремъ запорожцы; тутъ у нихъ была и церковь изъ камыша, стоявшая на толокѣ. Это было въ то время, когда русскіе брали крѣпость Кинбурнь (1787 года, подъ начальствомъ А. В. Суворова). «Тогда запорожцы передъ вели москалямъ, показывали мисья». Сперва москали и запорожцы понадѣлали батарей и паланокъ въ Алешкахъ, а потомъ стали лагеремъ, близъ теперешняго села Козачьихъ-Лагерей. «Мой дядько Карпо Кобзарь добре зналъ и тѣ батареи и тѣ паланки, потому что онъ былъ самъ запорожець. Тутъ, рассказывалъ дядько, очень опасно было стоять: турки одолѣвали. Разъ какъ-то всю святую недѣлю москали и запорожцы стояли съ пистолями: разнеслась чутка, что турокъ паски не даетъ... И долго таки тутъ пришлось стоять запорожцамъ. А какъ перебрались они въ Черноморію, то такъ оно и пошло: Лагери да Лагери. Тогда сюда поприходили литвины, волохи, греки и кое-кто изъ села Матвѣевки, то-що».

Противъ с. Козачьихъ-Лагерей, съ правой стороны, идутъ д. Бановка, бывшая Терноватка, с. Никольское, бывшее Понятовка, и противъ нея островъ Понятовскій, длины восемнадцать верстъ, принадлежащій частью владѣльцу Тропину, частью крестьянамъ Понятовки и раздѣленный на одной трети Ерикомъ, въ направленіи отъ востока къ западу. Ниже о. Понятовскаго слѣдуютъ р. Конка (Лагерная), выходящая въ Днѣпръ изъ подъ Козачьихъ-Лагерей съ лѣвой стороны, рѣка Ингуль съ правой стороны, о. Сомовъ, длины двѣ съ половиной, ширины полверсты, рѣка Конка, выходящая снова изъ Днѣпра, подъ

Алешками, два раза: впервые выше Гульбища, вторично ниже Гульбища; потомъ с. Садовая Фалѣвка, бывшее имѣніе графа Костандіуса, и ниже с. Фалѣвки нижній рукавъ р. Малаго-Ингульца, урочище Гульбище, д. Широкая, иначе Антоновка, съ правой сторонѣ; р. Раскопанка, идущая въ Алексѣевъ лиманъ и изъ-подъ Алексѣева лимана въ р. Конку; слобода Тындійка и противъ нея островъ Точковой (правильнѣе мысъ), длины полторы версты: далѣе, хутора Тындійскіе, дача Терещенка, женскій монастырь Перепелицынъ; основанный священникомъ Перепелицынымъ, военный госпиталь и, наконецъ, городъ Херсонъ, противъ лимана Кардашинскаго и ниже города Алешекъ.

Городъ Херсонъ основанъ княземъ Г. А. Потемкинымъ въ 1778 году, какъ кажется, на мѣстѣ крѣпости Александръшанца, построенной русскими войсками въ 1737 году, при впаденіи р. Кошевой въ Днѣпръ. При основаніи Херсона устроена были крѣпость, верфь, адмиралтейство, арсеналь, монетный дворъ¹⁾, пароходная пристань, второклассная таможня и пр. Предполагалось сдѣлать Херсонъ торговымъ и военнымъ портомъ. Но эту роль онъ выполнялъ недолго. Съ основаніемъ въ 1788 году г. Николаева, на Бугѣ, и г. Одессы въ 1795 году, на Черномъ морѣ, Херсонъ долженъ былъ уступить первому свое значеніе военного порта, а второму—значеніе торговаго рынка. Послѣ этого и черноморскій флотъ (въ 1795 г.) и адмиралтейство (въ 1826 г.) перешли въ Николаевъ, а крѣпость (съ 1835 г.) совсѣмъ упразднена, и Херсонъ съ 1803 года оставленъ только губернскимъ городомъ.

Изъ запорожскихъ вещей въ Херсонѣ сохранилось немного. Всѣ онѣ хранятся въ церкви св. Екатерины, построенной въ крѣпости на сѣверной окраинѣ города. Евангеліе московской печати 1748 года, съ надписью: «Сіе Евангеліе сооружено за-

¹⁾ Верфь—ниже теперешней учительской семинаріи; адмиралтейство тамъ, гдѣ теперь архіерейскій домъ; арсеналь, гдѣ теперь тюрьма; а монетный дворъ—ниже тюрьмы.

порожцемъ славнаго войска Низоваго куреня Дядьковскаго знатнаго товариша Андрея Кичкина; коштомъ и стараніемъ его. Серебра въ немъ полпята фунта и лоть. На позолоту его вышло червонцевъ шесть. Дѣлалъ же штукъ-мейстеръ Симеонъ Золотаръ въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ». Евангеліе московской печати 1785 года, съ надписью: «Запорожская Сичь Екатерининскому собору». Крестъ кипарисовый, обложенный серебромъ, полторы четверти высоты, съ надписью: «Сей крестъ до церкви Сичевой Покрова Пресвятія Богородици серебра церковнаго съ тцаніемъ Ониська Горбика». Кромѣ названныхъ вещей въ той-же церкви хранятся еще четыре ризы, даръ запорожскихъ козаковъ: одна съ изображеніемъ сошествія Св. Духа, другая съ изображеніемъ Крещенія, третья съ изображеніемъ Успенія Богородицы и четвертая съ изображеніемъ Троицы.

Изъ Херсона я направился шаландою въ городъ Алешки, таврической губерніи, днѣпровскаго уѣзда, гдѣ была у запорожцевъ Сича, Алешковская.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ой піднявся орелъ зъ Великого-лугу
Тай почавъ сльивати ормынять до кругу:
Злтайтеса, диты, годи вже сидити!
Чи така жъ година? Ой якъ важно жити!
Полынемо, братцы, на ридни могилы,
Бо тїя могилы славу нашу вкрыли...

Народная пїсня.

Алешки очень древній городъ. Нумидійскому географу Эдрису онъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Алеска, у итальянцевъ онъ назывался Елехе, или Егехе, что подало поводъ извѣстному путешественнику Іосафату Барбаро XIII в. назвать и самый Днѣпръ именемъ Елісі, тогда какъ другому путешественнику, Плано Карпини, это же самое подало поводъ назвать Днѣпръ именемъ Laresse. Профессоръ Брунъ доказываетъ, что мѣстоположенію тепершняго города Алешекъ соотвѣтствуетъ прославленная Геродотомъ лѣсная область Гилея ¹⁾. Возникши на мѣстѣ или близъ греческой колоніи Александры, Алешки становятся извѣстными подъ именемъ Олешья уже со второй половины XI столѣтія и служатъ промежуточнымъ пунктомъ въ торговлѣ между Кіевомъ и Царьградомъ. «Въ се-же лѣто (1084) Давидъ зая грекы въ Олешья... Бывшю же гладу велику, пойдоша возы къ плаву, божию же милостію придоша лодви изъ Олешья, и прїѣхаша въ нихъ на Днѣпръ, и насытишася рыбъ

¹⁾ Записки одесск. общ. истор. и древн., т. IV, 236—239.

и вина»¹⁾. Но затѣмъ съ XIII вѣка, со времени нашествія татаръ, Олеше какъ бы совершенно исчезаетъ и появляется уже въ началѣ XVIII вѣка, подъ именемъ Алешекъ; съ 1784 года они дѣлаются уѣзднымъ городомъ таврической губерніи, днѣпровскаго уѣзда. Городъ стоитъ при двухъ рѣкахъ; Конкѣ и Чайкѣ, въ 17^{1/2} верстахъ отъ Херсона, если идти къ нему по Конкѣ, и въ 12, если идти по Овдинкову ерику²⁾; съ трехъ сторонъ онъ окруженъ глубокими, бѣло-желтоватыми песками, извѣстными у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ кучугуръ. Кучуры—страшный бичъ для Алешекъ; они давно бы покрыли собою городъ, еслибы жители не пришли къ счастливой мысли разорать окрестности города и засадить ихъ красной шелюгой, которая одна въ состояніи удержать зыбкій песокъ на одномъ мѣстѣ.

Для занимающихся исторіей запорожскаго козачества Алешки важны, какъ мѣсто бывшей здѣсь Сичи, основанной «на поляхъ татарскихъ, кочевьяхъ огарянскихъ» кошевымъ атаманомъ Константиномъ Гордѣвичемъ Головкомъ. Трактатомъ 1712 года, въ Константинополѣ Россія отказалась отъ своихъ правъ на Запорожье и признала его улусомъ турокъ, а запорожцевъ—райями Порты, въ командѣ ханскихъ сераскировъ. «Его царское величество весьма руку свою отнимаетъ отъ козаковъ съ древними ихъ рубежами, которые обрѣтаются по сю сторону Днѣпра и отъ сихъ мѣстъ и земель, и фортець, и мѣстечекъ, и отъ полуострова Сѣчи, который сообщенъ на сей сторонѣ вышеупомянутой рѣки». Запорожцы такъ поспѣшно ушли изъ своихъ владѣній во владѣнія турокъ, что едва только успѣли захватить съ собой свои походныя церкви, сдѣланныя въ видѣ холщевыхъ и клеенчатыхъ палатокъ; духовенство явилось къ нимъ

---

¹⁾ Лѣтопись по Ипатскому списку. Спб. 1871, 144, 491; также 320, 346, 357.

²⁾ Ерикъ впадаетъ въ Конку, а Чайка въ Кардашинскій лиманъ. За запорожцевъ Чайка «сходылась въ Конкою, а теперъ Чайка сама соби, а Конка сама соби».

уже послѣ, частью изъ Польши, частью изъ Аѳона, а частью изъ Иерусалима и Константинополя. Такъ, въ это время настоятелемъ войсковаго духовенства въ Алешкахъ былъ архимандритъ Гавріилъ, родомъ грекъ и только съ 1728 года прибылъ къ нимъ православный русскій священникъ Дидушинскій. Въ Алешкахъ запорожцы испытали много кривдъ и притѣсненій со стороны татаръ и турокъ. У нихъ отнято было отведенное имъ вначалѣ низовье Днѣпра до его пороговъ; ихъ продавали въ рабство на турецкіе гадриги или морскія судна, ихъ принуждали воевать съ своими соотечественниками малороссійскими козаками. Вдобавокъ къ этому и въ Россіи не забывали объ измѣнѣ запорожцевъ: «Козаковъ измѣнниковъ, — сказано было въ инструкціи 1725 года на имя генераль-маіора Чернышова, губернатора азовской губерніи, — козаковъ измѣнниковъ-запорожцевъ и прочихъ ни съ товары, ни для какихъ дѣлъ, въ губерніи и никуда въ великороссійскіе города, также и изъ той губерніи и ни откуда чрезъ ту губернію туда на Запорожье съ товары, ни за добычею и ни съ чѣмъ отнюдь не пропускать ¹⁾).

«Ой, Олешки, будемъ васъ знаты, —
И той лыхій день и ту лыхую году; —
Охъ, будемъ довго пам'ятаты,
Тую погану вашу лычину».

Въ настоящее время въ Алешкахъ отъ болѣе, чѣмъ двадцатипятилѣтняго пребыванія здѣсь козаковъ осталось очень немного памятниковъ, чтобы не сказать ничего. Жители Алешекъ даже и не знаютъ о томъ, что на мѣстѣ ихъ города была нѣкогда запорожская Сича. Въ мѣстной церкви никакихъ остатковъ старины не сохранилось. Если что и уцѣлѣло отъ запорожцевъ въ Алешкахъ, такъ это небольшое земляное укрѣпленіе (см. пл. VI); оно находится на полторы версты выше города къ востоку и состоитъ изъ длинныхъ, полузасыпанныхъ пескомъ канавъ

¹⁾ Марковинъ. Очеркъ Исторіи запорожск. козаковъ. Спб. 1878 г. стр. 68.

съ высокими валами. Въ общемъ оно представляетъ изъ себя форму бастиона съ тупыми углами, съ воротами съ южной стороны, примѣннаго къ мѣстности. (См. пл. VI) ¹⁾. На 250 сажень западнѣе отъ укрѣпленія, противъ впаденія въ рѣку Конку рѣчки Лазнюка ²⁾, старожилы показываютъ мѣсто бывшей Алешковской Сичи. По рассказамъ стариковъ, Теокиста Горбатенка, Василя Киріяша, Аванасія Плохаго и Данила Бурлаченка, Сича оставалась вцѣлѣ до 1845 года, когда, по распоряженію правительства, въ виду опасности отъ песчаныхъ кучугуръ, грозившихъ засыпать весь городъ Алешки, была разорана и засажена красной шелюгой вмѣстѣ съ ближайшими окрестностями ея. Насколько помнятъ названные старики, Сича заключала въ себѣ всего лишь двѣ десятины земли; по виду она казалась правильнымъ четырехугольникомъ, съ валами до двухъ аршинъ высоты, съ редутами по угламъ и съ воротами въ двѣ сажени ширины у сѣверной окраины. Во всю длину Сичи лежала ровная, точно метлой сметенная, площадь, ширины до 40 сажень. Когда старики были еще мальчиками, то они находили на Сичи различныя мелкія монеты, копѣйки, парички, левки, а вмѣстѣ съ монетами оружіе, особенно копья съ четырьмя углами. «Оце якъ подуе великій витеръ та якъ піднине на Сичи песокъ, то мы було й кричимо одинъ другому черезъ плитъ: «а ходимъ, Васылю, чи тамъ Даныло, на городокъ собирати копійки»! Тай бижимо туды». Находили и серебряныя крестики, и восковыя свѣчи въ гробахъ, и куски смолы, и круги дрота, и свинцовыя пули, и разную черепковую посуду, наприкладъ, «гликы, або куманы». «Богато чого доводи-

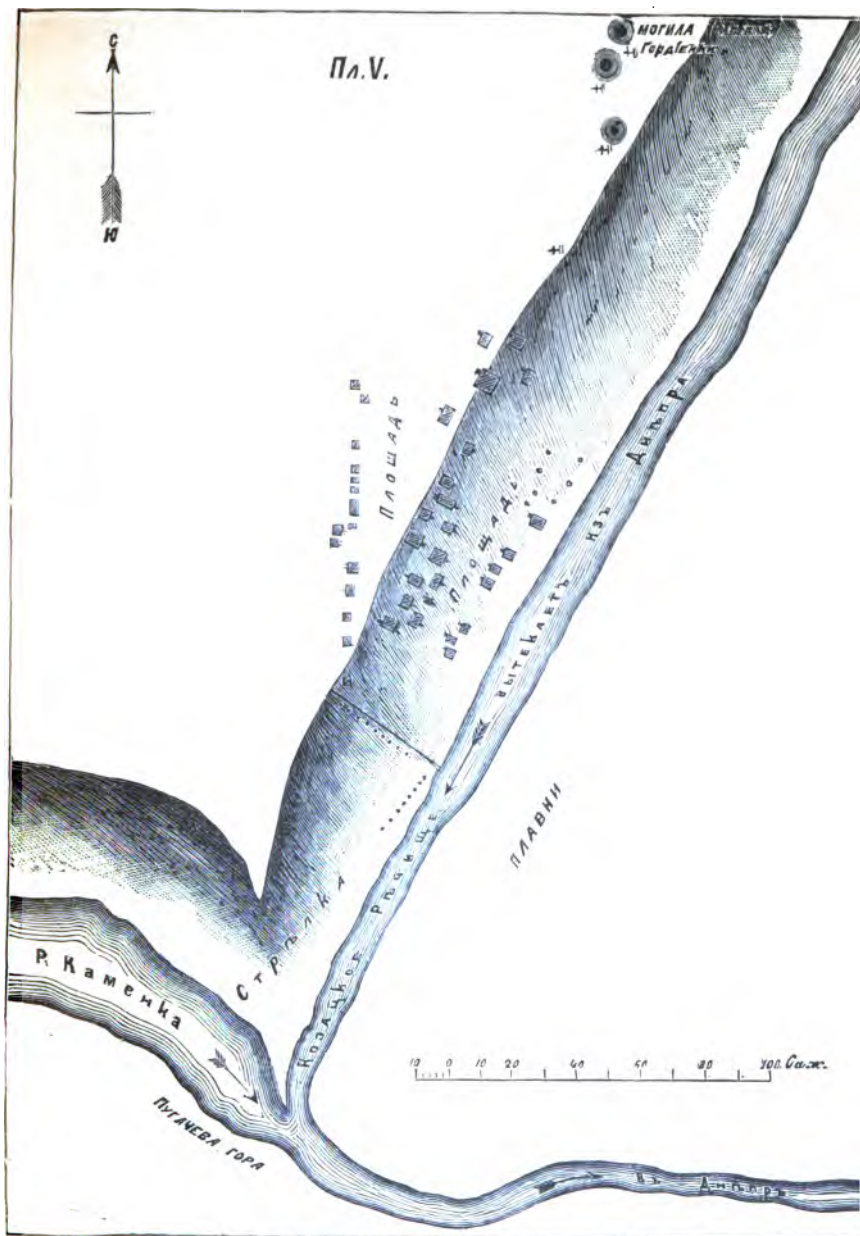
¹⁾ О запорожскихъ укрѣпленіяхъ вообще нужно сказать, что они весьма часто отличаются неправильнымъ характеромъ построенія, но зато изобличаютъ громадное умѣніе козаковъ приспособляться къ условіямъ мѣстности. Впрочемъ, это всегда бываетъ тамъ, гдѣ предоставляется большая самостоятельность единицамъ, чѣмъ массамъ.

²⁾ Устье Лазнюка служило у запорожцевъ пристанью. Лазнюкъ беретъ свое начало въ плавняхъ, тянется на протяженіи трехъ верстъ, глубины имѣетъ до трехъ сажень.

лось бачиты на той Сичи: якось наткнулись мы на цылыхъ-пятнадцать трунъ, и чудне дило: воны не схожи на наши; а здаются наче на каюки зъ видризанными носами. Доводылось бачиты и чоловичи головы: якъ тыквы валяютця. А покойнымы лежать такъ, якъ и у насъ». Сколько запомнятъ старики, Сича была покрыта травой, оттого они часто пасли на ней, будучи хлопцами, телятъ; но потомъ мало-по-малу ее стало заносить пескомъ. Случилась какъ-то «драная зима»; тогда особенно много нанесено было вѣтромъ песку на Сичу. «Рвала-рвала, сыпала-сыпала хуртеча той писокъ, та дошло до того, шо й Алешки стала замурувати». Послѣ этого-то и вышелъ приказъ разорать окрестности города и засадить ихъ шелюгой. «Тоди цю шелюгу усе возили изъ Вознесенки; отоди и Сичу засадили лозою». По рассказамъ тѣхъ же стариковъ, близъ Сичи, на берегу р. Чайки ¹⁾, тамъ, гдѣ теперъ пристань, у запорожцевъ стояла церковь, сдѣланная изъ камыша; около церкви отведено было кладбище и тутъ же выкопана была криница, въ которой никогда не замерзала вода. Вотъ и все, что помнятъ старожилы объ Алешковской Сичи.

На одну четверть версты ниже города Алешекъ, съ правой стороны, впадаетъ въ Днѣпръ рѣчка Кошева, а противъ нея протянулся островъ Карантинный съ лиманомъ Стеблівскимъ въ самой срединѣ его, длины пять верстъ, ширины двѣ съ половиной; въ настоящее время онъ застроенъ лѣсопильнями и шерстомойками. Противъ острова Карантиннаго, у лѣваго берега Днѣпра, на пять верстъ ниже города Херсона, стоитъ островъ Потемкинъ, охваченный съ лѣвой стороны Новымъ Днѣпромъ, съ правой—Старымъ Днѣпромъ—или такъ, называемымъ Гологрудовскимъ рукавомъ, и имѣющій длины четыре версты, ширины двѣ съ половиной. Противъ острова Потемкина выходитъ изъ Днѣпра рѣчка Конка, называемая здѣсь Збурьевскимъ рукавомъ, а противъ рѣчки Конки тянется островъ Галухинъ, имѣю-

¹⁾ Теперъ такъ-называемый Маркуцынъ берегъ.

Ч. II. Пл. V.

Планъ Каменской Сичи.

100

щій восемь верстъ длины и семь ширины, отдѣленный съ правой стороны рѣкой Ольховымъ Днѣпромъ, съ лѣвой—Старымъ Днѣпромъ, расположенный почти противъ села Голой-Пристани, стоящей на таврическомъ берегу. Западнѣе отъ острова Галухина, черезъ Ольховый Днѣпръ, стоитъ островъ Запорожскій, иначе Ольховый, отдѣленный съ правой стороны рѣкой Кошевой, съ лѣвой — Ольховымъ Днѣпромъ и расположенный противъ деревни Арнаутовки, что у праваго берега Днѣпра. Ниже острова Запорожскаго, по тому же берегу, соединяется съ Днѣпромъ Бѣло-озеро. Противъ Бѣло-озера, съ лѣвой стороны, стоитъ женскій монастырь, а за нимъ село Бѣлозерка или Шкадовка, съ 1784 года принадлежавшая генералъ-поручику Ивану Абрамовичу Ганнибалу, а затѣмъ перешедшая къ графу Александру Андреевичу Безбородку ¹⁾, и послѣ него поступившая въ собственность подполковнику Балтазару Балтазаровичу Скодовскому. Ниже Бѣло-озера и села Бѣлозерки впадаетъ въ Днѣпръ, съ правой стороны, рѣчка Кошевая, а противъ ея устья, среди Днѣпра, стоитъ большой островъ Погорѣлый, длины десять, ширины шесть верстъ, ниже котораго, съ правой стороны, идетъ рѣчка Корабелка. Рѣчка Корабелка получила свое названіе уже со времени основанія города Херсона, когда по ней плавали къ Херсону корабли, ходившіе до 1855 года, пока англичане не затопили рѣчки обломками старыхъ судовъ. Ниже Корабелки, съ лѣвой стороны, слѣдуютъ село Голая-Пристань, рѣка Серединка; съ правой — село Гнилице, у озера Гнилухи, островъ Касперовскій, село Касперовка ²⁾ съ чудотворной иконой Касперовской Божіей матери, рѣчка Пидпильна, впадающая въ Днѣпръ чрезъ Дидово озеро и гирло Ревачъ, съ правой стороны. Ниже Касперовки идутъ села: Кизимысь (т.-е. Дѣвичій мысъ, теперь произносятся Кизій-мысъ),

¹⁾ Въ 1787 году, 14 мая, въ Бѣлозерскѣ останавливалась императрица Екатерина II, во время своего путешествія по Новороссіи. Здѣсь она обѣдала у графа А. А. Безбородка.

²⁾ Имя владѣльца Сербинова.

бывшая турецкая крѣпость, построенная турками для содержанія въ ней милиціи на случай набѣговъ запорожцевъ; далѣе село Софіевка, принадлежащее владѣльцу Скоропадскому, колонія Розенталь, по правому берегу Днѣпра; село Збурьевка, у Збурьевскаго лимана, по лѣвому берегу Днѣпра; рукавъ Днѣпра, съ правой стороны, Бѣлогрудовскій, рукавъ Днѣпра, съ лѣвой стороны, Збурьевскій, пристань Глубокая, деревня Широкая, обѣ съ правой стороны; села Богоявленское, Прогнои, Вяземка, вѣ съ лѣвой стороны; островъ Янушевъ, длины около версты, ширины около полуверсты, ниже Вяземки; деревня Бузовая слѣва; островъ Вербки, село Соленая-Пристань, съ лѣвой стороны, и, наконецъ, мѣстечко Станиславъ, съ той же стороны, у устья Буга.

У устья Буга кончались владѣнія запорожскихъ козаковъ; отсюда они шли уже по-надъ лѣвымъ берегомъ рѣки вверхъ до впаденія въ нее р. Синюхи. Первое село на этомъ пути—Александровка или Штыхова,—имѣніе владѣлицы Е. И. Милорадовичъ. Близъ этого села есть два замѣчательныхъ мѣста въ исторіи запорожскихъ козаковъ: мѣсто, гдѣ погребень запорожець Коношко, и мѣсто, гдѣ пребывалъ Семень Козарь, такъ называемый «Семень-ригъ». Крестъ стоитъ въ одной верстѣ отъ усадьбы владѣлицы, надъ проѣзжей дорогой; онъ обнесенъ деревянной оградой, по мысли управляющаго имѣніемъ А. В. Скубы, и съ южной стороны имѣетъ такую надпись: «Бывшаго войска запорожскаго козакъ куреня платнѣрѣвскаго Зде опочиваетъ рабъ божій василіи Коношко блаженно памяти 1782 году мѣсяца генваря 21 дня». Семеновъ-рогъ ¹⁾ находится на двѣнадцать верстъ ниже села Александровки, на полторы версты ниже хутора Хаблова, и представляетъ изъ себя небольшую площадку, у самаго берега рѣки отгороженную съ востока и запада естественными обвалами, а съ сѣвера — небольшою канавой съ валомъ, длины 150 шаговъ. Судя по

¹⁾ У Боцлана Семеновъ-рогъ извѣстенъ подъ именемъ Semenwiruk'a, стр. 30.

тѣмъ холмикамъ и ямкамъ, которые кое-гдѣ разбросаны на мѣстѣ Семенова-рога, можно думать, что тутъ дѣйствительно было какое-то жилье, но какое и когда именно, этого безъ основательной раскопки сказать, конечно, нельзя. Мѣсто Семенова-рога замѣчательно тѣмъ, что на немъ многіе лѣтописцы, какъ малороссійскіе, такъ и польскіе, полагаютъ начало запорожскаго козачества. Былъ въ Польшѣ какой-то воинъ Семень; въ 948 году, «для битвы дикихъ козъ», кабановъ и разнѣй дичи, онъ оставилъ мѣсто своей родины, пришелъ на устье рѣки Буга, выбралъ здѣсь самое лучшее мѣсто, косу или рогъ, и сталъ промышлять на немъ. Такъ прожилъ онъ здѣсь годъ и возвратился на родину. Но, побывавъ на Бугѣ разъ, онъ захотѣлъ побывать на немъ и въ другой разъ; теперь уже Семень отправился не одинъ, а съ ватагой болѣе чѣмъ въ сто человекъ промышленниковъ, избравшихъ его своимъ атаманомъ. На этотъ разъ ватага прожила много лѣтъ на Бугѣ, сшила себѣ кафтаны и штаны изъ кожъ дикихъ козъ и такъ прославилась потомъ, что сдѣлалась воинствомъ, получившимъ названіе козарь или козаковъ ¹⁾).

Выше Семенова-рога идутъ деревни Лунарева-балка, Зайцева, иначе Евфимовка, и село Кисляковка. Въ послѣдней обращаетъ на себя вниманіе небольшая каменная, но весьма оригинальная церковь. Изъ церковной описи видно, что эта церковь, во имя Спаса, построена еще во второй половинѣ прошлаго столѣтія (1772 года) запорожскими козаками. Стѣны ея сдѣланы изъ дикаго камня и имѣютъ до двухъ аршинъ толщины. Внутренняя обстановка церкви уже нѣсколько разъ измѣнялась послѣ запорожцевъ. Колокольня, также каменная, построена отдѣльно отъ церкви и не съ западной стороны, какъ принято строить, а съ юго-восточной; она имѣетъ видъ четырехугольной, нѣсколько удлинненной, башни въ два этажа,

---

¹⁾ Мязецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852 г., стр. 1—2.

съ амбразурами, двумя широкими дверьми, одна противъ другой, съ востока на западъ, и двумя камерами внутри. Колокольня поставлена такимъ образомъ, что одна дверь ея стоитъ направлениемъ вдоль рѣки Буга, а другая—вдоль Днѣпровскаго лимана. Отсюда очевидно, что она приспособлена была архитекторомъ къ боевымъ цѣлямъ.

Отъ времени запорожцевъ въ церкви осталось нѣсколько книгъ, иконъ и утвари. Изъ утвари сохранилось два малыхъ серебряныхъ ковчега и одна серебряная позлащенная чаша, а изъ книгъ—полное собраніе четь-миней кievской печати 1750 года, апостоль, октоихъ, тріодъ цвѣтная, — всѣ кievской печати 1765 года, — и собраніе поученій безъ обозначенія города, но въ царствованіе императрицы Екатерины II. Изъ иконъ интересны мѣстныя: иконы Спасителя и Богоматери, длины 7 четвертей, ширины 4 четверти; рисунокъ превосходный. Обѣ находятся въ колокольнѣ. Тамъ-же стоитъ прекрасной работы аналой, нѣсколько хоругвей, крестовъ, кадильницъ, столиковъ и т. п.

Выше Кисляковки идетъ городъ Николаевъ, стоящій при впаденіи рѣки Ингула въ рѣку Бугъ и основанный уже послѣ паденія запорожской Сичи, въ 1788 году; за Николаевомъ слѣдуютъ села: Арнаутовка, Новогригорьевка, Булгарка, далѣе рѣка Мертвоводъ, съ притоками Арбузинкой и Костоватой, и при устьѣ ея городъ Вознесенскъ, у запорожцевъ Соколы. За Вознесенскомъ—небольшое село Александровка и за Александровкой село Кременчукъ. Здѣсь, между этими двумя селами, черезъ рѣку Бугъ, у запорожцевъ существовалъ небольшой бродъ Чортайскій. «Ниже онаго гарду в нѣсколько верстъ на той рѣкѣ Бугу имѣется бродъ прозиваемый чортайскій, но чрезъ оный бродъ никакого проезду имѣть неволно и не допускается, а бывало прежде козаки сичовие верхомъ лошадыю чрезъ тотъ бродъ проѣзжаютъ за какою-либо ихъ добычею и то развѣ скритнымъ образомъ, да той переездъ чрезъ оный бродъ верхомъ лошадыю биваетъ в самое время малой воды и то съ опасностію отъ быстрого теченія воды, такъ что и вози и коня свалить, но

во время великой воды никакому проезду бить невозможно» ¹⁾ Повидимому, это тотъ-же самый бродъ, о которомъ упоминаетъ и князь Мышецкій, «на Бугъ рѣкѣ, къ Мертвымъ водамъ, гдѣ купцы изъ Польши, Малороссіи и прочихъ мѣстъ хаживали въ Очаковъ и изъ Очакова» ²⁾.

За селомъ Кременчукомъ слѣдуетъ мѣстечко Константиновка елисаветградскаго уѣзда, за рѣчкой Малымъ-Ташлыкомъ. Близъ Константиновки замѣчательны три мѣста въ исторіи запорожскихъ козаковъ: гардъ, бывшая переправа и пороги. Гардъ находится на три версты ниже Константиновки въ рѣкѣ Бугѣ и представляетъ изъ себя ни больше, ни меньше, какъ греблю или «китець» для ловли рыбы. Онъ устроенъ изъ двухъ перегородокъ на подобіе лѣстницъ, положенныхъ бокомъ одна противъ другой въ водѣ между камнями и немного полурастворенныхъ, чтобы въ нихъ могла проходить безъ особаго затрудненія плывущая вверхъ рыба. Этотъ гардъ устроенъ въ томъ именно мѣстѣ порога, гдѣ рѣка суживается съ обѣихъ сторонъ камнями и имѣетъ небольшую «тычию» (струю) близъ праваго берега Буга. Такихъ гардовъ на Бугѣ два: старый или козацкій и новый или архіерейскій. Послѣдній находится ниже перваго на версту и называется архіерейскимъ потому, что во времени поселенія въ екатеринославскомъ намѣстничествѣ архіерея, онъ отошелъ для архіерейскаго двора. Рыбы здѣсь ловилось чрезвычайное множество: въ нѣсколько часовъ ею нагружали пять-шесть и даже больше возовъ, и то брали лишь большую, а малую вновь бросали въ рѣку. Теперь въ архіерейскомъ гардѣ ловля рыбы совсѣмъ воспрещена.

Тотчасъ ниже гарда, среди Буга-рѣки, стоитъ островъ Гардовый, дикій, скалистый и по краямъ заросшій густою травой и высокой лозой. На одномъ изъ камней Гардоваго острова показываютъ мѣсто, гдѣ стояла у запорожцевъ церковь, разру-

¹⁾ Изъ актовъ собственнаго собранія, 1753 г., 20 мая.

²⁾ Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса, 1852 г., стр. 21.

шенная козакомъ-ренегатомъ Саввою Чалымъ, о которомъ еще и теперъ поють пѣсню наши слѣпцы-бандуристы...

«Ой бувъ въ Сичи старый козакъ,
прозваніемъ Чалый,
Выгудувавъ сына Саву
козакамъ на славу.
Ой не схотивъ та пань Сава
въ Сичи панувати
Та похавъ винъ у Польщу
ляхивъ захищати...
Пишовъ же винъ до ляшенькивъ
славы добувати,
Та зъ ляхами жъ святу церкву
въ нивичъ повертати.
И до Гарду козацкого
насунувъ зъ ляхами
Зруйнувавъ винъ слави мисця
по-надъ берегами».

У лѣваго берега Буга, противъ Гардоваго острова, стоятъ три огромнѣйшихъ скели: Сова, Брама и Пугачъ, возвышающіяся надъ берегомъ рѣки на подобіе отвѣсныхъ стѣнъ и имѣющія около двадцати-пяти сажень высоты. На камнѣ острова Гардоваго, противъ скели Пугача, сдѣлано подобіе подковы, а среди степи, противъ того же Пугача, на сѣромъ гранитѣ, выбита человѣческая рука, въ коей одна кисть имѣетъ семь съ половиной четвертей, а большой палецъ—три четверти. Прямо противъ руки, только на сто сажень южнѣе въ степь, насыпана небольшая, но живописная могилка. Такіе указатели, какъ скеля Пугачъ, подкова, рука, могилка, послужили живой канвой для созданія слѣдующей легенды:

Это было еще тогда, когда здѣсь жили запорожцы. Страшный народъ былъ! У каждаго по семь пудовъ голова, у каждаго такіе усища, что бывало какъ возьметъ онъ ихъ въ обѣ руки да какъ расправитъ одинъ усъ туда, а другой сюда, такъ и въ дверь не влѣзетъ, хоть бы въ нее цѣлая тройка съ повозкой проскочила; они умѣли на двадцати языкахъ го-

ворить, они могли изъ воды сухими выходить, они умѣли и сонъ насылать и людей замовлять, и котами перекидываться и въ рѣчки переливаться; они имѣли у себя такія «верцадда» (зеркала), черезъ которыя за тысячу верстъ видѣли, они были такими искусниками, что бывало только доторкнется который-нибудь изъ нихъ до «скрыни» (сундукъ), то она такъ сама собою и «одчинытца». Вотъ какой народъ былъ! «Вельтъ-люди, знаюки, у, яки знаюки! На всяки прымусіи способни»... Вотъ и задумала ихъ «звести царица». Но что она имъ ни дѣлала, а вреда не принесла никакого: пробовала «и въ арканы уборсаты», и въ водѣ вытопить, и бомбами выбить, такъ нѣтъ, и не вбрала, и не вытопила и не выбила. Онъ вотъ это схватить въ голую «жменю» бомбу да ѣ смотреть на нее, а она «ажъ шкварчить, а ему ѣ байдужѣ». Потомъ подержить-подержить, подниметь вверхъ, размахаетъ-размахаетъ да и шпурнетъ назадъ «мижъ москаливъ». Наконецъ и самимъ запорожцамъ опостылѣла такая жизнь: всѣ отъ нихъ бѣгутъ, всѣ ихъ боятся. Тогда они собрались вотъ тутъ, гдѣ стсить могла и противъ нея лежитъ камень-гранить, и съ общаго согласія рѣшили броситься въ рѣку Бугъ. Сперва выѣхалъ на конѣ кошевой, снялъ шапку, перекрестился на всѣ четыре стороны, слѣзъ съ коня, подошелъ къ камню, ударилъ по нему рукой, и вышла точь-въ-точь рука атамана: «Нехай знаютъ, якіи кошевой бувъ у запорожцивъ!» Слѣзъ на коня и отѣхалъ въ сторону. За нимъ выскочилъ есаулъ. Подѣхалъ къ камню, снялъ шапку, перекрестился на всѣ четыре стороны, слѣзъ съ коня, ударилъ рукой по камню, и вышла рука есаула.

«Батьку кошовый, а подывысь, чи ѣ я таковый»?..

За есауломъ, судья, за судьей писарь, а за писаремъ уже простые козаки. Всѣ попрощались съ свѣтомъ, посадились на коней и помчались. Впереди летѣлъ атаманъ. Какъ разыгрался онъ на конѣ, какъ разыгрался, да такъ и вскочилъ на могилу! А оттуда какъ разогнался, какъ разогнался да прямо на двадцати-пяти-саженную скалу! А со скалы какъ шархнется внизъ на

островъ. «Пугу-пугу!...» да и пошелъ вмѣстѣ съ конемъ на дно рѣки, отъ коня только слѣдъ на острову... «Пугу-пугу!» вскрикнули всѣ остальные козаки и бросились вслѣдъ за конемъ... И теперь они гдѣ-то плаваютъ подъ водою, на самомъ днѣ Буга-рѣки... А «скеля Пугачъ» стоитъ одиноко и уныло смотритъ въ безконечную пропасть и ревуницей и стонущей рѣки...

На четверть версты ниже скели Пугача и козацкаго гарду существовала у запорожцевъ старая переправа черезъ рѣку Бугъ, къ которой вела, съ лѣвой стороны, балка Паланская. Въ этой балкѣ, противъ бывшей переправы, въ настоящее время сохраняются запорожское кладбище, мѣсто кузницы и тридцать пять ямъ, расположенныхъ по взгорью Паланской балки и свидѣтельствующихъ о несомнѣнномъ пребываніи здѣсь запорожцевъ.

Во время запорожцевъ отъ Сичи къ гарду вели два тракта: низшій и высшій. Первый шелъ на рр. Солоную, Базавлукъ, Каменку, Малый-Ингулецъ, Добрую-Висунь, село Балацкое, рѣку Великій-Ингуль¹⁾, безводными степями на протяженіи семи миль, рѣчки Куцый-Еланецъ, Сухой-Еланецъ и Великій-Еланецъ²⁾, село Бѣлоновку, р. Мертвоводъ и Малый-Ташлыкъ, отсюда въ гардъ. Второй шелъ на рр. Солоную, Базавлукъ, Каменку, Саксагань, Малый-Ингулецъ, Боковую-Висунь, Великій-Ингуль, Костоватую, Камышеватую, Гарбузинку, село Бановку и р. Малый-Ташлыкъ. Это такъ-называемый Гардовый шляхъ; онъ замѣчателенъ своею прямизною и на пространствѣ 300 верстъ шелъ безъ всякихъ извилинъ и уклоненій; теперь онъ не существуетъ. Обѣ дороги, особенно нижняя, пролегли черезъ край дикій, пустынный, малонаселенный и малолѣсный. «На рѣчки маломъ ингуль, по саксаганѣ и отъ саксаганѣ (—и) на низъ ингульца миль на десять (,) а на великомъ ингуль до верху балацкаго, которое отъ гарду внизъ до десяти миль со стоитъ, зѣмловники запорожскіе имѣются, а ниже балацкаго ни-

¹⁾ «Ингуль» по-татарски «іен-кул» — обширное озеро.

²⁾ «Еланецъ» по-татарски «алан» — лужайка, поляна.

какихъ зимовниковъ нѣтъ, въ лѣтѣ жъ хоча по надѣ лиманомъ для рыбныхъ ловель и другихъ добычъ звѣринныхъ козаки живутъ(,) почему всѣ выходятъ какъ зѣмвонники; да между тѣмъ трактомъ отъ сѣчи до гарду идутъ чрезъ всѣ жъ тѣ мѣста между рѣчками Днѣпромъ, Бугомъ и лиманомъ простирающимся(,) къ турецкой стороны никакихъ поселеній нѣтъ; и есть тотъ степь дикій и отъ поселеній российской имперіи состоящій в далекомъ разстояніи(,) лѣсовъ никакихъ нѣтъ, кромѣ на громоклеи которая вище балацкого впадаетъ въ Ингуль имѣеть байракъ лѣсной разстояніемъ отъ балацкого с милю; да на речки маломъ ингулу, балацкомъ и по бугу терновники и чащники маліе бѣдно имѣются» ¹⁾.

Бугскіе пороги начинаются какъ разъ противъ Константиновки и идутъ выше ея; всѣхъ ихъ здѣсь семь: теплицкій, пышенинскій, лопатовскій, подорожинскій - первый, строчкій-первый, строчкій-второй, подорожинскій-второй. Между этими порогами стоятъ четыре острова: константиновскій - первый, константиновскій - второй, киріаковскій и подорожинскій, изъ коихъ первый покрытъ громаднымъ дубовымъ лѣсомъ.

Выше Константиновки идетъ колонія Новая-Линдау, противъ которой впадаетъ въ Бугъ р. Малый-Ташлыкъ ²⁾, потомъ село Семеновка, бывшее военное поселеніе, противъ котораго въ Бугѣ стоятъ новые семь пороговъ: палиенковскій, лысенковскій, давидинскій, розидоровскій, войстриченскій, македонцовскій и порогъ чернецій, и между семью порогами четыре острова: барановскій, наумовскій, мясниковскій и семеновскій, изъ коихъ первые три названы по именамъ владѣльцевъ, а послѣдній по имени седа Семеновки.

За Семеновкой слѣдуетъ село Миги, противъ котораго въ Бугѣ возвышаются еще четыре порога: мигійскій - первый,

¹⁾ Изъ актовъ собственнаго собранія, 1753 года, 20 мая.

²⁾ Слово «Ташлыкъ» татарскаго происхожденія,—по-русски это значить «каменистый».

запорожскій, мигійскій-второй, и компанійскій. Изъ четырехъ особенно замѣчательнъ запорожскій порогъ. Этотъ порогъ совсѣмъ не то, что порогъ на Днѣпрѣ. Представьте себѣ огромнѣйшую скалу, высоты сажень около пятнадцати, ширины сажень около десяти, которая, подобно искусственному мосту, перекинута съ одного берега рѣки на другой, и это будетъ запорожскій порогъ на Бугѣ. Вода, бѣгущая по рѣкѣ, встрѣтивъ на своемъ пути неодолимое препятствіе, въ видѣ запорожскаго порога, бросается на-право и на-лѣво, въ оба берега, размываетъ себѣ небольшіе жолобы между скалъ и съ страшнымъ ревомъ устремляется впередъ. Для полнаго представленія о запорожскомъ порогѣ, представьте еще себѣ огромнѣйшую скалу, втрое выше той, которая протянулась поперекъ рѣки, стоящую у лѣваго берега Буга, противъ самаго порога и носящую названіе Протичанской скели. Съ нея, какъ съ высоты птичьяго полета, открывается великолѣпнѣйшій видъ на всю эту страшную пучину, которая называется запорожскимъ порогомъ. На ней-же можно видѣть подобіе подковы и звѣзды, выбитыя на скалѣ Богъ вѣсть кѣмъ и Богъ вѣсть въ какое время. Противъ компанійскаго порога стоитъ замѣчательная скеля Компанійская, на которой показываютъ двѣ пещеры, — одну длины 15 арш., которая носитъ названіе «Кузни», потому что въ ней находятъ много углей, а другую длины 2 арш., въ нее можно влѣзть только животомъ, и одно такъ-называемое Гайдамацкое сидѣніе, родъ естественнаго дивана, сдѣланнаго на скалѣ и имѣющаго 11 арш. длины, 3 четв. ширины и 6 четвертей высоты (спинка). Противъ Компанійской скели стоитъ въ Бугѣ длинный островъ съ тѣмъ-же названіемъ, покрытый сплошнымъ дубовымъ лѣсомъ.

Выше Мигій идутъ послѣдніе два порога, за которыми впадаетъ въ Бугъ р. Синюха, гдѣ сходятся вмѣстѣ три города: Ольвиополь (у запорожцевъ Орликъ), Голта и Богополь. При впаденіи Синюхи въ Бугъ, съ проведеніемъ такъ-называемой

новой Днѣпровской линіи крѣпостей, устроены были городъ Екатерининскъ, имени императрицы Екатерины II ¹⁾).

Выше Ольвіополя впадаетъ въ р. Синюху р. Черный Ташлыкъ при деревнѣ Калмазовой. Въ старое время р. Черный Ташлыкъ, начиная на двѣ версты отъ устья ея вверхъ, покрыта была лѣсомъ, состоящимъ изъ клена, орѣшника и чагарника. На пять верстъ выше д. Калмазовой стоитъ село Синюхинъ-Бродъ, на р. Синюхѣ, гдѣ у запорожцевъ былъ извѣстный Синюхинъ-Бродъ.

Берега р. Синюхи большею частью голы, скалисты; наибольшая ширина рѣки—70 саж., наибольшая глубина—6 арш.; противъ села Синюхина-Брода въ рѣкѣ стоитъ шесть острововъ, покрытыхъ лозою и камышемъ. Между береговыхъ скалъ есть нѣсколько естественныхъ пещеръ: такова пещера ниже хаты кр. Алексѣя Мирянова, имѣющая полтора аршина длины и два съ половиной высоты; такова пещера Зміева, нѣсколько ниже села, высоты до трехъ аршинъ, вмѣстимостью на десять человекъ и др. ²⁾. Въ настоящее время черезъ р. Синюху, противъ села Синюхина-Брода, существуетъ восемь бродовъ; пархоменковъ, патринъ, коцубальскій, степановскій, гладкій, македонскій, мартыновскій и кремповскій. У запорожцевъ былъ здѣсь только одинъ бродъ, по теперешнему между степановскимъ и гладкимъ, противъ двора кр. Павла Жука. Здѣсь у нихъ стоялъ деревянный столбъ, въ три аршина высоты и два толщины, который служилъ маякомъ для переправляющихся черезъ рѣку. Теперь этого брода не существуетъ. Во время запорожцевъ самыя берега рѣки Синюхи покрыты были небольшимъ лѣсомъ, большею частью кленомъ и орѣшникомъ, отъ котораго въ настоящее время не осталось также ни пня.

Выше с. Синюхина-Брода идутъ села: Ольшанка, Осички, Добрянка, мѣстечко Добровеличково, при впаденіи р. Сухого-

¹⁾ Миллеръ. Разсужденіе о запорожцахъ. Москва, 1847, 42.

²⁾ На одной изъ береговыхъ скалъ р. Синюхи, противъ огорода кр. П. Жука, выбиты двѣ чашки и сапогъ 2 вершка величины.

Ташлыка въ р. Синюху, село Тишковка, при впаденіи р. Выси въ р. Синюху ¹⁾. Въ сторону отъ села Тишковки стоитъ мѣстечко Хмѣлевоѣ, бывшее имѣніе Кириѣкова, гдѣ у запорожцевъ былъ большой лѣсъ, подъ которымъ «гайдамаки робыли хунтузію». Близъ мѣстечка Хмѣлеваго раскинулось село Плетеный-Ташлыкъ, на рѣчкѣ Плетеномъ-Ташлыкѣ. Рѣчка Плетеный-Ташлыкъ беретъ свое начало около д. Гапсиной и впадаетъ въ р. Черный-Ташлыкъ подъ д. Звѣревой. Плетенымъ онъ называется потому, что вода въ немъ идетъ «въ переплетъ, загородами, або плесами; винъ наче нарощно порысованный». Всего теченія его, по изгибамъ—30 верстъ; въ старину это была рѣчка глубокая, «потому что она шла однимъ корытомъ»; берега ея окаймлены были живописными плавнями. Близъ р. Плетенаго-Ташлыка растутъ лѣса: Спорный, Круглый, Чумацкій, Чоботокъ, Крачекъ, Манойловъ,—всего до 300 десятинъ; они состоятъ изъ дуба, осины, граба, клена, принадлежатъ казнѣ и ежегодно увеличиваются отъ посадки. Рядомъ съ с. Плетенымъ-Ташлыкомъ стоитъ с. Аникіевка, близъ котораго также растетъ большой лѣсъ; за селомъ Аникіевкой слѣдуютъ деревня Гапсина или Александровка, а за деревней Гапсиной с. Малая-Выска, на р. Малой-Выси. Рѣчка Малая-Высь начинается подъ д. Лутовкой, на девять верстъ къ сѣверу отъ с. Малой-Выськи, и впадаетъ въ р. Высь между Николаевкой и Петро-островомъ.

Не вдалекѣ отъ с. Малой-Выськи расположено мѣстечко Большая-Выска, на р. Большой-Выси. Рѣчка Большая-Высь беретъ свое начало у села Аникіевки, а впадаетъ въ р. Высь около Новомиргорода.

Городъ Новомиргородъ основанъ на запорожской землѣ выходцемъ изъ Сербіи, Иваномъ Самойловичемъ Хорватомъ, въ 1752 году, у рѣки Выси и озера Лонго; сперва онъ былъ простымъ шанцемъ, а потомъ, съ 1764 года, переименованъ въ городъ. Съ теченіемъ времени онъ, послѣдовательно, исполнялъ

¹⁾ Всѣхъ Высей три: просто Высь, Малая-Высь и Большая-Высь.

назначеніе таможни, уѣзднаго города, губернскаго города вознесенскаго намѣстничества (1775 г.), заштатнаго, военнаго поселенія и вновь (1860 г.) заштатнаго. Для человѣка, занимающагося исторіей запорожскихъ козаковъ, Новомиргородъ интересенъ тѣмъ, что въ немъ находится могила генерала Петра Абрамовича Текели, уничтожившаго, по повелѣнію императрицы Екатерины II, столицу запорожскихъ козаковъ, Сичу, въ 1775 г. Текели погребенъ въ соборной церкви Новомиргорода, подъ спудомъ, у правой стѣны, тотчасъ по входѣ въ церковь, о чемъ свидѣтельствуесть слѣдующая надпись, сдѣланная золотыми буквами на холстѣ и вставленная въ деревянную раму пяти четвертей длины и четырехъ безъ вершка ширины: «Генералъ-аншефъ Петръ Абрамовъ сынъ Текелій націи славено-сербской родился венгерскаго королѣвства въ городѣ Ародѣ 1720 года будучи въ римской императорской королѣвской службѣ по 1747 годъ втомъ году вступилъ въ російскую императорскую военную службу и продолжая оную съ усерднѣйшимъ и похвальнѣйшимъ образомъ и отличаясь мужествомъ и храбростію во всю прусскую войну въ польской экспедиціи и въ двухъ прошедшихъ турецкихъ походахъ при истребленіи запорожской Сѣчи и при усмиреніи бунтующихся разныхъ горскихъ народовъ, достигъ до сего достопохвальнаго и знаменитаго чина заслужилъ отъ ея императорскаго величества монаршіи благоволенія и разныя жалованіе ему императорскіе (sic) ордени а именно александра Невскаго св. великомученика и побѣдосца (sic) георгія второй (степени) св. равноапостольнаго князя владиміра (sic) первой степени и великогерцогскаго голштинскаго святыя анны сего 1792 года апреля 25 дня въ 11 часу по полуночи на 73 году отъ рожденія скончался».

Близъ Новомиргорода стоятъ лѣса Черный-лѣсъ и Чута. По точнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ на мѣстѣ, Черный-лѣсъ имѣеть 7000 десятинъ, а Чута—3077 десят., но между ними есть еще Чута, которая принадлежитъ частному владѣльцу, что все вмѣстѣ составляетъ 21 тысячу десятинъ лѣса. Съ западной

стороны къ Чутѣ примыкають лѣса Пугачъ и Бакай, за которыми начинается знаменитый Мотренинскій лѣсъ. Уже изъ одного цифроваго показанія видимъ, почему Черный - лѣсъ и Чута играли такую важную роль въ исторіи гайдамачества. Лѣсъ состоитъ изъ дуба, клена, береста, осинъ и т. п. деревъ; въ немъ водятся волки, лисицы, зайцы, дикіе кабаны, дикія козы и проч. Много существуетъ преданій, связанныхъ съ Чернымъ лѣсомъ и Чутой; много есть, по рассказамъ дидовъ, въ лѣсу такихъ мѣстъ, въ которыхъ скрыты гайдамаками несмѣтные богатства, драгоценныя оружія, много есть въ немъ пещеръ, ходовъ, разныхъ другихъ тайниковъ, гдѣ имѣли свои пристанища удалые гайдамаки.

Далеко ниже лѣса Чорнаго и Чуты стоитъ мѣстечко Кривой Рогъ и близъ него хуторъ Дубовая-Балка, имѣніе владѣльца Александра Николаевича Поля, расположенное вдоль р. Саксагани.

На этомъ пути, близъ станціи «Ингулецъ», стоитъ огромный и чрезвычайно грандіозный курганъ, называемый Царской могилой. И по внѣшнему виду, и по величинѣ Царская могила напоминаетъ Царскую могилу въ Керчи. Съ сѣвера и запада она совершенно отвѣсна, съ востока и юга нѣсколько поката. При 350 саженьхъ въ основаніи она имѣетъ 200 саж. черезъ вершину. Отъ такого неравномѣрнаго сочетанія основанія съ высотой могила и кажется колоссальнымъ сооруженіемъ. Къ тому-же она стоитъ на чрезвычайно ровной и открытой степной мѣстности. Могила составляетъ собственность крестьянина Лихмана и, какъ гласитъ преданіе, названа Царской потому, что около нея стоялъ лагерь какой-то польскій царь. Какъ-бы въ подтвержденіе этого говоритъ и цѣлая система укрѣпленій съ бастионами по угламъ, къ востоку отъ могилы.

Хуторъ Дубовый стоитъ въ устьѣ балки Дубовой и праваго берега рѣки Саксагани ¹⁾.

---

¹⁾ Слово Саксагань по-татарски «сык-зыкъ» — значить легкій, быстрый.

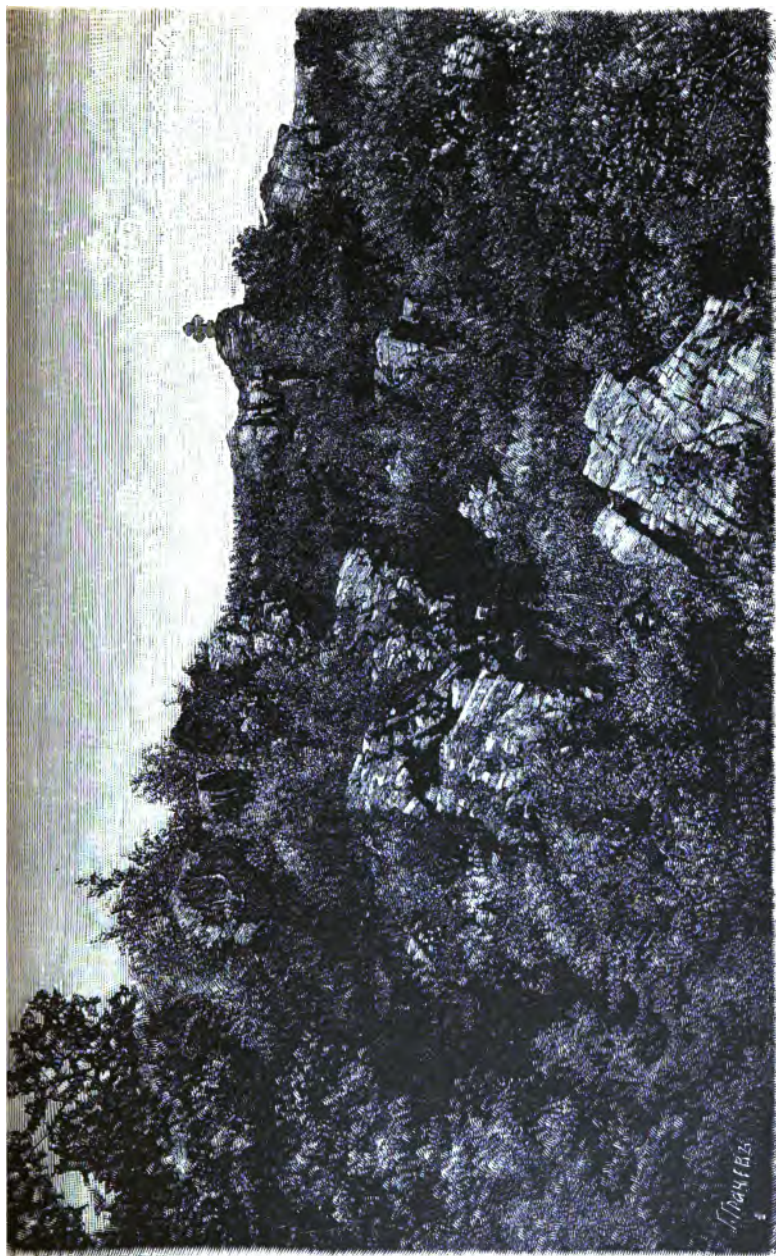
Саксагань начинается двумя рожками: один беретъ начало близъ д. Любоміровки, другой близъ д. Малой-Александровки, потомъ они сходятся подъ селомъ Погоровкой и впадаютъ въ мѣстечкѣ Кривомъ-Рогѣ, херсонской губерніи, елисаветградскаго уѣзда, въ р. Ингулецъ. Всего теченія ея по изгибамъ 200 верстъ; по прямому направленію—95 верстъ, наибольшая глубина ея—двѣ съ половиной сажени, у села Шмакова.

Балка Дубовая покрыта сплошь, отъ вершины и до конца дубовымъ лѣсомъ. Въ немъ попадаются дубы, имѣющіе въ обхватѣ до шести аршинъ; они растутъ между огромнѣйшихъ скалъ, разбросанныхъ по обѣ стороны балки, и придаютъ ей необыкновенную дикость и съ тѣмъ вмѣстѣ удивительную прелесть и величіе.

Картина оживляется тѣмъ, что среди балки течетъ небольшой ручей чистой и очень прохладной воды съ примѣсью разныхъ минераловъ, а вершина и устье ея покрыты ковромъ зеленой травы и цвѣтовъ. Для человѣка, щущаго вездѣ слѣдовъ древности, Дубовая балка интересна въ томъ отношеніи, что здѣсь онъ можетъ видѣть нѣсколько пещеръ, находящихся въ массивныхъ скалахъ ея. Такихъ пещеръ владѣлецъ насчитываетъ до 30; изъ нихъ особенно замѣчательна такъ-называемая Гайдамацкая конюшня, и близъ нея Гайдамацкая хата. Гайдамацкая конюшня представляетъ изъ себя огромнѣйшій навѣсъ, отдѣляющійся съ правой стороны балки (если идти отъ вершины къ устью) отъ кварцитовъ и стѣны, въ которомъ, по преданію, были вбиты нѣсколько бронзовыхъ колецъ для привязыванія къ нимъ лошадей. О бока съ Гайдамацкой конюшней устроена Гайдамацкая хата,—это огромнѣйшая пещера, «вылеванная» въ скалъ и могущая вмѣстить въ себѣ до двадцати и даже болѣе человекъ. По разсказамъ мѣстныхъ стариковъ, въ этой пещерѣ имѣли свое пристанище гайдамаки, скрывавшіеся здѣсь отъ преслѣдованія поляковъ. Говорятъ, что у гайдамаковъ эта пещера обита была краснымъ сукномъ, а послѣ ихъ ухода долго скрывала въ себѣ оставленные ими

сокровища, пока ее не открыли какіе-то кладонскатели. Судя по находимымъ орудіямъ и по могиламъ, открытымъ въ балкѣ Дубовой, можно думать, что какъ самая Гайдамацкая хата, такъ и другія пещеры, открытыя въ ней, относятся къ отдаленнѣйшему отъ насъ времени, ко времени каменнаго періода, и гайдамаки воспользовались ими, какъ уже готовыми, для своихъ цѣлей. Мѣстность Дубовой балки настолько интересна, что привлекаетъ къ себѣ множество путешественниковъ въ лѣтнее время. Кто исходилъ балку отъ устья и до вершины, тотъ не могъ не замѣтить на самой вышкѣ ея, съ лѣвой стороны, песчанковаго шестиконечнаго креста, великолѣпно возвышающагося среди густой зелени вѣковѣчныхъ лѣсовъ. А кто приближался къ этому кресту, тотъ, безъ сомнѣнія, и пытался прочесть сдѣланную на немъ надпись: «Зде опочиваетъ рабъ божій кирило и съ нимъ товаришѣ(и) войсковѣи мѣккифоръ и михайло пуця бывшего низоваго войска запорожского куриня дядѣвского кирило мощенскій преставися году 1779 мѣсяца ноября 4 дня. ІО ХР. Сей крестъ сооруженъ рабомъ божіемъ федоромъ Губою. Братъ его логинъ асаулъ выисковый погребенъ былъ у самарѣ» (См. табл. XXXI).

Распростившись съ гостепримнымъ, обязательнымъ и незабвеннымъ владѣльцемъ Дубовой балки, А. Н. Полемъ, я поспѣшилъ къ мѣсту послѣдней запорожской Сѣчи, теперешнему селу Покровскому, екатеринославской губерніи и уѣзда.

Ч. II. Рис. 31.

Дубовая балка и запорожский крестъ.

Тепл. Эд. Голле.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Ой съ-пидь города, съ-пидь Елисавета, сизи ораы выитали,
А въ города, та въ Елисавети, все паны собирались,
Паны сенаторы, пребольшии генералы, воны думали гадали.
«Ой якъ бы намъ, панамъ сенаторамъ, запорожську землю взяти?
Ой якъ бы жъ намъ, ой якъ бы жъ намъ ихъ вольности одибрати?»
Ой одибрали вси вольности запорожськи, начали ланы дилати.
Ой одибрали та всю запорожську землю, теперь сами овладають,
А до запорожщивъ, низовыхъ молодцивъ, часто листы посылають,
А запорожци та добри молодци усе тее та гараздъ знали,
Посидзали вороніи коня та пидь турка втикали.

Народная пѣсня.

Незавидна была жизнь запорожскихъ козаковъ подь властью крымскихъ хановъ: за каждымъ шагомъ, за каждымъ движеніемъ ихъ зорко слѣдили; они не смѣли держать при своей Сичи пушекъ, они должны были отдать всѣ имѣвшіеся у нихъ боевые снаряды, они не могли строить никакихъ укрѣплений, они обязаны были содержать множество турецкихъ чиновниковъ, они принуждены были одѣлять разными подарками пашей, мурзь, беевъ, прѣзжавшихъ въ Сичь по порученію крымскаго хана. «Оныхъ козаковъ житіе подь крымскою властію было зѣло трудное... Однажды нѣкоторые козацкіе рыболовы нечаянно на крымской сторонѣ въ отмытомъ отъ покой воды берегѣ рѣки Днѣпра, въ урочищѣ Карайтебенѣ, усмотрѣли одну пушку малую и пришедъ объ оной объявили кошовому; на что кошевой, взявъ нѣсколько козаковъ, пришедъ оную пушку вырывать стали и

въ томъ мѣстѣ нашли ихъ числомъ пятьдесятъ; которыя пушки взявъ и содержали въ одномъ зимовникѣ потаенно, не объявляя объ нихъ никому, опасаясь, дабы татаре отъ нихъ оныхъ пушекъ не отобрали»¹⁾). Вдобавокъ къ этому и русское правительство не переставало преслѣдовать запорожцевъ: по российской границѣ разставлены были крѣпкіе караулы, которые должны были хватать, вѣшать и казнить запорожскихъ козаковъ. Много разъ запорожцы обращались съ просьбой къ русскимъ царямъ о помилованіи, но эта просьба долго оставалась «гласомъ вопіющихъ въ пустынь». Наконецъ въ царствованіе императрицы Анны Ивановны, въ 1734 году, 7 сентября, при посредствѣ генералъ-маіора графа Вейсбаха, запорожцамъ дозволено было возвратиться въ Россію и поселиться на родныхъ имъ пепелищахъ.

Гей, братци, якъ бы воно не було,
А лучче христіянської царици служити,
Нижъ въ Олешкахъ намъ жити,
Пидъ крымськимъ ханомъ у ярми ходити».

Самый переходъ запорожскихъ козаковъ изъ-подъ власти крымскаго хана подъ власть русской императрицы произошелъ слѣдующимъ образомъ. Въ 1733 году у русскихъ съ поляками началась война; поляки обратились съ просьбой къ крымскому хану о присылкѣ имъ на помощь запорожскихъ козаковъ. Татары нашли нужнымъ удовлетворить просьбѣ поляковъ, и запорожцы пошли въ походъ противъ русскихъ. Но тутъ запорожцы и рѣшили воспользоваться благоприятнымъ моментомъ. Они отправили отъ себя посланца къ русской императрицѣ съ просьбой принять ихъ подъ скипетръ российской державы. Императрица согласилась и послала отъ себя офицера для приведенія запорожскихъ козаковъ къ присягѣ, вручивъ съ этимъ вмѣстѣ тому-же офицеру и нѣсколько тысячъ рублей для раздачи запорожцамъ на постройку новой Сичи. Въ то-же

¹⁾ Мышецкій. Истор. о козак. зап. Одесса, 1852, стр. 26.

время турецкій султанъ, узнавъ о намѣреніяхъ запорожскихъ козаковъ перейти на сторону Россіи, въ свою очередь, прислалъ отъ себя полномочнаго посла съ богатыми дарами, желая склонить запорожцевъ вновь на свою сторону. У запорожцевъ былъ въ то время кошевымъ атаманомъ Иванъ Малашевичъ. Кошевой собралъ войсковую раду и тутъ, на войсковой радѣ, всѣ запорожцы единогласно отвергнули предложеніе султана и присягнули російской императрицѣ. Турецкій посланникъ, возвращаясь къ султану, сообщилъ ему объ этомъ лично. Тогда султанъ издалъ приказаніе схватить еще оставшихся въ предѣлахъ Турціи запорожскихъ козаковъ и отдавать ихъ въ тяжкія работы; запорожцы тоже не оставались въ долгу и много изрубили турокъ ¹⁾.

Но, спрашивается, гдѣ же послѣ этого осѣлись запорожцы своею Сичею? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ современникъ событія, Григорій Кремянскій. «По разореніи Петромя Первымъ старой Сичи (на р. Чортотмыкѣ), запорожцы оставшіеся бѣжали на лодкахъ подъ турка, гдѣ турокъ принялъ и водворилъ ихъ въ Олешкахъ. А потомъ просились запорожцы у императрицы Анны Іоанновны о принятіи ихъ опять подъ російскую державу, коимъ и позволено. То запорожцы и поселились выше Кизикермена (т. е. Берислава) въ *Омловомъ* ²⁾ и поживя тамъ, какъ говорятъ, семь годъ, переселились въ Красный-кутъ, что нынѣ село Покровское, гдѣ устроивъ Сѣчь свою, жили до послѣдняго ихъ разоренія великою императрицею Екатериною II, чрезъ генерала Текеллія, который 1775 года іюня 3 дня Зеленой недѣли, въ среду противъ четверга, ночью и взяли Запорожскую Сѣчь, по несопротивленію оныхъ, безъ всякаго кровопролитія. Кошевого-жъ Петра Колыныша, судью Павла Косапа (Головатаго) и писаря Глобу, по взятіи Сѣчи, отправлено сокрыто въ Петербургъ» ³⁾.

¹⁾ Мышецкій. Истор. о козак. зап., стр. 27 — 30.

²⁾ Въ Балкѣ Мѣловой, гдѣ с. Мѣловое, херсон. у.

³⁾ Записки одес. общ. истор. древн., т. VI, стр. 645.

Итакъ, возвратившись изъ-подъ власти татаръ, въ 1734 году, запорожцы жили сперва Сичею въ Омиловомъ, на балкѣ Каменкѣ, а потомъ поднялись выше и устроили себѣ Сичу, «ладно и крѣпко сѣли своимъ кошемъ» между рѣкъ Пидпильной и Базавлукомъ, который въ то время отдѣлялъ собой кодацкую паланку отъ паланки ингульской, а теперь служить раздѣльною линіей между губерніями екатеринославской и херсонской. «Новая Сичь» расположена была вдоль праваго берега р. Пидпильной ¹⁾, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ она дала отъ себя луку, противъ такъ-называемой «великой плавни», по которой съ юга, встрѣчно Сичи, текла рѣчка Старая Сысина ²⁾, а съ востока, изъ-подъ Чертомлыцкой Сичи, рѣчка Скарбная ³⁾. «Пидпильня—мате Днипра, бо вона Сысею корме его, а Скарбною зодягае» ⁴⁾. Нужно взглянуть на Пидпильную Сичу по направленію отъ сѣвера къ югу, на разстояніи трехъ-четырехъ верстѣ вдали, чтобы видѣть, насколько удобно она была расположена въ стратегическомъ отношеніи: она сидѣла въ низкой котловинѣ, защищенная съ востока, юга и запада громаднѣйшей плавней, 26 тысячъ десятинъ, которая даже въ настоящее время покрыта непроходимымъ лѣсомъ, изрѣзана многими рѣчками и рѣчками и покрыта шестюдесятью семью большими озерами, кромѣ множества малыхъ. Что представляла изъ себя «Великая плавня» во время запорожцевъ, можно судить по тому, что въ ней даже въ настоящее время теряются и едва не погибаютъ лѣсные охотники, хорошо освоившіеся съ мѣстностью Пидпильной. Какъ-то одинъ забрался въ эту плавню и цѣлыхъ три дня бродилъ, отыскивая выхода изъ нея, чуть

¹⁾ Пидпильня впадаетъ въ р. Саядалку подъ с. Грушевской, херсонскаго у.

²⁾ Старая Сысина впадаетъ въ р. Базавлукъ, подъ дер. Кутомъ; есть еще и Новая Сысина, но она образовалась недавно.

³⁾ Течетъ на протяженіи 40 верстѣ, впадаетъ противъ с. Малыхъ-Гирлъ; наибольшая ширина до 3 саж.

⁴⁾ По берегамъ Скарбной растетъ громаднѣйшій лѣсъ, «одѣвающій рѣку».

не сдѣлавшись добычею голодной смерти. Уже подь конецъ третьяго дня онъ увидѣлъ какого-то крестьянина и вѣсто того, чтобы спросить, какъ ему выбратъся изъ плавень, бросился къ мужику, схватилъ его за руку и сталъ просить у него, чтобы тотъ далъ ему немедленно хоть кусокъ, хоть крошку хлѣба ¹⁾). Подь прикрытiемъ такихъ-то плавень, которыя тянулись на сотни верстъ вправо и влѣво отъ Сичи и на десятки верстъ прямо на югъ отъ нея, запорожцы могли быть совершенно безопасными отъ своихъ исконныхъ враговъ, татаръ и турокъ.

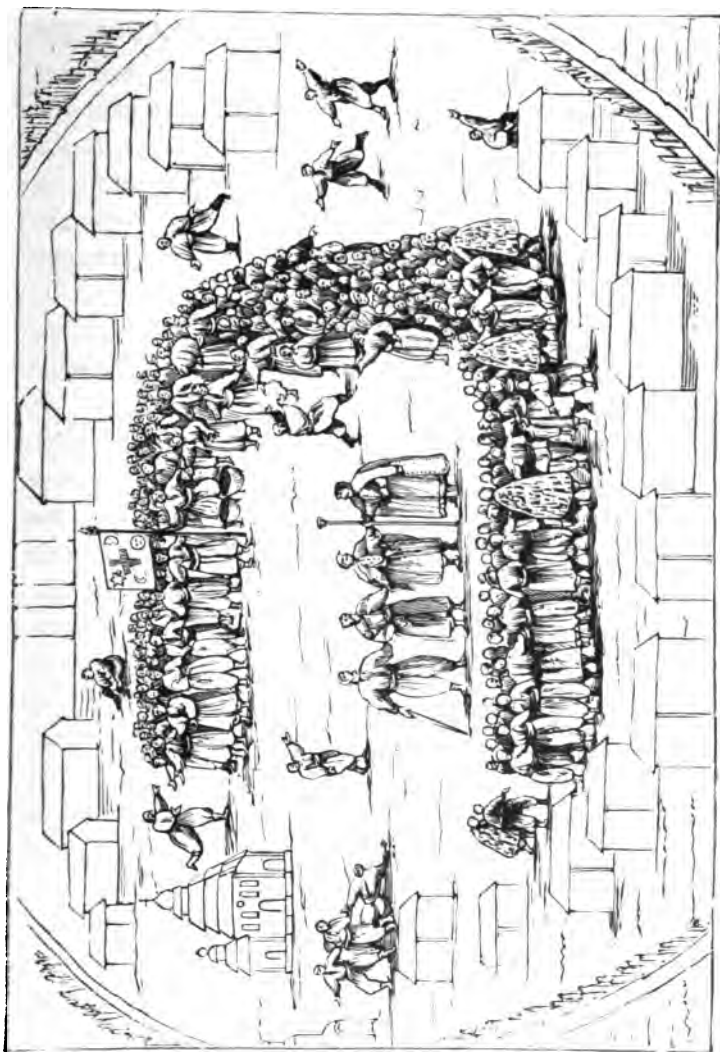
Самое устройство «Новой Сичи» представлялось въ такомъ видѣ. Собственно Сича лежала на правомъ берегу Пидпильной, углубившись въ луку или дугообразный извиль ея, и раздѣлялась на внутренній и вѣшній кошъ. Въ первомъ среди площади возвышалась одноглавая деревянная церковь, крытая тесомъ, основанная при кошевомъ атаманѣ Иванѣ Малашевичѣ, въ 1734 году, 3 апрѣля, и снабженная богатѣйшею церковною утварью; подлѣ церкви стояла небольшая, также деревянная, колокольня съ тесовой крышей въ два яруса. Подь конецъ своего историческаго существованiя запорожцы задумали было построить себѣ каменную церковь изъ мрамора и тесоваго камня, взятаго ими на развалинахъ старыхъ мечетей татарскихъ городковъ, но этому не суждено было исполниться. Близъ сичевой колокольни выдѣлялись: будинокъ для кошеваго атамана, скарбница или замокъ для войсковаго добра, домъ для войсковой канцелярiи, а вокругъ всей площади сичевой расположены были тридцать-восемь куреней, поставленныхъ кругомъ по окраинамъ внутренняго коша. Въ центрѣ куреней, тутъ же во внутреннемъ кошѣ, при церкви, отведена была широкая, гладко-выровненная площадь, на которой происходили войсковыя рады для выбора новыхъ старшинъ, дѣлежа земель, для объявленiя непрiателямъ размира и для заключенiя съ ними мира. Внутренній кошъ

---

¹⁾ Это былъ одинъ изъ фельдшеровъ села Покровскаго.

отдѣленъ былъ огъ внѣшняго особымъ валомъ, черезъ который, по направленію отъ юга къ сѣверу, шли во внѣшній кошъ широкія ворота. Во внѣшнемъ кошѣ, вдоль р. Пидпильной, тянулись такъ - называемыя слободы запорожскихъ козаковъ, а сѣвернѣе отъ нихъ, въ юго-восточномъ углу, стояли комендантскій домъ, офицерскія и инженерныя квартиры, солдатскія казармы, артиллерійскіе склады, пороховые погреба и солдатская гауптвахта, составлявшіе такъ-называемый Новосѣченскій ретраншементъ. Ретраншементъ устроенъ въ Сичи русскимъ правительствомъ съ видимою цѣлью помогать запорожцамъ въ ихъ войнѣ съ турками, а въ дѣйствительности со скрытою цѣлью держать ихъ въ своихъ рукахъ. Запорожцы прекрасно понимали цѣль построенія русскимъ правительствомъ новосѣченскаго ретраншемента, выражая это иносказательно пословицей: «засила намъ московська болячка въ пичинкахъ». Въ Новосѣченскомъ ретраншементѣ стоялъ всегда батальонъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ русскаго офицера. Впервые это было примѣнено въ 1735 году кіевскимъ генераль-губернаторомъ Леонтьевымъ. Съ внѣшней стороны Сича обведена была общимъ землянымъ валомъ, который, дѣлая разные углы и выступы, упирался обоими концами въ рѣку Пидпильну; по валу стоялъ высокій частоколь изъ толстыхъ бревенъ, заостренныхъ сверху и осмоленныхъ снизу. Къ западу отъ вала, вдоль рѣки Пидпильной, тянулись запорожскіе зимовники, а сѣвернѣе отъ нихъ чернѣли волчьи ямы, засады, окопы, ложементы, устроенные на случай набѣговъ непріятелей.

Въ такомъ-то видѣ представлялась Сича, устроенная запорожскими козаками на р. Пидпильной. Въ такомъ видѣ дошелъ до насъ и снимокъ съ нея, представленный въ извѣстномъ «Лѣтописномъ повѣствованіи о Малой Россіи» А. И. Ригельмана. (См. табл. XXXII). Ригельманъ жилъ два года въ Сичи, съ 1740 по 2 іюня 1743 года, и оставилъ для поколѣнія рисунокъ «Запорожской Сѣчи», въ которой происходитъ «избраніе кошевого атамана». Есть еще одинъ снимокъ «Церкви, рады и

Ч. II. Рис 32.

Видъ Новой Сичи по Ригельману.

курений запорожских», 1773 года, найденный в губернском архиве г. Екатеринослава полковником генеральнаго штаба Шмидтомъ и напечатанный имъ въ его сочиненіи «Матеріалы для географіи и статистики»¹⁾); но на этомъ снимкѣ нѣтъ ничего напоминающаго запорожскую Сичу. нѣтъ ни малѣйшаго намека ни сичевыхъ козаковъ. Передъ вами церковь великороссійскаго стиля, рубленая, съ зубчатой рѣзьбой, съ такъ называемыми кокошниками на самой церкви и на ея приделахъ; за церковью, также великороссійскаго стиля и характера, избы, рубленныя, длинныя, со множествомъ высокихъ деревянныхъ, съ покрывками въ видѣ голубятенъ, трубъ, съ четырёхугольными, въ одну линію, окнами; передъ церковью кругъ козаковъ, также великороссійскихъ, съ бородами, въ круглыхъ шляпахъ или безъ шляпъ, съ небритыми головами и безъ всякаго признака чупринъ, въ короткихъ кафтанахъ съ разрѣзами назади и съ капюшонами на спинѣ. Нигдѣ рѣшительно и ни въ чемъ нѣтъ намека на запорожскую Сичу и запорожцевъ. Даже знамя, стоящее у колоколни, не имѣетъ никакого сходства съ запорожскими знаменами; даже число старшины и самое расположеніе ея на радной площади не запорожское, не говоря уже о сабляхъ и не говоря уже о томъ, что вы видите передъ собой на рисункѣ типичнѣйшихъ великороссовъ, съ огромнѣйшей дубиной, съ длинными густыми бородами и съ большими космами на головѣ. Что же тутъ запорожскаго? Да это просто кругъ донскихъ козаковъ, а никакъ не запорожскихъ. Но грустно, что этотъ же рисунокъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, попалъ въ «Исторію новой Сѣчи» г. Скальковскаго, только что изданную третьимъ изданіемъ. Неужели почтенный авторъ «Исторіи» нашель въ этомъ рисункѣ что-нибудь запорожское? Очевидно, да, потому что иначе зачѣмъ же было бы ему перепечатывать снимокъ? А въ то же время, повидимому, и нѣтъ, иначе зачѣмъ

---

¹⁾ Спб., 1863 годъ, часть I и II.

же нужно было автору передѣлывать лица, обстановку и даже костюмы, представленные на рисункѣ, на запорожскій ладъ? Возьмите въ руки рисункъ, напечатанный самимъ Шмидтомъ, и рисункъ, напечатанный Скальковскимъ, и посравните ихъ. У Шмидта на первомъ планѣ снимка, съ правой стороны, стоятъ два довольно неуклюжихъ козака съ малахаями на головахъ, съ толстыми дубинами въ рукахъ, спинами къ зрителямъ; у Скальковского они нарисованы въ полуоборотъ, въ прекрасныхъ шляпахъ по послѣдней петербургской модѣ, въ изящныхъ костюмахъ, въ изящной позѣ, одинъ съ тоненькой тросточкой въ лѣвой рукѣ, а другой съ лѣвой ногой, заложеной за правую. Это два барина. Далѣе, у Шмидта на томъ же первомъ планѣ, но съ лѣвой стороны, представлены также два очень типичныхъ великороссіянина, одинъ съ лицомъ круглымъ, безъ усовъ и безъ бороды, въ русскомъ зипунѣ, другой съ громаднѣйшимъ макогономъ на правомъ плечѣ, съ космами на головѣ; у Скальковского оба сдѣланы типичнѣйшими запорожцами съ маленькими усиками, съ подстриженными по мало-россійски волосами и совсѣмъ безъ макогона на плечѣ. Затѣмъ у Шмидта, въ лѣвомъ углу рисунка, между четырьмя фигурами стоитъ одна выразительнѣйшая фигура великоросса съ цѣлымъ стогомъ волосъ на головѣ, съ длинной окладистой бородой, съ благодушнымъ выраженіемъ лица, обращеннымъ къ своему ближайшему товарищу; у Скальковского изъ этой же самой фигуры изображенъ тощій запорожець, съ усами безъ бороды, съ лицомъ, поднятымъ вверхъ и какъ бы прислушивающимся къ голосу всей рады. Наконецъ, у Шмидта представлено всѣхъ фигуръ 76, у Скальковского 141; у Шмидта онѣ стоятъ въ одну линію передъ церковью, у Скальковского цѣлымъ кругомъ; у Шмидта онѣ сдѣланы болѣе или менѣе отчетливо, такъ что вы видите здѣсь настоящихъ великороссовъ, у Скальковского онѣ изображены безличными пѣшками, конечно для того, чтобы скрыть настоящій обликъ ихъ и выдать непременно за запорожцевъ, чѣмъ они никогда не были. Но, скажемъ отъ

себя, одни мертвіи срама не имуть и вновь возвратимся къ нимъ.

Основанная на р. Пидпильнѣ Новая Сича существовала недолго: едва прошло сорокъ лѣтъ съ небольшимъ, какъ она уже и покончила свое историческое существованіе. Это было въ 1775 году, 4 іюня, при кошевомъ атаманѣ Петрѣ Ивановичѣ Калнишевскомъ, въ царствованіе императрицы Екатерины II. Что же за причина была уничтоженія запорожской Сичи?

Кто болѣе или менѣе знакомъ съ исторіей запорожскихъ козаковъ, того неминуемо долженъ былъ занимать вопросъ о причинѣ уничтоженія Запорожья. Въ самомъ дѣлѣ, Запорожье, въ свое время игравшее такую огромную роль и наполнявшее своимъ именемъ чуть-ли не всю Европу, было почему-то разорено и уничтожено московскимъ правительствомъ. Говорятъ обыкновенно, что Запорожье изжило свой вѣкъ, что оно сыграло свою роль, что оно оказалось лишнимъ и т. п. Но все это, на нашъ взглядъ, не больше, какъ пустяки, ничего незначающія и ничего необъясняющія фразы. Мы смотримъ на это дѣло нѣсколько иначе. Уничтоженіе Запорожья вытекало органически изъ самаго хода русской исторіи. Объяснимся. Еще Иванъ Даниловичъ Калита, прототипъ русскихъ князей-собирателей, намѣтилъ себѣ двѣ цѣли въ политикѣ: централизацію и единовластіе. Съ тѣхъ поръ эта идея сдѣлалась для преемниковъ его тѣмъ жизненнымъ нервомъ, изъ котораго они выходили въ началѣ царствованія, около котораго они ходили въ теченіе его и къ которому возвращались въ концѣ его. Великимъ московскимъ князьямъ, а потомъ и московскимъ царямъ на этомъ пути пришлось встрѣтить массу различныхъ препятствій: внутри — со стороны цѣлаго сословія удѣльныхъ князей, отдѣльныхъ, сильныхъ своимъ положеніемъ, личностей, со стороны сословія духовныхъ особъ, крымцевъ, ордынскихъ татаръ; во внѣ Россіи — со стороны литовцевъ, польскихъ королей, турокъ. При всей въ то время слабости нашего отечества, при всей раздробленности его частей, при всемъ давле-

ни со стороны сильныхъ сосѣдей, русское государство все-таки достигло намѣченного княземъ-собирателемъ пути—централизаціи и единовластія. Однако, почти параллельно съ ходомъ этого развитія русскаго государства, въ немъ развивалась неизвѣстная въ другихъ странахъ сила, козачество, сперва малороссійское, потомъ запорожское, донское, яицкое и др. Козачество въ теченіе трехъ вѣковъ играло въ Россіи громадную, чуть-ли не колоссальную роль, на которую, впрочемъ, наши историки еще довольно мало обращали и обращаютъ вниманіе. Начавшись въ концѣ XV вѣка, оно въ теченіе XVI-го уже совершенно сложилось въ опредѣленные формы и намѣтило себѣ совершенно опредѣленные задачи, но такія именно формы и задачи, которыя шли прямо въ разрѣзъ съ централизаціей и единеніемъ русскаго государства. Это были два крайнихъ полюса: южный и сѣверный, никогда не сходявшіеся и никогда не могшіе сойтись. Всего рѣзче эта разница выступила въ царствованіе императрицы Екатерины II. Въ самомъ дѣлѣ, императрица Екатерина II, какъ и всѣ ея предшественники, помимо новыхъ идей вѣка, стремилась къ той же исконной цѣли, намѣченной великимъ княземъ-собирателемъ: она шла въ этомъ случаѣ, такъ сказать, въ одну ногу съ самой исторіей—направлять свою дѣятельность отъ центра къ окружности и не давать возможности выдвигаться областной обособленности. И что же видитъ она? Видитъ то, что у нея тутъ-же подъ бокомъ существуетъ такого рода община, которая только по имени признаетъ свою зависимость отъ русскаго правительства, на самомъ же дѣлѣ и знать не желаетъ никакой опеки надъ собой: самовольно выбираетъ себѣ старшину, самовольно воюетъ со своими сосѣдями, самовольно казнить и милуетъ преступниковъ, самовольно принимаетъ къ себѣ искателей разныхъ приключеній и ко всему этому самовольно заводитъ у себя такіе порядки, которые служатъ началомъ уже настоящаго государства. Это—община запорожскихъ козаковъ. Прежде бы-вало запорожцы знали только войну, а теперь они помимо

войны занимаются земледѣліемъ, заводятъ школы, даютъ опредѣленія для всего войска, и все это на прагахъ полного равенства между всѣми членами. И въ то время, когда въ центральной Россіи при Екатеринѣ II крѣпостничество достигло своего максимальнаго развитія, въ то время, когда въ центральной Россіи помимо власти императора не было другой власти, въ это самое время въ южной Россіи, въ Запорожьѣ, господствуетъ совершенное равенство и полное народоправленіе. Такимъ образомъ выходило, что въ русскомъ монархическомъ государствѣ существовало другое государство чисто демократическаго характера. Отъ этого въ одной и той же Россіи и въ одно и то же время происходили такія явленія. Недовольны, положимъ, крестьянинъ какимъ-нибудь распоряженіемъ своего правительства или ближайшаго своего начальства. Ну, что-же? Можно обойти такое распоряженіе. Стоитъ только добѣжать до Запорожья; тамъ дадутъ и земли, и луговъ, и скота, и плуговъ. Садись, ори, живи, и, если ты способенъ, начальствуй въ паланкѣ, куренѣ, а не то и въ Сичи. Но могло-ли это гармонировать съ тою задачею русскаго государства, къ которой оно стремилось вѣками? Само собою нѣтъ, и въ этомъ-то состоитъ главная и существенная причина уничтоженія Запорожья. Конечно, къ этому слѣдуетъ прибавить еще и тѣ мелкіе проступки, какъ нападенія на татаръ, донцевъ, какъ грабежи и разоренія, которыми нерѣдко проявляли себя запорожцы. Но это было только поводомъ къ уничтоженію Запорожья, а не причиною, такъ какъ въ тѣ времена никѣмъ и никогда грабежи и разоренія серьезно не считались проступками, а скорѣе удалъствомъ и молодечествомъ. Сущность вовсе не въ томъ.

Рѣшивъ покончить съ Сѣчью, Екатерина II однако сдѣлала это не сразу. Первый шагъ къ уничтоженію Запорожья былъ намѣченъ ею уже въ 1764 году, когда она принудила графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго сложить съ себя званіе гетмана Малороссіи. Съ тѣхъ поръ украинскій сепаратизмъ пересталъ пугать императрицу; но для того, чтобы уничтожить

и тѣнь страха, нужно было еще разрушить гнѣздо запорожскихъ козаковъ, Сичу. И вотъ въ 1775 году, 4 іюня, отдано было приказаніе русскимъ войскамъ занять главныя мѣста Запорожья. Въ «Манифестѣ о разрушенномъ войскѣ запорожскомъ», изданномъ отъ имени императрицы, насчитывается шесть причинъ, за которыя московское правительство находитъ нужнымъ разъ навсегда покончить съ запорожцами. «Во-первыхъ, начали они, лѣтъ за десять тому назадъ, да и въ самое новѣйшее время, гораздо далеко простирать свою дерзость, присвояя и требуя, наконецъ, себѣ, какъ будто достояніе ихъ собственности, не только всѣхъ тѣхъ земель, которыя нами черезъ послѣднюю войну отъ Порты Оттоманской приобрѣтены, но даже и занятыхъ селеніями новороссійской губерніи, предъявляя, будто имъ и тѣ и другія издревле принадлежали... Во-вторыхъ, въ слѣдствіе такого себѣ присвоенія новороссійской губерніи земель, дерзнули они не токмо прешаствовать указанному отъ насъ обмежеванію оныхъ, воспрещая посланнымъ для онаго офицерамъ явную смертію, но заводять и строить на нихъ самовластно собственные свои зимовники, а сверхъ того уводить еще изъ тамошнихъ жителей и изъ поселенныхъ полковъ, гусарскаго и пикинернаго, мужеска и женска пола людей... Въ-третьихъ, пограбили и разорили они, запорожцы, у однихъ обывателей новороссійской губерніи въ двадцать лѣтъ, а именно съ 1775 года, цѣною на нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Въ-четвертыхъ, не устрашили еще самовластно захватить зимовниками своими приобрѣтенныя мирнымъ трактатомъ новыя земли между рѣками Днѣпромъ и Бугомъ, присвоить и подчинить себѣ новопоселяемыхъ тамъ жителей Молдавскаго гусарскаго полку... Въ-пятыхъ, какъ-же они принимали къ себѣ, не смотря на частыя имъ отъ правительствъ нашихъ запрещенія, не однихъ уже прямо въ козаки вступающихъ бѣглецовъ, но и людей женатыхъ и семейныхъ, черезъ разныя обольщенія уговорили къ побѣгу изъ Малороссіи для того только, чтобы себѣ подчинить и завести у себя собствен-

ное хлѣбопашество, въ чемъ довольно уже и предуслѣли... Въ-шестыхъ, наконецъ, тѣ-же запорожцы стали распространять своевольныя присвоенія и до земель, издревле принадлежащихъ нашему войску донскому..., дѣлая и симъ донскимъ козакамъ запрещеніе пользоваться оными землями, которыя уже долго-временно въ ихъ обладаніи состоятъ. Всякій, здраво разсуждающій, можетъ тутъ легко проникнуть какъ лукавое намѣреніе запорожскихъ козаковъ, такъ и существенный отъ онаго гоеударству вредъ. Заводя собственное хлѣбопашество, разторгали они тѣмъ самое основаніе зависимости ихъ отъ престола нашего и помышляли, конечно, составить изъ себя, посреди отечества, область совершенно независимую, подъ собственнымъ своимъ неистовымъ управленіемъ, въ надеждѣ, что склонность къ развратной жизни и къ грабежу будетъ, при внутреннемъ изобиліи, безпрестанно обновлять и умножать ихъ число... И тако, по необходимому уваженію на все вышеизраженное, сочли мы себя нынѣ обязанными предъ Богомъ, предъ имперіей нашей и предъ самимъ вообще челоѣчествомъ, разрушить Сѣчу запорожскую и имя козаковъ, отъ оной заимствованное. Вслѣдствіе того, 4 іюня, нашимъ генераль-поручикомъ Текелемъ, со вѣрными отъ насъ ему войсками, занята Сѣчь запорожская въ совершенномъ порядкѣ и тишинѣ. Возвѣщая нашимъ вѣрнымъ и любезнымъ подданнымъ всѣ сіи обстоятельства, можемъ мы въ тоже время имъ объявить, что нѣтъ теперь болѣе Сѣчи запорожской въ политическомъ ея уродствѣ, слѣдовательно же и козаковъ сего имени. Мѣсто жилища и угоды тамошнія оставляемъ мы для постоянныхъ и отечеству на равнѣ съ другими полезныхъ жителей» ¹⁾.

Перечисленные шесть причинъ можно свести только къ двумъ—присвоенію и захвату чужой собственности и стремленію создать независимое управленіе. Важнѣйшая изъ этихъ

---

¹⁾ Ригельманъ. Лѣтопис. повѣств. о Мал. Рос., Москва, 1847 г., ч. IV, стр. 32—34.

причинъ—вторая; первая-же относится къ такимъ причинамъ, безъ которыхъ въ сущности ни запорожское, ни другое какое-либо войско, жившее съ ничтожнымъ жалованьемъ, не существовало и не могло существовать. Оттого правительство до Екатерины II никогда или почти никогда не обращало особеннаго вниманія на «разбой и грабежи» запорожскихъ козаковъ. «Татарина не убить, ляха не пограбить, такъ и не жить» — говорили запорожцы сами себѣ и своимъ сосѣдямъ. Самое слово «воевать» еще въ недавнемъ прошломъ значило жечь, палить и уничтожать. Екатерина II понимала это больше, чѣмъ кто другой, и если она указывала на грабежи запорожцевъ, какъ на причину уничтоженія Сичи, то это только потому, что такіа дѣйствія всего нагляднѣе толпѣ, всегда мало понимающей истинныя стремленія своего правительства.

Итакъ, Запорожье должно было окончить свою политическую жизнь. Генераль Текели исполнилъ возложенное на него порученіе уничтоженія Сичи изумительно быстро. Прибывъ къ корпусу русскихъ войскъ, стоявшему тогда у крѣпости св. Елисаветы, генераль Текели, отѣхалъ обратно въ Кременчугъ къ князю Прозоровскому, командиру корпуса, и принялъ отъ него начальство надъ войсками. Быстро раздѣливъ войска на отряды. Текели съ главною частью корпуса двинулся прямо на Сичу. Чтобы предупредить слухи о своемъ движеніи, Текели «положилъ скорѣйшій маршъ, и на 4-е число къ Сѣчи прибылъ предъ свѣтомъ». Оставивъ главную силу войскъ въ лагерь, недалеко отъ Сичи, Текели съ полковникомъ Яковлевымъ, орловскаго пѣхотнаго полка, и барономъ Розеномъ, полковникомъ небольшой части конницы, двинулся прямо на слободы и укрѣпленія запорожцевъ, «никѣмъ за ихъ сномъ необозримъ, такъ что и часовые при ихъ артиллеріи въ томъ упражненіи были». Оставался незанятымъ только кошъ, при которомъ стояли «не спящие караулы». Чтобы покончить дѣло безъ кровопролитія, Текели послалъ отъ себя въ кошъ подполковника Мисюрева съ предложеніемъ сдаться. Мисюрева сперва не приняли въ кошъ, но

потомъ, когда узнали, что вся Сича, и вся артиллерія, и всё суда, стоявшія на р. Пидпильной, въ виду Сичи, были уже заняты московскими войсками, рѣшили впустить Мисюрева въ кошъ; послѣ этого самъ кошевой и вся старшина его выѣхали на встрѣчу Текели, оставивъ въ кошѣ трехъ-тысячное козацкое войско; тогда московскія войска заняли кошъ, пороховые погреба, канцелярію, и всё войсковыя принадлежности оцѣнили караулами, а самого кошеваго и всю его старшину арестовали. Такъ доносилъ объ этомъ горестномъ для запорожцевъ событіи самъ генераль Петръ Абрамовичъ Текели, 1775 года, 6 июня, изъ лагеря при Сичи ¹⁾. Къ этому очевидецъ событія, Коржъ, добавляетъ, что послѣ разрушенія запорожской Сичи донцы, калмыки и москали топорами вырубали царскія ворота въ сичевой покровской церкви, вылитыя изъ чистаго серебра, и погрывали шаты и привѣски съ иконъ ²⁾.

Какая же участь выпала на долю печальныхъ свидѣтелей этой драмы, кошеваго атамана Петра Ивановича Калнишевскаго и его ближайшихъ сподвижниковъ, судьи Павла Головатаго и писаря Ивана Глобы, а вмѣстѣ съ ними и всего войска запорожскаго? Что касается массы запорожскаго войска, то одна часть ея осталась въ предѣлахъ Россіи и составила изъ себя такъ-называемое кубанское козацье войско; другая часть ушла подъ власть турокъ и прожила тамъ до 1828 года, послѣдовательно перемѣнивъ пять Сичей: Устьдунайскую, Банатскую (въ Австріи), Старосейменскую, Котирлезскую и Дунавецкую ³⁾. Что-же касается главныхъ начальниковъ запорожскаго войска, то судьба ихъ была болѣе, чѣмъ печальна: всё они были отправлены въ ссылку въ отдаленныя мѣста, гдѣ прожили до самой своей смерти, безъ близкихъ и друзей. Иванъ Яковлевичъ Глоба былъ сосланъ въ Сибирь, въ городъ Туруханскъ,

¹⁾ Записки одес. общ. ист. и древн., т. III, стр. 587.

²⁾ Извѣстные преданія Коржа, издан. Стороженка, стр. 152.

³⁾ См. объ этомъ Кондратовича «Задунайская Сѣчь», Кіевск. Старица 1883 г., I—IV.

гдѣ скончался въ мѣстномъ монастырѣ около 1790 года Павелъ Фроловичъ Головатый былъ отправленъ въ ту-же Сибирь. въ городъ Тобольскъ, гдѣ прожилъ въ Знаменскомъ монастырѣ 20 лѣтъ и скончался на 80 году отъ рожденія. При жизни надъ нимъ учрежденъ былъ двойной надзоръ: военный и монастырскій. «Въ инструкціи, данной архимандриту Ильѣ, сказано между прочимъ, что Головатому запрещается не только посѣщать и принимать постороннихъ людей. но и ходить въ церковь. Въ послѣдствіи времени, по его желанію, разрѣшено было ему посѣщать церковь въ сопровожденіи часоваго солдата. неотлучно при немъ находившагося, но съ тѣмъ, чтобы Головатый стоялъ въ церкви на особомъ отъ народа мѣстѣ, не оглядываясь назадъ и по сторонамъ и при входѣ ни съ кѣмъ не разговаривалъ. На содержаніе его назначено было изъ казны въ годъ по сто рублей ассигнаціями, которые выдавались ему помѣсячно, въ полученіи-же ихъ, по его безграмотству, расписывались другіе» ¹⁾.

Но тяжелѣе всѣхъ пришлось главному начальнику запорожской Сичи, Петру Ивановичу Калнишевскому. Онъ также отправленъ былъ въ ссылку, но куда именно—до послѣдняго времени не знали. Исторіку «Новой Сѣчи», А. А. Скальковскому, мѣсто ссылки Калнишевскаго совѣмъ не было извѣстно, и онъ гадательно высказалъ предположеніе, что, послѣ разоренія Сичи. послѣдній кошевой ея отправленъ былъ куда-то на Донъ.

«Ой полети ты, черная галко,
та на Динь рыбы исти;
Та принеси, та принеси, ты черная галко,
отъ Калныша намъ висти!
Та вже жъ мени не литити
на Динь рыбы исти,
Та вже жъ мени не носити
одъ Калныша вамъ висти!» ²⁾.

¹⁾ Киевская Старина, 1887 года, июль, стр. 586.

²⁾ Изъ пѣсенъ собственнаго собранія; записано въ александровскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи, въ д. Богодарѣ.

Но въ семидесятихъ годахъ текущаго столѣтїя П. С. Ефименку удалось напасть на слѣдъ Калнишевскаго въ Соловецкомъ монастырѣ, о чемъ онъ и сообщилъ своевременно въ «Русской Старинѣ» ¹⁾. Съ тѣхъ поръ стало извѣстнымъ, что послѣдній кошевой атаманъ, послѣ паденїя Сичи, съ береговъ полуденнаго Днѣпра отправленъ былъ въ краесвѣтную обитель на Соловецкомъ островѣ, гдѣ прожилъ цѣлыхъ 27 лѣтъ, до самаго конца жизни. Весной 1887 года намъ удалось посѣтить Соловецкій монастырь и на мѣстѣ собрать свѣдѣнїя о Петрѣ Ивановичѣ Калнишевскомъ. По указу императрицы Екатерины II, писанному 1776 года, іюня 10 дня, за № 1419, Калнишевскій отправленъ былъ въ ссылку на постоянное жительство въ Соловецкій монастырь. Его сопровождалъ секундъ-майоръ Александръ Пузыревскій, перваго московскаго пѣхотнаго полка, съ однимъ унтеръ-офицеромъ и пятью рядовыми. Путь шелъ черезъ Москву въ Архангельскъ. Арестанта везли подъ строгимъ инкогнито и крѣпкимъ карауломъ, не называя нигдѣ ни его имени, ни фамиліи. Кorteжъ состоялъ изъ девяти подводъ: на трехъ подводахъ помѣщался конвой съ арестантомъ, на четырехъ имущество отправляемаго въ ссылку. Конвой съ арестантомъ прибылъ 11 іюля въ г. Архангельскъ; здѣсь губернаторъ Головцынъ, замѣнивъ бывшую команду новой, изъ четырехъ человѣкъ, отправилъ Пузыревскаго вмѣстѣ съ арестантомъ черезъ Бѣлое море въ Соловецкій монастырь, на суднѣ, нанятомъ у купца Воронихина. Судно, два раза садившееся на мель, было повреждено и простояло нѣсколько времени въ устьѣ р. Сѣверной Двины. Уже 29 іюля Калнишевскій прибылъ въ Соловецкій монастырь и представленъ былъ архимандриту его, Досифею. По рассказамъ богомольцевъ, крестьянъ села Ворзогоръ, архангельской губерніи, посѣщавшихъ Соловецкую обитель и нѣсколько разъ слышавшихъ тамъ о кошевомъ, когда его только-что привезли въ Соловки, то онъ казался человѣкомъ средняго роста, чрезвычайно здоровымъ и

---

1) Русская Старина, 1878 годъ, ноябрь, книга XIV.

широкоплечимъ. одѣтъ былъ въ красный кафтанъ. говорилъ «не такъ чисто по-русски», но потомъ сдѣлался худъ и старъ, носилъ сѣдые осѣкшіеся волосы, короткую сѣдую бороду, одѣвался въ китайчатый синій сюртукъ съ маленькими оловянными пуговицами въ два ряда.

Въ монастырѣ, такъ-же какъ и въ пути, съ Калнишевскимъ обращались строго. Въ архивѣ монастыря хранятся нѣсколько вѣдомостей о содержащихся колодникахъ, гдѣ противъ каждаго изъ нихъ выставлено, какъ слѣдуетъ обращаться съ арестантомъ. Въ вѣдомости 1780 года, подъ № 14, противъ фамиліи Калнишевскаго записано: «1776 года, іюля 29 дня по указу святѣйшаго правительствующаго синода воисполненіе высочайшей Ея Императорскаго величества на всеподданнѣйшемъ генералъ аншефа военной коллегіи вице президента астраханской (.) азовской і новороссійской губерніи генерала губернатора и кавалера григорья александровича потемкина докладѣ корфирмаціи велѣно бывшаго съчи запорожской кошеваго петра колнишевскаго содержать безвыпуску изъ монастыря і удалять не только отъ переписокъ, но и отъ всякаго съ посторонними людьми обращенія за неослабнымъ карауломъ обрѣтающихся въ соловецкомъ монастырѣ солдатъ»¹⁾. Эта прописка, съ нѣкоторыми измѣненіями, повторяется во всѣхъ вѣдомостяхъ о содержащихся колодникахъ изъ года въ годъ.

По преданію, помѣщеніе для Калнишевскаго сперва отведено было въ камерѣ Головленковой Архангельской башни, а потомъ въ камерѣ башни Прядиленной. Всѣхъ башенъ въ монастырѣ восемь: Корожняя или Флащевая²⁾, Успенская или Оружейная, Прядиленная, Никольская, Квасоваренная, Кухонная, Архангельская и Бѣлая. Изъ нихъ въ пяти башняхъ устроены отдѣльныя камеры для помѣщенія преступниковъ: въ Корожней—одно въ нижнемъ этажѣ, въ Прядиленной—

¹⁾ Полугодовая черновая вѣдомость о монашествующихъ и о содержащихся арестантахъ, № 121.

²⁾ На ней выставляютъ флагъ.

одно въ среднемъ этажѣ, въ Никольской—два, въ амбразурѣ нижняго этажа, въ Архангельской—одно, во-второмъ и третьемъ этажахъ. Всѣ камеры башенъ похожи одна на другую и различаться лишь однимъ размѣромъ. Вотъ устройство камеръ въ двухъ башняхъ, гдѣ сидѣлъ Калнишевскій. Каждая изъ нихъ сдѣлана въ стѣнѣ средняго этажа башни, имѣющей девять аршинъ толщины, съ внутренней стороны. Если пробраться во дворъ монастыря и потомъ войти черезъ широкія ворота въ средній этажъ башни, то тотъ же часъ налѣво можно увидѣть небольшое отверстіе; это и есть камера. Если-же переступить порогъ камеры, то можно увидѣть и самое устройство ея. Она имѣетъ видъ большой печи, сдѣлана аркой, длиною въ четыре съ половиной аршина, шириною въ два съ половиной, высотой въ два съ небольшимъ, безъ топки и безъ оконъ, если не считать окномъ небольшой, сдѣланной въ стѣнѣ, щели, имѣющей высоты 5 вершковъ, ширины 2 вершка ¹⁾. Камера запиралась двумя дверьми: внутренней желѣзной и наружной деревянной, обитой войлокомъ, замыкавшихся огромнымъ двухъ-пудовымъ замкомъ. Если взять во вниманіе то, что стѣна башни, въ которой сдѣлана камера, выходитъ во дворъ, обнесенный кругомъ высокими стѣнами, если взять во вниманіе то, что противъ башни во дворѣ стоитъ старинное зданіе, почти совершенно заслоняющее собой всю стѣну ея, если принять во вниманіе то, что къ самой стѣнѣ башни придѣланъ широкій корридоръ съ очень наклонной деревянной крышей, отъ которой падаетъ мрачная тѣнь на всю нижнюю половину стѣны и если, наконецъ, принять въ расчетъ и то, что стѣна, въ которой устроена щель, имѣетъ толщины аршинъ и три четверти, то можно положительно сказать, что въ камеру за 400 лѣтъ ея существованія никогда не попадалъ ни одинъ лучъ солнца. Не забудемъ еще и того, что на всемъ Соловецкомъ островѣ бы-

---

¹⁾ Это—камера въ Придленной башнѣ; камера въ Архангельской башнѣ имѣетъ 5 арш. въ квадратъ, окно 7 вершк. въ квадратъ.

вають не только цѣлые дни, но и цѣлые мѣсяцы, когда люди солнца праведнаго «и въ глаза не видятъ».

Въ этой тюрьмѣ Калнишевскій сидѣлъ около 12 лѣтъ. надзоръ за нимъ до того былъ строгъ, что его не выводили изъ тюрьмы для физическихъ потребностей, отчего долго послѣ него оставался слой нечистотъ, около аршина толщиною. Но около 1788 года Петръ Ивановичъ Калнишевскій былъ переведенъ изъ камеры въ келью, сперва 15-ю, потомъ 14-ю; всѣхъ келій было въ то время 29, и надолго арестанта кошеваго пришлось далеко не послѣднее помѣщеніе. Можетъ быть, переводъ его изъ камеры въ келью состоялся вслѣдствіе того, что онъ жилъ смирно, не причиняя никому безпокойствъ и не имѣя никакихъ мыслей о побѣгѣ. Живя въ камерѣ, а потомъ въ кельѣ, Калнишевскій получалъ содержаніе по 1 рублю въ день, или 365—366 рублей въ годъ. Если взять во вниманіе то, что при существованіи запорожской Сичи кошевой атаманъ получалъ жалованья всего лишь 70 рублей въ годъ, а вся сичевая старшина, кромѣ куренныхъ атамановъ, получала 165 р., и если принять въ соображеніе то, что одинъ рубль прошлаго столѣтія стоилъ чуть ли не больше десяти настоящаго, то положеніе Калнишевскаго покажется болѣе, чѣмъ обеспеченнымъ. Но это объясняется тѣмъ, что деньги, опредѣленные на содержаніе Калнишевскаго, выдавались изъ собственнаго его имѣнія, поступившаго въ секвестръ. Лишенный званія, но не лишенный состоянія, Калнишевскій могъ дѣлать и такіе расходы, какъ расходъ на сооруженіе великолѣпнаго запрестольнаго креста, пожертвованнаго имъ въ соборный храмъ монастыря въ 1794 г. Крестъ въ вышину больше аршина, серебряный, позлащенный съ надписью: «Сей крестъ сдѣланъ вкладомъ Петромъ Ивановымъ Кошевымъ 1794 года. Всѣхъ тринадцать фунтовъ (.) (48) сорокъ восемь золотниковъ». Лишенный свободы, Калнишевскій, однако, могъ выходить изъ тюрьмы для говѣнья, въ великій и успевскій постъ. Изъ вѣдомостей о колодникахъ, бывшихъ въ неповѣди, видно, что съ 1777 г. и по 1792 г.

Калнишевскій говѣлъ если не по два раза въ годъ, то непременно одинъ разъ.

При всемъ этомъ положеніе узника не измѣнилось до 1801г., за нимъ по-прежнему наблюдали очень строго; караульные солдаты, слѣдившіе за нимъ, были исключительно великороссы. «Пришли мы въ трапезу,—разсказываетъ очевидецъ крестьянинъ Лукинъ,—передъ обѣдомъ, дожидали монаховъ съ порціей. Приходить человѣкъ незнаемый, за карауломъ три солдата съ ружьями, и спрашиваетъ насъ любопытно: «кто царемъ теперь? какъ цари живутъ нынче и какія благополучія на Руси тепереча»? Мы отвѣчали, что царемъ Александра Павловичъ; живутъ по прежнему все, слава Богу, благополучно и хорошо. Онъ бы и больше разспрашивалъ, да солдаты не позволили. «Отъ этого человѣка, говорили они, отойдите прочь, съ этимъ человѣкомъ не приходится говорить вамъ». И монахи тоже запрещали. «Архимандритъ увидить, сказывали они, такъ нехорошо вамъ за это будетъ». Архимандритъ пришелъ, и онъ подошелъ къ благословенію. «Древенъ ты еси, землю пахнеши», сказалъ архимандритъ тому человѣку. И точно, онъ очень древенъ былъ: тутъ онъ и жизнь кончилъ. Опосля монахи сказывали, что это какой-то кошевой атаманъ»¹⁾.

Въ такомъ положеніи находился Калнишевскій до 1801 года, когда на російскій престолъ взошелъ императоръ Александръ I. Тогда манифестъ императора повелѣвалъ: «всѣхъ находящихся теперь и до сего самаго дня подъ слѣдствіемъ и судомъ по разнымъ мѣстамъ чиновниковъ и всякаго званія людей, по дѣламъ, не заключающимъ въ себѣ важныхъ преступленій, какъ-то: смертоубійства, разбоя и лихоимства, учинить отъ суда и слѣдствія свободными»²⁾. Въ числѣ прощенныхъ въ одномъ изъ списковъ, подъ № 28, показанъ и «Петръ Ивановичъ Кал-

¹⁾ Русская Старина, 1875 годъ, т. XIV, стр. 412.

²⁾ Копія съ указа хранится въ монастырскомъ архивѣ.

нишевскій, подольскій шляхтичъ, бывшій запорожскій кошевой атаманъ, въ Соловецкомъ монастырѣ» ¹⁾.

Калнишевскій принялъ вѣсть о своемъ освобожденіи съ величайшею радостью и въ память этого соорудилъ превосходнѣйшее евангеліе, въ серебряной позлащенной оправѣ, вѣсомъ два пуда, двадцать фунтовъ, сдѣлавъ на немъ такую надпись: «Во славу божію устроися святое евангеліе во обитель святаго преображеніе (іа) і преподобныхъ отецъ зосимы и савватія соловецкихъ чудотворцевъ что на море окіяне (ѣ) приархимандрите ионѣ и радениемъ и коштомъ бывшаго запорожской сѣчи кошеваго петра івановича Калнишевскаго 1801 года а всего весу 34 оу 25 зо ²⁾ всеі сѹмы 2435». Къ этой подписи на застѣжкахъ евангелія прибавлено. «Стараніемъ і трудами: соловецкаго моностира; наместникомъ: іеремонахомъ: вениаминомъ: святое евангеліе: здѣлана: московской третей гильдіе купецъ: серебряныхъ: дель мастеръ: владиміръ: андреевичъ».

Въ настоящее время циркулируетъ между монахами монастыря по поводу освобожденія Калнишевскаго такой слухъ. Императоръ Александръ I, во время посѣщенія Соловецкаго монастыря, увидѣвъ тюрьму, въ которой содержался Калнишевскій, пришелъ отъ нея въ ужасъ и потомъ, желая облагодѣтельствовать невиннаго страдальца, спросилъ его, какой ему надо награды за всѣ понесенныя имъ страданія: «Ничего мнѣ, государь, не надо, кромѣ одного: вели построить острогъ для подобныхъ мнѣ страдальцевъ, чтобы они не томились въ такихъ же заключеніяхъ, въ какомъ томился я». И государь приказалъ построить острогъ. Но этотъ слухъ, какъ слухъ, не оправдывается уже тѣмъ, что острогъ построенъ за три года до вступленія Александра I на престолъ (въ 1798 году), какъ это видно изъ соловецкаго лѣтописца ³⁾. Ходитъ также слухъ, что, когда Калнишевскаго освободили изъ тюрьмы, то онъ оказался уже

¹⁾ Полное собраніе законовъ, т. XXVI, № 19, 784.

²⁾ Безъ бумаги, дерева и бархата.

³⁾ Лѣтописецъ соловецкій. Москва, 1883 годъ.

слѣпымъ. Это возможно, но вопросъ отчего: отъ темнаго ли помѣщенія или отъ старости? Нужно сказать, что по освобожденіи изъ тюрьмы Калнишевскій былъ уже въ довольно преклонномъ возрастѣ, около ста лѣтъ отъ роду. Такъ или иначе, получивъ свободу, Калнишевскій уже не пожелалъ оставить Соловецкой обители, сдѣлался простымъ послушникомъ и, проживъ два года на свободѣ, скончался. Умершаго похоронили на самомъ лучшемъ мѣстѣ монастыря, во дворѣ, близъ алтаря соборнаго храма св. Преображенія, съ южной стороны, съ одной стороны близъ могилы архимандрита Феодорита, съ другой, близъ могилы знаменитаго дѣятеля въ смутную эпоху, Авраамія Палицына. Спустя 53 года послѣ смерти Петра Ивановича Калнишевскаго, надъ его прахомъ сооружена была плита архимандритомъ Александромъ Павловичемъ, впоследствии полтавскимъ епископомъ, со слѣдующею надписью: «Господь нашъ Иисусъ Христосъ положилъ душу свою на крестѣ за всѣхъ насъ не хотеть смерти грѣшника. Здѣсь погребено тѣло въ Бозѣ почившаго Кошевого бывшей нѣкогда запорожской грозной сѣчи козаковъ, Атамана Петра Калнишевскаго, сосланнаго въ сію обитель по высочайшему повелѣнію въ 1776 году на смиреніе. Онъ въ 1801 году по Высочайшему повеленію снова былъ освобожденъ, но уже самъ не пожелалъ оставить обитель въ коей обрѣлъ душевное спокойствіе смиреннаго христіанина, искренно познавшаго свои вины. Скончался 1803 года октября 31 дня въ Суб. 112 лѣтъ отъ роду, смертію благочестивую доброю. Блажени мертви умирающіи о Господи: Аминь. 1856 А. А...» (См. табл. XXXIII). Но точно ли Петръ Ивановичъ Калнишевскій умеръ 112 лѣтъ отъ роду? Намъ кажется, приводимое показаніе нѣсколько сомнительнымъ въ виду того, что въ самыхъ исповѣдныхъ росписяхъ противъ имени Калнишевскаго число лѣтъ его нигдѣ не показано, тогда какъ число лѣтъ другихъ арестантовъ вездѣ точно опредѣлено. Очевидно отсюда, что и самъ кошевой не зналъ числа своихъ лѣтъ. Въ противномъ случаѣ монахъ, ведшій исповѣдныя росписи и обязанный

заносить лѣта всѣхъ арестантовъ. зналъ бы и число лѣтъ Калнишевскаго. Что же касается намогильной эпитафіи, то она сочинена пятьдесятъ три года послѣ смерти Калнишевскаго, и числовая дата въ ней показана, нужно думать, по преданію. И въ самомъ дѣлѣ, трудно допустить, чтобы 85 лѣтній старецъ управлялъ вольною ватагою запорожскихъ козаковъ. Но такъ или иначе, а событіе совершилось: началось на Днѣпрѣ, кончилось на Бѣломъ морѣ.

Свята брама одчинылась,
Козака впустили;
И зновъ брама зачинылась,
На вихъ зачинылась
Козакови...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Та ще не свить, та ще ни свить, та ще не свитае,
А вже жь москаль Запорожье та кругомъ облягае.
Ой облягае Запорожье, ставъ степь межувати,
Ой ставъ города, паньски слободы поричкаѣхъ сажати...
Наступала чорна хиара, настала ще й сива:
Була Польща, була Польща тай стала Россія.

Народная пѣсня.

Было ровно два часа дня, когда я, послѣ долгихъ переѣздовъ отъ города къ городу, отъ села къ селу, приблизился наконецъ къ мѣстечку Покровскому, гдѣ нѣкогда была такъ называемая Новая, по времени послѣдняя, Сича на р. Пидпильной. Солнце пекло страшно. Я подъѣзжалъ къ Покровскому съ сѣверной стороны, и потому оно представилось мнѣ во всемъ видѣ, какъ на ладони. Покровское расположено по правому берегу р. Пидпильной¹⁾; съ юга оно окаймлено лѣсомъ, идущимъ на безконечное пространство въ длину и верстъ на двадцать-пять въ ширину; съ запада частью охватывается рѣкой Пидпильной, частью переходитъ въ открытую степень, съ востока граничить съ экономическимъ полемъ, а съ сѣвера замыкается широкимъ и довольно возвышеннымъ выгономъ, имѣющимъ видъ склона или подошвы небольшой горы, постепенно спускающейся къ правому берегу рѣки Пидпильной. Самое село

---

¹⁾ Слово «Пидпильня» производять отъ слова «пидпилевать», потому что она своимъ теченіемъ подпильиваетъ собственный правый берегъ.

сидитъ на низкомъ спускѣ выгона. Въ исторіи Новой Сичи мѣсто выгона достопримѣчательно тѣмъ, что на немъ въ 1775 году рѣшена была участь политическаго бытія Запорожья. Генералъ Текели, получившій высочайшее повелѣніе атаковать запорожскую Сичу, исполнилъ приказаніе въ точности: онъ внезапно явился у Сичи, выстроилъ главную часть своихъ полковъ на теперешнемъ выгонѣ села. Это мѣсто, дѣйствительно, весьма удобно для стратегическихъ дѣйствій.

Окинувши взоромъ все это пространство и вдоволь налюбовавшись прекраснымъ видомъ, открывающимся отсюда на всѣ четыре стороны, я спустился ниже, къ самому селу, представшему передо мной во всей его прелести, съ каменною заново побѣленной пятиглавою церковью и обширными зеленѣющими садами. Уже возлѣ первой хаты села я увидѣлъ большой песчаниковый крестъ и выкопанную около него яму.

— Что это такое?

— Да это запорожское кладбище!

Я остановился и приблизился къ кресту. Съ восточной стороны на крестѣ сдѣлано было обыкновенное изображение, распятіе Христа, а съ западной выбиты слѣдующія слова: «Зде опочиваетъ рабъ божій Іоанъ каписъ куреня сергиевскаго атаманъ и преставися 1779 года мѣсяца декабря дня». (См. табл. XXXIV). Яма, вырытая у креста, была дѣломъ рукъ искателей кладовъ. «У насъ на этотъ счетъ, — рассказывалъ крестьянинъ Кондратъ Голубъ, — это дѣло обыкновенное. Вотъ стоитъ крестъ; подъ нимъ насыпь; стоитъ онъ иногда много лѣтъ и никто его не трогаетъ, но вдругъ кто-нибудь прослышитъ, что подъ этимъ крестомъ зарытъ кладъ. Тогда онъ дождется самой темной ночи, возьметъ заступъ, идетъ къ завѣтному мѣсту и роетъ на немъ землю. Случается, что и находятъ что-нибудь, но больше уходитъ ни съ чѣмъ. Только по утру люди смотрять, а у креста яма, и возлѣ нея насыпана свѣжая земля... Случалось и мнѣ пробовать это, когда я былъ парубкомъ. Однажды отправился я съ двумя товарищами

Ч. II. Рис. 31.

Намогильный крестъ атамана Каписа.

на поиски. Начали рыть. Я копаю, а они стерегутъ, чтобы кто-нибудь не подсмотрѣлъ. Уже выкопалъ я глубокую яму; спускаюсь въ нее. Страшно... Я дѣлаю крестное знаменіе и снова принимаюсь за дѣло. Копнулъ разъ, копнулъ два, копнулъ и три. Вдругъ слышу что-то какъ-будто зазвенѣло. «Хлопцы, кладъ!»— «А, ну, подавай его сюда!» Я выбросилъ. И что-же? Большой человѣческой черепъ! Смѣху было послѣ того»...

По рассказамъ старожиловъ, запорожское кладбище занимало довольно большое пространство: по крайней мѣрѣ, 300 сажень. На немъ стояло еще въ недавнее время нѣсколько намогильныхъ крестовъ съ надписями, теперь уже разобранныхъ экономіей для фундаментовъ подъ дома и магазины. Уцѣлѣло только четыре креста съ надписями: «Зде опочиваетъ рабъ божій данило борісенко к: с: п. лі. вского бывшаго андро. року 1729 мѣсяца марта 4 дня». «Зде опочиваетъ рабъ божій иванъ чапля знатный товаришь куреня поповичевского (,) преставился за атамана максима кулька. 1728 года сентября 4». «Зде поставленні (ый) крестъ благородія его пана стефана атамана бывшаго кошового (,) куреня уманского но онъ положен ест по церквою пресвятыи богородици преста(вися) в ро (року) 1747 у маю дня 13». (См. табл. XXXV). Послѣдняя надпись гласить о томъ, что подъ крестомъ лежитъ прахъ кошеваго атамана Стефана Гладкаго, отца Данила Гладкаго, также кошеваго атамана.

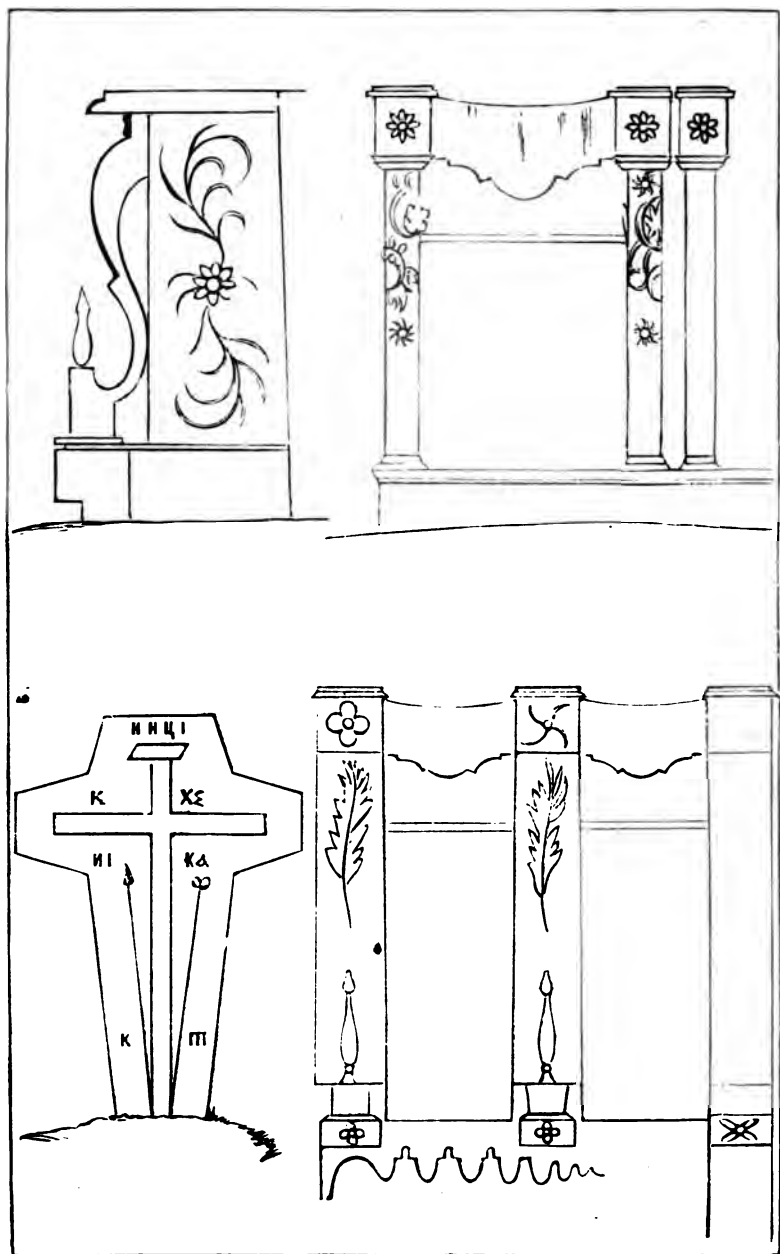
Кромѣ намогильныхъ крестовъ, въ селѣ Покровскомъ сохранилось довольно много остатковъ запорожской старины. Таковы прежде всего четыре сволока съ надписями, уцѣлѣвшіе еще отъ прошлаго столѣтія отъ запорожскихъ хатъ. У крестьянина Корнія Забары: «Благословеніемъ отца и поспѣшествомъ сына и совещеніемъ святаго духа создася сей курѣнь васюрынского войска васюринскимъ обществомъ за атамана антона Головка 1710 году мая 24 дня». Сволокъ былъ протянутъ черезъ весь курень, но теперь урѣзанъ и имѣетъ всего лишь 9

аршинъ. У крестьянина Клима Пироговскаго (по уличному Абдулы): «Божіи (мъ): изволеніемъ і помощію создася домъ сей а стараніемъ якими игнатова товариша куреня вѣшесте-блѣвѣскаго 1746 года мѣсяца іюня 9». Вся хата была рублена изъ осокоря, вербы и дуба, теперь отъ нея сохранились только верхніе вѣнцы. У крестьянина Митрофана Чернаго (по уличному Папуши). «Благословеніемъ отца: изволеніе: сіна и содѣйствіемъ святаго духа аминь: создася домъ сей а коштомъ пана васіили грігоріевича знатнаго товариша куреня менскаго 1747 года: мѣсяца августа 13». Хата стояла близъ запорожской церкви; въ ней, по рассказамъ дидовъ, запорожцы держали совѣты. У священника Георгія Ващинскаго. «Благословеніемъ отца и изволеніемъ сына и совершеніемъ святаго Духа создася домъ сей рабомъ божіимъ грігоріемъ комишаномъ 1765 году мѣсяца мая 10». Кромѣ сволоковъ въ огородъ крестьянина Андрея Лойка стоитъ памятникъ, устроенный на мѣстѣ бывшей запорожской церкви, съ надписью: «Сеі крестъ поставлен на (надъ) престоломъ покрови пресвятыя бгоматере: стараніемъ гуріемъ (—рія)-булгарь (—омъ) 1835 го.»¹⁾ Въ самой экономіи села Покровскаго (великаго князя Михаила Николаевича), на чердакѣ амбара, хранится желѣзный крестъ, стоявшій нѣкогда на сичевой запорожской церкви; онъ выкованъ изъ желѣза, работы весьма простой, но съ тѣмъ вмѣстѣ и довольно изящной; высоты три аршина безъ вершка; тамъ же въ экономіи, у помощника управляющаго М. С. Моздалевскаго, есть серебряная медаль, въ видѣ треугольника, съ изображеніемъ на одной сторонѣ лица Екатерины II, а съ другой съ надписью: «Заключенъ миръ съ портою 10 іюля 1774 года». Эти медали раздавало русское правительство запорожцамъ за участіе ихъ въ русско-турецкой войнѣ 1773 и 1774 годовъ.

Но еще больше того хранится запорожскихъ древностей въ церкви села Покровскаго. Вотъ они: антиминосъ, дарованный въ

¹⁾ Гурій Булгарь—крестьянинъ с. Марьинскаго, херсонскаго уѣзда.

Ч. II. Рис. 35.

Намогильный крест кошеваго С. Гладкаго и запорожскія бокуны.

запорожскую церковь въ 1754 году кievскимъ митрополитомъ Тимошеемъ Щербачкимъ, при кошевомъ атаманѣ Якимѣ Игнатовичѣ. Двѣ чаши, одна оловянная, другая серебряная съ надписью: «Сия чаша зделана коштомъ за упокой андрея белоуса (.) а заздравие жены его (.) стараніемъ же священника дроботова июня 5 дня 1758 года». Крестъ напрестольный, рѣзной въ серебряной оправѣ. Икона Покрова Богоматери, въ серебряной позлащенной шатѣ съ двумя лѣпными херувимчиками вверху. Икона Саввы освященнаго, деревянная, съ надписью: «Сію икону отмѣнивъ до храма пресвятой богородицы козакъ куреня тимошевскаго». Икона Андрея Первозваннаго съ надписью: «Сію икону отмѣнилъ рабъ божій андрей бабка (.) баштовый староста». Икона Распятія и Богоматери съ надписью: «Изображенія чудотворныя іконы пресвятыя богоматере ахтирскія, которая видомъ явилась 1732 году мѣсяца іюля 13 дня. Сооружены шатки сіи рабомъ божимъ петромъ и давидомъ богородична и спасителява до храму покрови». Икона на холстѣ, со множествомъ ликовъ, съ надписью: «Сію икону отмѣнилъ куреня бруховецкаго атаманъ василь шило 1769 года іюля 10 дня». Икона родословія Спасителя съ тремя отцами церкви, изображенными безъ бороды и усовъ ¹⁾). Двѣ ризы, одна зеленаго бархата съ шитымъ оплечьемъ, съ изображеніемъ Богоматери Спасителя, апостоловъ и евангелистовъ, а другая—малиноваго бархата съ изображеніемъ Богоматери и ветхозавѣтныхъ патріарховъ. Два епитрахили зеленаго бархата съ разными ликами. Двѣ хоругви, зеленаго цвѣта, на высокихъ древкахъ, съ изображеніями. Евангеліе, безъ обозначенія года, въ простомъ коленкоровомъ переплетѣ съ надписью: «Лавры кievопечерскія Архимандритъ романъ Кона. высокопочтенному Его милости Пану Іоанну Малашевичу войска запорожскаго низоваго Кошовому сію страданій христовыхъ евангельскую

---

¹⁾ Всѣ эти иконы находятся въ алтарѣ, кромѣ двухъ послѣднихъ, которыя помѣщены въ передней части храма.

книгу в даръ приносить». Четыре книги триодей, напечатанныхъ: одна въ 1743, другая въ 1747, третья въ 1748, всѣ три въ Кіевѣ, и четвертая въ 1760 г., въ Москвѣ; на послѣдней сдѣлана слѣдующая надпись: «Сію книгу Триоду куплено вцерковь съчевую Покрова Богоматере атаманомъ куреня васуринскаго Хомою Малимъ. Заденги покойнаго Романа Бѣлого 1760 іюля 19». Шесть книгъ миней, четыре кіевской печати 1750, двѣ московской 1769 года; книга пятидесятницы, московской печати 1750 года; три книги служебниковъ, всѣ кіевской печати, 1746 года, и одна 1754 года; книги молебнаго чина, кіевской печати 1754 года; двѣ книги послѣдованія въ преславный день воскресенія Господа нашего Исуса Христа, кіевской печати, одна 1754 года, другая 1756 г.; книга октоихъ московской печати 1760 г.; книга акаѣистъ великомученицѣ Варварѣ, кіевской печати 1766 года; писанный требникъ съ надписью: «Экспрессентъ Іеромонахъ Геласій Машковскій»; наконецъ: реестръ членовъ императорской фамиліи. Блюдо цинковое съ надписью: «Дана въ церковь съчевую максіма Куліка»; блюдо другое цинковое, съ надписью: «Дано въ церковь 1710 года Василя Січа» (Сыча); блюдо третье цинковое съ буквами; С, П, Б, Г, Б, Ц; блюдо красной мѣди, безъ надписи; чарочка серебряная, съ тремя ножками и съ двумя буквами снаружи: Э. І.; кружка красной мѣди съ крышкой, вмѣстимостью на четыре стакана; два большихъ похоронныхъ креста, въ три аршина длины каждый, съ надписью: «сей запорожскій крестъ обновилъ въ сію покраску и визолотку покровскій житель данило Рубенко 1834 года мѣсяца іюня»; десять бокунъ или стасидій для запорожской старшины, пять некрашенныхъ, сдѣланныхъ изъ липы, и пять выкрашенныхъ въ зеленую краску, сдѣланныхъ изъ дубоваго дерева, обитыхъ прекрасной рѣзьбой. Бокуны—это вмѣстѣ и стойки и сидѣнія, весьма распространенныя въ монастыряхъ; въ нихъ можно и облокотиться на высокую перегородку, отдѣляющую ее отъ другой бокуны, и прислониться спиной къ стѣнкѣ, и совершенно свободно сѣсть на укрѣпленную внизу,

Ч. II. Рис. 86.

Икона на аналоѣ съ двумя молящимися запорожцами.

помощью шарнировъ, дощечку. Последняя можетъ, въ случаѣ надобности, откидаться назадъ, и тогда молящійся можетъ вновь стать. (См. табл. XXXV). Паникадило, висящее среди церкви, изъ тонкой бѣлой жести съ стеклянными шарами, въ которые вставлены разные крестики рѣзной работы; куполь съ жертвенника, бывшаго въ алтарѣ сичевой церкви, высоты безъ четверти сажень, сдѣланный въ два яруса, съ девятью фальшивыми окнами, соснового дерева, обитый холстиной и по холстинѣ покрашенный бѣлой краской и обитый рѣзбой; гробница или сундукъ для положенія плащаницы, изъ соснового дерева съ рѣзбой, обитый холстиной, раскрашенный зеленой краской, съ изображеніемъ разныхъ ликовъ; аналой, высоты аршинъ съ четвертью, покрашенный ярко-зеленой краской, съ рѣзбой и со вставленной на немъ иконой, на которой представлена Богоматерь съ покровомъ, держащая подъ нимъ нѣсколько фигуръ: на первомъ планѣ царя Іоанна и царевну Софью, архіереевъ и монаховъ, а на второмъ — запорожцевъ; послѣдніе представлены безъ шапокъ, съ бритыми головами, на которыхъ виднѣются чубы. (См. табл. XXXVI); наконецъ, весь иконостасъ, хранящійся на хорахъ церкви со множествомъ иконъ прекрасной греческой работы, отличающейся необыкновенною натуральностью; тутъ-же, вмѣстѣ съ иконостасомъ, хранятся фонари, затянутые слюдой вмѣсто стекла, оловянные тарелки, кадила, орлецы, хоругви, божницы, деревянные лопатки съ наклеенной на нихъ ектеніей, ставниги, кресты, ноты съ надписью: «О тебѣ радуется благодатная тварь...», и наконецъ запорожское войсковое знамя, сдѣланное на холстѣ ¹⁾. Кромѣ перечисленныхъ остатковъ запорожской старины, сохранившихся на мѣстѣ бывшей Новой Сичи, уцѣлѣли еще земляныя укрѣпленія въ видѣ рововъ и высокихъ, больше двухъ сажень, валовъ. (См. пл. VII). Общая схема этихъ укрѣпленій, съ вѣшной стороны, заключаетъ въ себѣ всего лишь три линіи: съ

¹⁾ Приобрѣтено В. В. Тарновскимъ.

восточной стороны, по направлению отъ сѣвера къ югу, встрѣчно Пидпильной, идетъ наклонная линія сто сажень длинны; съ сѣверной окраины, по направлению отъ сѣверо-востока къ юго-западу идетъ неправильная ломанная линія, подь тупымъ угломъ, на протяженіи двухъ-сотъ двадцати сажень; съ западной стороны, по направлению отъ сѣвера къ югу, подь прямымъ угломъ, идетъ совершенно правильная линія на протяженіи семидесяти сажень до самой р. Пидпильной. Основаніемъ для этой фигуры укрѣпленій, съ южной стороны, служитъ сама р. Пидпильна. Таковъ видъ укрѣпленій извнѣ; къ этому нужно добавить лишь то, что на сѣверной линіи его сохранились еще три редуты и широкія ворота, ведшія во внѣшній кошь, а у юго-западнаго конца, уже за рѣчкой Пидпильной, уцѣлѣло такъ-называемое городище, имѣющее видъ совершенно отдѣльнаго укрѣпленія изъ четырехъ канавъ ¹⁾: съ запада въ семьдесятъ четыре сажени, съ востока въ сто-тридцать сажень, съ сѣвера восемьдесятъ и съ юга въ сорокъ глубины до трехъ сажень каждая. Въ послѣднемъ укрѣпленіи, «городищѣ», по рассказамъ стариковъ, у запорожцевъ стояли хаты, погреба, тутъ-же они хоронили своихъ покойниковъ. Сообщение изъ Сичи черезъ Пидпильну съ городище не представляло тогда никакихъ затрудненій, такъ какъ въ то время рѣчка была настолько мелка, что ее переходили въ бродъ. Въ настоящее время это городище представляетъ изъ себя ровную-ровную, какъ будто утрамбованную или выбитую цѣпами площадь, въ самой серединѣ которой стоитъ вѣковая развѣсистая груша, а съ трехъ сторонъ—южной, западной и восточной, высятся громаднѣйшія вербы и еще громаднѣе осокори, между которыми переплелся непролазныи терновникъ. Внутри укрѣпленій, съ восточной стороны, по направлению отъ сѣвера къ востоку, идетъ еще одинъ ровъ, въ видѣ наклонной линіи, на протяженіи семидесяти-четыреехъ сажень, прямо къ р. Пидпильной, а въ срединѣ укрѣпленій, у праваго берега рѣки, видны

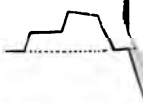
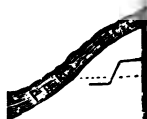
---

¹⁾ По мѣстному «изъ чотыреехъ канавъ».

МАСШТАБЪ
1:100000

ПЛАВНИ

И. Из. VII.

рвы, отдѣляющіе отъ внѣшняго коша внутренней; они начинаются у самаго берега рѣки, идутъ отъ юга къ сѣверу и подъ тупымъ угломъ поворачиваютъ отъ востока къ западу, оканчиваясь такъ-называемымъ «оступомъ» или бухтой, служившей у запорожцевъ пристанью, куда они заводили свои галеры и чайки¹⁾. (См. табл. XXXVII). Длина рововъ послѣдняго укрѣпленія имѣеть всего лишь сто-десять сажень, по прямой линіи, съ небольшимъ пропускомъ на сѣверной линіи, очевидно, для воротъ.

По всѣмъ этимъ укрѣпленіямъ, кромѣ городища, разбросаны въ настоящее время хаты крестьянъ с. Покровскаго. Оттого, чтобы измѣрять всѣ укрѣпленія запорожской Сичи и чтобы составить себѣ цѣльное объ нихъ представленіе, нужно проходить черезъ многіе огороды, лазить черезъ плетни, заглядывать подъ сараи, идти черезъ сады, подниматься на крыши крестьянскихъ хатъ и тогда только можно услѣдить направленіе всѣхъ валовъ и насыпей. Многое, разумѣется, изъ того, что сохранялось въ цѣлѣ лѣтъ сорокъ и даже двадцать тому назадъ, теперь уже разрушено и едва узнаваемо, а многое даже и совсѣмъ истреблено. Однако, остатки старины и теперь очень часто находятся, и всего больше скелеты: задумаетъ-ли крестьянинъ выкопать яму для какой-нибудь постройки, или разровнять мѣсто для сада или просто вспахать землю для посѣва, онъ непременно найдетъ если не черепъ человѣка, то кости рукъ или ногъ. Даже дѣти, играя въ грядки и вскапывая землю палочками, находятъ чело-вѣческіе черепа, безъ всякой боязни надѣваютъ ихъ себѣ на головы,—такъ ужъ они привыкли къ подобнаго рода находкамъ. «Впервые, когда я здѣсь поселился,—разсказывалъ мнѣ мѣстный священникъ, отецъ Андрей Барышпольскій²⁾,—то я никакъ не могъ завести у себя деревьевъ въ палисадникѣ: что посажу, а они и засохнутъ, что воткну въ землю, а они и пропадутъ.

¹⁾ Теперь бухта эта имѣеть всего лишь триста саж. въ окружности, а тогда—до 500 с. У запорожцевъ она называлась «Царской пристанью».

²⁾ Теперь уже покойникъ.

Долго я не могъ понять, отчего это происходитъ; наконецъ, однажды я сталъ копать землю въ палисадникѣ и тутъ подъ первымъ слоемъ ея увидѣлъ множество человѣческихъ костей и между ними страшную массу лягушекъ, я былъ просто пораженъ этимъ, но тотъ-же часъ понялъ, отчего не принимались у меня деревья. Удаливъ кости и очистивъ мѣсто отъ лягушекъ, я вновь насадилъ нѣсколько деревьевъ, и съ тѣхъ поръ они растутъ превосходно.

Кромѣ череповъ и костей, на мѣстѣ бывшей Сичи находятъ множество разныхъ вещей: пистолеты, кинжалы, ножи, сабли, ружья, пушки, ядра, пули, куски свинцу, круги дроту, кувшины, кафли, казаны, графины, чугуны, бутылки, штофы, кольца, перстни ¹⁾, тарелки, кубки, цѣлыя бочки смолы ²⁾, слои углей, склады сухарей, кучи пшеницы, гудзыки или нуговицы, пряжки, бубенцы, мониста на дроту, деньги, трубки-носогрійки или люльки-буруньки (отъ турецкаго «бурунъ» — носъ), разрисованныя разными «фигурами» и окрашенныя разными красками. Много разъ и намъ случалось находить здѣсь разныя вещи, но изъ множества ихъ всего любопытнѣе была находка двухъ запорожскихъ чаекъ или лодокъ, затопленныхъ въ р. Скарбной. Одна изъ этихъ лодокъ стояла поперекъ рѣки и имѣла около шести сажень длины и трехъ ширины, съ палубой, сосновыми кокорами и дубовымъ дномъ изъ одной доски; другая, меньшая по размѣрамъ, привязана была къ первой, съ кокорами изъ пяти сосновыхъ досокъ и съ дубовымъ дномъ изъ цѣльной доски; обѣ плоскодонныя. Къ моему большому сожалѣнію, вытащить эти лодки изъ воды не было возможно, такъ какъ это требовало значительныхъ расходовъ.

Въ новой Сичи произведена была мной и раскопка запорожскихъ могилъ, но только въ послѣдней, седьмой по счету, находившейся въ огородѣ крестьянина Семена Мирошниченка,

---

¹⁾ Изъ завитковъ, на весь палець.

²⁾ Въ пристани.

Ч. II. Рис. 37.

Запорожскія галеры и чайки по Говинскому и Боплану.

открыты были интересныя находки. На могилѣ стоялъ небольшо-
шой песчаниковый крестъ съ надписью: «Рабъ божій Иоаннъ...
титаровскаго куреня». Углубившись въ могилу на одну са-
жень, я нашель въ ней сосновый гробъ, длины одиннадцать
съ половиной четвертей, а въ гробу открылъ совершенно со-
хранившійся скелеть запорожца, съ чубомъ на головѣ, три
раза обмотаннымъ близъ того мѣста, гдѣ было лѣвое ухо, съ
длинными рыжими усами на верхней полости зубовъ, съ су-
конной шапкой изъ барашковой околицы, въ четыре пальца
ширины, и темнаго вершка полторы четверти высоты, съ мѣдными,
внутри пустыми, на шелковыхъ шнуркахъ, пуговицами, съ шале-
вымъ зеленымъ поясомъ и съ двумя монетами въ карманѣ, одной
русской, мѣдной, другой серебрянной, турецкой. Русская монета,
полушка, помѣчена 1731 годомъ. Во второй могилѣ, находившейся
во дворѣ священника Барышпольскаго, я нашель другой скелеть
запорожца, еще лучше сохранившійся, чѣмъ скелеть въ мо-
гилѣ Семена Мирошниченка, но онъ имѣлъ всего лишь одну
монету времени Екатерины II, 1763 года, и одѣтъ былъ не
въ кафтанъ, а въ простой кожанокъ. Въ остальныхъ могилахъ,
кромѣ скелетовъ и иногда мѣдныхъ пуговиць, я ничего не на-
ходилъ. Пробоваль еще разрыть редуту, находящуюся въ
огородѣ кр. Петра Балыхина, и разрылъ въ длину пять саж.,
въ ширину двѣ съ половиной, но кромѣ пулъ и ядеръ, ничего
въ ней не нашель.

Изъ всѣхъ старожиловъ села Покровскаго только три:
Андрей Балыхинъ, Савва Самардакъ и въ особенности Иванъ
Чавунный, рассказываютъ кое-что о запорожцахъ. Послѣдній
былъ запорожскаго «заповиту». «Окримъ оцѣго дида, Ча-
вунного, тутъ и нема другого изъ запорожскаго колда: его дидъ
изъ запорожцивъ; винъ бувъ за Дунаемъ, та знову вер-
нувсь. Якъ пала Сича, такъ тутъ зоставалось ще два чоло-
вика изъ запорожцивъ: Вилькодворецъ и Пискупъ; вони жили,
бидолахи, у вербовыхъ дуплахъ, на плавни. Инколи выйдуть

було изъ плавни, выпросють собі хлиба на сели та вп'ять и подадутця у плавни. Тамъ десь и повмирали, тамъ десь и кисточки ихъ погнили».

— А чого жъ ти запорожци позаставились тутъ?

— Суму запорожську берегли. Ту суму, що було збрали на церкву. Чули, якъ воно було?

— Ни, не чувъ.

— Якъ не чули, то я вамъ розкажу. Збирае, значить, якось кошовый отаманъ своихъ козакивъ на раду. Ударили въ бубень, позиходились, постановились на майдани, ждуть. «А на-що я васъ, добри-молодци, збравъ»?— «А на-що, батьку»? Тоди казали усе «батьку» тай годи, це вже теперь хто якого чину заслуже, то такъ его и звуть, а тоди «батьку» тай бильшъ ничего,—простійшъ вымовляти.— «А на-що, батьку»? «Можете вы прожити чотыри годы безъ жалуванья»?— «Можемо, батьку, можемо»!— «Можете»?— «Можемо»!— «Ну такъ видайте ваше жалуванья мини. А чи знаете на-що»?— «Ни, батьку, не знаемо»! «Хочу построити на Сичи монастырь та такой, щобъ вигъ бувъ найкраций надъ усихъ монастыривъ и на всимъ свити. А чи гараздъ, паны-молодци»?— «Гараздъ, батьку, дуже гараздъ»! Ото й почали вони гроши собирати; збрали велику суму; ото почали було й строити монастырь, коли це выйшовъ видъ царыци такой листъ, щобъ зигнати запорожчивъ геть звидциля. Приславо, скилько тамъ сотъ, и москаливъ на Сичу. Тоди запорожци бачуть, шо лихо, давай тикати. Тилько трудно було имъ пиднятись зъ гришми. Шо зъ ними робити? «Давай ихъ закопаемъ»!— «Давай»! Отъ и давай ихъ закопувати, та отуть, де теперь у насъ икономычицький садъ, и закопали, а двомъ запорожцямъ, Вилькодворцеви та Пискунови, приказали глядити ту суму. Уже давно повмирали и той кошовый, и ти запорожци, и ти сторожи, а гроши и теперь десь лежать; я й самъ бачивъ, якъ вони перечищались, годъ десять тому назадъ, пидъ Риздо: такъ и горять, такъ и го-

рять: уперше, якъ свичка, удруге, якъ валокъ сина, а утрете, якъ поломья зъ высокою шапкою зверху.

— Такъ, значить, у запорожцивъ монастыря и не було?

— Такъ и не було!

— А церква жъ була?

— Церква була, и дзвиниця коло неѣ була. Дзвиницю ще й мы бачили, бо ии усѣго годъ тридцать, якъ приняли; висока—высока була, а зверху зализный хрестъ. Бачили мы и канистасъ, той, шо въ запорожской церкви стоявъ; винъ тежъ высокій — высокій бувъ, ажъ пидъ самый куннулъ. Якійсь-то архырей хотивъ пидновить той канистасъ, такъ майстры дуже дорго брали.

— Ну, а грошій тихъ, шо въ саду закопали, вы не шукали?

— Де вже не шукаты? Шукали! Разъ я оравъ коло саду. Орю соби тай байдуже, коли це зиркъ, ажъ передо мною пятакъ, старинный пятакъ, а на немъ ще й кинъ вылытый. Стой! Выпрягъ я воливъ та й давай копать чересломъ землю; рывъ—рывъ чересломъ, тоди давай сокирою рубати; рубавъ—рубавъ та ажъ до самисенького вечера догалявъ; така думка, шо ось выкопаю, влада, такъ де тоби? Симъ грошѣвъ найшовъ та съ тимъ и пишовъ.

Вотъ и все, что нашель я на мѣстѣ послѣдней запорожской Сичи, въ теперешнемъ селѣ Покровскомъ, екатеринославской губернии и уѣзда. Самое село возникло уже послѣ паденія Сичи въ 1775 году и заселено было разными выходцами изъ старой Малороссии. Въ 1777 году, по распоряженію новороссійскаго губернатора, Матвея Васильевича Муромцева, Покровское названо городомъ Покровскомъ и къ нему опредѣлено «Славянское духовное правленіе». Но такое значеніе Покровское сохраняло за собой недолго: подъ конецъ того-же года оно именуется уже не городомъ, а только мѣстечкомъ; съ 1784 года оно остановится слободой; въ настоящее же время Покровское именуется то мѣстечкомъ, то селомъ. Послѣ паденія Сичи всѣ угодыя, находившіяся близъ нея, пожалованы

были императрицей Екатериной II князю Вяземскому, отъ князя Вяземскаго они перешли къ барону Штиглицу, а отъ барона Штиглица—къ великому князю Михаилу Николаевичу.

Солнце давно поворотило за полдень, когда я выѣхалъ изъ села Покровскаго. Я ѣхалъ медленно, какъ бы не желая расстаться съ прекрасною мѣстностью села. Голова моя работала, мысли роились толпой, переносясь отъ настоящаго къ давно минувшимъ, но завѣтнымъ днямъ запорожскаго козачества. Еще въ раннемъ дѣтствѣ сгоралъ я страстью видѣть святое для меня мѣсто Сичи запорожскихъ козаковъ. Теперь я видѣлъ его, теперь я измѣрилъ, исходилъ, истопталъ ногами его... Такъ вотъ она та Сичь-мате, Сичь славныхъ низовыхъ рыцарей, Сичь грозныхъ запорожскихъ козаковъ! Такъ вотъ та всеобъемлющая колыбель, орлиное гнѣздо, львиное логовище! Вотъ та запорожская Сича, которая спасла Россію, Польшу, Литву и сосѣднія съ ними страны отъ страшнаго наплыва турокъ, поглотившихъ всю византійскую имперію, обезличившихъ многія славянскія государства, грозившихъ перевернуть вверхъ дномъ всю Европу, раздавить, уничтожить и даже стереть съ лица земли всѣхъ ея обитателей христіанъ! Вотъ та Сича, которая расшатала, осилила и окончательно добила то дикое, кровожадное и свирѣпое племя, которое именовалось крымской ордой, ногайскимъ улусомъ, и которое долго и какъ Дамокловъ мечъ тяготѣло надъ нашей многостраданной Украиной! Вотъ та Сича, откуда вылетали такіе стоглавые орлы, какъ Сашко Туровець и Самійшло Кушка; такіе крѣпкіе духомъ и умомъ сильные волей и рыцарскими доблестями, какъ безсмертный Петро Конашевичъ Сагайдачный и достопамятный Дмитро Байда-Вишневецкій; такіе мощные богатыри, какъ Ясько Сулима и Иванъ Лутай; какъ отважный неустрашимый, гроза турокъ, слава запорожцевъ, Иванъ Сирко; такіе завязтые, никѣмъ недонятые, какъ Иванъ Стягайло, Филонъ Лихоной, Денись Кривонось и Петро Сорочинскій; такіе закаленные и никѣмъ непобѣжденные, какъ Иванъ Малашевичъ, Яковъ

Тукало, Васи́лій Сычъ и Павло Козелецкій; такіе молчаливые, мало говорливые, какъ Степанъ Гладкій, Григорій Лантухъ, Антонъ Головатый и Петръ Ивановичъ Калнишевскій, этотъ человекъ свѣтлаго ума, желѣзной воли и замѣчательныхъ военныхъ способностей! Вотъ та Сичъ, которая служила твердымъ оплотомъ не только одной русской народности, но и самаго православія противъ всѣхъ хитросплетеній и адскихъ каверзъ ненавистныхъ іезуитовъ, этихъ демоническихъ слугъ его «святѣйшества непогрѣшимаго» римскаго папы. Вотъ она запорожская Сичъ, это «вѣчно юное сердце Украйны, эта горяняя искра ея», — та Сичъ, гдѣ свято исполнялись всѣ предковскіе обычаи украинскаго народа, гдѣ никогда не умирала козацкая воля и молодецкая удалъ, гдѣ складывались цѣлыя тысячи глубоко прочувствованныхъ думъ, истинно-юмористическихъ разсказовъ, ѣдко-сатирическихъ пословицъ, присловьевъ и анекдотовъ и гдѣ истоки и до послѣднихъ дней ея историческаго существованія распѣвались задушевныя, мелодичныя и въ высшей степени художественныя пѣсни.

Свить велькій, край далекій, та ниде прожити:
Славне вѣско запорожське хотять погубити.
Ой царця загадала, а Грыцько поравивъ,
Щобъ вигнати запорожцивъ та ажъ до Дунаю.
Вже жъ на ричци Базавлуци и москали стали,
Славни жъ хлопци-запорожци пили та гуляли.
Ой вже жъ москаль Запорожже кругомъ облягае,
А нашъ батько Калнишевскій того й не гадае.
Ой изъ Низу, изъ лиману витерь повивае,
А вже жъ москаль, а вже москаль Сичу обступае.
Васюриньскій козарлюга не пье, не гуляе
Та всего свого отамана рано пробужае.
«Та встань., батьку-отамане, кличуть тебе люде,
Ой якъ станешъ ты на башти, москаля не буде!»
А москали не дремали, запасъ отбирали,
А московскіи старшіи церкву грабували:
Та беруть сребро, та беруть золото, войсковіи свичи,
Ой заплакавъ панъ кошевий зъ старшиною въ Сичи.
Ой взійшовъ же панъ кошовый та на круту гору:
«Ой та не руйнуйте, люде добри, хочъ божого дому!»

А запорожськи атаманы якъ орлы литали
Та свого батька кошового вирненько благали:
«Та повволь, батьку, повволь, батьку, изъ штыхами стати,
Не одному генералу съ плечь голову зняти!
Не позволишь изъ штыхами, повволь зъ кулаками,
Ой щобъ слава не пропала помижъ козаками!»
А вже жъ уступила одна дывызія та середъ самои Сичи,
Ой ввляла жъ вона сичови гарматы, вси козацьки здобчы.
Ой крикнувъ же а Калнышъ кошовый у покровскій церкви:
«Прыбирайтесь, славни запорожци, якъ бы къ своей смерти!
Ой крыкнувъ же та Калнышъ кошовый на покровскій двиници:
«Ой кидайте жъ вы, славни запорожци, и pistols и рушницы!»
Ой плыве щука съ Кременьчука, розбыта изъ лука.
«О теперъ же намъ, Калнышъ кошовый, та съ тобою розлука!»
Ой пишли, пишли славни запорожци а не пишки, дубами,
Ой якъ оглянутця до славной Сичи, умыютця слезами.
А вже жъ уступили та дви дывызіи та въ покровськи базары,
А вже жъ, уже славни запорожци пяты показали...
Та встань, батьку, зъ домовыны, клычуть тебе люде!
Ой якъ пидешъ на Украину попрженьому буде.
Ой пиди жъ ты до столицы прохати царици,
Чи не вступе царстви-земли по прежни гряници.
«Ой царице, наша мате, змылуйся жъ надъ нами!
Отдай же намъ наши земли зъ темными лугами!»
— «Не на тее жъ, запорожцю, москаля заслала,
Ой щобъ твои лугы и земли назадъ повертла!»
Текла ричка изъ-пидъ саду т.и упала въ кручи:
Заплакавъ же панъ кошовый видъ царици йдуче
Текла ричка, мала-невелычка, заросла лозами,
Заплакавъ же панъ кошовый дрибными слезами.
Ой великій свить, царица, и всякъ ты владаешъ,
А вже жъ ты насъ, запорожцивъ, зъ мистця спомищаешъ,
Та все жъ ты тихъ вражихъ панивъ та все награждаешъ. ¹⁾

---

¹⁾ Изъ пѣсенъ собственнаго собранія, записанныхъ въ с. Писаревкѣ харьковскаго уѣзда.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Витерь віе повивае, по полю гулае,
На могыли кобзарь сыдыть та на кобзи грае,
Кругомъ его степь, якъ море широке, сьніе.
За могылоу могыла, а тамъ тилько мріе.
Сывый усъ, стару чупрыну витерь розвивае,
То прляже, то послуха, якъ кобзарь спивае.

Т. Шевченко.

Отъ послѣдней Сичи мой путь лежалъ въ восточныя степи Запорожья, главнымъ образомъ въ бывшую калміусскую и часть самарской паланки, гдѣ жили семейные козаки, такъ-называемые «гниздюки или сыдни». По теперешнему, это большая часть александровскаго и нѣкоторая часть новомосковского уѣздовъ екатеринославской губерніи, — та именно часть, которая ограничена съ юга р. Конскими-водами, съ востока р. Камліусомъ, съ сѣвера рр. Волчьею и Ганчуломъ ¹⁾, съ запада прямою линіей, проведенной отъ половины р. Ганчула черезъ верховье р. Жеребца къ вершинѣ р. Конскихъ-водъ.

Много пришлось сдѣлать переѣздовъ, много пришлось перенести разныхъ неудобствъ, прежде чѣмъ я добрался до перваго большого села, Конскихъ-Раздоръ, александровскаго уѣзда.

Село Конскіе-Раздоры стоитъ на р. Конкѣ (иначе Конскія-воды), которая, начавшись въ шести верстахъ выше, при са-

---

¹⁾ По-татарски: «іен—чѣл», что значитъ «обширное пространство степь».

момъ селѣ раздѣляется или раздирается на два отдѣльныхъ рукава, чтобы снова въ полу-верстѣ ниже села слиться въ одну рѣчку; здѣсь же Конка принимаетъ въ себя и рѣчку Жеребець. Подъ Раздорами Конка представляетъ изъ себя очень ничтожную рѣчку, сплошь покрытую густымъ высокимъ камышомъ и очень высокими зарослями; берега ея здѣсь совсѣмъ неживописны.

Проѣхавъ мостъ и поднявшись на гору, мы очутились въ самомъ селѣ Раздорахъ. Село очень многолюдное и обширное; сразу же видно, что здѣсь процвѣтаетъ торговля при посредствѣ, впрочемъ, евреевъ; улицы широкія, чистыя, чему, можетъ быть, способствуетъ возвышенное мѣстоположеніе и каменистая почва села. Въ Конскихъ-Раздорахъ бываютъ очень часто ярмарки, каждый воскресный и праздничный день базары; здѣсь имѣютъ свое мѣстопребываніе мировой судья, судебный слѣдователь, становой приставъ и другія административно-полицейскія власти.

Совсѣмъ стемнѣло, когда я подѣхалъ къ хатѣ крестьянина Ивана Быдла, на котораго мнѣ указали, какъ на гостепріимнаго человѣка, у котораго можно было остановиться и передохнуть.

Раннимъ утромъ я оставилъ село Конскіе-Раздоры и направился въ слободу Воскресенку. Слобода Воскресенка—одна изъ людныхъ и большихъ слободъ, а мѣстность ея—одна изъ красивѣйшихъ. Она тянется длинной вереницей по-надъ рѣчкой Сухой-Конкой и стоитъ почти вся въ зелени; главная улица ея хотя и нѣсколько узкая, но за-то довольно чистая; хаты вездѣ высоки, хорошо выбѣлены. Въ общемъ вся слобода производитъ какое-то отрадное, успокаивающее впечатлѣніе.

Всегда умѣя подыскать себѣ пріятнаго спутника, какого-нибудь «дида» или «дядька», на этотъ разъ отъ села Воскресенки я долженъ былъ ѣхать съ небольшимъ «хлопцемъ». И это тотъ-же часъ сказалось. Отъ слободы Воскресенки до ближайшаго поселка, что называется, рукой подать. Но, благодаря

неопытности хлопца, намъ пришлось долго кружиться по различнымъ межамъ, зворотамъ и проселочнымъ дорогамъ, прежде чѣмъ выбраться на открытый шляхъ.

— А якъ цей шляхъ зветця?

— Муравскій, кажутъ.

Любо было посмотрѣть на этотъ шляхъ! Что за ровнота! Что за широта! Недаромъ объ немъ говорятъ въ Малороссіи: «лежитъ гася-протяглася, а якъ устане, то й небо достане...» Но мнѣ было не до того, чтобы любоваться дорѣгой. Зной, нестерпимый зной одолевалъ меня. Солнце было какъ разъ въ зенитѣ, и температура доходила до 40 градусовъ. Воздухъ былъ настолько нагрѣтъ, что, казалось, онъ шелъ прямо изъ раскаленной желѣзной печи. Грудь захватываетъ; дышать нечѣмъ... Вся природа, въ другое время полная жизни и разнообразная, теперь, подъ палящими лучами неумолимаго солнца, превратилась какъ-бы въ застывшій остовъ. Ни вѣтерокъ не шелокнетъ, ни травка не шевельнется, ни степной кузнечикъ не затрещитъ, не застрекочетъ. Все точно прибито, пришиблено, все какъ-бы чувствуетъ на себѣ страшную духоту и совершенно отдается апатіи; а самая степь точно заколдована, точно погружена въ тяжкую дремоту. Не видно въ ней ни хуторка, ни кустика, ни пригорка, ни ручейка, ни одной версты для разнообразія, для опредѣленія пространства... Одна безконечная равнина, сливающаяся вдали съ небосклономъ, одна необъятная гладь широкой дороги, извивающейся нѣсколькими полосами взадъ и впередъ. Не на чемъ утомленнаго глаза остановить. Тихо вокругъ. Жажда страшно одолеваетъ... Но вотъ, на далекомъ горизонтѣ этой мертвой, сожженной солнцемъ степи, неожиданно обрисовывается синеватое озеро, окаймленное деревьями и живописно обставленное домиками, церковью и колокольнею.

— А что это? село?

— Нѣтъ, это манà!

— Да, это манà, миражъ!.. Но вотъ криница. Это, уже кажется, не миражъ.

— Да, это криница, настоящая криница.

— Ну, стой! Дальше ѣхать нѣтъ силъ!..

...Оставивъ криницу и миновавъ нѣсколько хуторовъ, деревень и колоній, мы добрались до мѣстечка Гуляй-Поля, и здѣсь я долженъ былъ перемѣнить лошадей, чтобы ѣхать дальше, въ глубь александровскаго уѣзда. Гуляй-Поле стоитъ на возвышенномъ песчаномъ мѣстѣ, при р. Ганчулѣ, имѣетъ двѣ церкви, еврейскую синагогу, почтовую контору, нѣсколько лавокъ и подваловъ. Словомъ, это многолюдное, и даже, можно сказать, достаточно культурное мѣстечко съ преобладающимъ, однако, еврейскимъ населеніемъ. Изъ всѣхъ сооружений замѣчательно въ Гуляй-Полѣ еврейское кладбище, обнесенное прекрасной оградой вокругъ и наполненное хорошими памятниками въ срединѣ. На мой вопросъ, почему мѣстечко носить названіе Гуляй-Поля, мнѣ отвѣтили, что въ то время, какъ вся «округа», т. е. близъ лежащія къ слободѣ мѣста, уже давно была занята помѣщиками, это самое мѣсто или поле, что подъ слободой, долго лежало пустыремъ и потому прозвалось «Гуляй-Подемъ».

— А отчего жъ это поле такъ долго лежало пустыремъ?

— А видъ того большъ, шо тутъ були велики травы та комыши, а мижъ ними жили велики злодіи та розбойники, отвѣчалъ мнѣ крестьянинъ Евдокимъ Косякъ.

— И велики такы травы тутъ були?

— Таки травы та бурьяны, шо зъ нихъ и не вылизись було. Стари люди розказують за ти травы таке, шо й вирити неможно. Отъ тутъ, у Наковальни ¹⁾, бувъ одинъ, дидъ прозвищемъ Зализнякъ; ему було годъ сто двадцать, якъ винъ умеръ, — не брешу. Такъ той Зализнякъ розказувавъ, шо то воно тутъ робилось у старовину. «Тутъ, каже, цего звиру, тутъ каже, тїи птыци, такъ видимо й невидимо: такъ пиш-

---

¹⁾ Село новомосковскаго уѣзда.

кожъ по степу и ходять. Приехали, каже, мы съ своею панею у ци мисця, де теперь Наковальня,—воны, бачъ, одійшли ій по наслідству,—приехали, каже, мы тай дивимось, ажъ тутъ ни хатинки, ни куриныця, одинъ степъ та ковыла. Шо тутъ казати?—«А шо? Рубай очереть та конай дернину та роби куринь». «Давай я рубати очереть, давай копати дернину. Нарубавъ, поставивъ, обсыпавъ землю; ото бачъ, хижка е. Ну, шо жъ теперь исты? Ну, исти уже, шо хочъ, те й ижъ: е й птица, е й звиръ степовой. — «Такъ шо мини, каже паня, та птица та звиръ степовой? Ты поидъ та піймай мини дике порося!» Ну, шо жъ порося, такъ и порося! Сидаю на коня, беру малахай ¹⁾ та й іду до рички, де було бырло ²⁾ дикихъ свиней. Та ото прыиду тай жду, поки свыни пидуть пастись у степъ, а поросята зостанутця сами; выдывлюсь, та заразь туды; ухоплю порося та навтикача; та вже бижу, та вже бижу, шо есть духу, а воно крычить, якъ скажене! Та шо жъ вы думаете? Якъ почувють гаспидовы свыни, та до мене, такъ и лизуть, такъ и лизуть пидъ ноги коневы; та такъ бижать ажъ до самого курина, та якъ бы не малахай, то й розирвали бъ»... Отъ шо воно було у старовину! Зовсимъ не те, шо теперь. Теперь хочъ бы сказать на щотъ урожай. Хиба винъ такій бувъ и у старовину? Куды вамъ! У нашої пани було симейства симъ чоловіка, а вона бильшь тридцяти сажень николи не сіяла. Оце було заволоче прямо противъ курина, посіе пшенички та й жде. Такъ вона якъ уроде, то й стебла не видко: самый кслось пошти та ще такій товстый наче веретено. Це, бачъ, хлеба таки були. А травы, такъ и казати ничего. За травою и земли не побачишь: якъ рядно, або кожухъ поверхъ земли лежить. Тоди, бачъ, мало хто косивъ іи, такъ вона пидниметця у гору та впять назадъ и пада та й лежить наче рядно; выхохаецця було така, шо чоловіка и верхи на коню не видко. Отъ яки травы були».

¹⁾ Длинный кнутъ.

²⁾ Берлога.

Чтобы сообщеніе Евдокима Косяка не показалось преувеличеннымъ, приведу нѣсколько примѣровъ изъ писателей прошлыхъ вѣковъ о нашей Малороссіи. Бопланъ, описывая старую Малороссію, останавливается, главнымъ образомъ, на двухъ панелкахъ: кодацкой и самарской, и описываетъ ихъ богатство въ такихъ краскахъ. «Тамъ находятся многія озера, столь изобильныя рыбой, что она, умирая отъ тѣсноты, заражаетъ гніеніемъ своимъ воздухъ и стоячую воду озеръ. Мѣста сіи называются Самотгань... Выше Самоткани протекаетъ рѣчка Домоткань, въ которой водится множество большихъ раковъ въ девять дюймъ длиною... Обильнѣе всѣхъ рыбою Орель, текущая въ Днѣпръ съ московской стороны: я видѣлъ, какъ на устьѣ ея рыбаки въ одну тоню вытащили болѣе 2,000 рыбъ, изъ коихъ самыя мелкія были около фута величиною... Самара рѣка весьма обильна рыбой, а окрестности ея замѣчательны чрезвычайнымъ богатствомъ въ медѣ, воскѣ, дичинѣ и строевомъ лѣсѣ, такъ что едва ли какое-либо мѣсто можетъ сравниться въ семь съ окрестностями Самары. Оттуда доставляемъ былъ лѣсъ для построекъ на Кодакѣ... Козаки называютъ ее святою рѣкою ¹⁾, можетъ быть, за счастливое богатство» ²⁾. «И бысть намъ сіе путное шествіе, — пишетъ раскольникій помя Лукьяновъ въ 1710 году, — печально и уныльно, баше бо видѣти ни града, ни села... Пустыня велія и звѣрей множество; козы дивія, и волцы, лоси, медвѣди. А земля зѣло угодна и хлѣбородна; и овощи всякаго много; сады что дикій лѣсъ: яблоки, орѣхи воложскіе, сливы, дули... Не погрѣшу эту землю назвать златою, понеже всего много въ ней родится» ³⁾. «Малороссія, пространство земли отъ Словечны до Днѣпра, отъ

¹⁾ Авторъ «Историч. обзора Екатер. епар.» говоритъ, что названіе р. Самары «священною или святою» ведетъ свое начало еще отъ времени Сарматъ-Козаръ и Сарматъ-Роксоланъ, у которыхъ на р. Самарѣ было святилище. Екатер., 1871, 15.

²⁾ Описаніе Украйны. Спб. 1832 г., стр. 16, 17, 18.

³⁾ Путешествіе въ св. землю москов. свящ. Іоанна Лукьянова. Москва, 1862, стр. 16.

Клевели до Орели и отъ обѣихъ Галицій до сѣвернаго Донца; по сознанію всѣхъ путешественниковъ и естествоиспытателей, ее посѣщавшихъ, есть одна изъ прекраснѣйшихъ странъ Европы, богатая Днѣпромъ и пастбищами, на востокѣ и югѣ она изумляетъ безбрежностію плодородныхъ степей, на сѣверѣ изобилуетъ лѣсами, на западѣ плѣняется множествомъ холмовъ, потоковъ и рѣкъ. Цвѣтъ ея неба напоминаетъ путешественникамъ Италію, климатъ ея благорастворенный, растительность изумительная и произведенія земли столь разнообразны, что знаменитый Линней предполагалъ ее колыбелью послѣ потопа¹⁾. «То, что писано современниками объ этой землѣ, текущей молокомъ и медомъ, представляется нынѣ невѣроятнымъ. Опалинскій говорилъ, что всякое зерно, брошенное въ землю, взрыхленную деревянной сохой, давало урожай баснословный; а Ржончинскій приводитъ одинъ случай, что изъ посѣва 50 корцевъ собрано жита 1500 копѣ. Травы были такъ высоки, что огромные волю скрывались въ нихъ почти по самыя рога, а плугъ, оставленный на полѣ, въ нѣсколько дней покрывался растительностію. По свидѣтельству того-же писателя, плодородіе земли, душистость злаковъ и обиліе цвѣтовъ до такой степени благопріятствовали въ Украинѣ пчеловодству, что пчелы водятся тамъ не только въ лѣсахъ и деревьяхъ, но и по берегамъ рѣкъ и просто въ землѣ; что тамъ поселяне истребляютъ считающіеся рои пчелъ для защиты отъ нихъ роевъ осѣдлыхъ и что образовавшіеся случайно въ землѣ ямы часто бываютъ наполнены медомъ, такъ что огромные медвѣди, добравшись туда, околѣваютъ отъ обжорства. Въ окрестностяхъ Подольскаго-Каменца Ржончинскій зналъ одного пасичника, у котораго 12 ульевъ дали въ одно лѣто 100 роевъ, изъ коихъ 40 было сохранено, а остальные побиты ради меду; а Опалинскій, говоря объ обиліи пасикъ въ Червонной Руси, упоминаетъ объ одномъ землевладѣльцѣ, который собиралъ ежегодно по пяти тысячъ бочекъ медовой десятины. Подобнымъ

¹⁾ Маркевичъ. Исторія Малороссіи, Москва, 1842 г., т. I, стр. 4.

образомъ, по словамъ Опалинскаго, одинъ изъ круныхъ украинскихъ землевладѣльцевъ собралъ въ одинъ разъ десять тысячъ воловъ десятины со стадъ; а когда семилѣтній сборъ поголовщины былъ замѣненъ ежегоднымъ, то ему каждый годъ приходилось по тысячѣ воловъ съ его имѣній¹⁾.

«Славно жить на Кошу:

Я земли не пашу,
Я травы не кошу,
А парчу все ношу,
Сыплю золотомъ...
На войнѣ не тужу,
А на смерть колочу,
Безъ войны я кучу,
Да кучу, какъ хочу,
Въ свою голову!»

Много лѣтъ спустя послѣ этого Малороссія рисуется все въ такихъ же яркихъ краскахъ, какъ и нѣсколько столѣтій тому назадъ. «Обширное пространство плодovitыхъ и тучныхъ земель, которыя прежде бывшими запорожцами оставлены были въ небреженіи непонятномъ, воздѣлывается; помѣщики, взявшіе дикопорожнія дачи, обрабатываютъ оныя прилежно и населяютъ людьми, да и казенные поселяне съ довольнымъ раченіемъ трудятся въ земледѣліи, ощущая очевидно труды свои сугубо награждаемыми. Качество земли производитъ всякаго рода хлѣбъ: рожь, пшеницу... изъ огородныхъ овощей: арбузы отменно сладкіе и великіе, красныя и бѣлыя дыни... Въ нѣдрахъ находятся: алебастръ, мѣль пишущій и мѣль годный къ зженію извести... А чаятельно, что и другого роду камни и руды сыскаются могли-бы, если-бъ къ тому употребить надлежащія мѣры. Въ разсужденіи пространныхъ степныхъ мѣстъ великое заведено скотоводство, лошадиные, рогатаго скота и овечьи заводы суть главнѣйшимъ предметомъ, зажиточнѣйшимъ къ полученію изряднаго прибытка. Скотоводство здѣсь содержатъ тѣмъ удобнѣе,

¹⁾ Кулишъ. Польск. колониз. юго-западн. Руси, Вѣстн. Евр., 1874 г., III, 11.

что скотъ, особливо рогатый и лошадей почти чрезъ цѣлую зиму могутъ себѣ въ полѣ сыскивать пастбу... Въ рѣкахъ и озерахъ вода сладка и здорова и къ продовольствію жителей служащая; рыбы находится изобильно разнаго рода... и промышленниками ловится довольно. Въ лѣсахъ хотя недостатокъ, однако въ отвращеніе онаго выращиваются нынѣ и посѣвомъ и разсадкою разныя деревья: дубъ, кленъ, вязъ... Сверхъ того разводятся фруктовые сады: виноградъ, тутовые деревья и волосскіе орѣхи; къ разведенію-же виноградовъ, вывезенныхъ изъ Крыму, греки и армяне по склонности ихъ и званію въ томъ, подаютъ не малую надежду... Звѣри въ лѣсахъ и степяхъ водятся, медвѣди, волки, чикалки, дикія козы, кабаны... Изъ дикихъ птицъ: орлы, дрофы, фазаны, журавли и другіе роды¹⁾.

Послѣ всего сказаннаго о Малороссіи, легко повѣрить и тому, что рассказывалъ намъ о Запорожьѣ Евдокимъ Косякъ, да и раньше его старикъ Ѳеодоръ Степановичъ Заброта, Иванъ Игнатовичъ Россолода, старикъ Семень Ивановичъ Герасименко и другіе.

Изъ Гуляй-Поля, миновавъ д. Варваровку, хуторы Полѣшка и Кригера, мы добрались до д. Екатерининской того-же александровскаго уѣзда, на р. Ганчулѣ, имѣнія Василія Осиповича Гладкаго, сына кошевого атамана Осипа Михайловича, выведшаго запорожцевъ изъ-за Дуная, въ 1828 году. Здѣсь я на время остановился, желая собрать данныя для личности Осипа Михайловича Гладкаго. Сынъ кошевого атамана принялъ меня до извѣстной степени привѣтливо. Говорю «до извѣстной степени» потому, что этотъ человѣкъ, представляя собою и по виду и по характеру выразительнѣйшій типъ запорожца, отличается большою суровостью. Жизнь его мало чѣмъ разнится отъ жизни запорожца. Ему уже больше 70 лѣтъ, но онъ не только бодръ, а страшно здоровъ; онъ еще и теперъ въ зимнее время

---

¹⁾ Записки одесскаго общ. исторіи и древностей, Одесса, 1853, т. III 302.

отправляется на засѣдки противъ волковъ, и гдѣ-нибудь въ ямѣ или во рву проводить всю ночь на-сторожѣ, съ ружьемъ въ рукахъ. Въ лѣтнее-же время его всегда можно видѣть если не во дворѣ съ топоромъ, то въ саду съ лопатой: «То цанъ такий, шо такъ съ сокиркою и ходе скрызъ: усе самъ робе». Онъ понастроилъ въ саду нѣсколько куреней и каждый день переходитъ изъ одного въ другой. Съ виду Василій Осиповичъ представляетъ изъ себя фигуру средняго роста, плечистую и коренастую, на головѣ по вискамъ у него сѣдые пушистые волосы и большая, отъ макушки ко лбу лысина, на верхней губѣ длинные сивые усы, надъ свѣтлыми глазами густыя нависшія брови. Говорить онъ мало, смотритъ сурово. О своемъ отцѣ, Осипѣ Михайловичѣ, кромѣ того, что уже сказано нами о немъ, онъ мало чего знаетъ ¹⁾. Осипъ Михайловичъ, по словамъ сына, не любилъ распространяться о своемъ прошломъ. Почему-же? Можетъ быть потому, что оно напоминало ему низменное происхождение его, а можетъ быть и потому, что самый поступокъ его съ запорожцами былъ не совсѣмъ честный. Не грызала-ли его совѣсть за то, что онъ, ради собственнаго интереса, чтобы получить высокій чинъ и блага земныя, отдалъ массу запорожскаго войска на убой туркамъ, а съ остальнымъ незначительнымъ числомъ запорожцевъ, искавшихъ также, можетъ быть, личныхъ выгодъ, перешелъ на сторону Россіи? ²⁾. Все это можетъ быть, но такъ-ли оно было въ дѣйствительности—это знаетъ одинъ Богъ сердецѣдецъ.

Еще меньше сохранилось у Василя Осиповича отъ его отца вещей. Разсчитывая найти здѣсь и платье запорожское, и оружіе, и посуду, я нашель только саблю да жалованную Осипу Михайловичу на дворянство грамоту. Сабля подарена кошевому еще въ бытность его за Дунаемъ турецкимъ султаномъ. Она сдѣлана изъ стали, на которой вырѣзана надпись по-арабски

¹⁾ См. также статью В. О. Гладкаго. Русск. Старина 1881 г., т. II.

²⁾ См. Кондратовича. Задунайская Сѣчь. Кіевская Старина, 1883 года февраль, стр. 285, 286.

Ч. II. Рис. 38.

Сабля кошеваго О. М. Гладкаго.

изъ корана, ручка въ ней вырѣзана изъ слоновой кости, ножны обложены снаружи массивнымъ съ чернью серебромъ. (См. табл. XXXVIII). Грамота-же пожалована Гладкому императоромъ Николаемъ Павловичемъ, 1829 года. Вотъ она буква въ букву. «Божіею посѣшествоющею милостію, мы Николай пѣрвый, императоръ и самодержецъ всероссійскій, и проч... Объявляемъ всѣмъ вообще и каждому особливо чрезъ сію нашу жалованную грамоту, что хотя мы по самодержавной отъ всемогущаго Бога намъ данной императорской власти и по природной нашей милости и щедротѣ, всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ честь, пользу и приращеніе всемилостивѣйше всегда защищать и споспѣшествовать имъ желаемъ; однакожь наипаче къ тому склонны, чтобъ тѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ и ихъ роды честію, достоинствомъ, такожь и особенною нашею милостію по ихъ состоянію и аграждать, повышать, и надлежащими преимуществами жаловать и во оныхъ подтверждать, которые по всеподданнѣйшей своей къ службѣ нашей ревности намъ и государству нашему отмѣнныя предъ прочими услуги и вѣрность показываютъ. А какъ мы вѣрноподданнаго нашего Іосифа Гладкова бывшаго кошеваго, переведшаго Задунайскую запорожскую Сѣчь въ Россію, а нынѣшняго командира Дунайскаго козачьяго Полка, высочайшимъ нашимъ приказомъ отданнымъ мая 27 дня 1828 года въ присутствіи нашемъ въ лагерѣ при Сатуновѣ, за отличіе въ сраженіи противу турокъ пожаловали въ наши полковники; но на дворянское достоинство диплома и герба отъ насъ пожаловано ему еще не было. То мы въ воздаяніе ревностныхъ его Полковника Іосифа Гладкова заслугъ, такожь и по нашей императорской склонности и щедротѣ, которую мы для награжденія добродѣтелей ко всѣмъ нашимъ подданнымъ имѣемъ, и по дарованной намъ отъ всемогущаго Бога самодержавной власти, всемилостивѣйше соизволили помянутаго нашего вѣрноподданнаго полковника Іосифа Гладкаго въ вѣчныя времена въ честь и достоинство Нашей имперіи дворянства, равно обрѣтающемуся въ нашей всероссійской наслѣдной имперіи цар-

ствахъ, княжествахъ и земляхъ прочему дворянству, возвести, постановить и пожаловать, яко же мы симъ и силою сего его Гладкова въ вѣчныя времена въ честь и достоинство нашей имперіи дворянства возводимъ, постановляемъ и жалуемъ и въ число прочаго всероссійской имперіи дворянства такимъ образомъ включаемъ, чтобъ ему и потомству его по низходящей линіи въ вѣчныя времена всеми тѣми вольностями, честію и преимуществомъ пользоваться, которыми и другіе нашей всероссійской имперіи дворяне по нашимъ правамъ, учрежденіямъ и обыкновениямъ пользуются. Для вящаго же свидѣтельства и въ признакъ сей нашей императорской милости и возведеніе въ дворянское достоинство, жалуемъ ему Гладкову нижеслѣдующій дворянскій гербъ». Гербъ этотъ состоитъ изъ щита, раздѣленнаго на двѣ половины: въ верхней половинѣ на голубомъ полѣ вверху изображенъ орденъ Георгія побѣдоносца, внизу — лодка съ поднятымъ флагомъ и россійскимъ гербомъ; въ нижней половинѣ на красномъ полѣ изображена луна съ крестомъ надъ ней и съ двумя бунчуками по бокамъ креста. Сверху щитъ увѣнчанъ дворянской короной, а по бокамъ — обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ. Въ заключеніе въ грамотѣ говорится о томъ, что Гладкій можетъ уотреблять означенный гербъ «во всехъ честныхъ и пристойныхъ случаяхъ», а самому владѣльцу герба «обидь и препятствія отнюдь и ни подь какимъ видомъ не чинить». «А для вящаго увѣренія мы сію нашу жалованную грамоту нашею собственною рукою подписали и государственною нашею печатью укрѣпить повелѣли. Дана въ Александріи близъ Петергофа мѣсяца Августа въ четвертый день, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяща осьмь сотъ двадцать девятое, государствованія же нашего четвертое. Николай. Управляющій министерствомъ юстиціи Б. Александръ Долгоруковъ. Въ сенатѣ въ книгу записанъ подь № 836. При залечатаніи въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ № 7218».

Оставивъ деревню Екатерининскую, я скоро прибылъ въ

хуторъ Черноземный, имѣніе Г. Л. Синегуба. Здѣсь я на-время остановился, желая познакомиться съ владѣльцемъ хутора, который ведетъ свой родъ отъ запорожца. Но, къ моему неудовольствію, Г. Л. Синегуба я не засталъ дома; тѣмъ не менѣе въ его запорожскомъ происхожденіи я убѣдился на основаніи слѣдующаго документа, предложеннаго мнѣ его женой. «Ея Императорскаго Величества Малія Россіи обоихъ сторонъ Днѣпра и войскъ запорожскихъ гетманъ... графъ Кириллъ Разумовскій. Господамъ генеральнымъ малороссійскимъ старшинамъ, полковникамъ, бунчуковымъ товарищамъ, полковымъ старшинамъ, войсковымъ товарищамъ, сотникамъ, значковымъ товарищамъ и всѣмъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, объявляется. Бывшій въ Сѣчи запорожской куреня сергіевскаго козакъ Леонтіѣ Синегубъ подавъ намъ доношеніе, показуя: о продолженныхъ предънамы его чрезъ многіе годы службахъ, и что де и самъ онъ съ 1743 по 758 года въ войску низовомъ запорожскомъ отправлялъ по нарядамъ войсковіе службы и разніе посылки и въ случавшихся партіяхъ поступалъ какъ принадлежитъ по вѣрно-подданной должности; о чемъ при ономъ своемъ доношеніи и данномъ ему отъ атамана Кошевого запорожскаго Данила Стефанова съ старшиною и товариствомъ атестатъ съ засвидѣтельствомъ, что онъ Синегубъ тамъ находился и службу войсковую отправлялъ вѣрно и радѣтельно. представилъ добавляя притомъ, что онъ нынѣ желаетъ отправлять войсковую службу въ Малой Россіи по примѣру предковъ его; и просилъ объ опредѣленіи его въ чинъ войскаго товарища. Нашего разсмотрѣнія. А понеже объ ономъ Леонтіѣ Синегубу въ прошломъ 758 году октября 3 и отъ нашей Генеральной Войсковой канцеляріи представлено къ намъ со удостоеніемъ его къ полученію того чина, и что онъ грамотной и къ службѣ въ томъ чинѣ войсковыхъ товарищей надежной; того ради мы Гетманъ и Кавалеръ по оному нашей Генеральной Войсковой канцеляріи объ ономъ Синегубѣ удостоенію и притомъ усматривая въ немъ къ службѣ войсковой згоноръ и способность. данную намъ отъ

Ея Императорскаго Величества властію реченнаго Синегуба опредѣляемъ войсковымъ товарищемъ и симъ нашимъ Универсаломъ предлагаемъ, дабы господа генеральные старшины, полковники, бунчуковые товарищи, полковые старшины, войсковые товарищи, сотники, значковые товарищи и прочіе чины о такомъ нашемъ опредѣленіи вѣдая, признавали означеннаго Синегуба войсковымъ товарищемъ. Онъ же войсковой товарищъ о нарядахъ и отправленіяхъ принадлежащихъ по его чину по примѣру прочихъ войсковыхъ товарищей долженъ состоять въ веденіи нашемъ, нашей генеральной канцеляріи, въ вѣрной Ея Императорскому Величеству службѣ къ присяге приведенъ отъ нашей Генеральной Канцеляріи; для чего ему войсковому товарищу Синегубу и сей нашъ Универсалъ за подписаніемъ нашимъ и съ приложеніемъ національной Малороссійской печати Данъ въ Глуховѣ Генваря 26 дня 1761 году. Гетманъ Графъ К. Разумовскій. Печать Ея Императорскаго величества малороссійскаго запорожскаго войска». (Козакъ съ мушкетомъ черезъ плечо).

Изъ хутора Черноземнаго пріѣхалъ въ с. Покровское. Село Покровское есть «древнѣйшее изъ запорожскихъ займищъ. старожитная козацкая маетность»; уже въ 1730 году здѣсь сидѣлъ зимовникомъ обшитованный, т. е. отставной запорожскій старшина Головка ¹⁾. Въ настоящее время Покровское— довольно значительное торговое село; здѣсь имѣютъ свое мѣсто-пребываніе мировой судья ²⁾, докторъ, судебный слѣдователь. ветеринарный врачъ и становой приставъ. Село раскинулось по правому берегу р. Волчьей; у лѣваго берега Волчьей, противъ Покровскаго, стоитъ деревня Александровка, иначе Гнидина. названная по имени владѣльца Тита Гниды.

Слѣдующимъ днемъ я оставилъ Покровское. Проѣхавъ деревню Гнидину по направленію отъ востока къ западу, я

¹⁾ Матеріалы для историко-статист. опис. Екат. епар., Екат., 1880. II, 312.

²⁾ Сынъ Василія Осиповича, внукъ Осипа Михайловича Гладкаго, Осипъ Васильевичъ.

сразу очутился на широкомъ шляху. Съ правой стороны я уви-
дѣлъ хуторъ Солошинъ, затѣмъ Стрильцеву могилу, съ лѣвой —
пять незначительныхъ могилокъ, Каменоватую балку и Острую
могилу. За объясненіемъ названій я обратился къ шестидесяти-
пяти-лѣтнему старику Евсеію Головурному, жителю хутора
Солошина.

— Скажи, Овсію, якъ цей шляхъ зветця?

— Богъ его святыи знае! Мы его звемъ Гайдамацькимъ,
а чи винъ такъ и въ книгахъ пишетьця, цего вже не знаемъ.

— А чога жъ вы звете его Гайдамацькимъ?

— Та того, шо тутъ саме засидали гайдамаки.

— Якъ такъ?

— А отъ якъ. Иде, прымиромъ, по шляху чумакъ, а гай-
дамака уже й прочувъ. Заразь прокине середъ шляху повсть,
уткне ратище въ землю, а самъ сховаетьця въ траву тай жде
чумака. Отъ иде чумакъ; баче, стоить ратище, а коло него ле-
жить повсть; то вже винъ и кладе на ту повсть: або суха-
ривъ, або пшона, або хлиба, або грошій. А якъ же не положе,
то ото ёму й вапуть. Приёмный народъ бувъ ти гайдамаки!

— Ну, шо жъ ты скажешъ за Каменовату балку? Чога
вона такъ зветця?

— Видъ дивого каминня! За зашороживъ тутъ водились
дики кони ¹⁾. Ище я тай то зазнаю ихъ. Вони изъ себе не
велички, а тилько товсти та крипки; на масть мышасти. Мій
батько и ловывъ ихъ, такъ шо жъ? Вони або повтикають, або
подохнуть: не можуть, бачъ, жити у неволи; по степу имъ
бигати, то це такъ. Оце було иде чоловікъ по шляху кобы-
лою, а дики кони пасутьця у Камьянуватій балци. То жере-
бець заразь выскоче на могилу тай нюха, чимъ той чоловікъ
иде, чи кобылою, чи конемъ. Якъ почуе, шо кобыла, тоди
пиши, чоловіче, шо пропало; побье и оглобли, полама и вози,
займе съ собою и кобылу... Такъ по тому шляху колеса, обиддя,

---

¹⁾ Иначе называемые тарпаны.

оглобли та драбыны зъ возивъ и валяются: то все шгода дикихъ жеребцовъ.

Сообщеніе Евсевія Головурнаго находитъ себѣ подтвержденіе въ словахъ писателя XVII вѣка Боплана. «По степямъ украинскимъ, пишетъ Бопланъ, разгуливаютъ цѣлыми стадами олени, лани, сайги... Дикія лошади ходятъ табунами отъ 50 до 60 головъ; нерѣдко онѣ заставляли насъ браться за оружіе, издали мы принимали ихъ за татарскую конницу. Впрочемъ, дикія лошади неспособны ни къ какой работѣ, и хотя жеребята могутъ сдѣлаться ручными, но также ни къ чему не годны, развѣ только для пищи. Мясо ихъ чрезвычайно вкусно и даже нѣжнѣе телятины... Дикую лошадь усмирить невозможно. Впрочемъ, дикіе кони разбиты на ноги: копыта ихъ разрастаются, дѣлаются толстыми, ибо ихъ никто не обрѣзываетъ, и не дозволяютъ лошади быстро скакать»¹⁾.

Сдѣлавъ двѣ-три версты по шляху отъ села Покровскаго, я наконецъ очутился въ деревнѣ Богодарѣ, на Ганчулѣ, имѣнія Ѳедора Ивановича Михеева. Деревня Богодаръ для меня заветное, святое мѣсто. Ни Богодара, ни его владѣльца я никогда не забуду и не могу забыть. «Забвенна буди десница моя, аще забуду тебя...»

На слѣдующій день по пріѣздѣ въ Богодаръ, мнѣ представили слѣнца Ѳому Провору въ качествѣ знатока старины и прекраснѣйшаго игрока «на сопилицы». Въ короткое время мы очень подружились. Много-много услышалъ я отъ Хомя про дѣла давно минувшихъ дней; казалось, что этотъ челевѣкъ никогда не можетъ истощиться, и голова его по сираведливости можетъ назваться лабиринтомъ съ безконечными ходами и переходами. Хома не любилъ никогда повторяться. Сегодня онъ расскажетъ мнѣ былинку объ Ильѣ Муромцѣ, завтра — повѣсть о Егорѣ храбромъ, послѣ-завтра — легенду «о вовкулакахъ», а тамъ начнетъ потѣшать тѣмъ, «якъ вацапскій Богъ та боровся съ казацькимъ», или какъ происходитъ обы-

¹⁾ Описаніе Украины. СПб. 1832 г., стр. 93.

чай сватанья у кацаповъ, и что въ это время дѣлаеть невѣста... Съ Хомой я любилъ болѣе всего предпринимать ночныя прогулки въ степь, въ лѣсъ, на рѣку, на курганъ и пр. При этомъ мы всегда шли подъ руку и дружелюбно о чемъ-нибудь бесѣдовали. Ночь, около одиннадцати часовъ; мнѣ не спится.

— Хомо!

— Агу!

— Подамось на могилу!

— А що жъ? И подамось!

Я беру ружье, Хома сопилку, и мы подаемся... Идемъ «на впростецъ» по бурьянамъ, черезъ канавы, глухою степью и добираемся до могилы.

— А скажи, Хомо, якъ ця могила зветця?

— Стрильцева!

— Видь чого такъ?

— Видь того, шо тутъ живъ такій козакъ, шо добре стрелявъ.

— Гораздъ, а хто-жъ на ній оці ямки покопавъ?

— Це таки людци, шо гроші шукали.

— И найшли-жъ?

— Цилый казанъ, кажуть.

— Якъ-же воно було?

— Якъ воно було, я цего самъ не бачивъ, а чувъ видъ дида Ивана Хотюна; винъ бувъ приставленъ пидпаскомъ до панськои череды. «Мы, каже дидъ, телята пасли. Отъ-отъ соничко зайде, а мы пасемо. Коли це идуть якись-то три козаки; переихали черезъ балку, повставали съ коней, идуть пишгомъ; идуть и несутъ разгорнуту бамагу; дійшли до Стрильцевої, два взбрилось на неи а третій коло дороги стоять. Стояли-стояли, идуть до насъ. «Здорови!» — «Здорови!» «А шо, хлопци, це у васъ Стрильцева могила?» — «Стрильцева!» Подивились вони, повернули назадъ тай потягли соби. На другій день женимó мы телятъ; догнали до могилы, ажъ телята и давай землю розрывать ногами та кидати ин. Мычать та кидають. Мы туды; дивимось, ажъ тамъ земля розрыта. «Оце жъ ти ко-

заки, мабуть, шо грошій шукали!! Давай и соби шукати. Шукали-шукали тай найшли одного мидного пятака. Видно було, шо тутъ стоявъ цилый боцонювъ зъ гришми: слиды отъ обручей позаставались. Людци поживились, а мы подывились.

— Хомо!

— Агу!

— А хто цимъ имениемъ владивъ преже, до теперяшнего пана Михеева?

— Панъ Солоха.

— А до пана Солохи?

— Панъ Гнида.

— А до пана Гниды?

— Козаки запорожци владили.

— А куды жъ вони звидциля подились?

— Царица Катерина прогнивалась на нихъ, такъ вони кудысь и помандрували.

— И далеко помандрували?

— Та одни за Дунай-ричку, а други пидъ Кальчикъ ричку.

— Ну!

— Отъ ну! Та ото ти, шо пишли пидъ Кальчикъ, выробились у лугаривъ, або харцызивъ: таки були разбойники, шо страсть одна. Оце було якъ сонце нызько, то вже й не идь мимо нихъ, а то або вбють, або зарижуть. Одно слово, таке стали робити, шо и страшно казати,

— Отъ якъ!

— Коли жъ такъ!

— А де жъ ти, шо пишли за Дунай?

— Ти вернулись, кажуть, ушьять назадъ та тутъ десь знову и занастили себе.

— Добре, Хомо, добре! А чи не засвистити намъ на свистильци?

— Чомъ-же не такъ? И засвистимъ.

И Хома наладился; онъ сѣлъ на курганъ, на корточки, а я прилежъ поодадь отъ кургана въ травъ. И что за картина

вышла! Высокій, покрытый густой травой, съ небольшимъ на срединѣ углубленіемъ, курганъ; на самой вершинѣ кургана съ открытой лысой головой Хома; онъ гладко выбритъ, на немъ бѣлая тонкаго полотна сорочка и синія средней величины шаровары, на ногахъ «добри шкапови чоботы»; Хома сидитъ какъ-то особенно важно, поднявъ кверху голову, и въ зубахъ держитъ сопилку. Вокругъ невозмутимая тишина. Только изрѣдка, да и то чуть замѣтно доносится до моего уха отдаленный лай собакъ да одиночный голосъ какого-нибудь хлопца, увводящаго на ночлегъ въ степь лошадей; изрѣдка-же дохнетъ ночной вѣтерокъ и наклонитъ къ землѣ бѣлый, подобный морской пѣнѣ, шелковистый ковыль... Повсюду темь; звѣзды едва-едва мрѣютъ въ небесномъ пространствѣ; чуть замѣтно въ отдаленіи блеститъ водная полоса Волчьей рѣки... И въ это самое время Хома насвистываетъ старо-козацкую пѣсню:

„Та чорная хмара наступае, ставъ дощъ накрапать
Ой, благослови, отамане, наметъ напинать.
Гей, уси паны, уси дуки въ намети сили,
Наша жъ браття—голотолька тай не посмили,
А вяли кварту, другую съ жарту, на дощи сили.
Гей, веселая беседонька, де голота пье;
А еще лучше, а еще краще, де отаманъ е:
Ой, хочъ винъ не пье горилоньки, порядокъ дае.
Якъ прыйшовъ батько, панъ-отаманъ, стало ему жаль:
Ой, скинувъ съ себе синій каптанъ, наметъ розиславъ.
А жъ иде багачъ та иде дукачъ та въ порози ставъ,
Гей, изъ нашої голотольки та сміятись начавъ.
Уже жъ багачъ, та уже дукачъ насмихастця:
«Ой, за-що жъ тая голотолька напиваетця?»
Ой якъ крикне жъ панъ-отаманъ а на свою голь:
«Гей, визмишь дуку за чубъ, за руку тай вывести вонъ!»
Ой одинъ бере за чубъ, за руку, другій въ шію бье:
«Гей, не йди, не йди, превражіи дуче, та де голота пье!»
Якъ пишовъ багачъ, якъ пишовъ дукачъ та й не оглядавсь,
Гей, десятому заказувавъ та щобъ не сміявсь;
Якъ пишовъ дукачъ, якъ пишовъ багачъ крутымъ бережомъ,
Гей розчисуе чорны кудри та густымъ грибишкомъ

И какая характерная пѣсня! Какъ живо она вызываетъ

на память то время изъ исторіи малороссійскаго козачества, время Ивана Самойловича и Ивана Мазепы, когда вся войсковая малороссійская старшина стала отдѣлять отъ себя чернь и присваивать себѣ разныя права и привилегіи въ ущербъ простымъ козакамъ и когда въ козацкой средѣ, съ одной стороны, всплыли такъ - называемые дуки—богачи, а съ другой обозначились такъ - называемые голота — бѣдняки, и когда, вслѣдствіе этого, на Украинѣ въ самомъ сословіи козацкомъ, «возникло взаимное недовѣріе, возродилась вражда, а потомъ возгорѣлась и самая ненависть со всеѣми ужасающими послѣдствіями этой страсти» ¹⁾. Какъ живо эта-же пѣсня рисуетъ намъ сѣрую запорожскую голь! Ту именно голь, которой все ни по чемъ и къ которой вполнѣ можно примѣнить слова пона Лукьянова: «А все голутьба безпорточная; а на иномъ и клока рубахи нѣтъ; страшны зѣло, голы, что бубны, черны, что араны, лихи, что собаки: изъ рукъ рвутъ» ²⁾. Несчастная голь! Это та самая знаменитая «спромашня», на которой, «ни чобить, ни штанивъ, ни сорочки не было: а на иному сами рубци высятъ. Мовъ той цыганъ иде, пятами свите» ³⁾...

Хома давно уже кончилъ свою пѣсню; онъ сыгралъ уже и другую; началъ и третью, а мнѣ все мерещатся дырявые сапоги, рваное платье козаковъ, ихъ жалкій убогій видъ. «Хомо! Хомо! Эхъ, если-бы ты видѣлъ, какъ три зирочки покатались по небу»?! — «Та то козацки души усмихаются намъ»!... Пѣсня прервана, и скоро мы возвратились въ хуторъ.

Однажды мнѣ захотѣлось осмотрѣть рѣку Ганчулъ на томъ ея мѣстѣ, гдѣ она впадаетъ въ рѣку Волчью, образуя собой очень высокій, вдающійся въ рѣку носъ и отдѣляя во времена козачины калміусскую паланку отъ паланки самарской. Было подъ-вечеръ, когда я, въ сопровожденіи дѣда Данила Нелипы, отправился къ Ганчулу и сѣлъ въ лодку. Мы поплыли по те-

¹⁾ Киевская Старина, 1882 г., т. IV, стр. 135.

²⁾ Путешествіе въ Св. Землю, Москва, 1862 г., 15.

³⁾ Киевская Старина, 1883 г., т. V, 763 и 764.

ченію рѣки съ юга на сѣверь. Лодка наша шла точно въ панорамѣ, имѣя съ лѣвой стороны берегъ, усѣянный громадными гранитными глыбами, а съ правой—берегъ, окутанный высокими камышомъ и густою рощею деревьевъ, частью осинъ, частью татарскаго клена, частью дикаго терновника. Скоро подплыли мы къ тому самому мѣсту, гдѣ Ганчуль, въ видѣ правильной полудуги, поворотивъ съ запада на востокъ, съ стремительною силою мчится въ Волчью рѣку. У мѣста сліянія этихъ рѣкъ изъ материка образуется небольшой мысъ, по обѣимъ сторонамъ окаймленный густою, непролазною чащей и высокими, больше 3 сажень, камышомъ. Берега мыса, подмываемые съ той и другой стороны водой, представляются настолько отвѣсными и настолько высокими, что вскарабкаться на нихъ нѣтъ никакой возможности. Нѣсколько ниже мыса, по рѣкѣ Волчьей, отъ множества наклоненныхъ къ водѣ деревьевъ, образуется родъ естественнаго павильона. Вообразившись подъ этотъ павильонъ, мы немного передохнули, но потомъ вновь продолжали свое плаваніе. По лѣвую руку отъ насъ шли надѣлы крестьянъ села Покровскаго, по правую — владѣнія Ѳ. И. Михеева. Скоро мы добрались до большого выступа, съ правой стороны.

— Диду!

— А що, паничу!

— Шо це за выступъ такий?

— Це Змивъ куть.

— Шо жъ воно таке? Змій тутъ живъ, чи що?

— Ни, не змій, а козакъ такий, якъ змій.

— Якъ це такъ?

А такъ, шо винъ орудовавъ дуже великою силою, та отутъ зробивъ соби печеру тай живе, а якъ плыве було татарюга по Вовчій, то винъ заразъ буць та й вбѣ его. Ото узнали люди про его хистъ та й прозвали Зміемъ, а по нему уже и куть Змивъ.

— Такъ отъ якъ!

— Такъ саме!

— Ну, а теперъ скажи мени, шо воно оце за ямки. коло цего кута.

— Та це отъ яки ямки. Литъ сорокъ тому назадъ выиздивъ сюды изъ якогось города чиновникъ шукати тутъ клада. Прихавъ, дивитця на це місце, ажъ тутъ каминь; пиднявъ винъ той каминь на блоки, туды, а тамъ вода; выбиравъ-выбиравъ воду, ничего нема. Давай вертити свердлами; вертивъ-вертивъ, тежъ ничего нема. Тоди винъ и каже чоловіку, шо коло него ходивъ: «поведи мене, спасыби тобі, ще у той густый теренъ, тамъ, я чувъ, законано двадцять бочекъ казны». Повивъ той чоловікъ его у теренъ; такъ шо жъ? Копавъ-копавъ и тамъ ничего не найшовъ. Съ тимъ и поихавъ. «Ни, каже, сюды треба не такого знаюку, якъ я».

Мы поднялись еще дальше по рѣкѣ и увидѣли небольшой островокъ съ правой стороны отъ насъ.

— Шо це таке за остривъ?

— Птичій.

— Чого жъ винъ такъ зветця?

— Того, шо на нему птышня була.

— А хто жъ ту птышню заводивъ тутъ?

— Панъ Гнида.

— Шо це воно все Гнида та Гнида, оце вже у якій разъ я чую про того Гниду. Скажи пожалуйста, чи винъ великій бувъ панъ, чи такъ соби панокъ?

— Винъ-то великій та тилько изъ маненькихъ выйшовъ.

— Якъ це такъ?

— Та отъ якъ. Дило це було за запорожчивъ. Приходить разъ до запорожчивъ хлопья тай проситця, шобъ вони прийняли его до себе. «А шо ты у батька та у матери робивъ?» — «Свыни насъ!» «А будешь у насъ свини пасти?» — «Буду!» «Добре, яке бъ же ему мення дати?» Подвиглись на него, а на нему гнидъ, а на нему гнидъ, наче на свини!.. Ото заразь

и дали ему призывще Гнида ¹⁾). Химерни людци були!.. Живе воно мижъ запорожцями; коли це выйшовъ видъ царици такой листъ, щобъ не було запорожцивъ. «Теперь, хлопци, бижить, хто куды піймавъ!..» Якъ розійшлись запорожци тай бросили Гниду; такъ винъ справивъ соби шкапіячку, купивъ визъ, набравъ повинъ визъ горшкивъ тай повизъ у Луспенивку; а у Луспенивци тоди було може хать десять, а не бильшь якъ пятнадцать. Повизъ у Луспенивку тай не продай; везе назадъ, коли ось назустрічь ему сусиль старый запорожець!.. Давай балакать зъ нимъ, давай балакать тай сказавъ, де гроши законани, у якому майдани вони лежать. Такъ винъ піддыхавъ до майдану, перевернувъ горшки, забравъ сумы тай годи горшки продавати; купивъ у Кутуза земли пятнадцать тысячъ, женивсь та й давай прилащовать на свою землю людей. Оце якъ идуть яки чумаки, або косари, то винъ до нихъ: «идить, важе, до мене, у мене степъ якъ дымъ». Та отакъ винъ и набравъ людей бильшь ста семей та тоди важе и зашороборывъ... Ото й дити у него подросли; три сыны у него було, винъ имъ и землю подиливъ; та два жъ изъ нихъ выйшли путни, а одинъ пьяниця. Старый якъ умеръ, а винъ давай гуляти; гулявъ-гулявъ та догулявъ до того, шо й участокъ свій продавъ Солоси, оце, де теперь нашъ Богдаръ, — продавъ, а самъ подавъ у Кіивъ. Навпосля якось приходивъ, принисъ мирку вошій съ собою; подививсь тай назадъ. Такъ отакій той Гнида.

• Старый то ще не забувавъ своего прежнёго званія: винъ частенько показувавъ и той самый майданъ, де перекинувъ визъ зъ горшками. Наши батьки балакають, шо ще й вони бачили черенки отъ тихъ горшкивъ».

Было уже за полночь, когда я велѣлъ поворотить лодку назадъ и плыть за теченіемъ р. Волчьей. Рѣка Волчья есть притокъ рѣки Самары, впадающей въ Днѣпръ. Она беретъ свое

---

¹⁾ Сравни у Скальковскаго «Исторія Новой Сѣчи», Одесса, 1846, ч. I, 318—319.

начало въ бахмутскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи; длина ея—220 верстъ, ширина отъ 15 до 25 саж., глубина отъ 1 фута и до 1 саж. Въ исторіи древней кievской Руси она извѣстна тѣмъ, что по ней шель естественный путь изъ Кіева въ Константинополь и обратно уже съ IX вѣка по Р. Х., когда только что основалось русское государство. «Если плаваніе черезъ днѣпровскіе пороги внизъ, по теченію воды, представляло много трудностей и неудобствъ, то вверхъ, противъ теченія воды, оно было уже совершенно невозможно; а перевозивать барки и лодки, суда и струги по сушѣ мимо всѣхъ пороговъ, на разстояніи 40 или 50 верстъ,—превышало силы человѣческія. Поэтому-то шедшіе или возвращавшіеся изъ Константинополя въ Кіевъ держались уже большею частію другого пути, именно: изъ Чернаго моря пускались Керченскимъ проливомъ въ Азовское море, изъ этого моря плыли рѣкою Міусомъ; отсюда около версты шли волокомъ въ Волчью воду (рѣку Волчью), изъ нея въ р. Самару, а изъ Самары уже въ Днѣпръ. Нынѣшнія степныя рѣки Міусъ, Волчья и Самара съ своими притоками въ древнія времена были огромны и глубоки; даже въ концѣ XVII вѣка онѣ были еще судоходны. Съ половины IX вѣка, по основаніи на югѣ Россіи русскаго тмутараканскаго княжества, этотъ путь, какъ изъ Кіева въ Тмутаракань, такъ и обратно, для всѣхъ путешественниковъ, особенно русскихъ, былъ общеизвѣстнымъ и самымъ обыкновеннымъ... Самарою поддерживались и скрѣплялись въ то время всѣ политическія связи, всѣ родственныя и торговыя сношенія и сообщенія между Русью кievскою и черниговскою, съ одной стороны, и тмутараканскою—съ другой ¹⁾).

Былъ какъ-то прекрасный іюльскій день. Солнце уже сошло со своего зенита и склонялось къ западу. Я вышелъ изъ своего «убѣжища» и направился по лугу на баштанъ. Пройдя четверть часа по открытой ровной степи, я спустился въ лугъ и

¹⁾ Феодосій. Историч. обзоръ церкви Екатер. епар. Екатер.. 1876 г., 16—17.

туть, почти у самого берега р. Ганчула, увидѣлъ небольшой куренець и около него диды-сторожа, Ивана Хотюна. Объ немъ уже давно доносили мнѣ, какъ о человѣкѣ, который умѣеть «брехати» про запорожцевъ. Я подошелъ къ куреню, поздоровался съ дидомъ, сѣлъ на травѣ, скинулъ съ себя фуражку и расположился какъ дома. Дидъ вытащилъ превосходную ароматичную дыню, досталъ изъ кармана ножъ, сдѣланный изъ обломка косы и представляющій изъ себя скорѣе шило, нежели настоящій ножъ, разрѣзалъ этимъ ножомъ дыню и сталъ угощать меня ею.

— А знаете, диду, чого я прійшовъ до васъ?

— А чого?

— Послухати про запорожцивъ. Наказали мини, шо вы дуже добре про нихъ балакаете.

— Це вже, мабуть, Хома вамъ донисъ? Де вже я тамъ добре балакаю, якъ я ихъ не знаю и не бачивъ.

— Такъ, може, чули, коли сами не бачили.

— Якъ малымъ ще бувъ, то такъ кой-яки басни чувъ.

— Шо жъ вы чули?

— Чувъ, шо бъ то вони знались зъ нечистыми. Отобъ-то, кажуть, чортъ бигъ искушать дивку тай на дорози замерзъ. Бигъ-бигъ тай забигъ до запорожцивъ у кишъ, такій, бачъ, невеличкій на сохахъ, куринь, де вони печуть та варють. Забигъ, сховався у миску тай лоскотить ложками: исти хоче. Лоскотить тай лоскотить, а запорожцямъ и не въ догадъ. «Шо воно таке лоскотить? Шо ты таке есть, шо ты ложками цокотишь?»— «Я, каже, лукавый». «Шо жъ тобі треба видъ насъ?»— «Та такъ-то й такъ: бигъ я искушати дивку, та по дорози и замерзъ, а теперъ забигъ до васъ, одигрився, такъ исти хочу. Готовьте, спасиби вамъ, бильшъ, то я вамъ у пригоди стану». «Ну, шо жъ, хлопци, варить бильше, готовьте доволно, нехай уже й винъ истъ». Отъ стали вони варити. Оце понаварюють казанивъ десять, понаставляють ему, а винъ

такъ усе и повылыже. И, пишло тимъ запорожцямъ добро таке, шо куды вамъ! У хливахъ ни одного кизячка, а волю ягъ изъ воды, ажъ стегна имъ новыперало. Таке имъ пишло добро! «Варить, хлопци, варить!..» Ото дождались весны; ягъ дождались весны, такъ винъ, сучій сынъ, ягъ почувъ весну, такъ и крышу зирвавъ: утикъ!..

— Значить, запорожци жили не по-божому?

— Не по-божому, а по бурлацькому. Тоди такъ було, хто вырвавсь видкиля, то все бижить у Запорожжа; вони всякого приймали, тилько признавайсь, чи е жинка, чи нема. Ото прихазъ разъ до нихъ жонатый чоловікъ, городовикъ, тай проситця, шобъ приняли его до Сичи. «А жонатый ти, чоловіче?» — «Ни, не жонатый!..» «Ну, записейся у куринь». Записавсь винъ. Живе. Прийшла велика пятниця. «А возьми, хлопче, каюкъ та поидь повикидай ятери изъ озеръ та изъ ричокъ, бо у страшну пятницю рыбу грихъ держати у запрудахъ». Поихавъ той городовикъ рыбы ослобонити. Ждать-пождать, его нема. А у него була жинка, та жинка не проста, а волшебница, такъ вона его и смыкнула ажъ у города. Тоди сичовики до кошового. «Такъ-то и такъ-то, батьку, отакого-то козака нема». Кошовый подививсь куды тамъ треба та й каже: «Э, дуже далеко теперъ винъ видъ насъ, — верстовъ, може, за триста... Потягла его до себе жинка. Ну, добре жъ хочъ то, шо винъ попливъ у каюци; хочъ и потягла, то не велика ще беда, а ягъ бы пишовъ пишки, то вона бъ его тягла до себе на голій с-аци... Ну, дарма: винъ ягъ розговитця, то прииде на Богородицю. Коли це такъ: на Богородицю иде винъ у Сичъ. Заразъ до кошового и повинивсь. «Я жъ вамъ казавъ, еретычи сыны, признавайтесь вы, чи у васъ е жинки, чи нема. Дурный, шо не признавсь. Я бъ зробивъ такъ, шо не ты до неи, а вона до тебе бъ ихала та ще чимъ? Тимъ, чимъ сидить». «Прости, батьку, мою жинку! Ось вона за те прислала тобі сорочку тонкого полотна на гостынецъ». Такъ винъ узавъ ту сорочку, розипьявъ надъ багаттямъ, дивывсь-дивывсь тай

каже: «Ни, волшебства ниякого нема», тай надивь. «Ну, спасибо жь твой жыньци за гостынец!»

— Чувь я, шо будьто вы, диду, розказуете ще про якогось Семена Палія та Грыцька Сагайдака; хто вони таки були?

— Семень Палій, — це той, шо ослобонивъ гатьманщину одъ ляхивъ. Винъ бувъ, коли хочете, сперше не Палій, а Семень Попильныкъ. Ледащо було; такъ у дурняхъ соби живъ; усё у попили валявсь, видь того и прозваніе получилъ «Попильныкъ». Отакъ винъ лежить мижъ запорожцями тай лежить, нычого не робе, а вони то все турка розгоняють, то поидуть Польшу розоряти; наберуть по дванадцяти коней тай хѳда; доскочуть соби грошій, суконъ, усякои усячины, приидуть до дому тай почнуть дуванити мижъ товариществомъ. Дойде черыга и до Семена. «За-шо ёму давати? Винъ тильки валяецця у попили, а робити нычого не робе, такъ на-що жь ему давати?» — «Э, ни, каже кошовый: не обходьте, панове, и его, у нему е прокъ». Ну, отъ дадутъ и ему шо-небудъ. А винъ усё розверне попилъ пидъ куренемъ, — а курини у ихъ велики, чоловикъ на шистьдесятъ,—розверне попилъ та тамъ и лежить... Отъ разъ кошовый зъ козаками и одлучисъ куды-сь. А Семень лежавъ-лежавъ, надоило; далі взявъ рушныцю тай потягъ до рички качокъ бити. Дойшовъ до рички, ажъ дывитця, у бѳрези скеля, велика скеля; сивъ винъ та тій скелі тай сумуе, шо нема чога исти. Коли це такъ хмарка за хмаркою выступае, ставъ дощыкъ брызкати, де не взялись и качки. Одна по одній, одна по одній, та якъ налетилы, хмара хмарою! Прыцилывсь Семень, пустывъ изъ рушныци, а тутъ его шось товкъ пидъ руку!.. Винъ и промахнувсь. «Эхъ, матери твой ковинька!..» Сыдыть, упьять журитця. «Шо жь воно мене товкнуло?» Подывывсь кругомъ, нема никого. Тоди взявъ прикрывъ рушныцю штанами, щобъ дощъ не замочивъ, лигъ бокомъ на скелю тай дрима. Дрима соби тай дрима. Коли це розскрывъ очи, гулькъ; ажъ по тимъ боци рички лежить шось голе до

голичерва тай гріетця противь соньця. Шо воно таке? Очи блестять, выкты якъ у собаки, тило червоне, мотузкою пузо пидперезано, хвостыкомъ вертыть та ще й пе-дыть... Ахъ, ты, еретыча душа! Якъ же ты смієшь передь запорожцемъ хвостомъ вертити та шей пе-дити? Постой же, я тебе повертю!» Коли ось выскочило воно изъ воды, стало задомъ противь Семена та хвостыкомъ верть! А Семень его буць изъ рушныци! Тай и вбывъ. Убывъ и всихъ качокъ розигнавъ. Шо жъ теперь казати? Потягъ до курина. Идѣ до курина, ажъ Господь пославъ ему назустрічь анголя. «Здоровъ, Семене!» — «Здоровъ, божий чоловіче! Шо ты есть таке?» «Я анголь зъ неба!» — «Анголь?» «Анголь». Семень знявъ шапку. — «Шо жъ тобі треба, божий анголю?» «Не мини треба, а шо тобі треба одъ Бога за те, шо ты побидывъ лукавого?» — «Хиба то лукавый?» «Лукавый. Ты его побидывъ, такъ Господь и пославъ мене до тебе, щобъ я давъ тобі, чого ты забажаєшь у Господа». — «Тьфу! мини не те, шо воно лукавый, а те, шо якъ воно сміє передо мною хвостомъ вертити та ще й пе-дити?.. Одначе, постой же, щобъ его попрохати? Якъ бы его гарно выдумати? А!.. Отъ що: хочю я небагато одъ Бога: щобъ скільки я об'їхавъ, стільки й побидывъ та щобъ стільки я живъ, скільки живе мисяць: мисяць старый и я старый, мисяць молодой и я молодой!» По-летивъ анголь до Бога. «Отъ такъ и такъ; того-то и того хоче Семень». — «Ну, шо жъ? Хай буде ему такъ, якъ винъ хоче...» А Семену уже й гадки нема: шкобыртає соби до куреня; одно тилько горе: исти хочетця. Ходывъ-ходывъ округъ куреня, найшовъ гнылу рыбину, давай вогонь разводити; розводывъ-розводывъ, тай зашаливъ куринь. Коли це призжають зъ добычи запорожци. «Хто це куринь спаливъ?» — «Семень Попильныкъ!» Давай вони его лаяти. Лаять та приговаривають: «Палій ты, слякій та такий сыну!» Ото и ставъ изъ Попильныка Палій, Семень Палій. Пройшло скільки тамъ времени, збяратця упьять запорожци у Польщу. Обрали соби ватажка, ловлять коней. А Палій лежавъ-лежавъ тай каже: «Дайте жъ и мини

коня, може и я поиду? — «Куды тобі, сякій та такий сыну, ихати?» «Та нехай іде, каже кошовый, може й винь здастця».

— «Ну, коли хочешъ, то піймай соби тамъ де-нибудь на степу коня тай идь». Пишовъ Семень, піймавъ самого першого лошака тай веде до курина. А запорожци ажъ ахнули: «Дывысь, кажуть, якого лошака піймавъ?» — «Дайте жъ мини и зброю: сидло та вуздечку!» «Бери, бери, хлопче, яку любля». Ото зибрались. «Ну, панове, васъ дванадцять, а я буду тринадцятий!» Посидали верхы, у кожного по два коня. Сивъ и Палій на свого лошака. Сивъ, не струснувъ, не здвигнувъ, ажъ уси дыба дались. «Мы скилько, кажуть, муштруемо своихъ коній, тай то такъ не поидымъ, а винь одразу сивъ тай поихавъ». Поихали, подрали Польщу, набрали добра, чого тамъ бажали: грошій, суконъ, зайцивъ, лысыць, тай ідуть. Коли це за ними погоня: схопылось чоловікъ сорокъ ляхивъ. Ось-ось догонють. «А шо, панове, плохо намъ прийдетця: догонють иродовы ляхи, головы познимають». — «Шо жъ тутъ казати? Порадь, батьку отамане!» «Эхъ, панове-молодци, и порадивъ бы, такъ самъ не знаю, шо робити». «А я знаю, шо», обизвався тоди Палій: «уставайте вы съ коней та берить ихъ пидъ бороды тай стійте, не ворущьтесь, а я буду сыдити верхи, — я одведу очи ляхамъ». Повставали вони съ фонецей, держуть ихъ пидъ бороды, а Палій сидитъ верхи. Коли це добигають ляхи; дивлятьця, ажъ попередъ ихъ наче якійсь куць. «Шо це воно стоить?» — «Та це куць терну, а на нему чи сорока, чи гава; наче гава». Подивились тай поихали назадъ. Тоди той ватажокъ у ноги Палію: «братыку, каже, ридный, ягъ бы не ты, то мы бъ уси пропади». Приихали до Сичи, розказали кошовому про свою оказію, а кошовый выслухавъ тай каже: «молодець Семень, не давъ ты запакувать души козацьки ляхамъ; будь же ты съ цего времени полковникомъ». И ставъ Семень Палій полковникомъ.

Отъ и живе соби Палій на Запорожьи. Ажъ ось іде царь Петро шляхомъ запорожскимъ, коли ідуть кумы: «Шо вы не-

сете? — «Хлопчика! А якій сьогодні день?» — «Сьогодні день Мазепи.» — «Ну, везить до попа; хай винь дасть мення хлопцеві Мазепа.» — «Повезли до попа, пийь и прозавь хлопця Мазепою. И ставь той Мазепа великимъ чоловікомъ у гатьманщини, бильшимъ нижь Палій на Запорожьи, тильки Семень Палій бувь сильнійшій за Мазепу тай форкуватійшъ трощки. Прочувъ Мазепа, шо Семень Палій форкуватій чоловікъ тай давай его зазывати до себе у гости. «Приидь таки та приидь та погуляемо съ тобою». А винь и прихавъ. Отъ и давай Мазепа брататця зъ Паліемъ. «Давай, каже, поминяймося перстинями: ты мій возьми соби, а я твій возьму соби.» — «Ну, шо жь? и поминяймося.» И поминялись вони. Тоди давай Мазепа напувати Палія. Напувавъ-напувавъ та впоивъ его добре та тоди взявъ тай замурувавъ у стовпъ у Полтави. «Ну, теперь винь у моихъ рукахъ; боявсь я его крипко, а теперь ажъ не капельки не боюсь». Тай давай прохати царя Петра, — а Мазепа бувь у царя у великій слави, — та и давай прохати царя: «Стреби мини, каже, оцего чоловіка, потому я его ненавию, бо винь уредный царству.» — «Стреблю, каже царь, якъ шо винь уредный моему царству.» — «Стреби, непременно стреби та пришли мини перстинь, шо въ нѣго на руци, — тоди я повирю, шо винь погибъ». «Добре, стреблю». Отъ вывели Палія изъ стовба, шобъ то казнить. «Ой, царю, не стреляй ты мене, бо я тоби колись-то здамся! Я буду тоби у великій пригоди.» — «Якъ-жь мини зробити, шо я вже пообещавъ Мазепи?» — «А отъ якъ: зведи мене съ цихъ мистъ, замисть мене казни мого вродника, а перстинь мій видишли Мазепи.» — «Ну, хай буде такъ, подивимось, шо съ того выйде.» Ото нашли вродника, казнили, Палія скрыли, а его перстинь видислали Мазепи. Подививсь Мазепа на перстинь тай каже: «мій, настояще мій; теперь я бачу, шо Палія вже на свити нема, оттеперь я й за царя визмусь». Заразъ зговоривсь винь изъ шведомъ та зъ ляхомъ тай открывъ по царя войну. Задумавсь царь. Коли хтось и натекни ему: отъ якъ бы теперь Семень

Палій, то той бы могъ противъ Мазепы оружитця». Царь снова спомнивъ про Палія, пославъ за нимъ по всій держави, де его найти. Сутокъ за шестеро, чи за семеро нашли его; привели, кинулись до него, а винъ увесь зарисъ, вошіи на нему, страсть дивитьця. «Дайте мини спочить!» Дали ему спочить, потимъ привели до царя. А царь и давай ему жалуватьця, шо Мазепа устае противъ его воювать. Палій, чувше те, тай каже: «Цій бида, царю, ще можно запомогти: проси, царю, Мазепу на двое сутокъ обождать зъ войною, тоди й начинай». Послухавсь царь. А Палій сивъ на коня тай давай облизжати ничью войська Мазепы. Якъ обвихавъ кругомъ, такъ и засмунивъ Мазепину раť. А Мазепа й негадки: жде двохъ сутокъ. Ждавъ-ждавъ, давай по чарци пить, шобъ-то, бачъ, выизжать открывати войну. А Семень Палій, не дождавши вистовой орудїи, та й выстреливъ изъ свого ружжа та якъ разъ у чарку Мазепы такъ и влучивъ. Пуля тилько джи!.. а чарка такъ и выпала изъ рукъ. Охъ мини лихо! Кто бъ то воно такїй? Такъ може стріляти одинъ Семень Палій... Тилько его на свити нема. Хлопче, а пида подивись, чи стоить на могили шо-небудь?» — «Стоить». — «А яке воно есть?» — «Стоить якъ списъ». — «А яка на нему муныція? чи била?» — «Била.» — «А на муныціи шо, не хрестъ?» — «Хрестъ!» — «То Палій, винъ якъ перехресте, то й аминь, а якъ обїде кругомъ войська, войська замиша.» И правда: якъ замишались войська, давай сами себе истреблять. Тоди Мазепу пїмали, ноги одрубали, руки одризали, а самого привязали до коня тай выгнали въ степъ; пїсля того и за-кляття положили, шобъ ниhto одинъ одного не называвъ Мазепою. А Семень Палій живе соби якъ мисяць: мисяць старый и винъ старый, мисяць молодой и винъ молодой.

— Ну, скажите теперь, диду, шо вы знаете про Грыцька Сагайдака.

— Про Грыцька Сагайдака розказуе було все Березолуцькій; винъ живъ у Покровському та его батько бувъ изъ запо-рожцїв, служивъ колись хлопцемъ при кошовому. Разъ якось

пишли запорожци за здобычею та й заблудились, зоставсь одинь кошовый на всю Сичу. Нема козакивь та й годи. Уже й ничь настала, уже й соничко сходе. Ото кошовый уставь у раньци та й каже: «Э, хлопче, сегодня якась буде потуга!» — «Яка жь, батьку, потуга?» — А побачишь тоди; заряжай-ка ружжа та не забудь и pistols!» А у курини соть дви, може, pistolsивь та й куринь здоровый такий. Позаряжувавь винь ружжа, поналагодивь и pistols. Оть кошовый нависывь на себе висимь pistolsивь та й выйшовь изь куриня. «Ну, гляди-жь ты, яка немира, подавай мини ружжа; колибь ты успивавь тильки, а я уже одибьюсь». Не успивь кошовый выйти изь куриня, коли глядь, а ихь иде тьма тьмуша, хмара хмарою: туроць наголо!.. Несутця якь скажени, а въ торокахъ усе сырыця. Не добили скильки тамъ сажень, може тридцять, а може й двадцять, а кошовый якь выскоче та якь крикне: «Стои! Хто такий?.. Не находь, перебью?» Вони й скасувались у водно. Выскочили два начальника, у бузументахъ, пидходять до кошоваго: «Здрастуй твая!» — «Здрастуй мій! А шо скажете?» «Пропусти насъ, спасиби тоби, на Самарь!» — «Просимь сперше у гости, а потимъ уже будемъ балакать объ дялови». Прийшли вони; а ти, шо пидь ними, стоять и не зь миста. «А розстилай, хлопче, бурку», каже кошовый. Хлопецъ розиславь. Вынявь кошовый вина, понаставлявь усякою всячины. «Сидайте!» Посидали вони, выпили, закусили, побалакали. «Ну, теперь идьте!» Якь посидали ти начальники на коней та якь майнули, то за ними такъ уси и заклеветили. «Ну, слухай, каже хлопеви кошовый, буде плачь, стонь великий, отто нашихъ вестимуть турки у полонь». Такъ, дни черезъ два женуть. И... плачь такий, шо, Господи милостивый! Навязали соть по пять, а може й по тысячи кожний та й женуть. Та дивчатъ та жиноць такъ соби на свободи, а мужикивь та парубкивь повязали сырыцями та й гонять повзъ майдана по марнопольскому шляху. Догнали до кошового. «И, батьку, шо якъ бы цихъ людей та ослабонить?» — «Я, каже, на те й важивь! Хочь и багато ихъ, та вже жь

будимъ битця!..» И выбивъ, усихъ, якъ есть, выбивъ, а его не взяли; винъ знаючій бувъ: его ни пуля не брала, ни шабля не рубала, винъ такий бувъ, шо изъ воды выходивъ сухимъ, изъ вогню — мокрымъ; винъ знавъ уси броды и вси средствія; одно слово, винъ бувъ знаючій чоловікъ. Ото разъ царь пыта у его: де твое, каже, висько? — «А де воно, каже, родитця та й и вмере, а якъ умре; то знову рождается».

Оцей Сагайдакъ та Семень Палій були у запорожцвѣ сами главни кошови; якъ вони повмирани, то й Запорожье вмерло. Тоди котри изъ за порожцвѣ пишли за Дунай, котри на Кальчику посадали, а котри пишли на Кубань обробляти землю. Це вже ихъ царица Катерина разгонила. Вона якъ руйнувала ихъ, такъ запорожьськи гарматы йшли на Тонку у Перекипъ. Тоди скризъ були тутъ зимовники, а сель и чѣтки не було. Такъ то запорожци и повезли свои гарматы та худобу усяку: видра, кострули, кварталы, пивкварталы, стаканы, мидь. Довезли до того миста, де Воскресенивка, — тоди ще и не було, — та й закопали свою худобу на Лысій могилі. Уже геть після того тамъ ходивъ чабанъ зъ вивцями; та ходе та палочкою и штрика, коли це гулькъ, ажъ тамъ кострулька. Туды, ажъ тамъ цилый складъ усякого посуда. Винъ соби не дуракъ: диждавъ вечера, прийшовъ до дому, запригъ шкапу у визъ та й поихавъ забирати той посудъ. Зложивъ усе на визъ та того жъ дня и повизъ у Марнополь ¹⁾. Тильки шо вывизъ у базарь, ажъ ось ему назустричь жидь. «Шо ты вывизъ?» — «Та тутъ сяке-таке!» «Ну, уже шо есть, покажи, на те жъ ты прийхавъ у базарь». Подививсь винъ. «Ого!» каже: «скільки тоби дати за него?» — «А Богъ его зна, я й самъ не знаю, шо воно стое.» «Ну, отъ шо: панай ты до мене у двиръ, тамъ звисимъ усе, сколько воно затыгне, я тоби и заплатю.» Приехали у двиръ. «А

¹⁾ Мариуполь, екатеринославской губернии уездный городъ.

зніси его у амбарь!» Той знісь. «А де ты его взявъ?» — «Тая найшовъ ёго у Лысій могили». «Брешишь, сякій-такій сыну, ты укравъ его у кого-небудь! Ты ворюга!» Та за него... Винъ отказуецця, а той жидъ тягне его до начальства, а чоловікъ упирайтця, та христитця та божитця. Та якъ вырвався, та дай, Боже, ноги! Утикъ и покинувъ жидови усю свою кладь.

О на тій же Лысій гори, де чабанецъ найшовъ посудь, тамъ, кажуть, були закопани и гроши. Запорожци, якъ подуванють було мижъ собою яке добро, то заразь кожний иде та або хова куда-небудь, або закопуе. Та якъ закопа та ще й клятьбу положе. Оце найде де-небудь каминь, наверне его на кладь, а потимъ пійма бараньця, зъяже ему уси чотыри ноги дротомъ, положе на той камень та й пече живого вогнемъ: «Оце, каже, якъ цему ягнятови нудно та пекельно, такъ хай буде нудно та пекельно тому, хто визьме оцю кладь»... Такъ о тамъ же, кажу, на Лысій гори закопанъ бувъ и запорожскій кладь. Це снастивъ мини яврей Островскій,—винъ у насъ шинокъ державъ. Бачите, ишовъ соби запорожець; старый-старый, ажъ вылискуецця. Ишовъ та й зайди у Солошинъ шинокъ, до Островського. Якъ разъ підійшла суббота, шабашъ; отъ той яврей самъ справляе шабашъ, а мисто себе поставивъ якогось чоловічка. Увійшовъ у той шинокъ запорожець такъ соби повагомъ; поздоровкавъ; сивъ. Дивитця шинкарь, запорожець, настоящій запорожець: на нему каптанъ, чотыри рукава, широчезни штаны, чупрына,—усе якъ слидъ. «А усыпъ, каже, осьмушку!» Той усыпавъ. Запорожець выпивъ, утерся, сидить соби и мовчить. «А що, пита шинкарь, далеко були, дидунку?» — «Далеко, пидъ Марноподемъ, чоловіче.» «А чи проходили тамъ Лысу могилу?» — «Проходивъ, чоловіче!» «А чи чули, шо тамъ чабанъ найшовъ запорожське добро?» — «Чути не чувъ, а знаю, шо воно повинно тамъ бути.» «А чи знаете, де винъ его дивъ?» — «Не знаю, чоловіче!» «Повизъ у Марнополь, а тамъ его обдуривъ жидъ.» — «Погано;

а бильшь ничего винъ тамъ не находивъ?» «Ни, ничего»... «Дурный! Тамъ противъ тѣея могилы, у бальци, на киньци слободы сумы багацько закопано». Тильки сазавъ це та й замовкъ. А той чоловікъ и давай тоди допытуватьця: «А скажитъ же, диду, чи по той бикъ слободы, чи по цей бикъ закопана та сума?» — «Прощайте!» Знявъ та й пишовъ, такъ и не сказавъ у якимъ мисьци. Такъ шо вже той чоловікъ, покопавсь землі! Чи вже найшовъ винъ, чи не найшовъ тихъ грошій, Богъ его святый знае; та хочъ бы й найшовъ, такъ заклятыми гришми не поживешъ».

Изъ деревни Богодара я направился въ степь на сѣверо-западъ и, проѣхавъ мимо хутора Анновки, поселка Однодворскаго, черезъ рѣку Верхнюю-Терсу ¹⁾, село Ново-Николаевку, черезъ Среднюю-Терсу ²⁾ и Нижнюю-Терсу ³⁾, село Славгородъ, затѣмъ, миновавъ множество хуторовъ, колоній и слободъ, очутился въ павлоградскомъ уѣздѣ, въ селѣ Краснопавловкѣ, а отсюда перешагнулъ въ такъ-называемую Слободскую Украину, теперешнюю харьковскую губернію.

Украина! Сколько и грустныхъ и веселыхъ воспоминаній встаетъ въ моемъ воображеніи при одномъ этомъ словѣ. Только одно слово, но какое богатое и глубокое! Найдется-ли гдѣ-нибудь въ нашей обширной матушкѣ Россіи столь многозначительный своимъ прошлымъ и вмѣстѣ столь чарующій своимъ настоящимъ уголокъ, какъ та тихая, далекая и широкая Украина? Путникъ, остановись: здѣсь священная почва!.. Да, здѣсь почва священна, трижды священна! Здѣсь, что ни шагъ, то намекъ на славное прошлое нашихъ славныхъ предковъ. Сколько подвизалось здѣсь достойныхъ въ нашей исторіи героев? Сколько

---

¹⁾ Татарское слово: «тересь» — соръ, навозъ. Верхняя-Терса впадаетъ въ Среднюю, выше с. Ново-Николаевки.

²⁾ Средняя или Степная Терса впадаетъ въ р. Волчью подъ д. Берберовкой.

³⁾ Нижняя или Малая-Терса впадаетъ въ Степную-Терсу подъ дер. Штимовой, имѣніемъ Письменного.

завязывалось и развязывалось здѣсь громкихъ побѣдъ? Сколько разъ оглашался здѣсь воздухъ воплемъ и стономъ убиваемыхъ, пѣснями и кликами побѣждающихъ? А сколько разъ поливалась здѣсь земля кровью христіанскою, сколько разъ засѣвалась она костями человѣческими, покрывалась доспѣхами ратными? Много-страдальная и великая Украина!.. Что то было здѣсь въ страшную, тяжелую безысходную татарскую годину, когда тяжкая мгла окутывала нашу Украину, когда стономъ сама земля стонала, когда «бѣдные невольники своими тяжкими кайданами повсюду брязчали, долю свою горькую кляли-проклинали?» Что то было тогда на Украинѣ?»

«Зажурилась Украина, що ниде прожити:
Вытоптала орда киньми маненькіи диты;
Ой маненькихъ вытоптала, великихъ забрала,
Навадъ руки постягала, пидъ хана погнала».

А что было здѣсь въ «веселые часы лядскихъ банкетовъ», когда католики попирали вѣру нашихъ предковъ, когда чело-вѣческія права нашего народа объявлены были нечеловѣческими, когда христіанинъ униженъ былъ до положенія скота, когда онъ получилъ кличку «быдло, пся кровь», когда наши храмы божіи отданы были въ руки жидамъ, когда школы украинскія сдѣ-лались притономъ ненавистныхъ іезуитовъ, заклятыхъ враговъ всей русской народности и всей православной вѣры? Что было тогда съ Украиной?

«Встае хмара зъ-за лиману,
А другая съ поля,
Зажурилась Украина,—
Така їи доля!
Зажурилась, заплакала,
Якъ мала дитына...
...Якъ та галичъ поле крые
Ляхи, уніяты
Налитають,—нема кому
Порадоньки дати...»

Но вотъ для спасенія Украины въ ея нѣдрахъ зарождается могучая и невѣдомая дотолѣ сила. То было грозное и ничѣмъ

неодолимое, никѣмъ непобѣдимое козачество. Тогда, какъ-бы по мановенію высшей силы, вся Украина заколосилась козацкою пажитью, заволновалась козацкою нивою. Крѣпкое тѣломъ, сильное духомъ, низовое козачество, подобно летучей кометѣ, бурно пронеслось по всей широкой Украинѣ, вездѣ оставляя за собой кровавый слѣдъ и всюду мстя страшною мстью врагамъ своей предковской вѣры и противникамъ своей русской народности, какими были кровожадные мусульмане и ненавистные католики... И разлилась та слава козацкихъ подвиговъ далеко-далеко, наполнивъ собою сердца не только близкихъ, но и отдаленныхъ потомковъ низового «лыцарства...» И до сихъ поръ слѣпцы-кобзари, слѣпцы-бандуристы разносятъ по Украинѣ ту славу великихъ козацкихъ подвиговъ...

Но время козаковъ на Украинѣ уже давно миновало; страсти уже улеглись, кровь перестала литься и на мѣстѣ великихъ дѣяній остались только высокіе курганы, называемые на живописномъ малороссійскомъ языкѣ могилами, которые звучатъ лишь однимъ тономъ нѣкогда бывшей здѣсь жизни. Замоклки козацкіе подвиги, сами козаки сошли со сцены, старое прежнее поколѣніе смѣнилось молодымъ, новымъ. Но природа осталась на Украинѣ все та-же. Родъ приходитъ, родъ проходитъ, а земля стоитъ. Все то-же небо, синее-синее, точно въ теплой Италіи, все тотъ-же воздухъ, чистый, живительный, все та-же растительность, свѣжая и роскошная, все тѣ-же лѣса, тѣнистые и прохладные, все тѣ-же рѣчки, тихо изливающія свои серебристыя струи и едва скользящія по безмѣрнымъ и въ лѣтнее время душистымъ лугамъ. Чудный край! Немудрено, что прошлое Украины нашло своихъ талантливыхъ пѣвцовъ въ лицѣ нашихъ великихъ творцовъ слова, поэтовъ. Такъ, уже въ XII вѣкѣ наша Украина воспѣта даровитымъ создателемъ «Слова о полку Игоревѣ», а потомъ въ наше время прославлена гениальнымъ Пушкинымъ, одновременно съ нимъ Гоголемъ и вслѣдъ за ними А. Толстымъ.

«О, Донче, Донче, немало ты величія:
Ты волнами князя убаюкивала,
Стала ему траву зеленую
По серебряному берегу,
И подъ тѣнью дерева роскошнаго
Одѣвалъ ты мглою теплою;
На водѣ стерегъ ты его гоголемъ,
На струяхъ лелѣяла его чайками».

•Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонуть хутора,
Среди садовъ деревья гнутся долу,
И до земли виситъ ихъ плодъ тяжелый,
Шума тростникъ надъ озеромъ трепещетъ,
И чистъ, и тихъ, и ясенъ сводъ небесъ;
Косарь поетъ, коса звенитъ и блещетъ,
Вдоль берега стоитъ кудрявый лѣсъ,
И къ облакамъ, клубяся надъ водою,
Бѣжитъ дымокъ синѣющей струею?
Ты знаешь край, гдѣ нивы золотыя
Испещрены лазурью васильковъ,
Среди степей курганъ времянь Батыя,
Вдали стада пасущихся воловъ,
Обозовъ скрипъ, ковра цвѣтущей гречи,
И вы, чубы, остатки славной Съчи?
Ты знаешь край, гдѣ утромъ въ воскресенье,
Когда росой подсолнечникъ блеститъ,
Такъ звонко лется жаворонка пѣнье,
Стада блеять, а колоколь гудитъ,
И въ Божій храмъ, увѣнчаны цвѣтами,
Идутъ козачки пестрыми толпами?
Ты помнишь ночь надъ спящею Украйной,
Когда съдой вставалъ съ болота паръ,
Одѣтъ былъ мѣръ и сумракомъ, и тайной,
Блесталъ надъ стенью искрами столяръ,
И мнилось намъ: черезъ туманъ прозрачный
Несутся вновь Палѣй и Сагайдачный?
Ты знаешь край, гдѣ съ Русью бились дяхи,
Гдѣ столько тѣлъ лежало средь полей?
Ты знаешь край, гдѣ нѣкогда у плахи
Мазепу клялъ упрямый Кочубей?

И много гдѣ пролито крови славной
Въ честь древнихъ правъ и вѣры православной?
Ты знаешь край, гдѣ Сеймъ печально воды
Межъ береговъ осиротѣлыхъ лъетъ?
Надъ нимъ дворца разрушенные своды,
Густой травой давно заросшій ходъ,
Надъ дверью щитъ съ гетманской булавою...
Туда, туда стремлюся я душою!

Съ понизовья вѣтеръ вѣетъ,
Повѣваетъ,
Вѣтеръ лодочки дельветъ
И качаетъ.
Гей, хлопцы, живо, живо!
Въ Свѣчи вода, въ Свѣчи пиво...
Будемъ отдыхать!
Дружно въ весла! Чайкой чайку
Обгоняйте!
Про Подкову, Наливайка
Запѣвайте!
Гей, хлопцы, пойте пѣсни,
Словно птицы въ поднебесьи
Вольныя поють.

Указатель малороссійскихъ словъ.

Б.

- Бавовна, бавына — хлопчатая бумага, вата.
Багаття — огонь, костеръ, кострище.
Базикати — болтать, переливать изъ пустаго въ порожнее,
Байдуже — нѣтъ нужды, безразлично, все равно.
Байракъ — оврагъ, поросшій лѣсомъ.
Балакати — говорить, бесѣдовать; балачка — молва, разговоръ.
Бачить — видѣть, зрѣть.
Башта — башня, взято съ турецкаго.
Бигъ — мае; отъ «Богъ» и «имѣть» въ смыслѣ «нѣтъ, не имѣется».
Бидолаха — бѣднякъ, несчастный человѣкъ.
Била — около, возлѣ, близъ.
Благати — просить, упрашивать, умолять.
Брама — ворота, въ особенности крѣпостныя и монастырскія
Броваря — пивоваря.
Будынокъ — строеніе, домъ, замокъ.
Булыголова — болотистое дудчатое растеніе.
Буркунъ — степное колючее сорное растеніе.

В.

- Важить — взвѣшивать, вѣсить, уважать.
Варена — водка съ медомъ, пряными кореньями, подогрѣтая на огнѣ.
Варъ — кипятокъ, жаръ, духота.
Вдіяти — сдѣлать, совершить.
Весилля — свадьба; весильный — свадебный.
Вздрити — увидѣть, усмотрѣть, узрѣть.
Видциля — отсюда, съ этой стороны.

Війя — оглобля въ воловомъ возу.
Выбачати — извинять, прощать.
Вымовлять — выговаривать, высказывать.

Г.

Гадка — думка; гадки немає — нѣтъ мысли, намѣрѣнія, заботы
Гаквиныця — пушка; звукоподразнательное слово.
Ганчирка — тряпка, ветошка.
Ганлыкъ — стальной крючекъ для одежды.
Гараздъ — хорошо, прилично.
Гарба, гарбычка — все равно что арба — большой возъ для сѣна или сноповъ.
Гарный — хорошій, красивый.
Гаспидъ — демонъ, дьяволъ; гаспидскій — демонскій.
Геть — прочь, вонъ, убирайся.
Гиля — вѣтви, въ собирательномъ смыслѣ.
Гирво — горьво; гиришъ — горше.
Глекъ — кувшинъ; уменьшительное глечикъ.
Годи — довольно, достаточно, полно.
Годувать — кормить; нагодувать — накормить.
Годлувать — владѣть, господствовать, повелевать.
Городовыкъ — житель городовъ старой Малороссіи.
Готувать — варить, стирать, приготавливать.
Гудзыкъ — пуговица, взято съ польскаго.

Д.

Дернына — дернъ, дернина.
Де-що — кое-что.
Дзвиниця — колокольня, звоница.
Дяти — дѣлать, предиринимать.
Дму, въ третьемъ лицѣ «дме» — надуваю, надымаю.
Догаятись отъ гаяти — замедлять, задерживать.
Драбына — лѣстница, преимущественно подвижная.
Дымарь — дымовая труба въ хатѣ въ куренѣ.

Ж.

Жахъ — испугъ; жаятьця — пугаться, страшиться.
Жодный — каждый, всякій.
Журитьця — печалитьця, горевать, тосковать.

З.

- Забажать — пожелать.
Завбільшки — величиною съ кого или чего.
Зализный — желѣзный.
Запасъ — боевой снарядъ, принадлежность.
Заплющить — закрыть глаза, зажмуриться.
Запно — совѣстно, неловко.
Збигѣвище — собраніе, съѣздъ.
Збижжа — движимое имущество.
Збудувати — построить, соорудить.
Звидкиля — откуда, съ какой стороны.
Здобычъ — добыча.
Здолити — одолѣть, побороть.
Зигнати — удалить, прогнать.
Злодій — злодѣй, воръ, разбойникъ.
Злыдащити — облѣгнись, опуститься.
Знаюка — большой знахарь.
Зодягняный, одѣтый.
Зробити — сдѣлать; зробленный — сдѣланный.
Зруйнувати — разрушить, раскопать, зруйнування — разрушеніе.
Зузуля — кукушка.
Зупинитись — остановиться.
Зъести — съѣсть.

И.

- Ижи-Богу — ей-Богу.
Изтяти — снять, срѣзать.
Изъ — малку — съ малолѣтства,
Инакше — иначе, инымъ способомъ.
Инижь — винныя ягоды.

К.

- Кабыця — подвижной изъ камней очагъ.
Казанъ — котель; казанокъ — котелокъ.
Кайданы — кандалы, оковы.
Канистась — иконостась.
Калуть — конецъ, смерть.
Качка — утка; отъ слова «качаться».
Кизякъ — засохшій навозъ.
Кій, кієкъ — дубина съ головкой на концѣ.
Килимъ — коверъ малорусской ткани.

- Кимлашня**—калмыки въ собирательномъ смыслѣ.
Кисто—тѣсто.
Кишеня—карманъ.
Кишло—мѣсто, гдѣ что-нибудь кишитъ.
Кодло—родъ, племя, фамилія, гнѣздо.
Кожанокъ—тулупъ изъ овечьей кожи.
Коляки—увеличительное отъ боль.
Колысь—когда-то, нѣбогда.
Комашня—муравьи въ собирательномъ смыслѣ.
Корякъ, корячокъ—деревянный ковшъ.
Кохаться—любить, лелѣять, жить: «кохаться козами».
Куля—пуля.
Кунтушь—верхній суконный кафтанъ съ откидными рукавами, носимый козаками.
Купонька, купа—кучка, куча, толпа.
Кубло—гнѣздо.
Куфа—бочка, боченокъ.
Крадижка—воровство, мелкая кража.
Крамарь—мелкій торговецъ.
Круча—отвѣстный обрывъ.
Крыга—ледъ; по крызи—по льду.

Л.

- Ланецъ**—вожа для прикрытія чего-нибудь отъ дождя; ремень.
Лаяти—бранить, ругать.
Лиска—плетень, изгородь.
Лязать—пугать, страшить.
Липовныкъ—липовая посуда.
Лелека—аистъ, черногузь.
Лядскій—польскій.
Лехъ—каменный походной погребъ.
Люлька—трубка.
Лимпачъ—кирпичъ, сдѣланный изъ земли и соломы.

М.

- Мандрувать**—уходить, убѣгать.
Майданъ—площадь, ровное мѣсто.
Майстро—мастеръ, ремесленникъ.
Маханъ—баранье мясо, употребительное слово въ Новороссіи

Меня — имя, званье.
Мерщій — скорѣе, быстрѣе.
Мечеть — мусульманская моленная; печь для печенія хлѣба.
Мицный, мицненькій — крѣпкій, крѣпенькій.
Млынъ — мельница.
Молодняга — молодяя деревья.
Москаль — солдатъ
Моторошно — жутко, дурно, тошно.
Мотузочокъ — веревочка.
Муравный, мурованный — сложенный изъ кирпича.

Н.

Набудувать — настроить.
Навтикача — навтекъ.
Надія — надежда.
Надме — третье лицо отъ надуть, надымать.
Найкращій — наилучшій, найкрасивый.
Намыста — мониста.
Наскрить — сквозь, насквозь.
Неби, неби-бъ то — какъ будто, яко бы.
Небога — бѣдняга.
Недоуздокъ — уздечка.
Немае, у насъ не мае — у насъ не имѣется.
Немира — неустойка.
Низъ — въ смыслѣ «ножа» и «нежели, чѣмъ».
Ногайва — ногойцы, въ собирательномъ смыслѣ.
Ночвы — корыто для стирки бѣлья.

О.

Обиддя — ободья.
Оболонь — оконная рама.
Обкешувать — обдѣлать, обмотать, обойти.
Одружитьця — ожениться.
Ожеледыця — гололедиця.
Окарачъ — ракомъ, на четверенькахъ.
Окримъ — кромѣ, исключая.
Олійныця — маслобойня.
Олія — постное масло.
Опанчина — епанча, полсть.
Опизнытьця — опоздать.
Оселя — село, селеніе, селитьба, изба
Ослонъ, ослинь — скамья.

Отакувать, отакуватьца—облагать, строить.
Оттакелезный—увеличительное отъ «такой».
Оттягнуть—оттащить.
Оцей, оця—вотъ этотъ, вотъ эта.

II.

Падло—падаль, севвернота.
Паляныця—хлѣбъ изъ пшеничной или гречневой муки.
Памушки—пшеничная или гречневая пышка.
Пань—отець—пань отецъ; всего больше къ священнику.
Патыночки—опорки, осметки, вѣроятно отъ «ботинокъ».
Паскудный—мерзкій, гнусный.
Печера—пещера.
Петривскій—петровскій, петровскаго поста, петровоѣ.
Пидмовлять—подговаривать.
Пиддиска—поддоска для оси колесной.
Пидпирызатьца—подпоясаться.
Пирнуть—нырнуть.
Пистоль—пицтоль—пистолеть.
Письмакъ—ученый человекъ.
Пишки—пѣшкомъ.
Пищальи—пищии, свистѣлки.
Пляшка—фляжка, бутылка.
Повзъ—около, по—надъ, мимо.
Подитисъ—дѣтисъ.
Подякувать—поблагодарить; нѣмецкое «danken».
Покуть—красный уголь въ избѣ, подъ образами.
Поляяти—поругать, выбранить.
Поличити—гѣчить и считать.
Полуныця—земляника.
Понапинать—понатягивать.
Порынять—погружаться въ воду, нырять.
Постолы—обувь изъ кожи безъ подошвъ и каблукъ.
Потрибеа—начинка, мясо, которымъ начиняють пироги.
Потуга—причина, насиліе, бѣда.
Попуцить—потянуть.
Похилый—хилый, слабый, немощной, сторбленный
Пустопашъ—безъ пута, свободно.
Пыхва—ножны; то, во что впишаютъ сабли.
Прывитать—здороваться, привѣтствовать.
Проща—путешествіе къ св. мѣстамъ.
Прудытьца—выгонять изъ бѣлья блохъ или вшей.

Прывысти — произвести, сдѣлать.

Прыпона — претъновеніе, задержка.

Прыстибывать — пристегнуть.

Прычылкомъ — уголъ; прычылкомъ — двумя углами узкой стѣны напередъ.

Р.

Рада — совѣщанье; радитьця — совѣщаться.

Рало — плугъ; то, чѣмъ орутъ.

Ратыще — копые; то, чѣмъ ратятся.

Ретазъ — веревка, ремень.

Ривчакъ — ручей.

Риздво — Рождество.

Рогеля — снасть для ловли рыбы, на подобіе сава.

Розшущукать — разобрать, понять, разшелопать.

Росколюжа — роцелина.

Росперезатьця — распоясаться.

Руйнувать — разорить, обращать въ руины.

Рушныця — ружье.

Рясный — обильный, густой, многолистый.

С.

Сапьяны, сапьянцы — сафьяновые сапоги.

Сарана — саранча.

Сиромаха — бѣдный сирый, убогій человѣкъ.

Сварка — ссора, брань.

Свердло — буравъ.

Свитанокъ — время на свитаньи.

Сволына — стволъ въ ружьѣ.

Скасывать — скосить, уничтожить.

Скарбъ — имущество, кладъ, находка.

Скризь — вездѣ, всюду.

Скрыня — сундукъ; латинское «scrinium».

Слабый — больной, недужій.

Спись — копые.

Спидныця — юбка женской одежды.

Спинитись — остановиться.

Стегна — ребра.

Стягъ — знамя, куда стягиваются войска.

Страва — пища, ѣда.

Стрячка — ленточка для косы.

Суремка, сурма — музыкальная труба.

Схаменуцьця — спохватиться.

Т.

- Тилипатья — болтаться, мотаться.
Тинатья — трепаться, болтаться.
Тирса — степная трава, подобная осоке и камышу.
Тнутца, тнетца — тянуться, вытягиваться.
Товаряка, товарь — рогатый скотъ.
Торикъ — прошлого года.
Трапатья — случаться, бывать.
Треба — нужно, потребно.
Трисочка — палочка, щепочка, щена.
Трохи, тропки — немного, немножко.
Трычи — въ третій разъ, трижды.
Турбуватьца — заботиться, беспокоиться, тревожиться.
Тычя, тычечка — струя, теченіе, теченійце.

У.

- Угамоватья — успокоиться, усмириться.
Укупци — вмѣстѣ.
Улитку — лѣтомъ, въ лѣтнее время.
Улопатья, улопавсь — попасть въ просакъ.
Уперше — въ первый разъ.
Утекти, утече — уйти, уйдеть.
Устилька — встилка въ сапогъ подъ подошву.
Ухопить отъ хапатья — схватить, поймать.

Х.

- Хапатья — схватывать, ловить.
Характерныкъ — чародѣй, знахарь.
Харцызь — разбойникъ, душегубецъ.
Хиба — развѣ.
Хижка — хижина, лачужка.
Хистъ — удалъ.
Хисткій — неустойчивый, опрокидывающійся.
Хвыля — волна.
Худоба, худобина — имущество, рогатый скотъ.
Худкій — худой, тощій.
Хутро — подкладка, подбой.

Ц.

Ципокъ — палка.
Цюра — слуга, съ турецкаго языка.
Цуратись — чуждаться, отрезаться.
Цупко — крѣпко, сильно.

Ч.

Ченьци — монахи, чернецы.
Череве — чрево, животъ.
Чепурный — опрятный, чистый.
Чересло — поясъ, перевязь для сноповъ.
Черныця — монахиня, черница.
Чимчикувать — скоро идти.
Чутка — слухъ, молва.

Ш.

Шалевый — сдѣланный изъ шали; прилагается къ поясу.
Шарпати — рвать, драть.
Шафарь — съ польскаго szafarz — ключникъ, экономъ; у запорожцевъ —
собиратель податей.
Шибеныця — виселица.
Шматокъ — кусокъ, лохмоть.
Шкапа — лошадь; шкапіячка — лошаденка.
Шкода — порча, вредъ, убытокъ, изъянъ.
Шкодá — напрасно, тщетно, жалко.

Я.

Якій — какой.
Якійсь — какой-то.
Якось — какъ-то.
Якъ — какъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Часть первая.

Введеніе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ, стр. 1—60. Мнѣнія лѣтописцевъ и историковъ о происхожденіи козаковъ. Указанія на время появленія слово «козакъ». Первое появленіе запорожскихъ козаковъ на Ниву; основаніе Сичи съ тридцатью-осьмью куренями; раздѣленіе всего Запорожья на паланки и время продолжительности исторіи запорожскихъ козаковъ. Первый и послѣдній кошевой. Запорожье въ настоящее время; сѣла: Каменно-Потоцкое, Троицкое, Плахтѣвка, Деріевка, Куцеголовка, Шошиновка, Аулы, Романково, Камянское, Тритузное, Карнаухова, Тарамское, Сузачевка, Діевка, Новый-Кодакъ и Половица; краткая исторія каждаго изъ нихъ, описаніе острововъ, лежащихъ противъ селъ на Днѣпрѣ и указаніе на оставшіеся предметы древности въ церквахъ. Путешествіе императрицы Екатерины II. Собраніе древностей А. Н. Поля въ г. Екатеринославѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ, стр. 60—96. Исторія города Самары и преданія объ основаніи въ ней запорожскаго собора, теперь новомосковскаго; оставшіеся предметы древности въ немъ; портретъ запорожскаго гайдамаки. Рѣка Самара, ея окрестности, паланка и переправа самарская. Самарскій пустынно-николаевскій монастырь. Краткая его исторія, остатки древностей, портреты дикаго попа и полковника А. Ѳ. Колпака.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, стр. 95—115. Села отъ Самарскаго монастыря вверхъ: Вольное, Аванасьевка съ остатками древностей въ ея церкви, Котовка. Рѣка Орель съ ея окрестностями и рядомъ крѣпостей: св. Параскевы, Орловской, св. Іоанна, Бельсовской, Ковловской, св.

Оеодора, Ряжской, Васильковской, Лявенской и Борисоглѣбской. Собрание древностей Г. П. Алексѣева. Село Чернетчина и находящійся въ ея церкви синодикъ Нехворощанскаго запорожскаго монастыря. Села: Магдалиновка, Королевка, Поливановка, Очеретоватое и Спасское. Дидь Самойло Прусь и его рассказы о запорожцахъ. Село Старый-Кодакъ съ остатками земляныхъ укрѣпленій.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, стр. 115—139. Переправа черезъ Днѣпровскіе пороги: на плоту и на простой лодкѣ. Ночлегъ въ Чертовой хатѣ. Проходъ Волчье-Горло, колонія Павло-Кичкасъ, Крарійская переправа, колонія Кичкасъ, пепелище Сагайдака, Середняя скеля, Дурная скеля, кресло Сагайдака, Столпы и Стоги, запорожская миска.

ГЛАВА ПЯТАЯ, стр. 139—168. Городъ Александровскъ, колонія Шенвизъ; могила кошеваго атамана О. М. Гладкаго, краткая біографія и поколѣніе его. Переѣздъ на о. Хортицу. Путешествіе отъ г. Александровска вверху по надъ лѣвымъ берегомъ Днѣпра мимо скели Двиницы, пещеры Школы, деревни Павло-Кичкаса. Дидь Дмитро Буть; преданія о запорожцахъ. Чугунная плита съ обозначеніемъ времени сооруженія пороговъ въ Днѣпрѣ. Острова: Большой-Дубовый, Малый-Дубовый; порогъ Вильный. села: Андреевка, Петровское; порогъ Волнига, пещера въ балкѣ Россоховатой и деревня Вороная.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, стр. 168—198. Острова отъ города Екатеринослава: Монастырскій, Становой, Самарскій, Кодачекъ. Первый порогъ Кодацкій. Что стоило сооруженіе каналовъ въ Днѣпрѣ? Заборы, камни, острова, балки ниже Кодацкаго порога. Сурской, Лоханскій и Звонецкій пороги. Камни Богатыри. Пещера въ огородѣ крестьянина Я. Зискоки. Заборы, камни, балки и острова ниже Звонецкаго порога. Скеля Монастырько и страшное мѣсто Пекло. Преданіе о пребываніи на Монастырькѣ императрицы Екатерины II. Порогъ Ненасытець. Спускъ черезъ него флотиліи Екатерины II. Острова ниже Ненасытеца. Янтарь на островѣ Песковатомъ. Островъ Дубовый и слѣдующіе за нимъ острова, заборы, камни, балки. Порогъ Волниговскій. Острова Таволжанскій и Перунъ. Острова, заборы, камни и балки ниже Перуна. Острова: Кухаревъ, Малишевскіе, Пурьсовъ, Вербовый, Каменоватый.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, стр. 198—252. Островъ Хортица. Древнія названія его. Первая Сича. Основатель ея Д. И. Вишневецкій. Расположеніе Хортицы. Зміева пещера. Мысъ Свиначья голова; Цар-

ская пристань; укрѣпленія на материкѣ противъ переправы на Хортицу. Островъ Малая-Хортица. Балки, скели и мелкіе острова вокругъ Большой-Хортицы. Знакомство съ учителемъ на островѣ Хортицѣ, Я. Я. Куппомъ, и ночлегъ у него. Укрѣпленія въ сѣверной и южной части Хортицы. Время переселенія нѣмцевъ на Хортицу. Разсказъ о змѣяхъ на Хортицѣ. Курганъ Потемкинъ; преданіе о запорождѣ Дворяненикѣ; разсказъ старика нѣмца, Гильдебрандта. Хортица въ настоящее время. Село Вознесенка. Отплытіе изъ Александровска.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, стр. 252—267. Степи бывшего Дикаго поля. Что такое запорожскій кошъ? Какъ жили запорожцы? Гдѣ они дѣлились? Рѣка Базавлукъ. Хутора Перевискіе и запорожская хата. Запорожское кладбище. Гряда Калнышиха. Вторая Сича. Мѣстоположеніе ея. Прибытіе въ нее германскаго посланника Эриха Ласоты. Цѣль его поѣздки. Посольство папы Григорія XIII; натаръ донъ Александро Комулео и его свидѣтельства о запорожцахъ. Посольство отъ запорожцевъ къ германскому императору. Село Грушевка съ остатками въ ней запорожскихъ древностей. Село Шолохово.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, стр. 267—290. Колонія Шенвизъ; рѣчка Кушугумъ, Великій лугъ. Села: Николаевка, Балабино, Большая-Катериновка, Кушугумовка, Малая-Катериновка и Красный-Куть. Заборы, острова, балки ниже о. Хортицы. Лысая гора, село Вѣленькое и его исторія. Острова, балки ниже Вѣленькаго, Гульбище, село Выше-Тарасовка и его исторія. Острова Гійный, Круглый и Варавинъ. Рѣка Конка съ ея окрестностями. Село Голая-Грушевка съ ея достопримѣчательностями Сиркивкою и Калитинымъ-Рогомъ. Третья Томаковская Сича. Описаніе острова Томаковки и пребываніе на немъ Богдана Хмельницкаго. Остатки пребыванія запорожцевъ на Томаковкѣ. Окрестности острова Томаковки.

Часть вторая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ, стр. 1—36. Село Чернышовка. Стопешнадцатилѣтній старикъ И. И. Россолода. Біографическія свѣдѣнія о немъ. Подлинный разсказъ Россолоды о природѣ запорожскихъ степей и о жизни запорожскихъ козаковъ, начиная съ поступленія козака

въ Сичь и кончая его смертью. Куда дѣвались запорожцы? Балка Каменка съ запорожскими намогильными крестами. Новопавловскій лиманъ, Лысая гора и запорожское кладбище на ней съ однимъ намогильнымъ крестомъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ, стр. 36—61. Четвертая Сича, Никитинская. Свѣдѣнія о ней и время основанія. Пребываніе на ней гетмана Богдана Хмельницкаго. Никитино въ настоящее время. Смытіе Сичи водой. Укрѣпленія и остатки древностей въ мѣстной перкви и у частныхъ лицъ. Старикъ Степанъ Яцковскій. Крестьянинъ Мокій Лось, ввукъ запорожца. Два кафтана, поясъ и сабля, сохранившіеся у Мокія Лося отъ времени запорожцевъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, стр. 61—100. Четвертая Сича Чортомлыцкая. Свѣдѣнія объ ней и время построенія церкви на Сичи. Почему запорожцы оставили Сичу на Никитинѣ и перешли на Чортомлыкъ? Укрѣпленія близъ бывшей Сичи. Могила ковака Тарана и кошеваго И. Д. Сирка и историческія свѣдѣнія о его личности. Годъ смерти и мѣсто погребенія Сирка. Мѣстоположеніе Сичи и прежній ея видъ. Находки вещей на Сичи. Преданія о посадкѣ вокругъ Сичи деревьевъ. Преданіе о запорожской церкви, о разореніи Сичи. Разсказъ дидовъ Сукура и Оникіенка.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, стр. 100—142. Острова, рѣчки, балки ниже мѣстечка Никополя. Острова Носоковка и Каиръ. Села Кочкаровка и Мѣловое съ его достопримѣчательностями. Шестая Сича Каменская. Свѣдѣнія объ ней. Видъ ея въ настоящее время. Развалины куреней, кладбище, могила кошеваго К. Г. Головка и В. Герофеевича. Причина оставленія запорожцами Каменской Сичи. Хуторъ Влажковъ. Разсказъ старика С. Герасименка. Бивюковъ монастырь и свѣдѣнія о немъ. Острова, балки и рѣчки ниже села Кочкаровки. Села Сомово, Мальцово и Каховка. Города Кизивермень и Тавань. Остатки древностей въ городѣ Бериславлѣ въ церкви и у частныхъ лицъ. Острова, рѣчки, переправы и села ниже города Берислава; Корсуинскій монастырь. Села Тягинка, Ковачья-Лагери и городъ Херсонъ съ остатками въ немъ запорожскихъ древностей.

ГЛАВА ПЯТАЯ, стр. 142—162. Седьмая Сича, Алешковская. Свѣдѣнія о ней и мѣстонахожденіе. Разсказы старожиловъ Горбатенка, Кирияша, Плохого, Бурлаченка. Села ниже города Херсона. Рѣка Бугъ. Село Александровка, мѣсто Семенова-Рога; село Кисляковка и запорожская церковь. Чортайскій бродъ черезъ Бугъ. Село

Константиновка, запорожскій гардъ, островъ Гардовый; преданіе о кончинѣ Запорожья. Бугскіе пороги. Рѣки Синюха и Высь. Городъ Новомиргородъ. Могила генерала П. Текели. Черный лѣсъ и Чута Хуторъ Дубовый на р. Саксагани. Гайдамацкая конюшня и гайдамацкая пещера.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, стр. 163—187. Причина перехода запорожцевъ изъ-подъ власти турокъ подъ власть Россіи и поселеніе вновь въ Сичи Каменской, а отсюда въ Сичи на Пидпильной. Последняя Сича Новая, ея мѣстонахожденія и общій видъ. Причины уничтоженія Запорожья. Участъ Ивана Глобы, Павла Головатого и Петра Калишевскаго. Двадцатисемилѣтнее пребываніе его въ Соловецкомъ монастырѣ, кончина и оставшіеся послѣ него предметы древности и надгробная плита.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, стр. 187 — 203. Село Покровское; надгробные кресты курянаго атамана Каписа и кошеваго атамана Степана Гладкаго. Запорожскія хаты со сволоками. Древности, сохранившіяся въ мѣстной церкви. Укрѣпленія, оставшіеся отъ времени запорожцевъ. Находки древностей. Разказы старика И. Чавуннаго. Общее заключеніе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, стр. 203—241. Восточныя степи Запорожья. Село Ковскіе-Раздоры и Воскресенка. Степь въ лѣтніе мѣсяцы. Село Гуляй-Поле. Разказъ Евдокима Косяка. Характеръ степи по описанію польскихъ историковъ. Деревня Екатерининская, имѣніе В. О. Гладкаго. Свѣдѣнія о кошевомъ Гладкомъ. Г. Л. Синегубъ. Село Покровское; преданіе о Гайдамацкомъ шляхѣ и дикихъ коняхъ. Деревня Богодаръ. Разказы слѣбца Ѳ. Проворы, Д. Нелипы и деда И. Хотюна. Украйна. Указатель малорусскихъ словъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

	стр.
Памятникъ кошевого И. Д. Сирка. Въ началѣ.	
I. Пушки, собранія А. Н. Поля	54
II. Запорожець со статуетки, собранія А. Н. Поля	56
III. Группа запорожцевъ, собранія А. Н. Поля	58
IV. Новомосковскій соборъ	70
V. Играющій на бандурѣ гайдамака, собранія Я. П. Новицкаго	72
VI. Самарскій соборъ	84
VII. Полковникъ Аванасій Колпакъ, собранія Г. П. Алексѣева	100
VIII. Планъ крѣпости Кодака	114
IX. Видъ Ненасытцаго порога	120
X. Камень Дзвиниця	150
XI. Забора Волошинова	174
XII. Камень Богатырь	176
XII. Камень Монастырько	178
XIII. Каналъ Ненасытцаго порога	182
XIV. Камень Перунъ	190
XV. Планъ Малой Хортицы	218
XVI. Ангель изъ церкви с. Грушевки, рисунокъ И. Е. Рѣпина	284
III. Планъ Томяковской Сичи	288
I. Планъ Хортицкой Сичи	232
II. Планъ Базавлуцкой Сичи	260

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I. Портретъ сташестнадцатилѣтняго старика И. И. Россолоды. Въ началѣ	
II. Обчиська трубка	14
III. Запорожская кобза, рисунокъ И. Е. Рѣпина	16
IV. Запорожскій лагерь и возы	18
V. Запорожскій зимовникъ	20
VI. Запорожскія баклажки, собранія Я. П. Новицкаго и И. Е. Рѣпина	22
VII. Ружье, кинжалъ и сабля, рисунокъ И. Е. Рѣпина	24

	стр.
VIII. Кошья, кѣлепа и якирьца, собранія Г. П. Алексѣева	26
IX. Запорожскіе войсковыя клейноды	28
X. Сволокъ и лутки запорожскаго куреня, рисунокъ И. Е. Рѣпина	44
XI. Икона Богоматери въ Никополѣ	46
XII. Напрестольный крестъ въ Никополѣ	48
XIII. Запорожская плащаница въ Никополѣ	50
XIV. Запорожская риза въ Никополѣ	52
XV. Запорожская риза въ Никополѣ	54
XVI. Запорожскій аналой въ Никополѣ	56
XVII. Икона Покрова съ молящимися запорожцами	58
XVIII. Кружка кошеваго Ивана Сирка	60
XIX. Запорожець Иванъ Шیانъ, рис. И. Е. Рѣпина	62
XX. Запорожець Яковъ Шیانъ, рис. И. Е. Рѣпина	64
XXI. Росписка архіерея Рафаила	66
XXII. Запорожское платье, рисунокъ И. Е. Рѣпина	68
XXIII. Запорожское платье, рисунокъ И. Е. Рѣпина	70
XXIV. Запорожскій графинъ	72
XXV. Памятникъ кошеваго И. Д. Сирка	74
XXVI. Видъ Чортомлыцкой Сичи, рис. И. С. Васильковскаго	82
IV. Планъ Чортомлыцкой Сичи	84
XXVII. Казань, пороховницы и чернильница	86
XXVIII. Запорожская дарохранительница	108
V. Планъ Каменской Сичи	114
XXIX. Памятникъ кошеваго К. Г. Головка	116
XXX. Запорожскія трубки	118
VI. Планъ Алешковской Сичи	146
XXXI. Дубовая балка и запорожскій крестъ	162
XXXII. Видъ Новой Сичи по Ригельману	168
XXXIII. Плита кошеваго П. И. Калнишевскаго	186
XXXIV. Намогильный крестъ атамана Каниса	188
XXXV. Намогильный крестъ кошеваго С. Гладкаго и запо- рожскія бокуны	190
XXXVI. Икона на аналой съ двумя запорожцами	192
VII. Планъ Новой Сичи	194
XXXVII. Запорожскія галеры и чайки по Ровинскому и Бо- плану	196
XXXVIII. Сабля кошеваго О. М. Гладкаго	212
VIII. Общій планъ запорожскихъ владѣній. Въ концѣ.	